ПОЛЯКИ В РОССИИ: XVII-XX вв.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
КРАСНОДАР, 10 – 11 ИЮЛЯ 2002 г.

Мужской портрет (Ф. Ф. Вадковский).
Художник Е. Д. Камеженков. Конец XVIII в.

Краснодарский краевой художественный музей
им. Ф. А. Коваленко

Женский портрет (Е. И. Вадковская).
Художник Е. Д. Камеженков. Конец XVIII в.

Краснодарский краевой художественный музей
им. Ф. А. Коваленко

Портрет Ф. Ф. Вадковского (1800-1844).
Художник Маньяни (?) 1820-е гг.

Портрет З. Г. Чернышева (1796-1862).
Художник П. Э. Рокштуль. 1818 г.

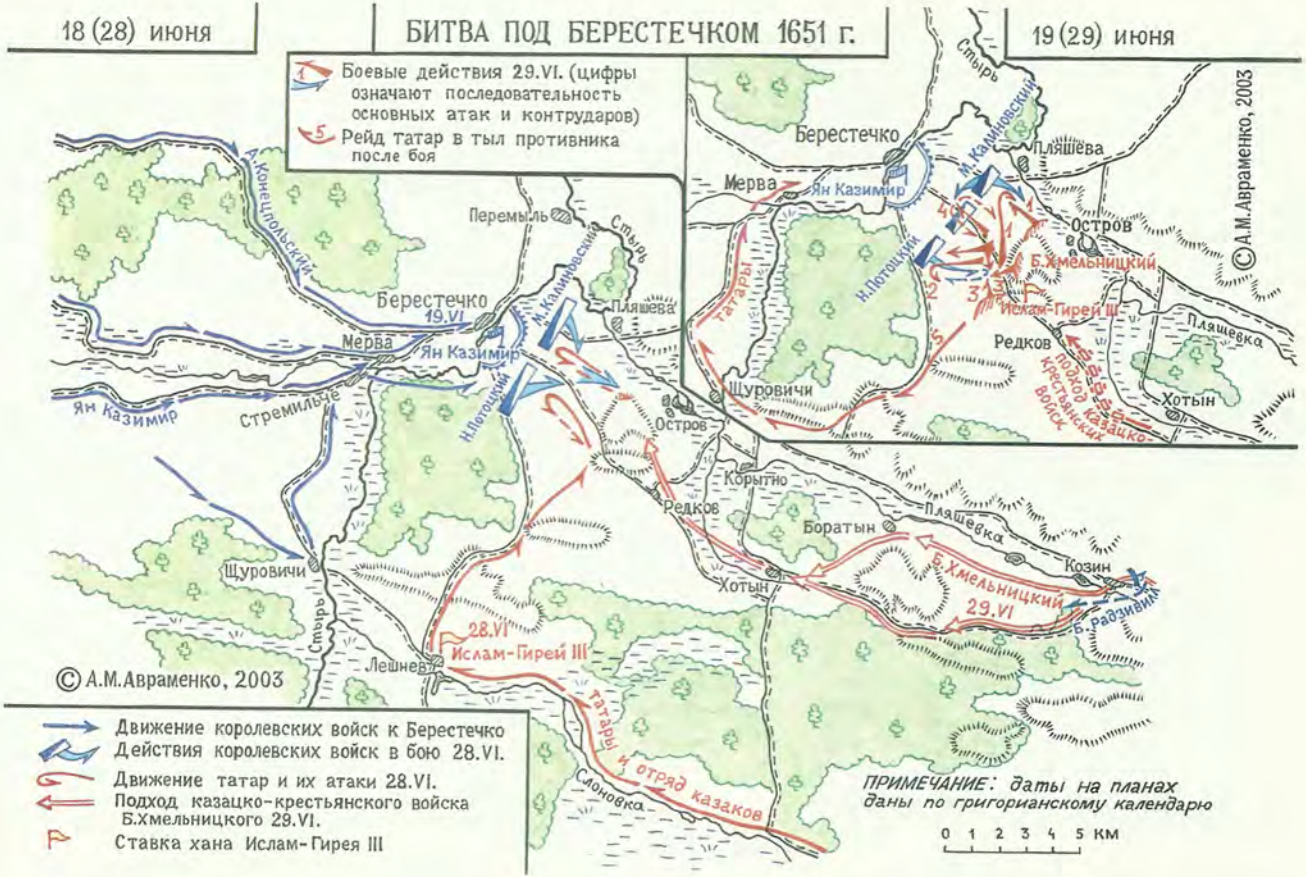
Герб Гоздава

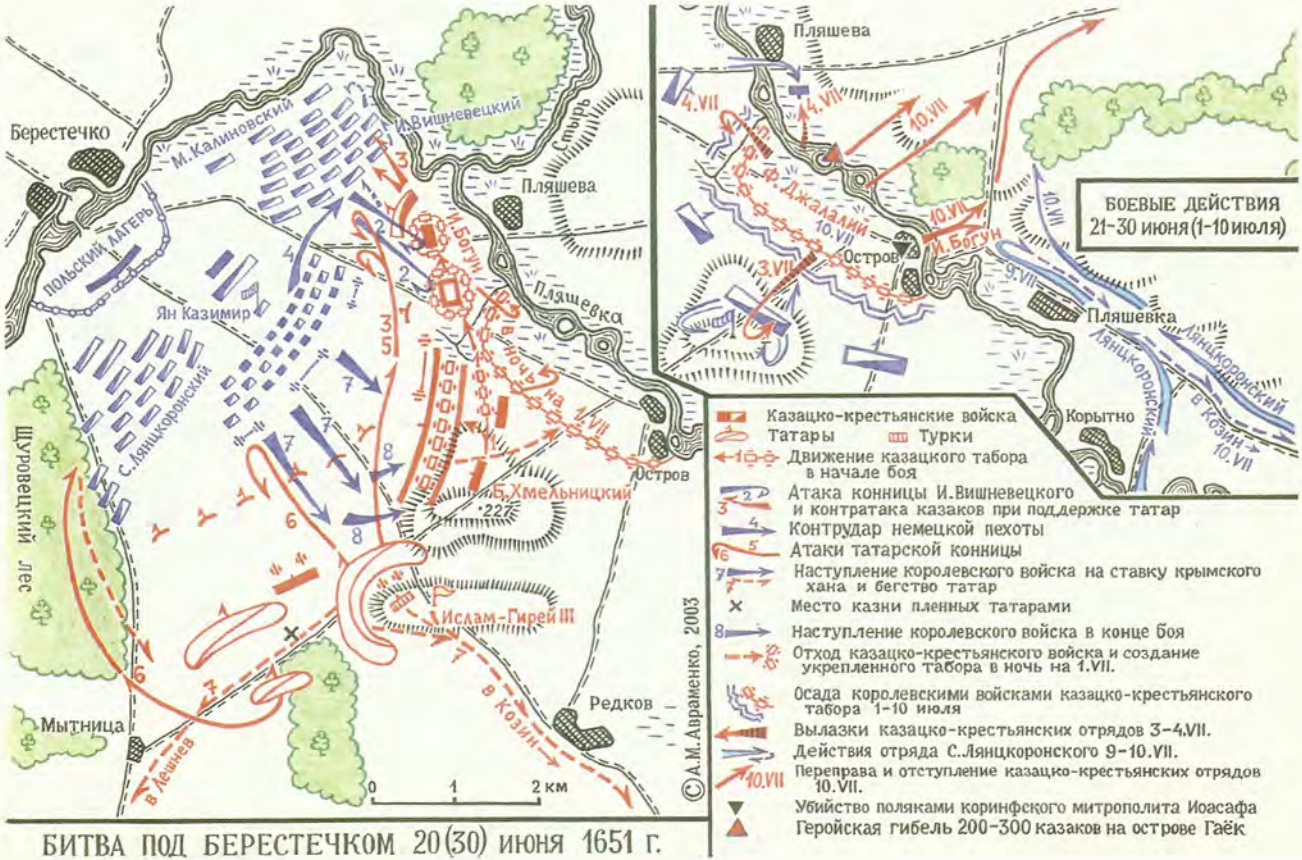
Герб Корвин

Герб Елита

Портрет Б. П. Шереметева на коне.
Художник И. П. Аргунов. 1753 г.

Портрет польского короля Владислава IV.
Художник В. Хондиус. 1648 г.


18 (28) июня
БИТВА ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ 1651 г.
19 (29) июня
Боевые действия 29.VI. (цифры означают последовательность основных атак и контрударов)
Рейд татар в тыл противника после боя
А.Конецпольский
Перемыль
Стырь
Берестечко
19.VI
Мерва
Ян Казимир
М.Калиновский
Пляшева
Н.Потоцкий
Стремильче
Щуровичи
Остров
Корытно
Редков
Боратын
Хотын
Козин
Б.Хмельницкий
29.VI
Б.Разумник
28.VI
Ислам-Гирей III
Лешнев
Слоновка
татары и отряд казаков
Берестечко
Пляшева
Мерва
Ян Казимир
М.Калиновский
Остров
Б.Хмельницкий
Ислам-Гирей III
Н.Потоцкий
Редков
Пляшевка
Щуровичи
Хотын
поход казацко-крестьянских войск
© А.М.Авраменко, 2003
© А.М.Авраменко, 2003
Движение королевских войск к Берестечко
Действия королевских войск в бою 28.VI.
Движение татар и их атаки 28.VI.
Подход казацко-крестьянского войска Б.Хмельницкого 29.VI.
Ставка хана Ислам-Гирея III
ПРИМЕЧАНИЕ: даты на планах даны по григорианскому календарю
0 1 2 3 4 5 км



БИТВА ПОД БЕРЕСТЕЧКОМ 20(30) июня 1651 г.

Герб рода Круковских

Наказной атаман Кавказского Линейного Казачьего Войска
Круковский Феликс Антонович.
Художник О. М. Гаврилов.

ПОЛЯКИ В РОССИИ: XVII – XX вв.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
КРАСНОДАР, 10-11 ИЮЛЯ 2002 г.

Ministerstwo edukacji Rosyjskiej Federacji
KUBAŃSKI PAŃSTWOWY UNIWERSYTET

KONGRES POLAKÓW W ROSJI

NARODOWO-KULTURALNE CENTRUM
"JEDNOŚĆ" W KRASNODARZE

POLACY W ROSJI: XVII–XX ww.

MATERIAŁY MIĘDZYNARODOWEJ KONFERENCJI NAUKOWEJ
KRASNODAR, 10–11 LIPCA 2002 r.

Krasnodar 2003

Министерство образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНГРЕСС ПОЛЯКОВ В РОССИИ

ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
"ЕДИНСТВО" В КРАСНОДАРЕ

ПОЛЯКИ В РОССИИ: XVII–XX вв.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
КРАСНОДАР, 10–11 ИЮЛЯ 2002 г.

Краснодар 2003

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43
П 54

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ПОМОЩИ ПОЛЯКАМ НА ВОСТОКЕ

П 54

Поляки в России: XVII–XX вв.: Материалы Международной научной конференции / Изд-во "Кубанькино". Краснодар, 2003. 340 с.

ISBN 5-94932-009-3

Научный редактор и составитель –
кандидат исторических наук А. И. Селицкий

Предлагаемое издание содержит материалы Международной научной конференции, прошедшей в Краснодаре 10–11 июля 2002 г. и посвящённой проблемам российской Полонии, роли поляков в социально-политическом, экономическом и культурном развитии России. Рассматриваются различные аспекты взаимоотношений польской и российской культуры.

Адресуется как учёным, занимающимся полонистикой и российской историей, так и широкому кругу читателей, которым интересны проблемы польско-российского взаимодействия на протяжении XVII–XX вв.

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43

Рецензенты:

П.С. Романов (Объединение «Мосгорархив» Правительства Москвы)

Б.С. Шостакович (Иркутский государственный университет)

Печатается по решению Учёного совета ФИСМО
Кубанского государственного университета

ISBN 5-94932-009-3

© Коллектив авторов, 2003
© Кубанский государственный университет, 2003

ОТ РЕДАКТОРА

10–11 июля 2002 г. в городе Краснодаре состоялась Международная научная конференция «Поляки в России: XVII–XX вв.». Организаторами этой конференции выступили Кубанский госуниверситет и Польский национально-культурный центр «Единство». Их инициативу поддержало Посольство Республики Польша в РФ и Конгресс поляков в России. В конференции приняли участие представители Польши, России и Белоруссии, предоставленные ими материалы вошли в настоящий сборник. Помимо докладов, в дни работы конференции были организованы четыре выставки: 1) произведения польских художников в собрании Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А. Коваленко, 2) геральдика и генеалогия польского рода Скоковских герба Елита, 3) исторические материалы из архива Оренбургской Полонии, 4) «Польский сувенир».

Организация и проведение этой конференции, а также издание её материалов были бы невозможны без помощи многих и многих людей. Мне хочется от всей души поблагодарить их всех.

Благодарим Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Польша в РФ пана Стефана Меллера, поддержавшего идею проведения конференции.

Благодарим работников Консульского отдела Посольства Республики Польша: генерального консула пана Томаша Климаньского, оказавшего важную информационную поддержку в организации конференции и приглашении гостей из Польши, второго секретаря, вице-консула пана Марцина Кжишиху, посетившего Краснодар в горячие июльские дни конференции, и, конечно, третьего секретаря, консула пани Виолетту Собераньскую, принявшую самое активное участие в организации конференции и издании данной книги.

Благодарим членов Конгресса поляков в России: председателя Конгресса пани Халину Суботович-Романову, вдохновившую нас организовать конференцию и поддержавшую добрым советом, а также пани Эву Василевскую, пани Нелю Варганову и пана Витольда Кулеша за искреннюю поддержку и сердечность.

Благодарим сотрудников Кубанского государственного университета: ректора университета, академика РАН Владимира Андреевича Бабешко, твёрдо проводящего линию сотрудничества нашего университета с коллегами из других стран, главного проректора, профессора Александра Гавриловича Иванова, оказавшего самую действенную и полноценную административную поддержку, декана факультета истории, социологии, философии и международных отношений, профессора Руслана Михайловича Ачагу, проявившего искреннюю заботу об участниках конференции во время их работы в Краснодаре и организовавшего их выезд к Чёрному морю.

Благодарим работников Краснодарского краевого художественного музея им Ф.А. Коваленко: директора музея Татьяну Михайловну Кондратенко, предоставившую один из лучших залов музея для проведения конференции,

заместителя директора по научной работе Юрия Алексеевича Солодовникова, взявшего на себя непростой труд оснащения зала работы конференции всем необходимым и проявившего искреннюю доброжелательность и помощь, Ольгу Владимировну Крицкую, организовавшую замечательную экскурсию, посвящённую работам польских художников из собрания музея.

Благодарим сотрудников Государственного архива Краснодарского края: заведующую отделом комплектования Любовь Максимовну Сичевую, главного специалиста Алексея Олеговича Андреева, а также Лилию Ратушняк, Марию Бывалую и Юлию Сичевую, оказавших большую помощь в знакомстве участников конференции с нашим городом и организации конференции.

Благодарим Дворянское собрание Кубани в лице предводителя собрания Вячеслава Николаевича Сухачёва и пресс-секретаря собрания Елены Максимовны Сухачёвой за искреннюю и бескорыстную поддержку во время организации конференции.

Благодарим настоятеля Краснодарского римско-католического костёла Розария Пресвятой Девы Марии, Святого Либория и Святой Варвары отца Кшиштофа Гоика и настоятеля Ростовского римско-католического костёла Тайной Вечери отца Эдварда Мацкевича за духовную опеку и помощь в приёме и размещении гостей конференции, благодарим их за Святую мессу на польском языке, которую они отслужили специально для участников конференции.

Благодарим председателя Оренбургского культурно-просветительского центра «Червонэ маки» пани Ванду Селивановскую за труд по доставке из далёкого Оренбурга многочисленных экспонатов для выставок, благодарим её за ту энергию и патриотизм, которыми она зарядила всех организаторов и участников конференции.

Кроме того, благодарим всех членов краснодарской польской общины «Единство», которые помогали в приёме и размещении участников конференции, организации торжественного вечера-банкета и сопровождали гостей на Черноморское побережье.

Особую признательность хочу выразить Александру Леоновичу Петровскому, разделившему со мной труд подготовки настоящего сборника к печати.

Также хочется поблагодарить «Фонд помощи полякам на Востоке» и лично председателя фонда пана Тадеуша Самборского за финансовую поддержку в издании этой книги.

Наконец, от всей души благодарим всех участников конференции, а также тех, кто откликнулся на приглашение приехать на конференции, но не смог этого сделать в силу объективных причин.

Председатель Правления
Польского национально-культурного
центра «Единство» в Краснодаре,
кандидат исторических наук
Александр Селицкий

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, РУССКИЕ И ПОЛЬША

Э. А. МЕЖВА
г. Пётркув Трыбунальский

РОССИЯ И РОССИЙСКИЕ ДЕЛА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Внешняя политика двух последних представителей династии Ягеллонов на польском троне – Сигизмунда I Старого и в особенности его сына Сигизмунда II Августа, а с другой стороны «собирание русских земель» Москвой должны были рано или поздно вызвать польско-русский конфликт. Ситуация на литовско-русской границе никогда не была стабильной. Эта нестабильность ещё более возросла, когда Польша в 1569 г. объединилась на основе постоянного союза с Литвой. Открытый конфликт наступил, когда Ливонский (Инфлянтский) Орден был вынужден в 1557 г. заключить военный союз с Литвой против Москвы, пытавшейся любой ценой приобрести выход к Балтийскому морю. В 1558 г. Иван Грозный вторгся в Инфлянты, захватив Нарву и Дерпт и открыв тем самым так называемое «нарвское судоходство», а в 1560 г. занял часть Инфлянт с Мариенбургом и Фелином. Следствием действия Ивана IV была польская вооружённая интервенция против Москвы и блокада «нарвского судоходства», которые, в конечном счёте, привели к войне за господство на Балтийском море, так называемой войне о *dominium Maris Baltici*. В эту войну были втянуты также Дания и Швеция. Конфликт продолжался при последующих польских монархах – Стефане Батории, Сигизмунде III Вазе и его сыне Владиславе IV. Политические проблемы этого периода хорошо исследованы многими польскими и российскими историками, поэтому мы не будем на них останавливаться. Цель работы – исследование представленных вопросов в польской историографии второй половины XVI – первой половины XVII в.

Польско-московский вооружённый конфликт вдохновил тогдашних летописцев и историков, авторов исторической беллетристики и мемуаров, которые начали интересоваться восточными делами и историей окраинных земель турков, татар и Москвы. Одним из первых польских историков,

который широко занялся этой проблематикой, был Мацей Стрыйковский (ок. 1547–1586?) – автор «*Która przedtem nigdy światła nie widziała, Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi*» («*Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси, которая ранее не видела света*», 1582 г.). Мацей учился в Краковском университете с 1567 г. и уже через год получил звание бакалавра. В 1570 г. он прервал учёбу и вступил в войско, а в 1572 г. служил в гарнизоне Витебского замка. Тогда же он изучил русский и литовский языки. В 1574–1575 гг. Мацей находился в составе посольства Анджея Тарновского в Турции, а потом посетил греческие острова. Упомянутая ранее хроника была самым популярным, хотя и не единственным произведением Стрыйковского. Всего он оставил после себя свыше 10 работ различного объёма, разной значимости и проблематики. Это были записки «*O porażeniu 30 000 Moskwy z kniaziem Piotrem Szujskim nad rzeką Ułą r. 1564*» («*О поражении 30 000 московитян во главе с князем Петром Шуйским у реки Ула в 1564 году*»); утерянное историко-генеалогическое произведение «*Zwierciadło Kroniki litewskiej*» («*Зеркало литовской хроники*»); «*O wolności Korony Polskiej i W. Ks. Litewskiego, a o srogim zniewoleniu inszych królestw pod tyrańskim jarzmem tureckim*» («*О свободе Короны Польской и Великого Княжества Литовского и о жестоком порабощении иных государств под ярмом турецкой тирании*»); «*Sarmatiae Europeae descriptio*» («*Описание европейской Сарматии*»), а также «*O sprawach rycerskich narodu litewskiego*» («*О рыцарских деяниях литовского народа*»). Многие его рукописи, посвящённые московским и турецким делам, пропали.

Великолепным историком был Рейнгольд Хейденштейн (1553–1620) – сотрудник и друг канцлера Яна Замойского. Он происходил из франконско-польской семьи. И хотя в молодости он считал себя немцем, однако исторические произведения Хейденштейна являются частью польской историографии; впрочем, и сам историк получил польское шляхетское звание и основательно ополячился. Он учился в Падуе и Сиене. По возвращении в Пруссию он, по всей вероятности, стал секретарём электора Альберта Фредерика, а с 1582 г. – Стефана Батория. Баторий неоднократно посылал Хейденштейна с различными дипломатическими поручениями, в том числе в Курляндию, Пруссию и другие государства. После смерти Батория он стал секретарём Сигизмунда III Вазы. В 1591 г., несомненно под влиянием Замойского, он перешёл в католичество, а в 1612 г. ушёл в отставку с поста королевского секретаря и посвятил себя литературной и историографической деятельности.

Литературное наследие Хейденштейна сохранило много ценных работ, среди которых на первое место можно поставить «*Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII*» («*Дела Поляков по смерти Сигизмунда Августа в 12 книгах*», 1584 г.), где также находится обзор некоторых польско-московских проблем. Кроме того, он был автором: «*Annales Patavini*» («*Падуанские летописи*»); «*De nuptiis illustrium Joanis de Zamoscio... ac Griseldis Bathoriae... epistola*» («*О свадьбе и письмах Яна из Замосьтья с Гризельдой Батори*»). В 1579 г.

Хейденштейн подготовил так называемую «*Корректуру прусского права*» иначе: «*Земельное право*», которая была опубликована в 1599 г. под заглавием «*Ius terrestre nobilitatis Prussiae correctum*». После смерти Яна Замойского Хейденштейн опубликовал биографию канцлера «*De vita Johannis Zamoscii*», в которой многие абзацы были посвящены польско-русским отношениям. Он также оставил много писем и материалов, касающихся имущественных дел. Его литературное творчество относится к лучшим достижениям польской историографии второй половины XVI – начала XVII в.

В конце XVI – начале XVII в. творил Марцин Пашковский – автор исторических сочинений. Хотя они не имеют особой познавательной значимости, но в некотором отношении содержат сведения о делах, недостаточно освещённых у других историков. Эти сочинения: «*Posiłek Bellony Sauromackiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza W. Cara moskiewskiego przeciw Szujskiemu i inszym zdrajcom*» («*Помощь Беллоны Сарматской благородному рыцарству Димитрия Ивановича великого царя московского и т.д.*» Краков, 1608 г.); «*Dzieje tureckie i utarczki kozackie z Tatary. Tudzież o narodzie, obrzędziech, nabożeństwie, gospodarstwie i rycerstwie tych pogan... Przydany jest do tego dykcyonarz języka tureckiego i dysputacja o wierze chrześcijańskiej, zabobonach bisurmańskich*» («*Турецкая история и стычки казаков с татарами и т.д.*», 1615 г.). Кроме того Пашковский оставил после себя несколько стихотворных произведений, например «*Bitwy znamienite... mężnych Polaków... w roku teraźniejszym 1620... na ostatek nieszczęsny przypadek ich za niezgodą*» (1620 г.) («*Знаменитые битвы... мужественных поляков... и т.д.*») или «*Chorągiew Sauromacka w Wołoszech, to jest pospolite ruszenie i szczęśliwe zwrócenie Polaków z Wołoch w roku teraźniejszym*» («*Сарматская хоругвь в Валахии*», 1620 г.), в которых также представлены московские дела.

Известный и ценимый мемуарист Самуэль Маскевич (ок. 1580–1632) происходил из помещичьей семьи из-под Новогрудка, которая укоренилась в Литве. Обучался он, как предполагают, в Новогрудке. В 1601 г. принимал участие в инфлянтской кампании в гусарском полку, а потом на Подолии. Во время бунта Николая Зебжидовского сражался на стороне Сигизмунда III под Гузовом. Затем перешёл под командование гетмана Жулкевского (1608 г.) и принимал участие в походе на Москву и до 1612 г. пребывал в Москве. На родину возвратился в чине полковника. Какое-то время занимался управлением своего хозяйства в Сервече. А за несколько месяцев до смерти получил пост новогрудского подвоеводы. Маскевич составил «*Дневник за годы 1594–1621*»[1], при этом записи до 1600 г. – это несколько лаконичных сообщений. Только лишь в дальнейшей части он уделяет внимание 1610–1614 гг., то есть начальному этапу польского вмешательства в московские дела и его неудачному концу, а также очередным военным конфедерациям тех времён. Знаменитый историк Владислав Чаплинский, анализируя мотивы, которыми руководствовались тогдашние мемуаристы, приступая

[1] *Maskiewicz S.* Pamiętniki 1594–1621 / Red. A. Sajkowskiego. Wrocław, 1961. S. 93–94.

к написанию воспоминаний, приходит к следующему выводу: «(Маскевич. – **Е.А.М.)** – шляхтич, который в молодые годы вырвался из тесного круга домашней жизни на широкие европейские дороги... ощущал необходимость запечатлеть многие из картин, которые он наблюдал. Речь шла здесь, конечно, не только о возможности того, что он сам пережил, но также и возможности передать свои впечатления кругу самых близких знакомых»[2].

Этой характеристике соответствует эпиграф, поставленный Маскевичем во вступлении к своим воспоминаниям: «Сам с собою говорю, / сам себя веселю».

Маскевича, в отличие от Пасека, не привлекали литературные фейерверки и стилистические категории, он не украшал свои воспоминания латинскими, а тем более древними цитатами, единственное возможное исключение составляет фрагмент, в котором он ссылается на Тацита. Он был хорошим солдатом и пером владел как саблей, действенно, без лишних «ухищрений».

Период польской интервенции в Москве, называемый «димитриадой», закончился взятием Москвы Станиславом Жулкевским и неудачными действиями Сигизмунда III, который потерял шанс, предоставленный Вазам боярами, вступить на трон московских царей и создать федерацию трёх народов: литовско-польско-русскую. Этот период, был особенно интересен тем, что его событиям было посвящено множество мемуаров и дневников. Поход на восток открывал чрезвычайно заманчивые перспективы, если посмотреть на него с точки зрения магнатов, мелкой шляхты и даже польского плебса – в худшем случае обычную военную добычу. Такой поход не мог обойтись без своих певцов. Появились панегирики в честь Дмитриев и Марины Мнишек. Успехи Жулкевского, которые завершились драматическим московским эпилогом, вызвали литературное вдохновение у многих участников похода.

Одним из первых историков, который описал в стихах свои воспоминания под названием «*Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą i traktatów w r. 1601 przez ósm i dwadzieścia niedziel... między Najj. Królem... a między Wielkim Hospodarem... przez wielkie posły J. K. M. ... w Moskwie odprawowane*» («*Посольство и краткое описание расправы с Москвой и переговоров 1601 г. ... и т.д.*») был Элияш Пельгжымовский (умер между 1603 и 1611 г.). Кальвинист, клиент Радзивиллов, секретарь Стефана Батория, а затем писарь Великого князя литовского, сопровождал в 1600 г. Леона Сапегу во время его посольства к Борису Годунову. Литературному творчеству Пельгжымовского предшествовал поток дневников и воспоминаний о делах московских. Пребывание в Москве в течение нескольких месяцев дало ему возможность описать жизнь бояр, царского двора, а в особенности сложный, надутый церемониал царской аудиенции. Пельгжымовский отыгрался за неудобства, которые претерпели польские послы в Москве, и представил её в чёрных красках,

---

[2] *Czapliński W.* Wstęp // *Pasek J.Ch.* Pamiętniki. Wrocław, 1979. S. VII.

тем самым, он ввёл в обиход польской мемуаристики определение «*gruba Moskwa*» (грубый = неотёсанный, хамский).

Дипломат и королевский коморник (заведующий королевскими палатами) Анджей Тарновский, выпускник Болонского университета, неоднократно выезжал как посол в Крым, Швецию, Данию и другие страны в годы правления Сигизмунда II Августа и Батория. Литературным плодом его путешествий были: «*Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopola, a stamtąd zaś do Astrachania, zamku moskiewskiego*» («*Краткое описание пути из Польши в Константинополь, а оттуда в Астрахань, московскую крепость*»), что позже скомпилировал Бельский в своей хронике. Хорошим историческим источником является другой труд Тарновского: «*Sprawozdanie z poselstwa do Moskwy, datowane z Wilna 11 sierpnia 1573*» («*Отчёт о посольстве в Москву, датированный... и т.д.*»). Он был также автором неизданных до сих пор «*Pacta Turciae imperatoris...*» («*Договоры турецкого султана*») за 1579 г.

В подобном стиле был написан дневник Станислава Немоевского (ок. 1560–1620), который случайно впутался в московские дела: по поручению Анны Ваза он поехал в Москву, чтобы продать Дмитрию I Самозванцу драгоценности. После убийства Дмитрия, Немоевский был посажен Василием Шуйским в тюрьму, где провёл 2 года: с мая 1606 г. до октября 1608 г. По возвращении на родину он исполнял различные обязанности, а в мае 1615 г. стал эльблонгским каштеляном. Дневник за 1606–1608 гг. Немоевский написал в тюрьме. Польский литературовед А. Брюкнер так писал о нём: «Немоевский превосходит все наши памятники в том, что касается подробностей о Москве, о стране и властях, о жизни и быте, о вере и о войске. В старой польской литературе нет равного ему произведения, что касается точности и богатства материала... он ничего не приукрашивает, наоборот, пишет с горечью, презрением и ненавистью, разражается сожалением, сарказмом и, скорее, страдает предпочтением к отрицательным сторонам»[3].

Подобное несчастие постигло в Москве Павла Пальчовского (ок. 1569–?) – выпускника университета во Франкфурте-на-Одере, который в 1606 г. был отправлен в составе посольства к Дмитрию I в Москву. После смерти самозванца, уцелевший в московской «кровавой бане» Пальчовский был заключён в тюрьму, где пребывал два года. По возвращении на родину он стал сторонником захватнической восточной политики Сигизмунда III, поскольку убедился в потенциальных хозяйственных возможностях Руси. Он высказывал точку зрения, что Русь является желанной целью для польской экспансии. Свои московские впечатления Пальчовский описал в «*Wyprawie wojennej Króla Jegomości do Moskwy*» («*Военный поход Его Величества Короля в Москву*», Вильно, 1606 г.), это произведение более известно под названием «*Московская колядка*».

---

[3] *Brückner A.* Zarys dziejów literatury polskiej. Warszawa, 1903 T. 1. S. 270.

Подобным произведением, что касается хронологических и географических рамок, является «*Дневник*» Вацлава Диаментовского, который изобилует конкретными описаниями обычаев, жизни боярства и царского двора, он даёт детальнейшее описание так называемых «майских событий», когда на Троицу в 1606 г. московскими повстанцами был убит первый из Дмитриев. Справедливости ради следует добавить, что Диаментовскому приписывается также «*Дневник Марины*» – фальшивый дневник Марины Мнишек[4].

Описание лагеря так называемого Тушинского вора, или Лжедмитрия II, и московской кампании 1608–1611 гг. содержится в дневнике «*Dzieje Marsa Krwawego i sprawy odważne, rycerskie przez... Jana Piotra Sapiehę ... sławnie odprawowane*» («*История кровавого Марса и отважные рыцарские деяния, совершённые... Яном Петром Сапегой... и т.д.*») дмитриевского гетмана и старосты Яна Петра Сапеги. Ходили слухи, что Сапега лично метил на шапку Мономаха, желая захватить московский престол.

В свары и соперничество тушинского военного лагеря, в котором было много авантюристов и способных, соперничавших между собой лидеров, вводит нас своей «*Historią moskiewskiej wojny prawdziwej*» («*Истинной историей московской войны*») Миколай Сцибор Мархоцкий. Не лишённая литературных достоинств, она охватывает 1607–1612 гг., а написана была только после 1625 г. Поступая на службу к Лжедмитрию II, Мархоцкий был уже человеком немолодым. Несмотря на то, что в его памяти могли потеряться определённые детали, его воспоминания представляют собой очень интересное произведение, поскольку написаны живым, разговорным языком и имеют много достоинств в познавательном плане. Некоторые описания, как, например, битвы под Болховом или обороны Осипова не уступают, что касается стиля, наилучшему польскому мемуаристу XVII в. Яну Пасеку.

Московские «каникулы», как бы сказали в те времена, пережил также Себастьян Петрицы из Пльзеня, выпускник Краковской академии и доктор Падуанского университета, преподаватель поэтики, который, после возвращения на родину, поселился во Львове и занялся врачебной деятельностью, переводом Аристотеля и других древних писателей. В 1603 г., вернувшись в Краков, он получил пост личного врача воеводы Ежи Мнишека, с которым в 1606 г. выехал в Москву. После свержения Дмитрия I Самозванца Петрицы попал в плен, в котором коротал тюремное время переводом од Горация. По возвращении в Краков он читал лекции в университете, но из-за конфликта с руководством этого учебного заведения покинул университет. В 1620 г. Петрицы внёс значительную сумму в пользу Краковского университета и создал фонд историографа университета.

Тюремный перевод Горация он издал под заглавием «*Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego 1609*» («*Гораций Флакк в тяжестях московской*

---

[4] См. издание на рус. яз.: *Дневник Марины Мнишек* / Пер. В.Н. Козлякова. СПб., 1995. *(Прим. научн. ред.)*

тюрьмы 1609 года»). В этом «омосковленном» Горации Петрицы называет тюремных товарищей и взывает к теням убитых:

«Нет тебя, Ян из Живца, Балю, Голуховский,
Спишь Склинский, Домарадзкий, Борша и Стжежовский!
Но кто может убитых железом
Всех перечислить не плачущим глазом»[5].

С. Петрицы оставил также собственный дневник за 1582–1607 гг., который он написал на полях произведения Я. Стадиуса «*Эфемериды*». В этом дневнике он уделил много внимания московским делам.

Первым мемуаристом, в собственном смысле этого слова, похода Дмитрия I был Станислав Борша – автор *«Cara moskiewskiego wyprawa na onczas do Moskwy z panem wojewodą sendomierskim i z inszym rycerstwem»* (*«Поход московского царя в те времена в Москву с господином сандомирским воеводой и другими рыцарями»*). Он представил ход событий от показа наёмных рот под Глинянами, взятие Кремля и закончил 4 марта 1606 г. Через три месяца Борша погиб на улицах Москвы.

О голоде, который поляки претерпели в течение многих недель, и о судьбах польского гарнизона в Кремле рассказывается в сообщении Юзефа Будзилло (?–после 1619), который посвятил этому жуткому эпизоду только часть своего дневника. Но именно эта часть производит на читателя наибольшее впечатление. Предоставленный самому себе, потерявший надежду после неудачной попытки Ходкевича, польский гарнизон Кремля защищался несколько месяцев.

«Враг напирал – мы защищались, – писал Будзилло, – наступал всей своей мощью, штурмовал – мы отражали его; угнетал нас тяжёлый, охвативший всех, голод, и так очень долго, но мы крепились через силу и сражались. Когда кончилась обычная еда, то голодный и нужный желудок искал новую пищу, новые травы и коренья, которые приходилось отважно искать под обстрелом врага, подвергая опасности своё здоровье, и часто надо было платить за них своей жизнью. Когда не стало и этого – то мы обратились к необычным яствам, которые, однако, благодаря любви к Отчизне и мужеству казались нам в то время вкусными, когда кончились и эти яства, то не щадили даже собак. А потом началось то, о чём мы редко слышали и ранее скрывали, явное самоедство»[6].

Будзилло после капитуляции Кремля прожил ещё 6 лет в московском плену.

Период «димитриады» и взятие Москвы Жулкевским запечатлел в своём дневнике Абрагам Рожнятовский (?–до 1618), о котором известно только то, что он был участником «димитриады» как начальник хоругви воеводы Мнишека. Взятый в плен в Москве, он провёл два года в русской тюрьме.

---

[5] *Pietricy S.* Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego 1609. Kraków, 1614. S. 57.

[6] *Budziłło J.* Wojna moskiewska... od 1603 do 1612 r. Warszawa, 1995.

Рожнятовский был плодовитым писателем, но не создал ничего достойного внимания, что можно бы считать важным вкладом в польскую мемуаристику или историографию. Следует, однако, упомянуть его «*Diariusz wydarzeń związanych z dziejami Dymitriady*» («*Дневник событий, связанных с историей Димитриады*»), изданный лишь в XVIII в., который охватывает период с 4 сентября 1606 г. до начала 1609 г. Начальные разделы дневника велись систематически, а с 1609 г. — очень нерегулярно. Авторство другого дневника «димитриады» 1604—1609 гг. «Московская свадьба», которую обычно приписывают Рожнятовскому и в которой описывается убийство Лжедмитрия I, не доказано окончательно.

К магнатам XVII в., не только отличившимся на государственном поприще, но и занимавшимся историографией, относился в числе прочих героический гетман Станислав Жулкевский (1547—1620). Сын воеводы русского (так называлось Львовское воеводство), обучался во Львове, а потом, как другие магнатские сыновья, поехал учиться за границу: в Италию, Францию и Германию. С молодых лет он интересовался историей и любовь к подобному чтению сохранил до конца своих дней. Под попечительством Яна Замойского он готовился к военной и общественной службе. В 1573 г. вместе с Замойским он выехал в Париж за новоизбранным королем Генрихом Валуа, который назначил его своим секретарём. Жулкевский принимал участие в походах Батория на Инфлянты и вместе с Замойским был военачальником в победном сражении под Бычиной, защищая польскую корону для Сигизмунда III Вазы. Благодаря этому он снискал благодарность Сигизмунда III. Король назначил Жулкевского коронным фельд-гетманом. В 1595 и 1600 гг. он возглавлял походы против татар и в Молдавию, а в 1602 г. разгромил шведов под Ревелем. Во время бунта Николая Зебжидовского и других магнатов в 1606—1609 гг. Жулкевский стал на сторону короля, но противился королевской политике по отношению к Габсбургам и пытался установить добрососедские отношения с Турцией. В 1608 г. он стал киевским воеводой. Позже победил под Клушыном, взял в плен русского царя Василия Шуйского и занял Москву. В 1617 г. он был назначен на пост канцлера Речи Посполитой, а 6 октября 1620 г. был убит турками под Цекорой. В мемуарах «*Początek i progres wojny moskiewskiej*» («*Начало и прогресс московской войны*») он описал тогдашние успехи польского оружия, открывая одновременно многие, недоступные обыкновенным мемуаристам-солдатам, факторы и запутанности московской политики Сигизмунда III. Жулкевский лично был настроен против московской авантюры, но вопреки своей воли был втянут в её водоворот. Он составил собственную программу действий, отличную и от королевской, и от программы придворной камарильи Потоцких, Мнишеков и других. Гетман противился политике экспансии, а *modus vivendi* и урегулирование московских дел усматривал в династическом союзе с восточным соседом и включении Москвы в рамки действующей польско-литовской федераций в один большой государственный

организм в Восточной Европе. Жулкевский нашёл среди московского общества многих сторонников своей концепции, выдвигая на первый план гарантии уважения московских политических и религиозных традиций и государственного строя. Для католического святоши Сигизмунда III какие-нибудь религиозные уступки были неприемлемыми.

Характерно, что мемуары Жулкевского заметно отличаются от вышеупомянутых авторов, писавших в антимосковской направленности. Его же сообщение не имеет антимосковских выпадов, но содержит трезвый, реальный политический анализ и указывает на необходимость проявить по отношению к Москве «гуманность». Поэтому в его указаниях военачальникам на первом месте находятся вопросы ответственности войск и рыцарского отношения к русскому населению. Гетман оказался здесь не только незаурядным стратегом, но и блестящим литератором, а его воспоминания являются классическим произведением старопольской литературы.

«Это небольшое, – писал знаменитый польский литературовед Юлиан Кшижановский, – произведение одето в изысканную форму строгого в своей простоте польского языка – плод творчества профессионального солдата, которого судьба заставила стать дипломатом. Лапидарно, без пафоса описывает он события, ход которых сам определял... Но именно это отсутствие пафоса... придаёт этому небольшому произведению монументальность, которая через несколько столетий, как наследство перейдёт от него в Думу о гетмане. И если справедлива мысль, что "и так самым великим историком является Цезарь, который диктовал с коня, а не за письменным столом", то этого величия достиг победитель под Клушином»[7].

Почему так много внимания мы посвятили Жулкевскому? Дело в том, что в последнее время разные шовинисты и безумцы на волне антипольских эксцессов вешают на Жулкевского всё то, что он никогда не делал, чего не писал и чего себе и русским не желал!

Ещё одним источником по этому периоду служат произведения отца короля Яна III, Якуба Собеского (1588–1646), которого звали «Якубом Старшим» (в отличие от его внука – «Якуба Младшего»). Он оставил после себя много материалов, записок и исторических дневников. Якуб был сыном люблинского воеводы Марка, учился в Краковской академии, а затем в 1607–1611 гг. пребывал в Париже, где обучался у гуманиста И. Кассобоны. После окончания учёбы он объехал всю Западную Европу и в 1613 г. возвратился в Польшу. Во время московской войны в 1617–1618 гг. Якуб Собеский находился в составе военного совета королевича Владислава, а затем был комиссаром во время мирных переговоров в Деулине. У него были большие заслуги в Хотинской войне с турками 1621 г. Собеский был комиссаром на мирных переговорах со шведами в Старом Тарге и во Штумской Веси. Он был русским воеводой, а незадолго перед смертью

[7] *Krzyżanowski J.* Dzieje literatury polskiej. Warszawa, 1953. S. 266–267.

вступил на один из наивысших постов в Речи Посполитой — должность краковского каштеляна.

Исторические сочинения Якуба Собеского составляют 10 произведений большого объёма и значительной ценности, наиболее значительными из них в исследовательском плане являет: *«Diariusz ekspedycjej moskiewskiej dwuletniej królewica Władysława A. D. 1617»* (*«Дневник двухлетней московской экспедиции королевича Владислава года Господня 1617»*). Как свидетельствует Ежи Оссолиньский, Сигизмунд III, завидовавший успехам своего сына Владислава, отдал распоряжение сжечь дневник Собеского, но, к счастью, в распоряжении короля была всего лишь копия. Якуб оставил ещё много других сочинений и политических речей, неопубликованных писем и дневников, например, дневники сейма конфедерации в 1632 г. или похода на казаков в 1625 г. Опубликованные материалы и авторские рукописи, которые хранятся в архивах, составляют всего лишь часть наследия Якуба Собеского, большая часть неопубликованного материала сгорела в феврале 1945 г. во время «коврового» налёта на Дрезден, где находился богатый архив Собеских[8].

Сын брацлавского воеводы Стефана — Павел Потоцкий (?—1674) получил образование в польских и заграничных университетах, хотя мы не можем указать в каких именно. Солдат короля Яна Казимира, попавший в московский плен во время военных действий на Украине в 1655 г., он снискал доверие царя Алексея и по настоянию последнего женился на Элеоноре Салтыковой — представительнице одного из наиболее знатных русских княжеских родов. Андрусовский договор дал ему возможность возвратиться в Польшу в 1669 г. По возвращении он получил должность каменецкого каштеляна. Он также возглавлял посольство к папе Клементу X. Литературной деятельностью Потоцкий занялся ещё во время учёбы в университете и, судя по месту издания *«Exercitationes oratoriae lucubratae in secessu Patavino»* (1642 г.), можно предположить, что это была Венеция. Он пытался также переводить Ливия с обширными комментариями *«Historico-polituicus sive questiones historicae et civiles. Ex libris III T. Livii ... concinnatae»* (1646 г.). Свои военные воспоминания и размышления о пребывании в Москве он изложил в *«Moschovia sive brevis narratio de moribus Russorum monarchiae»* (1670 г.), описывая государственное устройство и обычаи русских. Рассуждения биографического характера о наиболее выдающихся личностях политической жизни Польши и Литвы он представил в *«Saeculum bellatorum et togatorum seu centuria elogiorum clarissimorum virorum Polonorum et Lithuanorum»* (1702 г.).

Наконец, хотелось бы упомянуть ещё об одном авторе — энциклопедисте Шимоне Старовольском (1588—1656), сыне боярина, который был осуждён в Москве на изгнание и нашел убежище при дворе Яна Замойского.

---

[8] Закулисные дела, связанные с обнаружением остатков архива Собеских в Sächsische Landesbibliothek в Дрездене, собственно говоря, его каталога, мы описали в: *«Historyka»*, Kielce. S. 192 (второе издание — Piotrków Trybunalski, 2002. S. 191–192).

Возможно, он даже учился в Академии Замойского, а затем в Краковской академии в 1612–1618 гг. Во время пребывания в Кракове Старовольский преподавал в Вонхоцком монастыре цистерцианцев. В качестве секретаря он сопровождал гетмана Ходкевича в его Хотинском походе в 1620 г., во время которого гетман умер. Старовольский неоднократно выезжал за границу. В 1609 г., как наставник молодых князей Острожских посетил вместе с ними Германию, Нидерланды и Францию, а в 1640–1650-х гг. сопровождал в заграничных поездках Кшиштофа Сапегу, Петра Потоцкого, Александра Конецпольского и других. В 1639 г. он пребывал при дворе архиепископа Якуба Задзика и в том же году принял сан священника. Преодолевая различные ступеньки духовной карьеры, Старовольский в 1655 г. становится краковским каноником. Список его публикаций охватывает несколько десятков позиций и их перечисление здесь было бы невозможно с точки зрения целей данной работы.

К важнейшим произведениям Старовольского относятся «*Polonia*» (1632 г.) – описание Речи Посполитой и соседних стран во времена правления Сигизмунда III; «*Votum o naprawie Rzeczypospolitej*» («*Молитва об исправлении Речи Посполитой*», 1625 г.); «*Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu*» («*Двор турецкого султана и его резиденция в Константинополе*», 1646 г.); соборная церковная история: «*Epitome conciliorum tam generalium quam provincialium in Graeca et Latina Ecclesia celebratorum*» (1653 г.); первая польская история литературы – «*Scriptorum Polonicarum Ἑχατοντάς seu centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae*» (1625 г.), а также много других трудов юридического характера и сочинения, посвящённые государственному устройству: «*Prywat Polską kieruje*» («*Личная выгода руководит Польшей*», 1624 г.); «*Commentarius u IV libros institutionum iuris civilis*» (1638 г.), «*Reformacja obyczajów polskich*» («*Преобразование польских обычаев*», ок. 1650 г.) и высоко ценимые историками польские эпитафии: «*Monumenta Sarmatorum*» (1655 г.). Кроме того, Старовольский перевёл письма султана «*Wielkiego Turka listy*» («*Послания Великого Турка*»,1618 г.). Ему же приписывается авторство работ, повествующих о польско-турецких, польско-шведских и польско-московских конфликтах, в том числе «*Wyprawa i wyjazd... wojska...sułtana Amurata cesarza tureckiego... na wojnę do Korony Polskiej*» («*Поход и выезд ... войска ... владыки турецкого султана Амурата ... на войну против Короны Польской*», 1634 г.); «*Diariusz obsydiej zamku i miasta Krakowa od wojsk szwedzkich*» («*Дневник осады замка и города Кракова шведскими войсками*», 1655 г.).

В заключение отмечу, что здесь представлен лишь обзор польских авторов и их сочинений, посвящённых московской тематике. Этот обзор может быть указателем для тех историков, которые намереваются глубже исследовать данные проблемы, число которых бесконечно.

А. М. АВРАМЕНКО
г. Краснодар

БИТВА ПРИ БЕРЕСТЕЧКО (1651 г.): ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

Битва при Берестечко – крупнейшее сражение Освободительной войны украинского народа середины XVII в. До него войска Б. Хмельницкого побеждали, но в 1651 г. польские власти собрали самые крупные силы за весь период войны и сумели нанести украинскому войску тяжёлое поражение. Это трагическое в украинской истории событие давно привлекает внимание исследователей[1], но ограниченный круг источников долгое время не позволял детально реконструировать ход сражения, либо порождал весьма

[1] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. М., 1822; *Bartoszewicz J.* Bitwa pod Beresteczkiem 28–30 czerwca 1651 r. // Studia historiczne i literackie. Dzieła. Kraków, 1881. T. 3. S. 257–272; *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий: Историческая монография. СПб., 1884; *Górski K.* O działaniach wojska koronnego Rzeczypospolitej Polskiej w wojnie z kozakami (okres od dnia 19 lutego do 10 lipca 1651 roku, Bitwa pod Beresteczkiem) // Bibl. Warszawska. 1887. Maj; *Каманин И.М.* Битва казаков с поляками под м. Берестечком в июне 1651 г. Киев, 1910; *Поліщук К.* Український музей на козацьких могилах під Берестечком // Рідний край. 1911. № 17; *Kubala L.* Szkice historyczne. Lwów; Warszawa, 1923. T. 2. S. 155–200; *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1928. Т. 9. Ч. 1. С. 257–300; *Kukiel M.* Zarys historii wojskowości w Polsce. Kraków, 1929. S.100-109; *Encyklopedia Wojskowa.* Warszawa, 1931. T. 1. S. 261–265; *Tomkiewicz W.* Książę Jeremi Wiśniowiecki (1612–1651). Warszawa, 1933; *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954. С. 174–186; *Тис-Крохмалюк Ю.* Бої Хмельницького. Мюнхен, 1954; *Duda J.* Wysiłek militarny Rzeczypospolitej w 1651 roku // Polska w Europie. Studia Historyczne. Lublin, 1968. S. 183–207; Dzieje oręża polskiego (963–1945). T. 1: *Nowak T., Wimmer J.* Dzieje oręża polskiego do roku 1793. Warszawa, 1968. S. 279; *Грабовецький В.В.* Західноукраїнські землі в період народно-визвольної війни 1648–1654 рр. К., 1972. С. 160–169; *Свєшніков І.К.* На місці Берестецької битви // Жовтень. 1977. №7. С. 118–125; *Wimmer J.* Historia piechoty polskiej. Warszawa, 1978. S. 218–222; *Свєшніков І.К.* Берестечко // Жовтень. 1985. №7. С. 91–108; *Kaczmarczyk J.* Bohdan Chmielnicki. Wrocław, 1988; *Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький / 2-е вид., доп. К., 1995; *Стороженко І.С.* Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII століття. Дніпропетровськ, 1996. С. 234–265.

противоречивые картографические версии. К тому же польские и украинские источники освещали это событие тенденциозно, выпячивая одни и замалчивая другие факты.

Уже вскоре после битвы, очевидно, в королевской канцелярии был изготовлен план сражения. Его оригинал хранился в Варшаве среди документов последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, затем был вывезен в Петербург. Копия плана была опубликована в 1822 г. в журнале «Северный архив»[2]. В том же году в Москве Д.Н. Бантыш-Каменский издал свою «Историю Малой России», выходившую в переработанном виде в 1830 и 1842 гг. Здесь тот же план был издан в переводе с польского на русский язык. Эту версию плана напечатал в 1910 г. и историк И.М. Каманин[3]. После советско-польской войны 1920 г. документы Станислава Августа, вместе с другими польскими культурными ценностями, были переданы советским правительством Польше (при этом, никому не пришла в голову несложная мысль снять копии) и погибли в Варшаве во время Второй мировой войны[4].

Другой план сражения при Берестечко, составленный современником, хранится в библиотеке Польской Академии наук в Гданьске[5]. Латинский заголовок гласит: «Изображение битвы со скифами и казаками, проведённой под предводительством короля Яна Казимира. 1651». Под скифами здесь подразумевались татары. Сопроводительный текст даёт краткое описание сражения. По-видимому, план имел целью возвеличить поморского воеводу Л. Вейгера, участвовавшего в битве[6]. Оба упомянутых плана содержат ошибки, свидетельствующие о плохом знании местности, особенно второй из них.

В 1845 г. место сражения посетил историк Н.И. Костомаров. Его письмо К.М. Сементовскому из Ровно содержит описание местности с приложением схематичного плана[7]. Ситуационные карты и планы, относящиеся к битве при Берестечко, но не раскрывающие её ход, были опубликованы в 1887 г. в работе польского историка К. Гурского[8]. В 1910 г. в упомянутой брошюре И.М. Каманина был напечатан план местности, изготовленный военным топографом Михельсоном, с нанесением на нём размещения войск во время битвы.

Возрождённое после Первой мировой войны польское государство уделяло

[2] *Северный архив.* СПб., 1822. №13. Между с. 98 и 99.

[3] *Каманин И.М.* Указ. соч. После с.14.

[4] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком. Львів, 1993. С. 33.

[5] *Polonica XVI do XVIII wieku nie znane bibliografii Estreichera ze zbiorów Biblioteki Gdańskiej* // Biblioteka Gdańska, seria katalogów i bibliografii. 1968. № 4. S. 99. № 174. Tabl. XV.

[6] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 34–36.

[7] *Міяковський В.* Костомаров у Рівному // Україна. Київ, 1925. Кн. 3. С. 64.

[8] *Górski K.* O działaniach wojska koronnego Rzeczypospolitej Polskiej w wojnie z kozakami (okres od dnia 19 lutego do 10 lipca 1651 roku, Bitwa pod Beresteczkiem) // Bibl. Warszawska. 1887. Maj.

значительное внимание изучению военной истории и боевых традиций польских вооружённых сил. В некоторых изданиях печатались планы сражения при Берестечко. Так, М. Кукель в «Очерках по истории военного дела в Польше» (1929 г.) поместил план размещения войск во время боя 30 июня 1651 г., на котором, однако, есть некоторые ошибки (неверная локализация места укреплённого и осаждённого казацкого лагеря напротив села Корытно, а не на территории села Остров, неправильная дата ликвидации этого лагеря, якобы 8 июля). В первом томе «Военной энциклопедии», изданном в Варшаве в 1931 г., опубликована карта движения королевских войск из Сокаля, а также казацко-крестьянских и татарских войск из Колодного и Раковца к Берестечко. Там же находится и схема расположения обеих армий во время битвы. При этом ошибочно село Корытно помещено на левом берегу реки Пляшевки, а казацкая переправа через данную речку показана не в Козине, а близ Корытно. Зато правильно показано размещение войск и место казацко-крестьянского табора (лагеря) в районе села Остров. Впоследствии публиковали планы сражения Я. Виммер в «Истории польского оружия» (1968 г.) и «Истории польской пехоты до 1864 года» (1978 г.), З. Вуйцик в «Войнах казацких в старой Польше» (1989 г.). Все эти картографические материалы основаны исключительно на польских письменных источниках.

Украинские историки, проживавшие в Польше, также уделяли внимание сражению при Берестечко. В «Истории украинского войска», изданном во Львове И. Тиктором в 1936 г., помещён крайне схематичный план битвы, составленный, по-видимому, И.П. Крипьякевичем[9]. Без каких-либо изменений он перепечатывался и в переизданиях этого труда в Виннипеге в 1953 г., во Львове в 1992 г., в Киеве в 1993 г. Инженер Ю. Крохмалюк, публиковавшийся под псевдонимом «Тыс», в 1930-е гг. написал книгу «Бои Хмельницкого», изданную в Мюнхене Братством бывших воинов 1-й Украинской дивизии Украинской народной армии лишь в 1954 г. Здесь наибольшее внимание уделено битве при Берестечко, помещён подробный план сражения[10], составленный автором. Расположение ставки крымского хана Крохмалюк, в отличие от других авторов, связывает с высотой 216, находящейся ближе к Щуровецкому лесу, что вполне согласуется с упомянутым польским планом 1651 г. Однако, сомнение вызывают некоторые другие элементы плана, в частности, неверно изображено место казацкого табора после битвы.

В советское время в течение многих десятилетий крупнейшее сражение Освободительной войны под предводительством Б. Хмельницкого не подвергалось картографическому изучению (если не считать обозначения места битвы на карте). Схемы этого сражения нет в «Большой советской энциклопедии», «Украинской советской энциклопедии», «Советской историчес-

---

[9] *Історія українського війська.* Львів, 1936. С. 211.

[10] *Тис-Крохмалюк Ю.* Бої Хмельницького. Мюнхен, 1954. С. 111.

кой энциклопедии», «Советской энциклопедии истории Украины», в крупнейших трудах по истории военного искусства Е.А. Разина и А.А. Строкова. В «Атласе офицера» помещено 5 планов сражений периода 1648–1652 гг., выигранных Б. Хмельницким, но плана крупнейшего сражения войны нет[11]. По-видимому, сам факт крупнейшего поражения народного войска психологически настраивал советских авторов на большее внимание к другим событиям войны.

В 1972 г. схематический план битвы при Берестечко опубликовал В.В. Грабовецкий[12]. К сожалению, из его книги не видно, сам ли В.В. Грабовецкий был автором плана, либо он создан по его указаниям картографом, либо перепечатан из какого-то источника. Этот недостаток вообще широко распространён в картографии. В том же году значительно более подробный план битвы был напечатан в очерке-путеводителе «Казацкие могилы: Музей-заповедник под Берестечком»[13]. Здесь также не указано, кто является автором плана. Если расположение войск (особенно королевских) на данном плане показано детально, то ход битвы практически не отображён, если не считать двух стрелок, относящихся к концу битвы. Последовательность действий сторон по этому плану определить невозможно. В 1976 г. несколько иная версия схемы сражения опубликована в «Советской военной энциклопедии» и впоследствии дважды переиздавалась[14]. Здесь схема крайне упрощена, боевой порядок войска Б. Хмельницкого составитель плана изобразил в виде колоссального табора в форме трапеции, что весьма сомнительно. Все эти планы основывались на анализе письменных источников. В современной России картографическая разработка темы прекратилась, так как битва прямо не относится к истории России. В новейшей энциклопедии «Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года» (М., 1994. Т. 1.) нет даже статьи о сражении при Берестечко.

С 1970 г. на месте битвы проводил археологические раскопки И.К. Свешников. Итогом стала его книга «Битва под Берестечком», содержащая схему размещения казацких, татарских и королевских войск во время сражения[15]. Это первый на Украине опыт исследования места средневековой битвы с помощью методов археологии. Одним из неожиданных открытий стало установление неизвестного прежде факта пребывания в составе войска Б. Хмельницкого донских казаков и московских стрельцов, которые до конца

---

[11] *Атлас офицера.* М., 1984. С. 271.

[12] *Грабовецький В.В.* Західноукраїнські землі в період народно-визвольної війни 1648–1654 рр. К., 1972. С. 161.

[13] *Мах П.П.* Козацькі могили: Музей-заповідник під Берестечком: Нарис-путівник. Львів, 1972. С. 23.

[14] *Советская военная энциклопедия.* М., 1976. Т. 1. С. 452; *Советская военная энциклопедия.* М., 1990. Т. 1. С. 379; *Военная энциклопедия.* М., 1997. Т. 1. С. 445.

[15] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 107. Эта схема перепечатана в учебнике для 8 класса «Історія України. XVI–XVIII століття» А.К. Швидько в 1997 г. (с. 165).

сражения находились в лагере казачьих войск, а, отступая, вместе с ними сдерживали натиск противника[16]. Материалы книги И.К. Свешникова позволяют осуществить значительно более детальную картографическую реконструкцию хода сражения, чем это сделано самим автором.

Наиболее подробное картографическое отображение битвы при Берестечко опубликовано в Польше[17]. Два цветных плана, выполненных Генриком Котарским, показывают, соответственно, ход сражения 28–29 и 30 июня, отражая представления о битве М. Кукеля. Сопоставление этих схем и сопроводительного текста, напечатанных Збигневом Вуйциком, показывает, что составитель ошибочно поменял местами схемы. Не указано также, когда именно планы сражения созданы Г. Котарским, публиковались ли они прежде. Тем не менее, именно эти планы, основанные исключительно на польских источниках, позволяют получить наиболее полное представление о ходе сражения, хотя в них содержатся некоторые ошибки, отмеченные И.К. Свешниковым.

В современной Украине разработка проблем истории казачества стала приоритетным направлением в исторической науке, чего нельзя сказать о России. В 1996 г. в Днепропетровске вышла книга И.С. Стороженко, посвящённая военному искусству периода Освободительной войны украинского народа середины XVII в., где уделено большое внимание и битве при Берестечко[18]. Составленные И.С. Стороженко схемы сражений упомянутой войны были перепечатаны в 2002 г. в энциклопедии, посвящённой истории украинского казачества[19]. Некоторые планы сражений можно считать несомненным творческим успехом автора (например, битва при Корсуне, под Махновкой, под Лоевом, под Батогом), но схемы битвы при Берестечко на удивление выглядят довольно примитивными[20]. Даже несложный план битвы, помещённый в новейшем школьном атласе по истории Украины для 8 класса, изданном в 2001 г., выглядит более удачно[21]. Очевидно, такой выбор составителей энциклопедии можно объяснить только незнанием других опубликованных планов битвы. По сравнению с планами Г. Котарского и И.К. Свешникова, вариант И.С. Стороженко явно проигрывает.

Прилагаемые к данной статье планы сражения при Берестечко составлены мною на основе планов Г. Котарского, с устранением имеющихся там

---

[16] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 7.

[17] *Wójcik Z.* Wojny kozackie w dawnej Polsce. Kraków, 1989. S. 46–47.

[18] *Стороженко І.С.* Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII століття. Дніпропетровськ, 1996. С. 234–265.

[19] *Українське козацтво*: Мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2002.

[20] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 244, 250.

[21] *Атлас з історії України (XVI–XVIII ст.)*. 8 клас. / Упорядники: Д.В. Ісаєв, О.В. Гісем, О.О. Мартинюк. Київ, 2001. С. 8.

ошибок, а также с учётом данных И.К. Свешникова, В.В. Грабовецкого и других авторов. Эта работа выполнена в соответствии с планом подготовки «Атласа истории казачества»[22] и вполне может содействовать появлению военно-исторического атласа Украины, о необходимости создания которого писал Я. Дашкевич[23]. К сожалению, слабая информированность о научных публикациях в других странах (в том числе в Польше и даже Украине) серьёзно препятствует продуктивной исследовательской работе. Создание единого информационного пространства было бы чрезвычайно полезно всем, кто занимается научными разработками и использует их результаты. Все указания на возможные пробелы в историографии вопроса будут приняты с благодарностью.

Необходимо прокомментировать составленные планы. Безусловно, очень важен вопрос о соотношении сил в ходе сражения. Польские источники часто преувеличивали численность войск противника и приуменьшали собственные силы, чтобы подчеркнуть значимость победы. Интересно, что казаки также сознательно распространяли преувеличенные слухи о численности своих войск, надеясь посеять панику в стане врага. Количество крымских татар, участвовавших в битве, определить труднее всего, так как многие отряды отправлялись грабить окрестные местечки и сёла. Неудивительно, что разброс цифр в научной литературе очень велик. В английском словаре Т. Харботла «Битвы мировой истории», переработанном и дополненном Дж. Брюсом, о битве при Берестечко дана более чем краткая информация, способная лишь ввести читателя в заблуждение (100 000 поляков разбили 300-тысячную армию казаков и крымских татар и т.д.)[24]. Ещё более нелепая справка даётся во «Всемирной истории войн» Р.Э. Дюпюи и Т.Н. Дюпюи: 34 тысячи поляков нанесли решительное поражение 200-тысячной казацко-татарской армии Б. Хмельницкого[25]. Это же соотношение сил повторяет и компилятивная «История войн», вышедшая в Ростове-на-Дону в 1997 г.[26]

Наиболее авторитетны авторы, специально исследовавшие проблему. Ю.А. Мыцык обратил внимание на «Секретное и правдивое донесение» королевского секретаря А. Мясковского, предназначенное лишь для короля Яна Казимира, где сообщается, что под Берестечко в королевском войске находилось 210 тысяч человек только вооружённой челяди, а если добавить

---

[22] *Авраменко А.М.* Атлас истории казачества: идея, концепция и структура // Казачество России: история и современность: Тезисы Международной научной конференции. г. Геленджик (8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 4–7.

[23] *Історія українського війська 1917–1995.* Львів, 1996. С. 9.

[24] *Харботл Т.* Битвы мировой истории: Словарь / Переработано и дополнено Дж. Брюсом. М., 1993. С. 66–67.

[25] *Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н.* Всемирная история войн: Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства "Полигон". СПб.; М., 1997. Кн. 2: 1400 год – 1800 год. С. 563.

[26] *История войн.* Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 88.

численность профессиональных военных, то получится почти 300 тысяч человек[27]. Конечно, далеко не все из них действительно принимали участие в битве. В.В. Грабовецкий писал, что король Ян Казимир привёл к Берестечко 150-тысячную армию, войско Б. Хмельницкого насчитывало около 100 тысяч человек, войско крымского хана Ислам-Гирея III — 50 тысяч[28]. К таким цифрам склоняются и многие другие авторы. Но никто не может поручиться за точность этих данных. Тот же В.В. Грабовецкий полагал, что в битве погибло около 20 тысяч казаков и крестьян, И. Богун вывел из лагеря 20 тысяч человек[29], а где же остальные 60 тысяч? Н.И. Костомаров, ссылаясь на польские источники, писал, что 21 июня (1 июля) поляки нашли на поле боя убитых 6 000 человек с обеих сторон[30]. А упоминавшийся И.К. Свешников писал, что на месте переправы через болото на площади свыше 2,5 гектара обнаружено только 92 скелета. Это доказывает, что даже в день ликвидации казацко-крестьянского табора потери были вовсе не так велики, как это традиционно считалось[31]. Говоря об общей численности королевских войск, И.К. Свешников считал наиболее близкими к действительности подсчёты двух неизвестных шляхтичей в письмах от 29 мая из-под Сокаля и 26 мая из-под Берестечко — свыше 300 тысяч человек, включая вооружённую челядь[32]. При этом пехота составляла около пятой части всей армии. И.С. Стороженко на схеме битвы 30 июня показал численность королевских войск в 70 тысяч человек. Если признать, что общая их численность превышала 300 тысяч человек, то получится, что во время сражения в укреплённом лагере находилось 230 тысяч человек, а это вряд ли соответствовало действительности. Считая численность крымско-татарского войска, приводимую в источниках и исследованиях (28—30 тысяч), значительно заниженной, И.С. Стороженко на своей схеме указывает её всё-таки в 30 тысяч человек[33]. Выяснение хотя бы приблизительной численности войск, должно быть тесно связано с вопросом о возможности размещения такого количества людей на поле боя. Изучение топографии места сражения и сопоставление её со свидетельствами источников о размещении войск противников может приблизить количественные данные к реальности, но это требует дополнительных исследований.

Для изучения тактики, избранной полководцами, а также для осмысления логики хода сражения важно учитывать качество вооружения, боевую

---

[27] *Мыцык Ю.А.* Анализ источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. Днепропетровск, 1983. С. 62.

[28] *Грабовецький В.В.* Вказ. праця. С.159—160.

[29] Там же. С.169.

[30] *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 485.

[31] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 18.

[32] Там же. С. 76.

[33] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 240, 250.

подготовку и моральное состояние войск. Королевское войско было вооружено, несомненно, лучше. Особенно значительную силу представляли наёмные профессиональные солдаты. Однако многочисленное шляхетское ополчение («посполитое рушение») было недисциплинированным, и многие шляхтичи вовсе не собирались рисковать своими жизнями. В решающий момент сражения 30 июня ополчение правого крыла королевского войска не выполнило приказ Яна Казимира о переходе в наступление. А сразу после ликвидации казацко-крестьянского табора шляхта из посполитого рушения отказалась продолжать поход, созвала без разрешения короля на поле под Берестечком «коло» (круг) и постановила возвращаться домой. Многим из шляхтичей не довелось воевать даже в ходе битвы при Берестечко[34]. Неудивительно, что накануне решающей битвы король приказал уничтожить переправы через реку Стырь, чтобы не допустить бегства собственного ополчения. Важным фактором, который, несомненно, учитывался как Б. Хмельницким, так и Яном Казимиром, было отсутствие нормального снабжения королевских войск провиантом и фуражом. Отсюда постоянный голод и бесконечные грабежи, от которых страдала даже местная шляхта. Поэтому Б. Хмельницкий стремился измотать противника ещё до решающего столкновения, а король понимал, что только решительная победа в открытом бою может радикально изменить ситуацию.

В казацко-крестьянском войске был высокий боевой дух, но по уровню военной подготовки крестьяне значительно уступали казакам, а многие не имели полноценного вооружения. В войске Хмельницкого абсолютно преобладала пехота. Уже поэтому для него очень важна была поддержка татарской конницы. Однако татар интересовала, прежде всего, добыча, а большие потери могли вызвать панику и бегство. Взаимодействие с таким союзником требовало большого дипломатического искусства и военного таланта.

Для И.С. Стороженко и многих других исследователей войско Хмельницкого – это украинское казацкое войско. Но И.К. Свешников справедливо указывал на то, что в войске Хмельницкого было немало выходцев из польской шляхты, а в королевском войске – украинцев. Если большинство авторов делает упор на национально-освободительный характер войны, то Свешников подчёркивал приоритет не национальной, а социальной борьбы. Для Хмельницкого польские крестьяне, восставшие против магнатов и шляхты, были союзниками. Неслучайно польская шляхта сразу после битвы под Берестечком отказалась продолжать поход на Украину, вопреки требованиям короля: шляхтичи стремились поскорее вернуться домой, опасаясь восстания собственных крестьян. Поэтому поход продолжали наёмники и надворные войска магнатов. Объективно данное обстоятельство во многом помогло Хмельницкому исправить тяжёлое положение, сложившееся после поражения под Берестечком.

Пути подхода королевских войск к месту сражения хорошо показаны

---

[34] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 126–127.

на плане Г. Котарского. Но И.К. Свешников обнаружил также следы переправы у Стремильче. На этом основании он пришёл к мысли о том, что все королевские войска прошли здесь, минуя Берестечко[35]. Но в этом случае переправа заняла бы слишком много времени. К тому же, форсировав реку Стырь у Стремильче, войска должны были продвигаться по бездорожью по краю леса и частично заболоченной местности. По-видимому, здесь прошла небольшая часть королевских войск, а остальные двигались по более удобным маршрутам, указанным на плане Г. Котарского. В то же время Г. Котарский неверно указал место переправы войска Б. Хмельницкого у Корытно. И.К. Свешников привёл убедительные аргументы в пользу того, что переправа произошла у Козина, а далее путь шёл через Боратын, Хотын и Редков к селу Остров. Но на плане Г. Котарского видна и другая дорога от Козина к Хотыну. Учитывая стремление гетмана ускорить движение войска, можно полагать, что использовались обе дороги. По мнению И.К. Свешникова татарское войско Ислам-Гирея III двигалось самостоятельным маршрутом через местечко Лешнев[36]. Здесь же находился небольшой конный отряд казаков, тогда как небольшой татарский отряд шёл вместе с Б. Хмельницким через Козин. Полк Б. Радзивилла, охранявший переправу через реку Пляшевку в Козине, дал знать о приближении татар и вступил с ними в бой 28 июня. Против этой версии возражает И.С. Стороженко[37], но его доводы не выглядят убедительными.

И.П. Крипьякевич ошибочно полагал, что королевский лагерь под Берестечком имел форму полумесяца, а Б. Хмельницкий будто бы остановил свои войска на западном берегу реки Пляшевки выше села Солонев[38]. Эту версию отобразил В.В. Грабовецкий на своём плане битвы, где «полумесяц» был выгнут в сторону, противоположную от противника. И.К. Свешников, справедливо критикуя данную версию, считал, что король построил свой лагерь в форме квадрата с бастионами на валах[39]. Однако, опубликованный им же план битвы, созданный вскоре после сражения, показывает лагерь отнюдь не квадратной формы, а выгнутый в сторону противника, с изображением 12 бастионов. Н.И. Костомаров, побывавший на месте битвы в 1845 г., увидел старую линию окопов в виде полумесяца и решил, что это следы польского лагеря[40]. По-видимому, лагерь в данном случае не мог иметь чёткой геометрической формы и его планировка была

---

[35] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 101, 146.

[36] Там же. С. 103–104.

[37] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 242–243.

[38] *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький / 2-е вид., випр. і доп. Львів, 1990. С. 113.

[39] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 57.

[40] *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 471.

приспособлена к характеру местности. Кстати, на плане самого И.К. Свешникова королевский лагерь вовсе не напоминает квадрат.

Судя по имеющимся источникам, утром 28 июня татары сожгли местечко Лешнев и ближайшие сёла. Около 14.00 они вместе с конным казачьим отрядом близко подошли к королевским войскам, пытаясь завязать одиночные поединки — «герцы». Навстречу Ян Казимир вывел конницу — правым флангом командовал великий коронный гетман Н. Потоцкий, левым — польный гетман М. Калиновский (в легенде к плану Г. Котарского ошибочно указано наоборот). Лишь через 3 часа король разрешил отрядам А. Конецпольского и Ю. Любомирского (из правого крыла) атаковать. Татары отступили, но вскоре напали на своих преследователей. Тогда с левого фланга королевского войска в атаку пошли полки И. Вишневецкого и С. Чарнецкого. Столкновение первого дня не сопровождалось большими потерями (хотя успех был на стороне королевских войск) и имело целью провести разведку боем. Крымский хан в этот день находился в Лешневе.

Согласно И.С. Стороженко, в конце дня 28 июня к месту боя подошли главные силы армии Б. Хмельницкого[41]. В таком случае непонятно, почему они не проявили себя в полной мере в бою 29 июня. Поэтому следует согласиться с версией И.К. Свешникова, согласно которой 29 июня, используя дождь и туман, Хмельницкий перевёл своё войско через переправу в Козине, после чего вместе с татарами атаковал левое крыло противника[42]. По-видимому, в этой атаке участвовала лишь небольшая часть его войска, а остальные полки ещё следовало привести в порядок после перехода. Известно, что в бою 29 июня участвовала конница, а главные силы Хмельницкого составляла пехота, которая, по-видимому, всё ещё продолжала подходить к месту битвы.

Татары пытались заманить королевскую кавалерию в лозы под удар казацкой засады, но это им не удалось: полки С. Потоцкого (из левого крыла) и С. Лянцкоронского (из правого крыла) отбросили татар с поля боя. Но около полудня казаки и татары атаковали правое крыло противника ещё большими силами. Прорвавшийся вперёд полк Лянцкоронского попал в тройное окружение. Ему на помощь подошли полки Потоцких, Любомирского и Сапеги. Всё перемешалось. В бою участвовал и 5-тысячный отряд турок, посланный султаном на помощь Хмельницкому. Поляки вынуждены были отступить с большими потерями. После этого татары прорвали центр боевого порядка королевского войска, но своевременный контрудар Вишневецкого (из левого фланга) заставил татар отступить. Около 16.00 бой прекратился. Желая вознаградить себя за потери, татары переправились через Стырь и ударили по тылам королевских войск, захватив в плен многих шляхтичей. Наиболее удобно это было сделать, переправившись южнее леса близ села Щуровичи.

---

[41] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 244.

[42] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 104.

В ходе боя хан Ислам-Гирей III находился на холме, обозначенном на плане Г. Котарского как высота 227. На схеме И.С. Стороженко показано, что Хмельницкий в бою 29 июня командовал центром союзных войск, а И. Богун — правым флангом[43]. Однако никаких доказательств данной версии он не приводит. На той же схеме видно, что правым флангом королевских войск командовал Лянцкоронский, центром — король, левым флангом — Вишневецкий, хотя из польских источников следует, что на самом деле левым флангом командовал польный гетман М. Калиновский, а Вишневецкий был одним из полководцев левого крыла. Точно так же, правым флангом королевских войск командовал великий коронный гетман Н. Потоцкий, и лишь в день решающего сражения 30 июня из-за болезни его заменил Лянцкоронский.

В бою 29 июня успех был, скорее, на стороне союзных войск Хмельницкого и Ислам-Гирея III. Наиболее ощутимые потери понесло правое крыло королевского войска, что предопределило пассивность этого крыла в битве 30 июня. Но потери татар были также немалыми и, что особенно важно, среди погибших оказались видные татарские полководцы (среди них — Тугай-бей и два брата самого хана). Это весьма тяжело сказалось на психологическом состоянии Ислам-Гирея и его войска. Многие татары склонны были считать такие потери проявлением гнева Аллаха. На эту психологическую особенность вполне обоснованно обратил внимание И.С. Стороженко. Если 28—29 июня основной атакующей силой были татары, то в решающий день сражения, 30 июня, был мусульманский праздник и хан просил Хмельницкого провести бой с минимальным участием крымского войска. Многие татары в этот день вместо участия в битве занялись захватом добычи на дорогах. Этот фактор не мог не учитывать Хмельницкий.

Утром 30 июня казацко-крестьянское войско вышло на бой, двигаясь табором, окружённым 10 рядами возов. Сначала табор двигался фронтально на королевское войско, а затем был направлен на левый фланг противника. Здесь поляки вынуждены были отступить. Кстати, на соответствующем плане И.С. Стороженко[44] казачий табор вообще не показан, а союзные войска Хмельницкого и Ислам-Гирея III вытянуты в линию. При таком боевом порядке положение правого фланга (согласно И.С. Стороженко, им командовал И. Богун) было чрезвычайно уязвимым и рискованным. На плане сражения в «Советской военной энциклопедии» (и в последующих переизданиях) казачий табор изображён в виде гигантской трапеции, хотя никаких доказательств такого построения не приводится. Построение треугольником или трапецией могло иметь смысл при обороне, но в процессе движения наиболее удобная форма — прямоугольник. На плане В.В. Грабовецкого табор Хмельницкого выглядит бесформенным, у И.К. Свешникова на схеме можно лишь предполагать наличие двух отдельных таборов пря-

---

[43] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 244.

[44] Там же. С. 250.

моугольной формы (о них автор пишет в тексте книги), у Г. Котарского и Я. Виммера табор казаков показан в виде вытянутого прямоугольника, Ю. Тыс-Крохмалюк изобразил его квадратным. Остановившись, казаки стали укреплять свой табор.

Согласно И.К. Свешникову, ставка Хмельницкого располагалась на правом фланге казацко-крестьянских войск. Более вероятным кажется мнение И.С. Стороженко о том, что Хмельницкий находился в центре боевого порядка союзных войск. Обоснованным представляется также его мнение о том, что штаб гетмана возглавлял Ф. Джалалий, а войска правого фланга — И. Богун[45]. На холме и у его подножья на левом фланге ещё 29 июня в неукреплённом лагере разместились татарские войска и отряд турецкой пехоты. В центре холма стоял ханский шатёр, а у подножья находились 2 татарские пушки малого калибра[46]. Важно установить также, какой холм имеется в виду. Судя по схемам И.К. Свешникова и И.С. Стороженко, высота 226 находилась на левом фланге союзных войск. В то же время, известно, что в начале боя казаки сошли с холма, двигаясь на противника, после чего стали строить укрепление из возов. Сомнительно, что это тот же холм, на котором стояли татары. На планах Г. Котарского можно легко обнаружить два соседних холма, что подтверждается и современной топографической картой. Судя по всему, Хмельницкий двинул своё войско с холма, расположенного севернее (высота 226). Следовательно, хан занимал соседний холм. Котарский обозначил как высоту 227 более южный холм, допустив также ряд других неточностей (в том числе ошибочное написание села Редков).

Согласно И.К. Свешникову, правое крыло казацко-крестьянского войска продвинулось к селу Солоневу. При этом левый фланг королевских войск был повёрнут фронтом на юг, а правый фланг — фронтом на север[47]. Даже беглого взгляда на схему И.К. Свешникова достаточно, чтобы понять, что при таком боевом порядке королевские войска легко подставлялись бы под фланговые удары противника. Ничего подобного мы не видим на упоминавшемся польском плане, составленном современником сражения (фрагмент плана опубликовал И.К. Свешников). Там и центр, и фланги королевского войска обращены фронтом к противнику. Версию И.К. Свешникова в данном случае трудно признать обоснованной. Согласно Я. Виммеру, фланги королевского войска были немного развёрнуты в сторону центра[48], но вряд ли при этом построение сильно отличалось от того, что показано на польском плане 1651 г. Судя по этому картографическому источнику, центр королевской армии был выдвинут вперёд, а фланги выполняли роль тылового прикрытия. Центр своего войска Ян Казимир построил в шахматном порядке в три линии. Такой боевой порядок источники называли «немецким»

---

[45] Там же. С. 246–248.

[46] *Свешніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 106, 109.

[47] Там же. С. 106–107.

[48] *Nowak T., Wimmer J.* Dzieje oręża polskiego... S. 277–278.

(Я. Виммер назвал его «шведским»). И.С. Стороженко наивно полагает, что разделение войска на три части (по его версии, на авангард, главные силы и арьергард) – это и есть «немецкий» или «голландский» способ, широко использовавшийся в период Тридцатилетней войны 1618–1648 гг.[49] На самом деле разделение войска на авангард, центр и арьергард применялось ещё задолго до нашей эры. Но оно имело смысл в походе или при глубоко эшелонированном построении. А на поле битвы, вопреки тому как показано на схеме И.С. Стороженко, нет никаких оснований считать правый фланг авангардом, а левый – арьергардом. Он же ошибочно считает, что левым флангом командовал И. Вишневецкий. При всей значительной роли, которую сыграл Вишневецкий в битве, формально командовал левым флангом Калиновский. Согласно И.С. Стороженко, в середине главных сил король поставил конницу, по краям – пехоту. Но польский план 1651 г., как и письменные источники, свидетельствует, что в центре преобладала пехота и спешенные драгуны, а по краям – конница. На правом фланге королевских войск (под командованием Лянцкоронского) и на левом фланге (под командованием Калиновского) абсолютно преобладала конница, выстроенная в шесть линий. Артиллерия была расположена тремя батареями впереди центра боевого порядка Яна Казимира.

По-видимому, гетман надеялся избежать решающего сражения в этот день, учитывая состояние татарского войска. Продвигая вперёд свой правый фланг, Хмельницкий тянул время, изматывал противника, но не переходил в решительное наступление. При этом правый фланг казацко-крестьянского войска упирался в болотистый берег реки, что должно было служить серьёзным препятствием для действий королевской конницы. Стремясь сосредоточить атаки противника на укреплениях своего правого фланга, гетман, по-видимому, ожидал, что королевская армия не будет сильно тревожить татар и можно будет перенести решающее сражение на следующий день. Действительно, после 15.00 Вишневецкий, получив разрешение короля, начал атаку на строившийся казачий табор. Атакующим удалось прорваться через укрепления, но вскоре казаки и крестьяне при поддержке татар сильной контратакой оттеснили противника. Вслед за тем казаки начали наступление на позиции королевского левого фланга. Ян Казимир вынужден был из главных сил послать в контратаку всю немецкую наёмную пехоту. Казакам пришлось отойти в свой лагерь.

И.К. Свешников считает достоверным сообщение польского источника о существовании двух укреплённых таборов – меньшего (крестьянского) и большего (казачьего)[50]. Он пишет, что атаковать сначала меньший, затем больший табор, но на схеме Свешникова почему-то, наоборот, ближе к королевскому войску показан больший табор. Остаётся выяснить, понимал ли Хмельницкий, что отдельно стоящий, да ещё меньший крестьянский табор

---

[49] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 248

[50] *Свєшніков І.К.* Битва під Берестечком... С. 108.

был весьма уязвим и в случае осады был бы уничтожен первым, учитывая более слабое вооружение и боевую подготовку крестьян по сравнению с казаками. Логичнее предположить, что казачьи формирования выполняли роль вспомогательных отрядов и тесно взаимодействовали с казацкими полками.

Пытаясь помочь союзнику, крымский султан Нурадин дважды атаковал правое, а затем левое крыло королевской армии, сдерживая наступление немецкой пехоты. Один из татарских отрядов даже пытался обойти правый фланг противника, двигаясь через Щуровецкий лес. Но Ян Казимир точно определил слабое место в боевом порядке противника. Увидев, что казаки и крестьяне, вернувшиеся в свой табор, стали окапывать его рвом и обносить валом, король начал наступление центром своих войск на занятый татарами холм. Он приказал правому крылу Лянцкоронского поддержать атаку, но шляхтичи не сдвинулись с места, опасаясь рисковать. Удачный артиллерийский обстрел ханской ставки вызвал панику и бегство татар, бросивших даже ханское знамя, его личные вещи, добычу и своих раненых. Татары бежали под Лешнев, откуда повернули на переправу в Козине. Только после этого правое крыло королевских войск начало преследование татар до самой переправы.

Бегство татар многие исследователи до сих пор обычно объясняют предательством хана, но объективный анализ И.К. Свешникова и И.С. Стороженко убеждает, что это не так. Хмельницкий немедленно поскакал догонять хана, чтобы уговорить его вернуться на поле битвы и спасти положение. Командовать войском гетман поручил Ф. Джалалию. И.С. Стороженко приводит серьёзные аргументы в пользу того, что Хмельницкий уже тогда понял: битва проиграна и следует принять все меры для сбора войск в районе Белой Церкви, вывести туда же войско из лагеря под Берестечко и не допустить выхода из борьбы крымских татар в качестве своего союзника.

После бегства татар король повернул фронт своего центра налево против казацкого табора, но казаки уже успели его укрепить, а дождь и ночь прекратили бой. К удивлению поляков, казаки и крестьяне ночью передвинулись со своим табором на новое место — к болоту и реке в районе села Остров. Г. Котарский, Ю. Тыс-Крохмалюк и Я. Виммер ошибочно показывают его в районе села Корытно, но археологические исследования И.К. Свешникова опровергают данную версию. Нанести крупные потери казацко-крестьянскому войску в этот день Ян Казимир не успел.

Утром 1 июля шляхта увидела укреплённый казачий табор на новом месте. Атаки табора успеха не имели. Только 4 июля королевские войска приступили к осаде лагеря противника и заняли холм, на котором 29—30 июня находился ханский шатёр. Теперь здесь были поставлены шатры короля и обоих гетманов (Потоцкого и Калиновского), разместились некоторые полки. 3 и 4 июля казаки предприняли сильные вылазки и нанесли серьёзный урон противнику. 9 июля Лянцкоронский во главе около 2000 человек конницы перешёл реку Пляшевку и зашёл в тыл повстанцам.

Согласно распространённой версии, казачья старшина в ночь с 9 на 10 июля избрала наказным гетманом И. Богуна вместо Ф. Джалалия, но И.С. Стороженко пришёл к иному выводу: Хмельницкий поручил Джалалию

как начальнику штаба организовать, а Богуну — обеспечить выход войска из окружения, причём Богун командовал арьергардом. Он полагает также, что основные силы повстанческого войска были выведены уже 4–5 июля[51]. Узнав, что отряд Лянцкоронского преградил отход, Богун сумел соорудить 3 переправы через Пляшевку и болота и утром 10 июля начал переводить конницу на другой берег. Обнаружив появление казачьего конного отряда, Лянцкоронский решил, что на него идёт всё казачье войско и без боя отошёл к Козину. Но в повстанческом таборе слух об уходе казаков вызвал панику, многие стали толпиться на переправах и тонуть. Богун надеялся вернуться в лагерь, чтобы организованно завершить переправу, но уже не смог этого сделать. Именно поэтому трофеями королевских войск стали гетманские документы, личные вещи, печать, знамёна.

Обнаружив, что табор почти опустел, королевские войска ворвались туда, но мало кого застали, убивая всех, кто попадался. В таборе был убит коринфский митрополит Иоасаф. Королевские войска шли облавой, добивая тех, кто отстал. Но отступавшие продолжали сражаться, нанося потери противнику. Для прикрытия отхода был оставлен казачий отряд в 200 или 300 человек, оборонявшийся на острове Гаёк (как установил И.К. Свешников) и целиком погибший. Потери казацко-крестьянского войска были немалыми, но не столь большими, как это представлено в польских источниках. По существу, королевское войско захватило почти пустой лагерь, а вскоре Хмельницкий собрал вполне боеспособное 50-тысячное казацко-крестьянское войско, не считая татар. Это доказывает, что последствия битвы при Берестечко были не столь катастрофичными, как это представляется многим авторам научных и публицистических трудов. Но не следует впадать в другую крайность: Ю. Тыс-Крохмалюк писал, что поляки создали «легенду о своей победе под Берестечком» и даже о том, что «стратегически украинское войско победило» в результате сражения[52], что является безусловной натяжкой. Следствием поражения под Берестечком было вынужденное подписание Б. Хмельницким невыгодного Белоцерковского договора, значительно сократившего территорию, подвластную гетману, и вдвое уменьшавшего казачий реестр.

По определению выдающегося историка-картографа Б.Г. Галковича, «созданная картографическая модель — реконструкция исторической действительности», которая становится отправным пунктом уже для нового исследования, то есть для продолжения познания[53]. Прилагаемые к статье планы сражения, безусловно, отражают авторскую реконструкцию события, и пробелы в источниках не позволяют уточнить некоторые существенные детали. Остаётся надеяться, что проделанная работа будет полезным вкладом в изучение столь крупного исторического события как битва под Берестечко.

---

[51] *Стороженко І.С.* Вказ. праця. С. 256.

[52] *Тис-Крохмалюк Ю.* Вказ. праця. С. 135, 150.

[53] *Галкович Б.Г.* О значении и месте картографического метода в исторической географии. // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1974. № 5. С. 55.

А. А. МАСЛОВСКАЯ
г. Красноярск

ДИАЛОГ ИСКУССТВ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVII–XVIII ВВ.

В современном мире Польша и Россия, несмотря на все существующие разногласия, пытаются найти пути к политическому сотрудничеству. Поляки и русские оказались на разных полюсах. Польша, вступившая в НАТО и тяготеющая к сближению с Евросоюзом, и Россия, как бы ни стремившаяся стать европейской страной, большей частью своей территории – азиатское государство. У русских и поляков различный менталитет и разные интересы в политической жизни. Но, несмотря на всё это, а также вражду на разных этапах истории, у них есть и общее. Это общее происхождение: оба народа славянские, а значит у них родственная культура, традиции и обычаи. Уже это их сближает. Через культурное единение можно найти и политическое единство.

Культурные контакты между двумя странами начались очень давно, но их бурный расцвет пришёлся на XVII–XVIII вв. В это время происходит обмен достижениями искусства. Молодая Россия перенимает у Польши достижения западноевропейских государств в таких видах искусства, как живопись, музыка, театр.

На Руси живопись долгое время развивалась в виде иконописи. С процессами обмирщения культуры в России появилась портретная живопись – парсуна. На развитие этого жанра огромное влияние оказала Речь Посполитая.

В Смоленском музее-заповеднике сохранились фрагменты портретных галерей известных польско-литовских магнатских родов Пац и Сапег. Художники восточных земель Речи Посполитой переняли композицию западноевропейского репрезентативного портрета с непременным расположением модели у стола на фоне колонн и занавесей. Портрет снабжался изображением гербового щита и надписями, сообщающими данные о портретируемом. В такой же манере сделаны портреты многих русских деятелей истории. В музее-заповеднике хранятся портреты видных

деятелей Речи Посполитой, сыгравших свою роль в истории России (Ян Замойский, Радзивилл, Стефан Чарнецкий).

На развитие живописи повлиял факт присоединения Украины к России. В это время в Москву стали приезжать многие польские мастера, которые уже с 1688 г. проводили все работы по отделке Коломенского – резиденции русских царей[1]. Многие из польских мастеров, приехавших в Россию в конце XVII в., нашли работу в Оружейной палате[2].

В годы Северной войны Пётр I вывез из Речи Посполитой много ценных произведений искусства, которыми украшены Летний сад, дворцы, парки Петербурга. В 1702 г. Пётр I привёз картину Г. Даллабела «Представление Шуйского на сейме 1611 г.». Эта картина имеет большое значение для русской истории, но вряд ли царь задумывался над этим в тот момент. Вывоз произведений искусства, их гибель были частью войны, которая самым сильнейшим образом влияла на культуру.

Многие русские и иностранные художники, современники и представители последующих поколений писали портреты императора Петра I.

Среди тех, кто писал Петра I с натуры, одно из первых мест принадлежит Яну Купецкому, который увидел в государе человека. Написанный им портрет был редким портретом, запечатлевшим не царя, а собеседника с приветливой улыбкой.

К таким портретам принадлежит портрет Петра I из замка в Курнике в Польше. По поводу того, что на портрете изображен Пётр I, выражаются сомнения, так как с портрета смотрит человек намного старше, чем был русский царь в 1711 г. Кроме того, виден совсем иной взгляд, нижняя часть лица не так подобрана. Изображён человек типа бонвивана, у императора же лицо было строже и суше. Одежда на голом теле, на очень пушистом меху, на голове высокая шапка, из такого же меха, на руке ружье, но Пётр не был охотником и никогда так не одевался. По мнению других исследователей, царь изображён после одной из процедур, входивших в курс лечения в Карлсбаде. Вероятно, он одет в халат потому, что принимал ванну, а одутловатое лицо – результат того, что его неделю поили карлсбадской водой от 4,5 до 9 литров в день. Необычное выражение лица вызвано горячей ванной[3]. Всё это даёт основание многим исследователям считать, что на портрете изображён Пётр I и этот портрет принадлежит кисти польского художника.

На одном из портретов русского фельдмаршала петровской эпохи Б.П. Шереметева, кисти И.П. Аргунова, граф изображён на коне. Этот портрет датирован 1753 г. Работая над ним, автор обращался к гравюре XVII в. –

---

[1] *Вайшишевский К.Ф.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1996. Т. 1. С. 392.

[2] *Свиридова И.И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: художник в культурном пространстве XVIII – середины XIX в. М., 1999. С. 7.

[3] *Подьячинская Е.П.* Портрет Петра I из замка в Курнике в Польше // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 89, 92.

конному портрету польского короля Владислава IV (художник В. Хондиус, 1648 г.). Об использовании И.П. Аргуновым портрета польского короля, написанного очевидно в России, говорит целый ряд сходств между ними. Общее построение на портрете Б.П. Шереметева то же, что и на портрете Владислава IV: скачущий вправо всадник на коне, облачное небо с низким горизонтом, расположенные правильными рядами войска вдали. И.П. Аргунов сохранил очертания холма на первом плане и движения всадника, особенно жест правой руки[4]. Портрет Владислава IV послужил хорошей моделью портрета Б.П. Шереметева. Интересно то, что на портрете Владислава IV начертаны сведения о портретируемом.

В XVIII в. большого интереса к польской культуре не наблюдалось, но связи не прекращались и в это время. Так, императрица Екатерины II велела В. Котерскому (Котарскому) снять копии с церемонии венчания и коронации Марины Мнишек и Дмитрия Самозванца. Портреты хранились в замке Вишневец у Мнишек. Екатерина II пожелала иметь с них копии того же размера, что и оригиналы, и с теми же надписями. Эти копии парафраза оригинала. Живопись предыдущего века считали недостойной глаз императрицы и стремились её «улучшить». В связи с этим копии значительно уступали оригиналу. Мнишекам было важно затушевать антироссийскую деятельность своих предков. В композициях появились элементы, упразднившие в картинах статику и торжественность оригиналов. Сцена венчания из краковского дома была перенесена в готический собор, сама церемония из-за этого приобрела государственный характер. Клан Мнишеков в оригинале торжественно застыл рядами, а в копии число их фигур значительно сократилось. В оригинале сцена коронации Марины Мнишек фантастически совмещена со сценой въезда в Москву, а Котерский же представил их на отдельных полотнах[5].

Одной из важнейших сфер культурных связей двух славянских народов, отражающих этногенетическую общность восточного и западного славянства, являлась музыка[6].

Ещё в период существования раннефеодальных государств и в период феодальной раздробленности между русскими и польскими профессиональными музыкантами поддерживались связи. Русские и польские музыканты встречались и взаимно пополняли свой репертуар песенными и танцевальными мелодиями. Действующие лица рыбалтовской комедии «Мясопуст» пели польские и украинские песни, в ней звучали мелодии танца «Подольские дубины» и «Гайдуцкого танца». С сарказмом говорили рыбалты о походе на Москву — «землю изобилия», где во всем хорошо[7].

---

[4] *Русское искусство XVIII в.* М., 1968. С. 159.

[5] *Свиридова И.И.* Указ. соч. С. 36.

[6] *Русско-польские музыкальные связи* / Под ред. И.Ф. Бэлзы. Л., 1963. С. 7.

[7] Там же. С. 17.

Развитию профессиональных связей содействовали приезды в Москву польских певцов, инструменталистов, украинских «вспевалок« и киевлянина Николая Павловича Дилецкого (Дылецкого) (ок. 1630 – ок. 1680).

Н.П. Дилецким был написан трактат, сыгравший огромную роль в истории развития русско-польских музыкальных связей. В 1670 г. в Смоленске появилась его первая редакция на русском языке: «Букварь-грамматика пения мусикийского, или известные правила в слоге мусикийском». Вторая редакция вышла в Вильно в 1675 г. на польском языке: *«Toga Złota»*, третья – в Москве в 1679 г. на русском языке: «Идея грамматики мусикийской», четвертая – в 1681 г. (она оставалась долгое время в рукописи и была опубликована в 1901 г.). Четвертая редакция дополнялась теоретическим трактатом, составленным «изысканием диакона Иоанникия Трофимова сына Коренева», работавшего, видимо, в содружестве с Н.П. Дилецким, благодаря которому русские музыканты познакомились с именами и образцами творчества польских композиторов, в том числе и с Марцином Мельчевским.

Произведения М. Мельчевского были известны в России ещё в начале XVII в. Об этом свидетельствует распоряжение Никона о присылке ему кантов М. Мельчевского. В обиход православного песнопения в это время проникают польские и униатские напевы. Начиная с Василия Титова русские композиторы, много работающие над созданием многоголосных кантов и псалмов, были хорошо знакомы с опытом своих польских коллег. В Польше также постепенно знакомились с достижениями русских мастеров[8].

Оба народа развивали не только самобытные черты, но и почерпнутые из культуры соседа, что и отразилось во многих достижениях профессионального искусства России и Речи Посполитой. Лишь некоторые из распространённых в Москве кантов были прямо заимствованы из польско-украинских сборников. Основная масса московских кантов возникла на местной национальной почве. Во многих из них явственно ощутима связь с русскими народными песенными источниками, что говорит о самостоятельном творческом переосмыслении и развитии этого жанра.

Самобытность русских песен, их поэтические интонации проникали даже в итальянскую музыку. Ещё более близкими они оказывались для польских, чешских, словацких музыкантов, постигавших их красоту, выразительность и эмоциональное богатство.

В процессе развития русской и польской музыкальных культур их контакты содействовали утверждению своеобразия этих культур как славянских. Это имеет особое значение, так как эпоха Просвещения ознаменовалась расширением внешних связей. Связи между славянскими культурами не обезличили их, а укрепили славянскую общность и обогатили поэтическую независимость[9].

Со временем в жизни польских городов всё более заметную роль стали

---

[8] *Русско-польские музыкальные связи...* С. 19.

[9] Там же. С. 7.

играть музыканты – выходцы из крестьянской среды. Они принесли не только исполнительские навыки, но и песенный репертуар, содержащий древние мелодии с отчетливо выраженными славянскими чертами. Этими чертами наделены произведения жанра думы, который зародился в западнорусских землях, а затем распространился в Польше[10].

Выразителями антикрепостнических настроений славянских народов были странствующие певцы, актеры и музыканты-инструменталисты – русские скоморохи и польские рыбалты.

До середины XIII в. они допускались в храмы, принимали участие в исполнении «пещного действа», где они играли роль «халдеев». Здесь не было инструментальной музыки, но она была при царском дворе, при котором работали некоторые польские музыканты, в том числе Календа[11].

XVII в. начинается и заканчивается под польские ритмы. Как писал польский посланник при дворе Петра I в первые годы его правления: «Танцевали исключительно по-польски, французские танцы употребляли редко»[12].

Огромной популярностью в XVII – начале XVIII в. пользовались польские песни. В русских рукописных песенниках XVII в. ведущее место занимали польские духовные песни. В XVIII в. чаще встречались светские и шуточные песни, а так же моралистические и духовные[13]. Это связано с обмирщением культуры в эпоху Петра I. И в XVII и в XVIII вв. песни писались как в переводе, так и на языке оригинала[14]. Перевод песен, как и прозы, был творчески переработан русскими переводчиками, обретая второго автора.

В XVIII в. продолжается приезд польских музыкантов в Россию. Ансамбль польских волынщиков играл при дворе Петра I, в списках придворных музыкантов были люди польского происхождения.

Немалую роль в развитии польско-русских культурных связей сыграл Юзеф Козловский (1757–1831). Внимание к своему творчеству Козловский привлек в 1791 г., когда в Таврическом дворце, где праздновали взятие А.В. Суворовым Измаила, прозвучал полонез «Гром победы раздавайся». Впоследствии он многие годы исполнялся в качестве русского национального гимна. Вокальные и инструментальные произведения Ю. Козловского завоевали огромную популярность. Его «Российские песни» являются результатом глубокого постижения интонационного строя и особенностей русской народной и бытовой городской песни. Козловский заново создал полонез на русской основе, высоко подняв его идейно-художественное значение. Ю. Козловский написал музыку ко многим сценическим произведениям русских писателей. Благодаря ему в России в начале XIX в. появились сборники полонезов и вокальных произведений М.К. Огинского[15].

[10] *Русско-польские музыкальные связи...* С. 15.

[11] Там же. С. 19

[12] *Свиридова И.И.* Указ. соч. С. 16.

[13] *Позднеев А.В.* Польские песни в русских песенниках XVIII в. // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Л., 1963. С. 158.

[14] Там же. С. 159.

[15] *Русско-польские музыкальные связи...* С. 20, 24.

В Западной Европе в XVII–XVIII вв. огромной популярностью пользовался театр. Театры заводили при своих дворах все монархи Европы, а вслед за ними и мелкие князья. Этот вид искусства очень быстро распространился в странах Восточной Европы, а через них – в России. Театр стал подобием мира, он отражал жизнь эпохи.

Впервые российский театр появился при Алексее Михайловиче во время празднования его свадьбы с Натальей Кирилловной Нарышкиной. После этого не было театральных представлений до рождения будущего Петра I[16]. Но это не означает, что театральное движение полностью прекратило своё существование в России. В конце XVII – начале XVIII в. в Славяно-греко-латинской академии был открыт школьный театр. Своим возникновением он во многом обязан украинскому театру. Все три театра: польский, украинский, русский имели сходные кодексы правил. Русский театр очень быстро заимствовал у польского сюжеты, темы, приёмы, жанры. Но не все жанры польского театра нашли своё отражение в русском. Например, в России не было «судов» и «сеймиков» – эти сцены, имитировавшие заседания, не прижились в России. Пьесы о преступлениях на троне, чрезмерно распространенные в Польше, имели место в России, как часть пьес Рождественского цикла. Наибольшее число аналогий имеют мистериальные циклы, что говорит о прямом заимствовании.

На польской и русской сценах было популярно действо о святом Алексии, поставленное в России в 1674 г. в честь Алексея Михайловича. В репертуарах были смешаны варианты «блудный сын» или «комедия о блудном сыне» в основе русского «Действа о князе Иеофе Галаатском». Польская комедия «Ефтес» – свободный перевод русской трагедии.

Польский и русский театры имели в репертуаре античные сюжеты. Проявлением общности театра стали драматизированные эпические произведения, романы, общими были исторические сюжеты о Тамерлане и Баязете, а также темы библейского цикла. В польских драмах XVII – первой половине XVIII в. звучат темы русской истории[17].

Характерно, что не только русский театр перенимал польское, но и польский заимствовал русские комедии, сюжеты, темы. Русский и польский театры перерабатывали заимствованное, дополняя его национальным содержанием. Театр внёс большие перемены в жизнь русского общества. В конце XVIII в. Россия оказывала огромное влияние на польскую культуру. Это был период русификации польской культуры. В XVIII в. в России модно было иметь труппу домашних актеров, эта мода распространилась и на Польшу. Многие польские магнаты завели придворные театры[18].

В заключение хотелось бы отметить, что, без сомнения, ведущая роль в культурном обмене между Речью Посполитой и Россией в XVII–XVIII вв. принадлежала первой, однако, как мы могли убедиться, и Россия оказала влияние на польскую культуру и её дальнейшее развитие.

---

[16] *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII вв. М., 1981. С. 28.

[17] Там же. С. 29, 81.

[18] *Кузьмина В. Д.* Старопольские и русские интермедии // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 35.

Б. Е. ФРОЛОВ
г. Краснодар

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ В ПОЛЬСКОМ ПОХОДЕ 1794–1795 гг.

В ходе беспрерывных войн XVIII в. часть польских земель стала добычей соседних государств. С середины XVIII в. претендентами на польские земли выступают Австрия, Пруссия и Россия. В августе 1772 г. они осуществили первый раздел Речи Посполитой. 13 января 1793 г. Россия и Пруссия оформили акт о втором разделе Польши. Большинство поляков не смирилось с превращением их страны в вассала Российской империи и поднялось на восстание в защиту национальной независимости. Началось оно фактически 12 марта 1794 г., когда кавалерийская бригада генерала А.Ю. Мадалиньского отказалась повиноваться правительству Тарговичан[1]. Вскоре повстанцы заняли Краков и Варшаву

22 апреля 1794 г. императрица Екатерина II повелела отрядить из войска Черноморского два конных полка «под начальством кошевого атамана» и отправить их в Польшу[2]. Впервые для черноморских казаков особым Положением устанавливался штат полка: 1 войсковой старшина или полковник, по 5 есаулов, сотников, хорунжих, 1 квартирмейстер, 1 полковой писарь и 483 казака (всего 501 человек). Жалованье командиру полка определялось 300 рублей в год, казакам 12 рублей, а всем остальным – по 50 рублей.

Ордером кошевому атаману З.А. Чепеге от 25 апреля 1794 г. Платон Зубов сообщил о повелении императрицы и сделал ряд конкретных предписаний. Они касались наряда казаков на службу, снабжения их лошадьми, амуницией, отпуска провианта, маршрута, дисциплины и т.д.

10 мая З.А. Чепега на заседании войскового правительства доложил, что счёл «самонужнейшим сделать наряд с достаточнейших старшин и казаков с таковых кои не у должностей; с одиноких по одному, с семейных по два

---

[1] *Дьяков В.* Обвал. Как исчезла с карты Европы Речь Посполитая // Родина. 1994. № 12. С. 33.

[2] *ГАКК.* Ф. 249. Оп. 1. Д. 288. Л. 10.

человека, как для комплектования сих полков, так и для перемены кордонной стражи»[3]. Заботясь о приличном виде казаков на «внешней» службе, атаман приказал заменить длиннополые с капюшонами серяки на бурки и башлыки (был ли выполнен этот приказ — неизвестно; опыт последующих лет показывает бесплодность подобных предписаний). Казакам полагалось запастись провиантом на 5—6 дней, затем его должны были выдавать из казённых магазинов. Порох и свинец также выдавались из казны.

Командование первым полком З.А. Чепега поручил армии премьер-майору Высочину, вторым — армии поручику Малому[4]. В их обязанности на данном этапе входил приём от куренных атаманов людей, вполне «исправных как лошадьми, так амуницией».

14 июня 1794 г. два черноморских полка выступили в поход на соединение с войсками генерал-аншефа А.В. Суворова. Общее руководство полками было поручено премьер-майору Высочину, ибо сам З.А. Чепега, передав войско под командование войскового судьи А.А. Головатого, отправился в Петербург. Пригласил его туда граф П.А. Зубов. В его письме от 4 мая 1794 г. есть такие строки: «Желая приобрести личное ваше знакомство, прошу вас по отправлении в путь тех полков, с коими велено вам идти в Польшу и по снабжении их надлежащими наставлениями, самим приехать в Петербург, откуда в скором времени опять к тем полкам я вас отправлю»[5].

По словам историка П.П. Короленко, 6 июля З.А. Чепега представлялся императрице и был удостоен приглашения к столу. «Государыня, лаская старого и сурового воина, сама угощала его на обеде вином, виноградом и персиками. Отпуская кошевого черноморцев в Польшу, Великая Монархиня сказала на прощанье Чепеге: "Бей, сынок, врагов Отечества"»[6].

Относительно даты отъезда атамана в столицу источники противоречивы. В одном из них, датированном 14 июня, З.А. Чепега сообщает А.А. Головатому, что отправляется в Петербург и вручает ему командование над войском[7]. В реестрах Войскового правительства указано, что сообщение З.А. Чепеги об отъезде слушали 19 июня[8]. В нашем распоряжении имеется ещё и письмо А.А. Головатого к З.А. Чепеге со следующими словами: «По провожении вас за Ейское укрепление прошлого 794 г. июня в 20-й день возвратился я в Екатеринодар»[9]. Отсутствие пунктуации затрудняет понимание точного смысла его фразы: проводил ли судья атамана 20 июня за Ейское

---

[3] *ГАКК*. Ф. 249. Оп. 1. Д. 288. Л. 54.

[4] Там же. Д. 292. Л. 1.

[5] Там же. Д. 288. Л. 1.

[6] *Короленко П.П.* Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. II. С. 9.

[7] *ГАКК*. Ф. 249. Оп. 1. Д. 288. Л. 9.

[8] Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 186. Л. 126.

[9] Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 10.

укрепление или же вернулся 20 июня в Екатеринодар? Учитывая среднесуточные нормы перехода того времени, полагаю, что З.А. Чепега отправился в путь также 14 июня вместе с полками и войсковым судьёй. Его сообщение об отъезде слушалось в Войсковом правительстве уже без его участия.

Но вернёмся к полкам, двигающимся к Польше. По ведомости премьер-майора Высочина от 21 июня 1794 г. в них числилось 973 человека (то есть полки выступили в некомплекте). Ещё не успели казаки добраться до Дона, как 84 человека были отправлены обратно в войско «за худость лошадей»[10]. К слову сказать, лошади в этом походе не раз подводили казаков. К примеру, 2 августа под Ольвиополем премьер-майор Высочин мог захватить в плен руководителя польского восстания Тадеуша Костюшко, «но чрез худые лошади удача не воспоследовала, схоронился в лесу»[11].

Путь в Польшу отмечен также нередкими случаями дезертирства из полков. Бежали в основном наёмники – казаки, служившие «за хозяина» (институт наёмничества – весьма характерное явление Черноморского казачьего войска конца XVIII – первой трети XIX в.). Во всех этих случаях Войсковое правительство обязывало куренных атаманов высылать на место беглецов других людей. Заявка в провиантский магазин от 2 сентября 1794 г. составлена всего на 797 человек[12]. Указать точное количество черноморцев, поступивших по распоряжению А.В. Суворова под команду генерал-аншефа Н.В. Репнина, не представляется возможным. Уже в действующей армии полки продолжали пополняться. В рапорте Высочина З.А. Чепеге 25 января 1795 г. в полку указано 489 человек, что с учётом потерь (8 человек) позволяет говорить о доукомплектовании полка штатным числом казаков[13].

Присоединившись к действующей армии, черноморцы вместе с донскими казаками активно несли разведывательную и дозорную службу, «содержали почту для возки писем». Все приказы на имя З.А. Чепеги о совершении военных маршей определяют место черноморским казакам в авангарде русских колонн. Из черноморцев выделялись и боковые патрули численностью от 50 до 200 казаков по обе стороны движения войск. Можно выделить и ещё один род службы черноморцев – их отряжали на охрану панских владений от «воинских чинов». Впрочем и казаки были детьми своего века. 21 ноября 1794 г. князь Н.В. Репнин указал кошевому З.А. Чепеге: «должен я вам приметить, что оставшись позади полков с вьючными и ненадёжными лошадьми черноморские казаки вели себя по сие время столь дурно, что даже и своих грабили, от чего и смертоубийства последовали»[14].

---

[10] *ГАКК.* Ф. 249. Оп. 1. Д. 288. Л. 19.

[11] Там же. Л. 49.

[12] Там же. Д. 292. Л. 110.

[13] Там же. Д. 310. Л. 9.

[14] Там же. Д. 292 Л. 135.

В составе корпуса генерал-поручика Дерфельдена, а затем барона де Ласси[15] черноморцы участвовали в целом ряде небольших сражений: при Брестовицах, Соколках, Поповке и др. В сражении при местечке Остроленке 18 октября 1794 г. особенно отличился казак Трофим Левицкий. Он отбил вражескую пушку и открыл из неё огонь по неприятелю. «Усердствуя палил с оной до 15 раз», – рапортовал полковой есаул Захарий Мазан кошевому атаману[16].

За сражение при Брестовицах 19 сентября черноморские и донские казаки удостоились благодарности генерал-аншефа Н.В. Репнина. Оценивая действия своих казаков, атаман З.А. Чепега в письме некоему Петру Михайловичу NN писал: «Поход в Польшу был, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпус наш под начальством генерала Дерфельдена шёл до Слонима и мы, бывши с польскими мятежниками на восьми небольших сражениях, гнали их як зайцов аж до самой Праги, что насупротив столичного города Варшавы»[17].

12 октября А.В. Суворов разбил поляков при Кобылке и 18 октября подошёл к предместью Варшавы – Праге[18]. Укрепления её казались неприступными: шесть рядов волчьих ям с поставленными в них заостренными спицами, глубокие рвы, высокие валы с башнями и батареями, внизу – тройные палисады.

Перед штурмом А.В. Суворов издал приказ: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать, малолетков не трогать»[19]. В диспозиции на штурм Праги в составе 7-й колонны генерал-майора Денисова указаны 200 черноморских казаков[20]. 24 октября около пяти часов утра все семь штурмовых колонн по сигнальной ракете в полной тишине устремились к крепости. Стрелки, подойдя к волчьим ямам, рассыпались вдоль них и открыли огонь по стоящим на валу защитникам крепости. В это время «охотники» (добровольцы. – **Б.Ф.**) накрывали плетнями волчьи ямы и ставили в ров и к валу штурмовые лестницы. Русские орудия «разировали противные им батареи». Колонны, взойдя на вал первого ретраншемента, не останавливаясь, на штыках прорвались до второго.

«Седьмая колонна очистила занятый лес, перешла через залив (вброд. – **Б.Ф.**), отрезала неприятельскую тамо конницу» и загнала её на речную косу между Вислой и её болотистым притоком. Артиллерия завершила разгром.

---

[15] *ГАКК.* Ф. 249. Оп. 1. Д. 318. Т. 1. Л. 7.

[16] Там же. Д. 266. Л. 1.

[17] *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1898. Т. 4. С. 116.

[18] *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1992. С. 160.

[19] Цит. по: *Кузнецов А., Чепурнов И.* Наградная медаль. М., 1992. С. 160.

[20] *ГАКК.* Ф. 249. Оп. 1. Д. 266. Л. 15.

В ходе боя черноморцы перекрыли мост через Вислу, отрезав тем самым пути отхода противника. Всего в штурме Праги (по не вполне подтвержденным сведениям) участвовало 957 черноморских казаков[21].

В ходе польской кампании атаману черноморцев З.А. Чепеге довелось командовать 1-й бригадой[22]. 31 декабря 1794 г. указом Военной коллегии ему был присвоен чин генерал-майора[23]. За участие в приступе Праги он получил орден Святого Владимира 2-й степени. Боевые соратники атамана получили различной значимости награды и были произведены А.В. Суворовым в следующие чины[24].

После окончания военных действий казаки несколько месяцев держали кордоны на прусской границе. Ордером 23 сентября 1795 г. генерал-аншеф Дерфельден сообщил атаману З.А. Чепеге, что вследствие высочайшего соизволения, А.В. Суворов 21 сентября приказал «два черноморских полка ныне же отправить в их дома»[25].

В конце 1795 г. полки вернулись на родину. Польский поход — первый «внешний» поход черноморских казаков — завершился.

---

[21] *ГАКК.* Ф. 249. Оп. 1. Д. 346 Л. 4.

[22] Там же. Д. 318. Т. 1. Л. 120.

[23] Там же. Д. 322. Л. 1.

[24] Там же. Д. 323.

[25] *Дмитренко И.И.* Указ. соч. С. 63.

Е. КУКУЛЬСКИЙ
г. Пётркув Трыбунальский

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАЙОРАТНЫХ ИМЕНИЙ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА

В основе распределения майоратных имений среди русских генералов в Царстве Польском, жалуемых в качестве награды за личные заслуги перед престолом и участие в разгроме национальных восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., лежала антипольская политика царизма. Ужесточение этой политики произошло при Николае I после подавления Ноябрьского восстания, её продолжили и его наследники, поддерживаемые верной престолу придворной камарильей и преданными этой идее властями Петербурга и Варшавы. В разной форме и с разной силой она продолжалась в течение следующих десятилетий, вплоть до падения военно-бюрократического царского режима. Распределение велось в двух периодах. Первый имел место в 1835–1845 гг., второй – в 1866–1869 гг.

Создание анклава больших помещичьих имений в Царстве Польском стало воплощением, появившихся в царском окружении русификаторского и унификационного направлений, сторонниками которых в Варшаве были наместники И.Ф. Паскевич и Ф.Ф. Берг.

После капитуляции Варшавы в сентябре 1831 г. царизм вступил на путь, ведущий к уничтожению автономии Царства Польского и, следовательно, к постепенному созданию очередной державной провинции. Русским дворянам, щедро награждаемым землёй Царства Польского, назначена была роль укрепления русской стихии и утверждения введённых политических ограничений.

Распределения земель во второй период происходили после поражения Январского восстания в атмосфере возрастающего террора и реакции, сопровождающей ликвидацию автономного существования Царства Польского, вплоть до его полного превращения в провинцию Российской империи.

Русские сановники, награждённые поместьями, принимали участие в разгроме национальных восстаний, после их поражения становились чле-

нами центральных и губернских властей Царства Польского, занимали посты в судах или оставались в военных гарнизонах на территории Царства или в империи. Многие из них находились в ближайшем окружении императора и постоянно жили в Петербурге. Среди них были как фавориты и любимцы Паскевича и Берга, так и влиятельные лица петербургского двора.

Масштабы и темпы реализуемой политики наделения землями зависели не только от верной службы и заслуг перед престолом, но и от воли и щедрости наместников Паскевича и Берга, которые, используя доверие царей, руководствовались не только интересами государства, но и имели в виду свои личные политические цели и самолюбие. Они осуществляли их, указывая царю на кандидатов для вознаграждения. Определение его размеров стало средством для усиления влияния среди русских чиновничьих и военных слоёв в Царстве Польском и Петербурге и укрепления независимой позиции в среде придворной камарильи и петербургской бюрократии.

В первый период наделений (1835–1845 гг.) были распределены 136 казённых имений и два, происходивших из конфискованных земель. 129 пожалованных приняли распределённые имения в натуральном виде. В общей сложности фольварки вместе с крестьянскими землями занимали 897 460 моргов, что составляло 17,7% казённых земель. Такое сокращение казённых земель снижало годовой доход казны Царства Польского на 1372 тысячи польских злотых. Казна понесла дополнительные издержки, выплачивая 100 тысяч польских злотых девяти пожалованным за отказ приёма ими имений в натуре. Среди получивших имения по пожалованию было 73 генерала, 46 полковников, 1 капитан, 2 штабных врача и 13 высокого ранга штатских и военных чиновников.

Законным актом, в силу которого наделённые получали имения, было Положение об устройстве имений от 4(16) октября 1835 г., данное Николаем I. Инициатором распределения имений был Паскевич, который, воспользовавшись посещением Варшавы царём в 1835 г., получил утверждение первых документов, начинающих серию распределений, которые в соответствующей литературе и юридических документах (положения о наделениях и акты о передаче имений вознаграждённым, а также в официальной переписке) назывались имениями, поступающими в частную собственность по пожалованию и табели о рангах, а вознаграждённых – владельцами по пожалованию. Часто, в порядке обмена, наделения назывались майоратами из-за принципа наследства, основой которого было право старшинства по мужской линии.

Положение от 4 (16) октября 1835 г. давало право передавать русским дворянам имения по принципу полной собственности со всеми правами и угодьями, какими пользовалась казна с отдельными установлениями, ограничивающими пользование ими.

К ним принадлежали: запрет продавать имение, сдавать в аренду, отдавать в залог за личные долги и задолженности без согласия казны, а также разделять между наследниками. Имения, полученные по пожалованию, могли быть переданы наследникам только путём унаследования, согласно принципу,

действительному для польского законного распоряжения, целью которого было обеспечение имения в неделимом виде в руках одного наследника. Этот принцип, по отношению к наделениям, должен был обеспечить сохранение целого анклава русской собственности в Царстве Польском в руках православных дворян. Помимо этих условий, также были введены ограничения относительно личности владельцев по пожалованию. Ими были: запрет менять вероисповедание, оставаться долгое время за границей и переходить на иностранную службу без согласия царя, а также принадлежать к тайным организациям. В случае нарушения этих ограничений наделённый терял право на владение имением в натуральном виде и взамен получал денежный эквивалент, равный по стоимости годовому доходу, определённому в Положении об устройстве имений поступающих в частную собственность по пожалованию. Имения, потерянные владельцами по пожалованию, управлялись казённой администрацией до согласия принять их обратно владельцем по пожалованию или его наследниками. Невыполнение владельцем обязанности поставить крестьян под надзор и опеку правительства также влекло за собой переход имения под власть казны.

До завершения устройства имений, земли по пожалованию оставались под контролем всех органов казённых властей, которые, между прочим, были обязаны следить за размежеванием крестьянских и фольварочных земель, заменой крепостной пошлины арендной платой и колониальным разделом крестьянских усадеб. Этот надзор просуществовал практически до получения крестьянами права полной собственности на полагающиеся им земли.

Владельцы первого поколения в связи с публичными обязанностями и необходимостью присматривать за родовыми имениями, находящимися за границами Царства Польского, не могли непосредственно управлять фольварочным хозяйством. Отсутствие оборотного капитала, необходимого для заведения собственного инвентаря и оборудования и оценка пожалованных имений, как награды за заслуги перед престолом, вызывали нежелание вкладывать капитал в имения, лежащие вне родной страны и признание их сомнительными, предрешали способ хозяйствования, основывающийся на поручительском управлении. Поскольку в Положении об устройстве имений, поступающих в частную собственность, не указывалось на необходимость наделённого имениями вести хозяйство лично, владельцы отдавали свои имения в управление профессиональным арендаторам или владельцам небольших частных имений, которые на основе многолетнего поручительского контракта обеспечивали владельцу точно установленный доход.

Администраторы брали на себя все обязательства владельца имения, касавшиеся организации производства, покупки инвентаря, содержания в нужном состоянии построек и обязанности владельца перед казной, в том числе они обязывались вносить в казну подать, именуемую квартой и проценты в пользу Кредитного земского общества от казённого долга за эти имения, а также повинности в пользу гмины и церкви. После уплаты всех обязанностей администратор оставлял себе остаток выработанного им дохода, что и составляло его зарплату и возмещение издержек, связанных с

существованием хозяйства. Это склоняло администраторов получать высокие и прочные доходы путём сохранения как можно дольше традиционного хозяйства, основой которого была работа крепостного крестьянина и трёхпольная система земледелия. Экстенсивная хозяйственная политика совмещалась с уменьшением капиталовложений в развитие животноводства и растениеводства и возмещалась усилением крепостного режима, ради безотказного взыскания пошлин, податей и повинностей.

Наряду с созданием собственности по пожалованию, власти решили провести в этих имениях реформу арендной платы. Основы этой реформы были опубликованы в положении за 1841 г. Реформа была проведена под надзором властей за счёт владельца пожалованного имения в течение 6 лет со дня приёма имений во владение. Эти реформы первоначально касались лишь пожалованных имений. Полученный опыт побудил власти ввести арендные платы за казённые, а потом и за церковные имения.

Арендные установления в пожалованных имениях проведены в 1839—1859 гг. и по существу относились ко всем имениям, несмотря на то, что во многих случаях арендующие предпочитали платить владельцу работой, чем наличными. Рост темпов арендных изменений наступил после 1846 г., что связано с волной сопротивления крестьян арендной плате, заставившей власти соблюдать сроки запланированных изменений в пожалованных и казённых имениях.

Арендные реформы, несмотря на многие недостатки, были важным этапом русского пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Несмотря на то, что их возникновению способствовали политические причины, в результате появились более благоприятные условия развития фольварочного и крестьянского хозяйства. Закон об имениях по Положению от 4 (16) октября 1835 г. и Положение от 23 мая (4 июня) 1841 г. укрепили земельные права крестьян благодаря гарантии вековечного пользования арендными усадьбами с возможностью откупа повинностей, что в результате вело к раскрепощению.

Крестьянин-арендатор, полный владелец строений, живого и неживого инвентаря, вековечный пользователь колониально устроенной усадьбы входил в договорные отношения с владельцем имения и предметом их договора была сумма обязанностей по имению и форма их реализации. Инструкция 1841 г. о торговом обороте крестьянскими усадьбами укрепляла право крестьян свободно ими распоряжаться. Одновременно эти положения приводили в порядок собственнические отношения в деревне, подвергая их более тщательному официальному контролю. Соблюдение этих положений интересовало не одних только владельцев имений, но главным образом — крестьян.

В результате изменения положений о земле в деревне прошли глубокие преобразования как в пространственном, так и в социальном плане. Как правило, деревня получала пользу относительно площади земель, но её сталкивали на плохие участки, не удобряемые, часто песчаные или полесные, требующие многих лет, чтобы они стали землепашными. После изменений в руках крестьян оказалось 447 634 моргов земли, то есть 50% всех пожалованных земель вместе с лесами, которые полностью входили в состав фольварков

и занимали 17% этих земель. Отношения изменялись при разделе земельных угодий с исключением лесов. В результате размежевания земель на крестьянскую долю выпало около 70% угодий, фольварки же составили около 30% пожалованной территории. В отдельных губерниях и поместьях соотношение крестьянских и фольварочных земель сильно отличалось от среднего для Царства Польского. Многое зависело от размеров надела, качества земли и отношений с владельцем усадьбы. В целом в губерниях, расположенных в восточной части Царства Польского предложения, данные крестьянам, были более привлекательными, чем в западной части. Это подтверждается принятым в описании предмета тезисом о запоздалости в хозяйственном развитии земель, расположенных к востоку от Вислы, где царствовала трёхпольная система и производство зерновых, требующие больших наделов, чтобы удержать экономическую самостоятельность крестьянских хозяйств, без которой раскрепощение было невозможно. Усадьба охотно освобождалась от лишней земли, обработка которой требовала добавочных капиталовложений, без гарантии получить больший доход за счёт крестьянских арендных плат.

Размежевание земель давало возможность округлить фольварочные усадьбы и концентрировать в имении лучшую землю. Политика доминиум была направлена на улучшение фольварочного хозяйства, которое с меньшей территории должно было приносить доход выше, чем до изменений. Кроме того, ради повышения прибыльности фольварочного хозяйства, были ликвидированы малые, так называемые вспомогательные, часто лишённые построек и инвентаря фольварки, как правило заброшенные, не дающие дохода. Их угодья составляли вместе с другими угодьями имения трудную для организации производства шахматную схему, часто были отдалены от главного фольварка, что затрудняло надзор за хозяйством. Ликвидация раздробленности фольварочных земель позволила округлить угодья главных фольварков, что привело к увеличению размера хлебопашной земли наряду с уменьшением общей площади. Потому, как правило, при изменениях отмежевывались неплодородные земли и отдавались крестьянам за арендную плату. Иногда при обмене земель с крестьянами, фольварки принимали хорошо удобренные крестьянские поля. Такая же практика – возмещение качества количеством соблюдалась и позднее, при изменениях установлений в казённых и частных имениях.

Противоположное явление – увеличения размеров пожалованных фольварков – имело место при раскрепощении крестьян в связи с положительным для владельцев по пожалованию решением Учредительного комитета, который возмещал владельцам потери, возникшие при раскрепощении. Это создавало лучшую ситуацию для пожалованных по сравнению с владельцами частных имений, которые индемнизационный эквивалент получали наличными в рассрочку.

Одновременно с ликвидацией остатков автономии Царства Польского было принято решение о создании новых имений по пожалованию. Инициатором их создания был наместник Ф.Ф. Берг, который, подражая И.Ф.

Паскевичу, желал превратить раздачу в инструмент воздействия на прибывших в Царство Польское русских сановников. Вознаграждение имениями должно было создать положительную атмосферу и поддержку его позиций в Царстве Польском влиятельными лицами петербургского двора. Из-за этого распределение имений после Январского восстания пошло другими путями, чем при Паскевиче. После 1863 г. не соблюдалась ни табель о рангах, ни Положение от 4 (16) октября 1835 г., устанавливающие критерии создания имений по пожалованию. Политические цели, которыми обосновывались распределения имений при Паскевиче, отошли на второй план. Главным стимулом пожалования, помимо определённых заслуг, было убеждение наместника о имеющихся у кандидата возможностях влияния при петербургском дворе и демонстрируемая поддержка и симпатия желаниям наместника укрепить свою независимую позицию в Царстве Польском.

В период с 5 (17) июля 1866 г. по 2 (14) октября 1869 г. были розданы 69 имений по пожалованию, включающих 570 фольварков площадью 247 тысяч моргов земли, годовой доход которых определялся суммой в 171 800 рублей.

Среди пожалованных находились члены высшей администрации Царства Польского, Учредительного комитета, крестьянских комиссий и командиры полков, расположенных в Царстве Польском. Имения получили также лица, которые сыграли существенную роль в подавлении восстания и укреплении нового военно-полицейского режима, а также реализаторы реформ (Берг, Трепов, Кошелёв, Арцимович, Набоков и другие). Остальные получили возможность купли бывшей церковной земли на хороших условиях. Среди тех земель, которыми в период раскрепощения располагало правительство, здесь принимается во внимание остаток казённой и бывшей церковной земли, 60% предназначалось на новые имения по пожалованию, 27% перешло в руки крестьян, среди которых были и наделы для безземельных, эквивалент за упраздненные сервитуты или исправление изменений, остальные 13% приобрели русские на льготных условиях, главным образом чиновники более низкого ранга.

В оба периода пожалований было создано 207 имений по пожалованию, для которых выделено, с исключением крестьянских земель, 713 616 моргов, которые принесли владельцам по пожалованию 1014 577 тысяч рублей чистого дохода в год.

Политическим целям, оправдывающим необходимость создания имений по пожалованию, в обоих периодах служила ограниченная форма владения имением, дающая этим целям большую прочность, нежели другие типы фольварочной собственности и политически связывала владельцев с императором. Несмотря на требования владельцев, желающих упразднить ограничения, связанные с имениями по пожалованию, имения просуществовали до конца Первой мировой войны. После обретения Польшей независимости, имения по пожалованию в 1919 г. перешли в собственность государства.

В. Г. СЕМЁНОВ
г. Оренбург

ГЕНЕРАЛЫ-ПОЛЯКИ С.Т. ЦИОЛКОВСКИЙ И П.И. РОКАСОВСКИЙ НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ОРЕНБУРЖЬЕ

Первые поляки появляются на Южном Урале в конце 30-х гг. XVIII в. В числе нескольких сот самарских и алексеевских казаков, направленных на службу на Оренбургскую линию, мы находим и фамилии «иноземцев». Так, среди казаков, определённых на городовую службу, значатся: ротмистр из иноземцев П. Максимовский, сержант из иноземцев К. Драшковский, капрал из иноземцев И. Крачевский. Список рядовых иноземцев насчитывал 15 человек: А.И. Протопопов, А.П. Углецкий, Д.Б. Пастухов, И.Ф. Безушкин, И.М. Аржанов, Г.В. Казимеров, П.И. Крачевский, В.Г. Безушкин, С.Ф. Дерновский, Я.И. Харитонов, И.В. Щетиловский, М.М. Харитонов, И.О. Белановский, И.И. Безушкин, П.С. Максимовский.

Пополнение казачества поляками происходило иногда и без их воли. Так, в 1832 г. в Оренбургское казачье войско было зачислено около 200 пленных поляков. Самыми известными поляками, служившими в войсках Оренбургского края были: выдающийся разведчик, поручик 1-го Оренбургского казачьего полка Ян Викторович Виткевич, командующий Башкиро-Мещерякским войском, генерал-майор С.Т. Циолковский, а также начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса П.И. Рокасовский.

Станислав Тимофеевич (Фомич) Циолковский родился 8 декабря 1788 г. в Белополье на Волыни. Он происходил из старинного польского дворянского рода[1]. Поступил на службу в Шлиссельбургский пехотный полк 31 декабря 1807 г. подпрапорщиком, в мае 1808 г. произведён в прапорщики. В июне 1808 г. в составе своего полка отправился в Молдавию и Валахию, где принял участие в русско-турецкой войне В ходе войны участвовал в сра-

[1] Родоначальником рода Циолковских являлся Яков Циолковский, который ещё в 1697 г. участвовал в сейме по избранию польского короля Августа II (см.: *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 38. Л. 2–3).

жениях под Браиловой, Журжей, Силистрией, Шумлой, Рущуком. В бою под деревней Батином в конце августа 1810 г. был ранен пулей в ногу. За отличия в боях произведён в подпоручики (25.11.1810 г.). Мужество офицера, проявленное в июне 1811 г., было отмечено Высочайшим Благоволением императора Александра I. «За оказанное мужество», проявленное в осенних боях 1811 г. был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом (21.07.1812 г.).

С декабря 1811 г. по апрель 1817 г. С.Т. Циолковский состоял дивизионным адъютантом при генерал-лейтенанте Петре Кирилловиче Эссене 1-м и участвовал в Отечественной войне 1812 г. В поход из Валахии отправился 26 августа 1812 г. и прибыл на реку Стырь. С 10 сентября находился в войсках, следующих рядом с французскими и австрийскими войсками. Участвовал в боях 29 сентября при Брест-Литовске и 5 октябре при деревне Клишнах. После этого с войсками переправился через реку Буг в княжество Варшавское и участвовал в бою под местечком Бялэ. 13 октября возвратился в пределы России. В боях под Волыковском и его окрестностями 1–4 ноября 1812 г. получил сильную контузию. За оказанное отличие был произведён в штабс-капитаны (13.05.1813 г.). Участвовал в преследовании французских войск по Германии и Франции до крепости Метца.

5 января 1817 г. он был переведён в Лейб-гвардии Измайловский полк, откуда 14 декабря того же года назначен старшим адъютантом в Оренбургский отдельный корпус. Произведён в капитаны 23 марта 1819 г. За раскрытие на Нижнеуральской линии непозволительной торговли награждён орденом Святой Анны 2-й степени (4.03.1820 г.). В октябре 1820 г. был послан начальником конвоя дипломатического каравана, следующего в Бухару. Руководителем каравана был известный дипломат Александр Фёдорович Негри. Из этого рискованного похода Циолковский возвратился в Оренбург 17 мая 1821 г. В состав миссии входил и выдающийся (впоследствии) учёный-естествоиспытатель Эдуард Александрович Эверсман, которому Циолковский спас жизнь. Караван после двухмесячного перехода прибыл в Бухару. Находясь в Бухаре, Э.А. Эверсман вёл наблюдения и собирал сведения, интересующие МИД России.

В январе 1821 г. Эверсман прислал Оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену с нарочным доклад с подробнейшим описанием пройденного пути и своих впечатлений от города Бухары, личности эмира и его приближённых. В этом же докладе Эверсман сообщил о злонамеренных действиях бухарского купца Назарбая Байкишева, длительное время проживавшего в Оренбурге, но с караваном миссии последовавшего в Бухару. Весьма вероятно, что Байкишев уже давно являлся «глазами и ушами» бухарского правительства в Оренбурге. Эверсман планировал из Бухары последовать в Коканд, а оттуда — в китайский город Кашгари, затем в Тибет, а если позволят обстоятельства, то через Семипалатинск возвратиться в Оренбург. Однако планам этим не суждено было осуществиться.

В конце марта 1821 г., закончив переговоры с эмиром Мир-Хейдар-ханом, русская дипломатическая миссия готовилась в обратный путь, а Эверсман – в Коканд. Однако именно в этот момент Байкишев донёс, что Эверсман путешествует не для торговых целей, а как «подкупленный Россиею лазутчик», и разгневанный эмир распорядился умертвить Эверсмана, как только он покинет Бухару. По счастливой случайности о доносе Байкишева стало известно начальнику конвоя капитану Циолковскому, и он немедля уведомил об этом Эверсмана. Не желая напрасно рисковать жизнью, Эверсман отказался от продолжения своего путешествия и вместе с миссией возвратился в Оренбург[2].

В январе 1822 г. капитан Лейб-гвардии Измайловского полка С.Т. Циолковский был произведён в армейские полковники с назначением в штаб Оренбургского отдельного корпуса для особых поручений. В 1823 г. он находился в командировке в Киргизской степи, за что Всемилостивейше был награждён 2000 десятин земли. С 3 ноября 1824 г. по 17 апреля 1825 г. Циолковский был начальником воинского отряда, который сопровождал купеческий караван в Бухару. Во время движения каравана отряду пришлось неоднократно отбиваться от степных киргизов при переправе через Сырдарью, а 13 января 1825 г. близ горы Быш Тюба в течение 18 дней отбиваться от восьмитысячного отряда хивинцев. В том же году, с 16 декабря по 6 марта 1826 г. сопровождал экспедицию полковника (впоследствии наместника Царства Польского, генерал-фельдмаршала и графа) Ф.Ф. Берга. За отличие в этом походе полковник Циолковский был награждён алмазными знаками к ордену Святой Анны 2-й степени. В течение 1828–1829 гг. «за отлично усердную службу» удостаивался подарков. 4 апреля 1829 г. он был назначен исправлять должность коменданта Оренбургской крепости с оставлением по армии. После перевода П.К. Эссена в Санкт-Петербург, Циолковский продолжил службу с Оренбургским военным губернатором генерал-лейтенантом Павлом Петровичем Сухтеленом. 20 августа 1830 г. С.Т. Циолковский был назначен состоять в отдельном Оренбургском корпусе для особых поручений. За отличия по службе был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени (10.04.1832 г.). В 1833 г. за 25-летнюю службу в офицерских чинах был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени.

После смерти П.П. Сухтелена, полковник Циолковский продолжил службу при Оренбургском военном губернаторе генерал-лейтенанте Василии Алексеевиче Перовском. 4 декабря 1834 г. назначен командующим Башкиро-Мещерякским казачьим войском. Усердная служба на этом посту была отмечена орденом Святого Станислава 2-й степени и знаком отличия за 20 лет беспорочной службы, чином генерал-майора по кавалерии (1.01.1835 г.) и орденом Святого Станислава 1-й степени (7.09.1836 г.).

---

[2] *ГАОО*. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2150. Л. 1–60.

В 1839–1840 гг. Циолковский участвовал в Хивинской экспедиции генерала Перовского. В послужном списке Станислава Тимофеевича было записано, что 16 ноября 1839 г. в войсках, назначенных для Хивинской экспедиции, он выступил из Оренбурга в Киргизскую степь в составе Главного отряда. Прибыл на реку Эмбу к устью реки Аты-Алмихли, далее следовал к урочищу Чушка-Куль до бывшего Акбулакского укрепления, оттуда 6 февраля 1840 г. следовал обратно на реку Сиги Тимир и затем в Оренбург, куда прибыл 6 июня 1840 г. За труды, понесённые во время зимнего похода, получил в числе прочих чинов Экспедиционного отряда Высочайшее Благоволение в Высочайшем рескрипте 28 июля 1840 г.[3] 16 октября 1840 г. за Хивинский поход генерал-майор Циолковский был награждён орденом Святой Анны 1-й степени. 28 ноября 1840 г. по болезни он вышел в отставку и последние годы своей жизни провёл в деревне своей жены в Оренбургском уезде.

Автор «Записок» генерал-майор И.В. Чернов писал о нём в очерке о П.К. Эссене: «При Эссене состоял чиновник особых поручений Циолковский. Он отдельной части не имел, а занят был по башкирским делам, и в 1834 г. был назначен командующим башкирским войском и, женившись на дочери помещика Крашенинникова, оставался здесь до самой смерти. За последнее время Циолковские обеднели, а когда-то были богаты, гостеприимны, в особенности сам старик, который, как поляк, покровительствовал ссылавшимся сюда полякам». Тот же И.В. Чернов в очерке о В.А. Перовском пишет об излишней жестокости Циолковского и называет его одним из главных виновников провала экспедиции 1839–1840 гг.[4]

Из послужного списка генерала Циолковского можно понять, что он был достаточно грамотным человеком: «Российский, Немецкий, Латинский, Польский языки и математику знает»[5]. За 33 года военной службы он всего лишь раз был в отпуске по домашним обстоятельствам в городе Белостоке с 14 декабря 1817 г. по 1 марта 1818 г. Генерал-адъютант Перовский характеризовал его так: «В штрафах не был, замечаниям и выговорам не подвергался. К награждению знаком отличия беспорочной службы всегда аттестован достойным»[6]. Благодаря службе он, как и многие генералы своего времени, был достаточно состоятельным человеком. Кроме 2000 десятин земли, пожалованных ему ранее, в 1839 г. ему были пожалованы земли и по чину. Родовое имение находилось в деревне Андреевке Оренбургского уезда Оренбургской губернии. В Оренбурге он имел благоприобретённый деревянный дом, а в той же деревне Андреевке 325 душ крестьян и 5500 десятин земли.

---

[3] *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 485. Л. 2–4об.

[4] *Труды ОУАК*. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 55, 88–95.

[5] *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 485. Л. 4.

[6] Там же. Л. 4об.

Станислав Тимофеевич Циолковский был женат на дочери поручика гвардии Татьяне Петровне Крашенинниковой. У них было трое дочерей: Мария, Анна и Любовь, а также три сына: Виталий, Феликс и Николай. Виталий Циолковский родился 8 июля 1824 г., служил уездным предводителем Оренбургского дворянства несколько трёхлетий, но «не был избран при открытии Оренбургской губернии, жил бедно, был отдан под суд в 1862 г. за растрату денег и умер в 1889 г.»[7]. Феликс Циолковский родился 18 марта 1826 г., служил мелким чиновником. Николай Циолковский родился 14 января 1828 г. «По заслугам отца удостоился быть крестником императора Николая I»[8]. По окончании Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса поступил на государственную службу. В середине 40-х гг. XIX в. служил в канцелярии вятского губернатора. В 1851 г. в Оренбург вновь был назначен генерал-адъютант В.А. Перовский, который пригласил в губернию сына своего бывшего подчинённого генерала и направил его в управление Башкиро-Мещерякского казачьего войска. С введением поста мировых посредников он был назначен посредником 13-го участка Оренбургского уезда. В 1869 г. жил жизнью частного человека, нанимался на лето наблюдать за сохранностью сплавляемого леса прибрежными жителями, занимался сельским хозяйством и этим жил. Последние годы жизни сотрудничал с «Тургайской газетой». Свои публикации подписывал инициалом «Ц». Именно ему принадлежал напечатанный в 1895 г. в отделе фельетонов рассказ «Лесная моль», изображающий положение лесопромышленности в Башкирии. Скончался Н.С. Циолковский 20 сентября 1897 г. на 69 году жизни, а не в 1891 или 1892 г., как указывает И.В. Чернов.

В Оренбургском крае проходил службу ещё один представитель этого дворянского рода — Нарцис Игнатьевич Циолковский[9]. Он родился в 1811 г., окончил гимназию и поступил на службу в Ровенский уездный суд. В 1834 г. работал канцелярским служителем и был произведён в чин коллежского регистратора. В 1839 г. перевёлся в канцелярию оренбургского военного губернатора. В 1840 г. произведён в губернские секретари, а в 1843 г. — в коллежские секретари. В 1844 г. был назначен казначеем и экзекутором, а через год по прошению уволился со службы. В 1847 г. Н.И. Циолковский поступил на службу в канцелярию вятского губернатора, где через два года производится в титулярные советники, а ещё через два года — в коллежские асессоры. В 1851 г. Нарцис Игнатьевич, как и его родственник Николай Станиславович Циолковский, возвращается в Оренбургскую губернию (к В.А. Перовскому) и назначается стряпчим 12-го башкирского кантона. В 1852 г. назначен на службу для наделения землёй башкирских припущенников. За 12 лет служения на этом посту он получил многие награды и трижды

[7] *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 487. Л. 1—20.

[8] *Оренбургский листок*. 1897. 19 октября. №43.

[9] *ГАОО*. Ф. 38. Оп. 1. Д. 486. Л. 2—3.

был повышен в чине. В 1852 и 1857 гг. был отмечен знаками 15 и 20 лет беспорочной службы, а в 1853, 1859 и 1863 гг. произведён соответственно в чины надворного советника, коллежского советника и статского советника. В 1858 и 1864 гг. награждён орденами Святого Станислава 2-й степени с Императорской короной и Святой Анны 2-й степени. С 1868 г. Циолковский проходил службу «по мировым учреждениям». Нарцис Игнатович был женат на дочери войскового старшины Оренбургского казачьего войска Екатерине Дмитриевне Лысовой. Поручителем (свидетелем) при их венчании 26 апреля 1841 г. был генерал-майор Станислав Тимофеевич Циолковский.

Теперь обратимся к биографии другого славного поляка-офицера. Платон Иванович Рокасовский родился в 1796 г. в семье дворян Витебской губернии. В 1811 г. он поступил сверх комплекта в Институт Корпуса путей сообщения. В возрасте 15 лет в 1812 г. был произведён в прапорщики и направлен в Корпус инженеров путей сообщения. В 1816 г. поручик Рокасовский переведён в Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. В 1820 г. командирован на топографическую съемку в окрестности Санкт-Петербурга и за «оказанные труды» при оной награждён годовым жалованием. 21 апреля 1823 г. Рокасовский (с 30.08.1821 г. — капитан) был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. 15 апреля 1824 г. назначен состоять при третьем отделении Военно-топографического депо с оставлением при этой же съёмке. В 1827 г. П.И. Рокасовский (с 29.03.1825 г. — подполковник) проводил топографические съёмки в Гродненской губернии, за что был отмечен 1000 рублями. В 1828 г. он был командирован во 2-ю армию. С 14.04.1829 г. — полковник.

Во время русско-турецкой войны Рокасовский в мае 1829 г. находился при генерал-квартирмейстере под крепостью Силистрия. Участвовал в боях под крепостью Шумла при переходе войск через Балканские горы, в июле при городе Ямбол, 31 июля при городе Сливна, 8 августа под городом Адрианополь, 6 сентября был назначен обер-квартирмейстером 3-го пехотного корпуса. В сентябре 1829 г. за отличия был награждён орденом Святой Анны 3-й степени, а 6 декабря 1829 г. — орденом Святой Анны 2-й степени, украшенным Императорской короной.

В феврале 1830 г. Рокасовский командирован в Петербург, где император отметил его за особые труды во время войны двойным жалованием.

24 мая 1830 г. он был командирован в Отдельный Кавказский корпус, где с 14 сентября состоял при генерале от кавалерии Г.А. Емануеле. Под командованием Емануеля Рокасовский находился в экспедиции против абхазцев в первой половине октября, участвовал в перестрелках у урочища Длинного, у Пшевского укрепления, 10 октября при речке Пшаге, 13 и 14 — при реке Псекупс. С 14 октября по 1 ноября под начальством главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-губернатора, графа Паскевича-Эриванского участвовал в перестрелках 19 октября в Фипском ущелье при переправе через реку Афипс и при разорении шапсугских аулов.

Тогда же на правом берегу Афипса и в ущелье гор Шинукоко был при истреблении жилищ шапсугов, с 20 по 22 октября — в Убинском ущелье при неоднократном отражении неприятеля, упорно защищавшем свои жилища от истребления. Был во время занятия российскими войсками аулов Таус-Хаджи и Тлыш-Ико-Хибли, 24 октября при перестрелке в Азинском ущелье и отражении неприятеля, нападавшего на Ергард. Был во время отступления колонны от верховий реки Азюпса, тогда же при перестрелке на реке Хабль, 25 октября при перестрелке в Хабльском ущелье. Был при разорении аула Шере-Тулак-Харли 26—27 октября, в перестрелках в Анхиширском ущелье во время заготовки фуража и уничтожения ближайших аулов. 28 октября участвовал в перестрелках при разорении шапсугских жилищ в Абинском ущелье, при отражении неприятеля, засевшего в аулах Кузниш и Аббад-Ахмед, при рассеянии неприятельской колонны, собравшейся на левом берегу Абина и при перестрелках преследования отряда от Абина к Пшебскому укреплению 30—31 октября.

За отличие в этой экспедиции награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. 7 ноября назначен исполняющим обязанности обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса. С 26 апреля по 18 августа был комиссаром России для определения новой границы между Россией и Турцией. По возвращении Рокасовский под командованием начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта Панкратьева участвовал в экспедиции из Дербента с 30 сентября по 18 октября для усмирения табасаранских, бадшинских и каракайдакских мятежников и в перестрелках с ними. Участвовал в походе в Шамахальские владения, 24 октября был при уничтожении у села Эршеле неприятельских скопищ, насчитывающих до 10 тысяч человек под предводительством Умала Бея, главного сообщника Кази Муллы.

Рокасовский участвовал в экспедиции к селению Чиркей и в боях под ним 25—26 октября с главными дагестанскими приверженцами Кази Муллы, вследствие чего последовало покорение Черкея. С 22 сентября участвовал в продолжении демаркации границы с Турцией. 5 июля 1832 г. был назначен командовать отрядом, расположенным в урочищах Царских колодцев для охраны лезгинской границы в составе войск под руководством генерал-майора Донского казачьего войска Карпова. Рокасовский командовал войсками при движении из Царских колодцев к крепости Новые Закаталы, а оттуда к Мухановскому ущелью. С 14 по 22 июля он участвовал в перестрелках под ним, 17 — при селении Таллах, 19 — при Мухахах. Позже, под командованием генерал-лейтенанта, барона Розена, П.И. Рокасовский участвовал в экспедиции с 25 июля по 1 августа для усмирения восставших жителей Джарской области и при изгнании из неё мятежника Гамзад Бека: 28 июля при занятии села Алеобата и 30 июля при движении в Мухановское ущелье и вытеснении из него отрядов Гамзад Бека. За отличия, оказанные в этом походе, 19 ноября того же года Рокасовский получил

Высочайшее Благоволение. 28 июня 1833 г. за отличия в сражениях против горцев 1831 г. в Дагестане, награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость», а в октябре того же года орденом Святого Станислава 2-й степени[10].

22 августа 1832 г. Платон Иванович назначен в Императорскую военную академию для «начальствования над образуемыми в оной офицерами». 28 сентября 1833 г. он был назначен исправляющим должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса. Но остался в Петербурге для «пояснения вопросов» о границах России с Азиатской Турцией. В должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса он вступил 8 марта 1834 г., а утверждён 1 января 1835 г. Вместе с Оренбургским военным губернатором Рокасовский участвовал в Хивинском походе 1839 г., за что получил в награду «землю по чину».

За 37 лет военной службы к 1859 г. он достиг чина полного генерала, став членом Государственного Совета и кавалером всех высших орденов России. В 1854 г. П.И. Рокасовский был пожалован баронским титулом[11]. Рокасовский был женат на дочери полковника Александре Васильевне Кузьминской и имел от неё сына Ивана и дочь Елизавету.

---

[10] *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 9. Д. 1156. Л. 18–23.

[11] *Кобзов В.С* Польские офицеры на службе в Оренбургском крае: новые документы и материалы. Оренбург, 2001. С. 26.

Л. Г. ПОДЛЕВСКИХ
г. Киров

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА 30-х и 60–70-х гг. XIX в. В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На протяжении всего XIX в. одним из ключевых вопросов внутриполитического развития Российской империи был вопрос польский: включение в состав государства территорий с народами, которые имели собственную давнюю «традицию государственности»[1], часто являвшихся в политическом отношении «более развитыми, чем метрополия»[2], ставило перед имперским правительством целый комплекс задач. Средством борьбы с растущим общественным движением в Польше стала массовая политическая ссылка в сибирские и внутренние губернии, среди которых была и Вятская.

Подвергнутые различным видам наказания поляки проживали на территории Вятской губернии и ранее, однако отсутствие достоверных сведении не позволяет сделать каких-либо определённых выводов об этом периоде.

О массовой ссылке поляков в Вятскую губернию можно говорить начиная с 30-х гг. XIX в. В 1831 г. в Вятской губернии уже было свыше 300 ссыльных поляков и, согласно рапорту губернатора, присылка продолжалась[3]. «Из письма министра внутренних дел Д.Н. Блудова от 28 июля 1832 г. к генерал-губернатору А.С. Лавинскому видно, что одним из мест временной ссылки польских пленных являлась Вятская губерния»[4]. Уже в 1832 г. «вятского губернатора

---

[1] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 35.

[2] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История Распад. М., 2000. С. 49.

[3] *Луппов П.Н.* Политическая ссылка в Вятский край. Вятка, 1933. С. 10.

[4] *Новински Ф.* Польская политическая ссылка в Восточной Сибири. 1831–1862 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 294.

беспокоили настроения сосредоточенных здесь в значительном числе поляков...»[5]. Чаще всего их помещали в губернский город или в г. Слободской.

Этот период оказался непродолжительным: «основная масса высланных в Вятскую губернию участников польского восстания 1830–1831 гг. была амнистирована уже в марте 1833 г и возвратилась на родину»[6] Среди ссыльных были иностранцы: «Из ссыльных, пребывающих в Вятской губернии пяти человекам разрешено уехать в Пруссию, двум – в Австрию, по одному – во Францию и Саксонию, одному – вернуться в Царство Польское и семь направлено на службу в армию»[7].

На протяжении 1840–1850-х гг. количество поляков на территории Вятской губернии изменялось незначительно. Ссыльные в данный период не оказывали существенного влияния на жизнь губернского общества, например, недельные отзывы Сарапульского уездного исправника о единственном ссыльном поляке на подведомственной ему территории Казимире Черновском лишь отмечают «благонравное» поведение поднадзорного[8]. Особенностью данного периода является появление поляков на государственной службе в губернских учреждениях[9].

Внутреннее положение в губернии изменилось после польского восстания 1863 г. Согласно Высочайшему повелению от 25 апреля 1863 г. МВД планировало размещение в Вятской губернии 185 польских ссыльных. уже в 1866 г. этот барьер был достигнут, а в донесении вятского губернатора от 6 октября 1867 года за № 9156 Управляющему МВД отмечалось: «В настоящее время находится под надзором полиции во вверенной мне губернии политических ссыльных 156 человек и получены сведения о назначении для высылки сюда ещё 31 человека, таким образом, число политических ссыльных, представит комплект, назначенный Высочайшим повелением 25 апреля 1863 года. Между тем, по Высочайшему повелению, объявленному в циркулярном предписании МВД от 25 апреля 1866 года за № 73, политические ссыльные... прибывают сюда и по всему вероятию, их прибудет ещё много...»[10]. Губернатор выражал озабоченность в связи с таким развитием ссылки, при котором управление губернией могло выйти из-под контроля. В дальнейшем развитие пошло в направлении превышения всех установленных ранее нормативов. В мае 1866 г. из одной только вятской арестантской роты «при сокращении наполовину срока содержания в роте» освобождались сразу 229 поляков[11],

---

[5] *Новински Ф.* Указ. соч. С. 295.

[6] *Фоменкова В.М.* Участники польского освободительного движения в вятской ссылке // Учён. зап. КГПИ. Киров, 1965. С. 121.

[7] *Новински Ф.* Указ. соч. С. 296.

[8] *ГАКО.* Ф. 582. Оп. 136-б. Д. 27. Л. 31.

[9] Там же. Оп. 138. Д. 576.

[10] Там же. Оп. 139. Д. 51. Л. 209–210.

[11] Там же. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1078. Л. 189–230.

при этом в 1870 г. общее число ссыльных в губернии уже превышало 680 человек и большую часть ссыльных составляли поляки[12].

Вятский губернатор пытался обратить внимание министра внутренних дел на изменение положения внутри губернии, но центральная власть всякий раз отказывалась прекращать присылку «мятежников». Предписание министра от 30 ноября 1867 г. констатировало: «...число политических ссыльных в Вятской губернии в настоящее время ещё не достигло предполагаемого Вами размера, то за сим едва ли могут встречаться... затруднения в размещении их...»[13]. Через семь месяцев отношение министра внутренних дел зафиксировало сложности центральной власти в деле устройства политической ссылки. Ссылаясь на очередной доклад вятского губернатора о необходимости сокращения вятской ссылки, товарищ министра внутренних дел признается: «Превышение, на которое Вы изволите указывать, так незначительно, сравнительно с превышением числа лиц, состоящих под надзором полиции в других назначенных для сего губерниях противу нормального положения, что министерство не признает возможным удовлетворить Ваше ходатайство и прекратить высылку...»[14]. Ещё через две недели новое отношение за подписью самого министра подтвердило сложившуюся в империи ситуацию: «Что же касается ходатайства Вашего о прекращении высылки в Вятскую губернию... то удовлетворение оного признается невозможным, сколько потому, что число таких лиц... решительно менее числа высланных в каждую из других отдаленных губерний, сколько ещё и потому, что во вверенной Вам губернии... имеется такой надзор за ссыльными, какой и желательно иметь за людьми, подвергшимися этой мере»[15].

Диалог имперской власти и местной администрации, выразившийся в предписаниях министра внутренних дел и докладах вятского губернатора, отражал реальные проблемы на местах.

Главным видом государственного контроля за жизнедеятельностью ссыльных был полицейский надзор, имевший троякое значение: карательной меры, определяемой по приговору суда, меры административной и меры пресечения. Элементами надзора являлись ограничения права выбора места жительства, передвижения, занятости. Однако необходимость адаптации политических ссыльных к новой для них социальной среде часто вступала в противоречие с целями ссылки: например, в 1868 г. 9 ссыльных поляков, найдя работу в Талицком заводе, получили разрешение жить и работать там. При этом надзор за ними не осуществлялся[16]; 19 марта 1870 г. ссыльный поляк Клементий Захаревич, желая работать на этом заводе уже получает отказ

[12] *ГАКО*. Ф. 582. Оп. 139. Д. 76, 77.

[13] Там же. Д. 51. Л. 258.

[14] Там же. Л. 383–383об.

[15] Там же. Л. 384–385.

[16] Там же. Д. 67. Л. 146–147.

«за значительным числом находящихся там подобных лиц»[17]. В 1868 г. вятскому губернатору пришлось устраивать специальное расследование по поводу выдачи свидетельства на проезд по территории всей губернии Михаилу Антоновичу, «...но на каком основании и с чьего разрешения выдано это свидетельство, из дел не видно»[18].

Проблемы материального обеспечения польской политической ссылки отразились не только в отсутствии рабочих мест, с помощью которых поднадзорные могли кормиться, но и, в частности, в ограниченных возможностях их лечения: больницы губернии не были приспособлены для оказания помощи многим ссыльным и длительное время не получали денег за лечение. Например, Казимир Островский пробыл в Котельнической земской больнице 63 дня в феврале-марте 1870 г., а больница не получила оплаты даже в 1873 г.[19]

Большую сложность представляло кадровое обеспечение полицейского надзора. Быстрое количественное увеличение политической ссылки в губернии не сопровождалось должным развитием служб, занимавшихся надзором за ссыльными: служебные обязанности в новых, резко изменявшихся условиях должен был выполнять прежний полицейский аппарат. Исследовав состояние административно-полицейских органов Вятской губернии во второй половине XIX в., С.А. Трушков пришел к выводу о том, что «...штаты полицейских структур... были крайне ограниченными...»[20]. При этом «особенно остро нехватка городовых ощущалась в Вятке. Это был единственный город в губернии, в котором численность полицейской команды не изменялась вплоть до конца 1890-х гг.»[21]. При этом жалованье полицейских служителей не дотягивало даже до среднего размера оплаты труда рабочих, что приводило к комплектованию исполнительских полицейских должностей людьми малоспособными, неопытными «и нередко — не имевшими твердых нравственных устоев», — отмечает С.А. Трушков.

Если большая часть польских политических ссыльных в 1831—1833 гг. содержалась в городах Вятке и Слободском, то реалии 1860—1870-х гг. заставили расширить ареал расселения ссыльных. «Министерством внутренних дел для политических ссыльных первоначально были назначены в Вятском крае все наличные города за исключением Елабуги, Слободского, Уржума и Яранска... Находя... выбор ссыльных городов не совсем удачным, вятский губернатор возбудил ходатайство о разрешении помещать ссыльных вместо Сарапула и Малмыжа в городах Слободском и Яранске... Министерство согласилось с этой заменой...». Слово «замена» в данном случае не подходит, поскольку и Малмыж, и Сарапул также стали использоваться в конце 60-х гг.

---

[17] *ГАКО.* Ф. 582. Оп. 139. Д. 67. Л. 153.

[18] Там же. Л. 147.

[19] Там же. Д. 85. Л. 151

[20] *Трушков С.А.* Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX — начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. С. 41.

[21] Там же. С. 64.

XIX в. для размещения политических ссыльных. Для размещения ссыльных не использовался лишь г. Елабуга. Дело дошло до того, что «...по количеству ссыльных уроженцев Западного края Вятская губерния оказалась... чуть ли не на первом месте; выше ее была только Киевская губерния...»[22].

Особенностью польской политической ссылки в Вятке 60-х гг. XIX в. стало наличие группы уже отбывших наказание в других местностях и присланных под надзор полиции. Такая особенность польской политической ссылки в Вятке косвенно ранее отмечалась в литературе: например, в 1832 г. поляк Горский, направляется на место отбывания наказания через Вятку. «От Вятки он следовал вместе с двумя товарищами Казимежем Домбковским и А. Судником»[23]. Часто отправленных в вятскую ссылку, признавая особую опасность их для общества, отправляли дальше: Антоний Корыцкий и Теодор Донон, содержавшиеся в Глазове, были отправлены в Сибирь в разные города под строгий надзор 25 августа 1832 г., при этом «всё произошло очень быстро и внезапно, так что Корыцкий не успел взять с собой даже всех своих вещей... Донон прибыл в Иркутск 30 сентября, а Корыцкий 2 октября 1832 г.»[24]. В 60—70-х гг. XIX в. большие группы поляков присылались в Вятскую губернию из Орловской арестантской роты (5 апреля 1868 г. состоялось даже специальное повеление императора о размещении в Вятской губернии поляков из списочного состава этого подразделения, работавших на сооружении Курско-Киевской железной дороги «с причислением к одному из податных сословий, с учреждением за ними полицейского надзора и с воспрещением отлучек из мест жительства»)[25] и сибирских губерний: например, из Иркутской губернии в 1872 г. переселяется Витольд Гейшторн[26].

Большое количество ссыльных, двойственный характер вятской ссылки, необеспеченность ссылки кадрами — все это пагубно отражалось на людских судьбах. Например, один из поляков из-за неразберихи в деле организации ссылки побывал в Вятке дважды: Иван Цеслинский, «бывший помещик Плоцкой губернии», получивший «неправильно разрешение переселиться из Вятской губернии в Царство Польское», решением министра внутренних дел был возвращен на место ссылки. Ссыльный засвидетельствовал отсутствие средств для следования на место отбывания наказания и был отправлен этапным порядком[27].

Среди особенностей социального состава польской политической ссылки в Вятской губернии исследователями отмечались следующие: 74,4% ссыльных

[22] *Луппов П.Н.* Указ. соч. С. 28—29.

[23] *Новински Ф.* Указ. соч. С. 239.

[24] Там же. С. 295.

[25] *ГАКО.* Ф. 582. Оп. 139. Д. 67. Л. 57—58.

[26] Там же. Д. 85. Л. 13.

[27] Там же. Д. 51. Л. 329—330, 331об—332.

в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. были дворянами и 31% их имел возраст свыше 40 лет[28]. При этом источники отмечают наличие среди ссыльных поляков людей в возрасте и немощных. Необходимо также принимать во внимание этапную систему перемещения ссыльных в XIX в., которая сама по себе может рассматриваться как наказание: Эдвард Гепперт отмечает в письме отцу, что дорога из Сибири в Вятку «...стоила ему больших издержек». Достаточно сказать, что лишь один раз отмечается, что переезд из Иркутска в Вятку «...на протяжении более чем 400 верст был менее обременительным, чем ожидали...», но эти слова относятся к воспоминаниям графа М. Виельгорского, человека знатного и богатого, ехавшего «не в роде арестанта», поэтому может рассматриваться как исключение: знатными и богатыми были не все. Густав Ковнацкий в письме от 14 июня 1870 г. писал брату о своих «приключениях», когда он был сослан в Кременчуг, «из Кременчуга в Полтаву, а оттуда выслан в Вятку, откуда... был направлен на жительство в Яранск и так как здесь всякие занятия и службы не дозволяются, кроме лакейской и сторожевой обязанности, то ему придется переносить большое затруднение в средствах к жизни...»[29]. Затруднения дополнялись отсутствием рабочих мест, где ссыльные могли заработать хотя бы самые скудные деньги. В рапорте министру внутренних дел от 10 августа 1868 г. вятский губернатор заявляет о необходимости пособий для ссыльных: «...потому, что эти лица не имеют в местах ссылки никаких занятий, которыми они могли бы снискать себе средства на заготовление одежды. При этом... почти все высылаемые сюда лица... являются в Вятку почти без платья, с тою только одеждою, которая находится на них и без всяких средств к жизни... между тем... в губернии общественных работ, где означенные лица могли бы приобретать себе средства к жизни, нет, других же занятий вовсе не представляется...».

Социализация ссыльных осложнялась недоверчивым отношением вятчан: «Владельцы заводов и торгующие лица... принимают для занятий и работ коренных жителей губернии... Кроме того, торгующие лица не желают брать в услужение высланных сюда преступников, как опороченных в поведении. При таких обстоятельствах встречается крайнее затруднение в устройстве быта высланных в здешнюю губернию под надзор полиции лиц так, чтобы они могли существовать без пособия от казны...»[30]. Постепенно ссыльные находили общий язык с жителями губернии и становились частью новой для них социальной среды: так, ссыльный Алисанов, назначенный для проживания в губернском городе, находит себе применение в Глазове, а Станислав Завадынский – в Сарапуле. Особенно характерна служба ссыльных поляков в системе правоохранительных органов губернии: 27 августа 1868 г. судебный

---

[28] *Луппов П.Н.* Указ. соч. С. 33.

[29] *ГАКО.* Ф. 583. Оп. 603. Д. 1087. Л. 8об, 33, 47.

[30] Там же. Ф. 582. Оп. 139. Д. 51. Л. 407–408.

следователь 1-го участка Вятского уезда испрашивает разрешения для Иосифа Лясоты заниматься в участке письмоводством и свободно перемещаться в пределах уезда. Ходатайство следователя губернатор удовлетворил[31]. Оскар Авейде, переехав весной 1868 г. в Вятку, находит себе занятие по вольному найму в судебной палате. Эта работа губернатором была запрещена. Тем не менее, когда Авейде освобождается от надзора полиции, он уже является частным поверенным окружного суда и «...как адвокат, частный и присяжный поверенный, О. Авейде оставил о себе в Вятке добрую память...»[32]. Эта практика среди политических ссыльных нашла такое распространение, что в 1872 г. вятский губернатор вынужден был даже обратиться со специальным предписанием к вятскому полицмейстеру о запрещении допуска политических ссыльных к занятиям адвокатурой, при которых «...ссыльные, сосланные под надзор полиции в г. Вятка ... принимают на себя защиту по делам, производящимся в общих судебных учреждениях, являются поверенными даже по арестантским делам и очень часто посещают Вятский тюремный замок, имеют свидания с арестантами и совещаются с ними по их делам». Полицмейстер должен был под страхом высылки в «отдаленные уезды Вятской губернии» взять от каждого из них подписку в том, что «они не будут впредь принимать на себя поверенничество и защиту...»[33]. Этим же предписанием запрещалась адвокатская практика для политических ссыльных.

Волнения на национальной окраине отразились также на административном устройстве губернии: «С мая 1863 г. по октябрь 1864 г. Вятская губерния... находилась под управлением временного генерал-губернатора А.Е. Тимашева, местопребыванием которого являлась Казань... А.Е. Тимашеву было поручено заведывать во всем пространстве подчиненных ему губерний делами высшей администрации и высшего полицейского управления... в дальнейшем эксперименты с подчинением Вятской губернии власти генерал-губернатора не повторялись»[34]. В этот же период вятский губернатор добивался получения статуса военного губернатора, апеллируя к сведениям, полученным «через посредство штаб-офицера корпуса жандармов... о распространении злонамеренными людьми возмутительных воззваний к народу о ниспровержении существующего порядка, и... о намерении поднять в Вятской губернии знамя бунта с нападением на казармы и разграблением казначейства с преступной целью стремления к революции»[35]. Центральная власть и без подобных заявлений начальников губерний интересовалась настроениями на местах: даже самые незначительные происшествия в среде губернского общества весьма волновали МВД. Доказательством этому

[31] *ГАКО.* Ф. 582. Оп. 139. Д. 67. Л. 11–12, 62, 171–174, 287–288, 191–191об.

[32] *Фоменкова В.М.* Указ. соч. С. 162–163.

[33] *ГАКО.* Ф. 721. Оп. 1. Д. 8. Л. 167.

[34] *Трушков С.А.* Указ. соч. С. 56–57.

[35] *ГАКО.* Ф. 582. Оп. 140. Д. 198. Л. 6–7об.

может служить донос о неблагоприятном отношении служащего в одном из губернских учреждений, поляка по национальности, Игнатия Драверта к генералу Муравьёву, о якобы имевшем место получении денег «через жену окружного начальника Токарскую» для ссыльных и о существовании в Вятке целого «польского клуба», собрания которого происходят у гражданского инженера палаты государственных имуществ Каппачио[36].

Начиная с конца 60-х гг. XIX в. возникла проблема возвращения ссыльных после окончания сроков наказания. Имперская власть пошла по пути постепенного «облегчения участи». Примером может служить циркуляр министра внутренних дел от 26 мая 1868 г. «Об облегчении участи подвергнувшихся взысканиям по бывшему польскому мятежу», которым объявлялось высочайшее повеление от 17 мая: «всем осужденным до 1 января 1866 года по бывшему польскому мятежу, не обвиненным в убийствах и грабежах и не подвергшихся вторичному суду или наказанию за политические преступления, одобряемым ныне по поведению в случае признания их местным начальством благонадежными, даровать к 25 сего мая облегчения участи», под действие которого подпадали молодые участники восстания, не осужденные на каторжные работы[37]. Указом Правительствующего Сената от 2 июля 1868 г. Вятскому губернскому правлению было объявлено о даровании прощения всем участникам восстания, «впавшим в преступление, не имея 20 лет от роду с разрешением проживать уроженцам Царства Польского — на их родине, а происходящим из Западного края Империи — в губерниях, назначенных для жительства высланным из оного по политическим причинам с воспрещением вступать в государственную службу» Этим же указом объявлялось о том, что сосланным «на житье по лишении всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, оставив за ними право приписки к городским и сельским обществам дозволяется просить местное начальство о переводе их в те отдаленные европейские губернии империи, которые будут указаны министром внутренних дел»[38].

Итак, начиная с 30-х гг. XIX в. поляки становятся постоянным компонентом структуры населения Вятской губернии. Численность данной этносоциальной группы не являлась постоянной и была связана с общественным движением в Российской империи. В 1830-х гг. ссыльных поляков на территории губернии было около 300, для 1860—1870 гг. точное количество назвать трудно, однако оно превышало 500 человек.

Разной была структура размещения поляков на территории губернии: в 30-х гг. для этого брались в основном два города, для 60—70-х гг. характерно использование почти всех городов губернии, включая заштатный Царево-Санчурск.

---

[36] *ГАКО*. Ф. 582. Оп. 140. Д. 309. Л. 51—51об.

[37] Там же. Оп. 139. Д. 41. Л. 31.

[38] Там же. Л. 32.

Польская политическая ссылка в Вятке в оба периода характеризовалась наличием «текучей» группы (пересылка): чаще всего ее состав определялся числом поляков, назначенных административным порядком для отбывания ссылки в сибирских губерниях после основного наказания в Вятке или, наоборот, прибывающих из Сибири на жительство. Меньшую часть этой группы составляли бывшие ссыльные, возвращавшиеся на родину.

Постоянным оставался также принцип включения представителей различных национальностей в состав данной группы: понятия «поляки», «польские преступники», «польские мятежники» употреблялись современниками (населением империи в целом и административно-полицейским аппаратом в частности) не столько по этническому, сколько по функциональному признаку (участие в противоправительственных действиях на территории Царства Польского и прилегающих к нему местностей). «Поляком» мог быть назван каждый, кто был причастен к восстаниям или являлся уроженцем западных губерний и Царства Польского. Более того, в состав данной группы современниками и исследователями зачислялись иностранцы (чаще прусские и австрийские подданные).

Неизменным в течение обоих периодов оставался особый правовой статус данной группы: члены ее находились под контролем МВД, осуществлявшимся через губернскую администрацию.

Контроль реализовывался чаще всего в виде полицейского надзора, качество которого и развитие на протяжении 30—70-х гг. XIX в. остается не исследованным.

В целом проблема сравнительного изучения двух данных периодов польской ссылки в Вятской губернии остается открытой, поскольку не выявлены точные данные даже основных параметров ссылки, таких, например, как численность, что свойственно для изучения данной проблемы в целом по империи: исследователи значительно расходятся в оценках масштабов этого социокультурного явления. Например, Б.С. Шостакович говорит о том, что вследствие польского мятежа 1863—1864 гг. было выслано из Царства Польского и Западного края до 36 459 человек и добавляет: «Вследствие отсутствия точного их учета сведения о численности сосланных заметно расходятся в работах различных исследователей (от 18 606 человек до 22 и даже 30 тысяч)»[39]. Подобное положение для общероссийского понимания вопроса существует и относительно периода 1830-х гг. Так, Францишек Новински отмечает значительную приблизительность подсчетов: «Известный польский исследователь ссылки в Сибирь М. Яник считает, что общее число поляков, пополнивших сибирские, кавказские, приамурские батальоны и полки в Европейской России достигало около 60 тысяч человек», при этом количество отданных в солдаты поляков «могло быть меньше или больше 30 тысяч»[40].

---

[39] *Шостакович Б.С.* Поляки в Сибири в 1870—1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 108.

[40] *Новински Ф.* Указ. соч. С. 229—230.

Открытым для обоих представленных периодов является вопрос ассимиляции. Ф. Новински приводит высказывание А. Гиллера: «Имеющий жену польку – спасенный для народа, тот же, который нашел товарища жизни среди ненавидящего Польшу народа, уничтожает в себе Польшу и является отцом потомства, неспособного к защите родины»[41]. Но факты браков поляков с русскими зафиксированы в источниках, и они не были редкими.

Для обоих периодов польской политической ссылки в Вятской губернии открытым также остается вопрос о самосознании этой группы и отношении к представителям ее коренного населения Вятки.

Итак, польская политическая ссылка в Вятской губернии занимала значительное место как в истории внутренней политики Российской империи, так и в жизни губернского общества. Несмотря на это, открытым остается вопрос комплексного изучения данного правового, общественно-политического и культурного явления на основе изучения его юридической базы, степени выполнения предписаний центральной власти местным административно-полицейским аппаратом, влияния культурного пространства «внутренней» губернии на развитие ссылки. Одним из путей исследования и является сравнительный анализ, позволяющий выявить место этого явления в общем процессе развития культуры губернского общества Европейской России.

---

[41] *Новински Ф.* Указ. соч. С. 189.

К. ГЕМБУРА
г. Люблин

ВКЛАД ПОЛЯКОВ В РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (до 1914 г.)

С VIII в. до Рождества Христова древние греки колонизировали северное побережье Чёрного моря, основав здесь более двухсот полисов. Особенно большое значение имели Ольвия, Херсонес и существовавшее более восьмисот лет Боспорское царство. Эллины создали здесь богатую культуру, живущую в симбиозе с местными иранскими сообществами на территории сегодняшних южной Украины и России, в бассейнах Дона, Кубани и на Северном Кавказе. Очередные волны степных завоевателей из глубины континента привели к утрате греками политической самостоятельности. Для спасения эллинской культуры появились представители Рима – легионы, располагавшиеся в нескольких гарнизонах на северных побережьях Эвксина. Формальная дата падения Западной Римской империи не прервала развития греческих городов – их продолжала охранять восточная часть империи, то есть Византия. Такая ситуация сохранялась до классического Средневековья, когда в XIII в. Крым заселили татаро-монголы. Век спустя великий литовский князь Гедимин разграбил греческие города и превратил их в руины. Сигизмунд Старый потерял Едисан (земли между Днестром и Днепром) и Гаджибей (нынешняя Одесса), хотя Якуб Претфич, барский староста, был комендантом причерноморской крепости. Со времен Люблинской унии 1569 г. Польская Корона номинально правила над Дикими Полями до 1668 г. В XVIII в. она начала терять инициативу и суверенность в пользу России. В период войн с Турцией и Крымским ханством Россия завоевала в 1761 г. так называемую Новую Сербию. Спустя три года был основан Елисаветград (сегодняшний Кировоград). В 1764 г. была основана Новороссийская губерния. Одновременно были ликвидированы автономия запорожских казаков и Крымское ханство. В это же самое время Россия

завоевала земли по Кубани и Тереку. В 80-е гг. XVIII в. проходила интенсивная так называемая сербская колонизация, в значительной мере состоящая из крестьян Украины, как русских, так и польских. Был основан новый город – Херсон, получивший название в честь древнего Херсонеса. Появились здесь также и польские магнаты, к примеру, Прот Потоцкий[1] – предтеча черноморской торговли, и польские солдаты на русской службе, как добровольцы, так и призванные насильно, а также люди свободных профессий, старающиеся воспользоваться экономической конъюнктурой.

Второй раздел Польши привёл к тому, что она сместилась на Запад, а затем исчезла. Огромные территории Речи Посполитой «Многих Народов» очутились в имперской России. Репрессии более поздних лет – выселение пятидесяти тысяч поляков из Подолья и замена трёхсот пятидесяти тысяч представителей польской мелкой шляхты на Украине крестьянами привели к хлебной эмиграции в южную Украину и другие регионы России. Также в академические центры добровольно или под давлением переместилась часть интеллигенции из научных центров бывшей Речи Посполитой. В данной работе под территорией России понимаются восточные земли Речи Посполитой до Буга и более ранние российские земли без Конгрессового королевства (территории Царства Польского по решению Венского конгресса 1814–1815 гг.).

Первый период польских исследований античной культуры можно назвать любительским. Интерес поляков к древней культуре этих территорий, которые имели связь с Речью Посполитой, восходит к XVI в. Тогда появились проекты колонизации Диких Полей и перенесения столицы Польши к Чёрному морю. Поляки, как предполагаемые наследники древних сармат, а такая идеология господствовала до известного Эмира Жевуского[2], отождествляли себя также с классическими римлянами посредством поэта Овидия, который якобы окончил жизнь на территории Речи Посполитой. После разделов Польши эта мысль в форме фантазии воскрешалась, между прочим, в планах экономической экспансии упоминавшегося Прота Потоцкого. Концепция национального восстания вблизи Лебедина на татарском Чёрном шляхе, воспетая поэтами так называемого украинского романтического круга – Богданом Залеским, Северином Гощиньским, Тымеком Падуррой[3] – воплотилась в организованных Михалом Чайковским (Садык Паша) и Теодором Милковским[4] (Томаш Еж) воинских частях так называемых польских казаков, или в концепции федералистической Речи Посполитой Народов от Балтики до Кавказа, разработанной Юзефом Пилсудским[5].

---

[1] Прот Потоцкий основал в 80-х гг. XVIII в. компанию по торговле зерном, банк в Махновке возле Бердичева и отправил из Херсона во Францию пять судов с зерном.

[2] Вацлав Северин Эмир Жевуский (1784–1831).

[3] Эти поэты получили образование частью в Умани, частью в Кременце.

[4] Отряды эти были организованы в турецкой ещё Добруджи, в дельте Дуная.

[5] Ю. Пилсудский вёл на эту тему переговоры со многими антирусскими политиками ещё в 1906–1914 гг.

Конец XVIII в. в Европе был отмечен целой плеядой так называемых дилетантов (без уничижительного смысла), которые под влиянием Гёте и Винкельманна начали интересоваться древним наследием. Так в Польше поступили Потоцкие, создавая античные и другие собрания в славном Тульчине около Брацлава[6]. То же проделали Жевуские со славным Эмиром, который после ближневосточных вояжей осел в Саврани[7]. Он собрал там множество восточных экспонатов, а также предметов, извлечённых из скифских курганов и из причерноморских городов. Они были описаны в издании «Утраты польской культуры во время мировой войны» (первой. — **К.Г.**).

Однако первым в ряду поляков, занимающихся причерноморскими территориями, был многократный посол польских королей, знаток восточных языков Марцин Броневский[8]. Он написал обширную реляцию, изданную в 1595 г. в Кёльне под названием «*Tartariae descriptio*», имевшую более десятка изданий и переводов. Описывает в ней не только казаков, татар, хазар, но и соотносит их с древним миром и делает более близкими эллинские, римские, византийские памятники старины. Упоминавшийся уже Вацлав Северин Жевуский под псевдонимами Абу Ассад, Арсиан Эмир, Тач Эль Фер провёл бурную жизнь, путешествуя по всему миру. Одним из первых он вёл любительские раскопки на территории эллинской культуры в Причерноморье. Этот яркий человек погиб в битве Ноябрьского восстания под Дашовом на Украине. Никто не видел его тела. Уцелела его библиотека и собрание древностей, конфискованные русскими властями. Известна была также коллекция Потоцких в Тульчине, организованная недоброй памяти Щенсным[9]. С этим центром был связан Антони Хшонщевский[10], описавший историю Потоцких и одновременно занимавшийся собирательством и упорядочиванием собрания. С этим же родом был связан Владислав Ходзькевич, друг Юзефа Игнация Крашевского, писатель и автор «Восточных древностей», написанных по-французски[11].

---

[6] Собрание это после смерти Северина разошлось: частично по России, частично на Западе. Только часть осталась в Ланцуте.

[7] Саврань находилась на границе прежней Речи Посполитой и Новороссии.

[8] М. Броневский умер до 31 марта 1593 г. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. T. 3. S. 461ff.; *Bartoszewicz J.* Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami. Warszawa, 1859; *Buczek K.* Kartografia polska w czasach Stefana Batorego // Wiadomości służby geograficznej. Warszawa, 1933. S. 2; *Стороженко А.В.* Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1914. С. 52—58.

[9] Северин Потоцкий имел непосредственное отношение к разделу Польши.

[10] А. Хшонщевский родился в 1770 г. в Печихвостах, жил в Смердлыкове, умер в 1851 г. в Мендзыжечке. Описывал историю Подолья, перевёл латинскую хронику П. Пясецкого. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. T. 3. S. 477.

[11] А. Ходзькевич родился около 1820 г. возле Тульчина. В те времена был известен как автор повести «Замок в Чарнокозинцах».

Ещё одна семья магнатов, занимающаяся коллекционированием памятников старины Причерноморья – это Ходкевичи из Чернобыля. Самый известный из них – Александр – переводчик и автор трагедий, написанных по образцу античных[12]. В Млынове около Кременьца он собрал множество коллекций. В исследованиях античной культуры отличились также Александр Пшездзецкий[13], родившийся в Чёрном Острове на Подолье – издатель, историк, учащийся Кременецкого лицея и Эдвард Пшевуский[14], который последние годы жизни провёл в киевской среде. Необычайно плодовитым в науке был рождённый в Халаймгрудке около Бердичева Евстафий Ивановский, носивший псевдоним Эллениус[15]. Он умер в Белополе на Украине. Был историком-любителем, собирал документы и реляции на Украине, интересовался древностями. Его многочисленные работы, хоть и хаотические, полные ошибок и анахроничной сарматской идеологии, сохранили, однако, некоторую ценность из-за использования в них несохранившихся материалов.

Второй период интереса к античности связан с основанием на территории Речи Посполитой, отошедшей после разделов к России, высших учебных заведений. Неоценимый вклад в исследования античной культуры, особенно причерноморских территорий, внесли Виленский университет и Кременецкий лицей. В Вильне работал известный Готфрид Гродек, воспитавший нескольких учеников. В лицее работало несколько исследователей древностей, среди них очень известный Михал Юрковский[16], филолог классического греческого языка, переведённый после закрытия волынской школы в Киев. На лекциях в Университете Святого Владимира он анализировал культуру причерноморских территорий. Более известен Юлиан Александр Мицкевич, брат великого Адама[17]. Как лучший студент Виленского университета с 1828 г. он получил должность в Кременце. Преподавал там польское и римское право, энциклопедию прав, литературу. При этом вёл

---

[12] А. Ходкевич родился в 1776 г. в Чернобыле, умер в 1838 г. См.: *Lipiński T.* Zapiski. Kraków, 1883. S. 26ff.

[13] А. Пшездзецкий (1814–1871) был известным архивистом. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. T. 29. S. 95.

[14] Э. Пшевуский (1850–1895) родился в Селльцах, умер в Киеве. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. T. 29. S. 38.

[15] Е. Ивановский родился в 1813 г., умер в 1903 г. Его самая известная работа *"Listki wichrem do Krakowa z Ukrainy przeniesione"*, 1900 г. См.: *Polski Słownik Biograficzny*. T. 10. S 178ff.

[16] М. Юрковский родился в 1765 г., умер в 1863 г. См.: *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 15. С. 260сл.

[17] О Ю.А Мицкевиче см.: *Podhorski-Okołów L.* Realia mickiewiczowskie. Warszawa, 1952, *Wrzosek A.* Aleksander Mickiewicz, ostatni profesor prawa rzymskiego w dawnym Liceum Krzemienieckim // Minerwa Polska. 1927. Nr1; *Polski Słownik Biograficzny*. T. 20. S. 706ff.

курс польской истории с привязыванием к античной культуре, «подготавливал молодежь к достойным учителям». В 1835 г., после перевода в Киев, Юлиан Александр Мицкевич получает кафедру римского права. Пять лет спустя царские власти, подозревая его в заговоре, заставляют сменить место жительства — он выезжает в Харьков. Мицкевич воспитал сотни учителей, которым привил страсть исследования истории родной страны. Были это в основном потомки мелкой «украинской» шляхты. Многие из них работали в школах южной Украины и России[18]. Ю. А. Мицкевич передал дух патриотизма членам своей семьи. Его сын Францишек женился на вдове Ромуальда Траугутта, урожденной Костюшко, чтобы спасти её от унижений русских властей[19].

Потомком шляхетской семьи был Б. Гошкевич (1860—1928), археолог, основатель музея в Херсонесе[20]. К сожалению, я не добрался до источников, которые однозначно говорили бы о его национальном происхождении. Нельзя не вспомнить об Адаме Гонории Киркоре[21]. Этот лояльный человек, основатель ежедневных виленских газет был также археологом-любителем. Он пробовал наладить издание первого журнала в Одессе. Лично организовал экспедиции по поиску ценных предметов из греческих захоронений и скифских курганов.

Польские исследователи древностей действовали также в других научных центрах тогдашней России[22]. Их исследования были разнонаправленными, в связи с чем античностью занимались от случая к случаю. Здесь можно упомянуть Гилария Лукашевского, выпускника Виленского университета, который преподавал в Казани латынь и римское право около 1845 г. Густав Олизар, поэт, мемуарист, учёный, декабрист действовал на юге России. Братья Потоцкие, Ян и Северин, были историками и археологами. Ян часто бывал в России, Северин (это совсем не тот Северин из Тульчина) в 1803—1817 гг. был первым куратором Харьковского научного округа. Францишек Рудзки-Скарбек занимался нумизматикой. Выпускник иезуитских школ в Полоцке Константин Сербинович жил в Петербурге, где переводил античную литературу. В качестве цензора он дал возможность Адаму Мицкевичу опубликовать свои произведения. В Москве работал Ян Теофил Буле философ, историк, занимающийся также российским Средневековьем. Исследованиями заселения Ольвии занимался Стэмпковский, потомок известного региментария. Можно ещё упомянуть Альфонса Валицкого — студента Вильно, доктора Дерпта, классического филолога, профессора

[18] См.: *Beauvois D.* Dezintegracja drobnej szlachty na Ukrainie w latach 1831–1863 // Los Polaków w XIX–XX wieku. Warszawa, 1987. S. 73–87.

[19] См.: *Polski Słownik Biograficzny.* T. 20. S. 706.

[20] См. примеч. 18.

[21] А.Г. Киркор происходил из лояльной царю семьи.

[22] См.: *Wołoszyński R.W.* Polacy w Rosji 1801–1830. Warszawa, 1984.

в Харькове. Знатоком античности был также Людвик Соболевский, большая часть работ которого осталась в рукописях.

Пожалуй, самым выдающимся исследователем античности, происходящим из Украины из Скшипчыньцов около Умани, был Тадеуш Зелинский[23]. Этот выдающийся учёный вплоть до нынешнего времени является одним из самых известных польских специалистов, занимавшихся историей Древнего мира. Его цитируют в каждой серьёзной научной работе, особенно касающейся эллинской религии. Сам он воспитывался в немецких учебных заведениях, а также в Дерпте, работал до революции в Петербурге. После этого ему удалось перебраться в Польшу. Он воспитал в Варшаве целую плеяду специалистов по Древнему миру – Анну Щвидеркувну, Янину Плищинскую-Немирскую и других. К нему как к «научному отцу» обращаются и сегодня исследователи античности. В его исследованиях особую роль играет идея гиперборейского (читай: южно-украинского) происхождения аполлоновской религии. Считал, что именно поляки являются наследниками этой идеи. Он видел вишнёвые сады Геродота в «Балладине» Словацкого и в работах Мицкевича.

В Петербурге до революции работал также Стефан Сребрный – известный классический филолог, занимающийся анализом греческой трагедии. В 30-х гг. XX в. он преподавал в Католическом университете в Люблине. Заметим, что в Советском Союзе работало много археологов польского происхождения, исследовавших то, что сохранилось от греческих колоний Причерноморья. Это были Фармаковский, Книпович, Дложевский, Каменский, Гриневич[24]. В настоящее время учёные Республики Польша вновь вернулись к исследованиям, касающимся античной культуры в Украине, в России, в государствах Кавказа.

Резюмируя можно сказать, что:

– вклад поляков в исследование причерноморской античности был значительным;

– без их участия российские достижения в этой области были бы меньшими;

– хронологически польский интерес к Древнему миру на этой территории можно разделить на период любительский и университетский;

– польские учёные участвовали в научной жизни как на территориях бывшей Речи Посполитой, присоединенных к России, так и в этнической России;

– период работы польских учёных (часто уже только польского происхождения) в советское время полностью лишён литературы.

Нами сделан лишь набросок истории польских исследований античной культуры Северного Причерноморья. Научный постулат звучит так: данным вопросом следует заняться комплексно и исчерпывающе.

---

[23] Т. Зелинский родился 14 сентября 1859 г., умер 14 мая 1944 г. Основные работы по этой теме: Из жизни идей. Петербург, 1905–1910. Т. 1–4; Starożytność bajeczna Warszawa, 1930; Tragudomenon libri tres. Петербург, 1887.

[24] Эти имена встречаются в работе: *Vinogradov J.G., Kryżyckij S.P.* Olbia. Eine altgriechische Stadt in nordwestlischen Schwerzmeerraum. Brill etc., 1995. S. 3ff.

С. В. ДУМИН
г. Москва

СМОЛЕНСКАЯ ШЛЯХТА И ЕЁ СУДЬБЫ

Переход смоленских земель от одного государства к другому, трижды совершавшийся в XVI–XVII вв. (в 1514, 1611–1618 и 1654 гг.), привел к огромным изменениям в составе местных землевладельцев. Фактически состав смоленского дворянства стабилизируется лишь к концу XVII столетия. В течение двух предшествующих веков волны миграций вымывают из его рядов огромные группы вотчинников и помещиков и способствуют появлению здесь семей как литовско-белорусского, польского, немецкого происхождения, так и выходцев из коренных русских уездов.

По Деулинскому перемирию 1618 г. Речь Посполита сохранила за собой Смоленский, Дорогобужский, Рославльский, Бельский, Серпейский, а также Невельский, Себежский, Красногородский уезды (из них был образован Смоленский повет одноименного воеводства; но Серпейский уезд вскоре был возвращен России, а Невельский, Себежский и Красногородский уезды были переданы воеводству Витебскому). Южнее, из Стародубского, Почепского, Поповгородского, Трубчевского уездов был образован Стародубский повет Смоленского воеводства Великого княжества Литовского.

Большинство местных русских поместников и вотчинников ушли в Россию (в качестве компенсации за потерянные имения государь жаловал смоленским дворянам-беженцам поместья на севере – в Угличском, Вологодском и некоторых других уездах; кстати, именно из тамошней ветви смолян Бердяевых происходил известный русский философ). Их владения были розданы шляхте, преимущественно выходцам из Великого княжества Литовского, а также полякам, ливонским дворянам – сторонникам Сигизмунда III, вынужденным покинуть земли Прибалтики, захваченные шведами. Получили на Смоленщине значительные пожалования и несколько военнослужилых людей, отличившихся в боях и за это возведенных в шляхетское достоинство: Максим Волк (казацкий ротмистр), Валентий Рарог (начальник смоленских пушкарей), Себастьян Домбровский и Адам Вержховский (предок ныне существующего смоленского дворянского рода Верховских: один из его потомков, старец Зосима, причислен православной цер-

ковью к лику святых). Любопытно, что свои пожалования, довольно крупные, они получили ещё в 1620-е гг., тогда как формально акт нобилитации состоялся только на сейме 1638 г. К этому времени короли в принципе лишились права жаловать шляхетство (право нобилитации было предоставлено сейму, то есть депутатам от всего сословия). Но во время войны, «в поле», перед лицом войска за военные заслуги король мог жаловать шляхетское звание (затем такие акты подтверждались сеймом). Можно предположить, что и эти лица получили шляхетство ещё во время войны, до Деулинского перемирия 1618 г. (может быть, это не было должным образом оформлено, а сейм 1638 г. лишь подтвердил нобилитацию).

Но и некоторые русские, присягнувшие и до конца служившие королевичу Владиславу и его отцу Сигизмунду III, сохранили свои владения или получили новые пожалования взамен имений, оставшихся в России. Боярин князь Юрий Никитич Трубецкой был утвержден в вотчинном владении половиной города Трубчевска и уезда (и раньше принадлежавшей ему), а остальные земли и вторую половину города (которыми прежде владели родственники, оставшиеся в России) получил от короля в вечное ленное владение. Сохранил свои дорогобужские вотчины и другой видный деятель Смуты – боярин Михаил Глебович Салтыков. Он и его дети получили и новые пожалования, в том числе и в Великом княжестве Литовском в Мстиславском воеводстве. Некоторые их потомки впоследствии окончательно полонизировались и приняли католичество; из этой семьи происходил известный польский политический деятель XVIII в. архиепископ Краковский Каетан Солтык. Были в их числе и смоленские, дорогобужские, рославльские дети боярские. Некоторые из них – Хрипуновы-Дубенские, Халютины-Колечицкие бежали из России на королевскую службу ещё при Борисе Годунове. Все они доказали свою верность в период Смутного времени и последующих русско-польских войн. Некоторые русские дворяне первоначально занимали посты воевод пограничных городов – Дорогобужа, Вязьмы (пока город находился под властью короля). После 1618 г. местная администрация формировалась уже почти исключительно из уроженцев Речи Посполитой. Новое воеводство получило административную структуру по образцу остальных земель этого государства. Тут создается католическая епархия, а местный православный архиепископ признает унию с Римом (после этого часть православных храмов переходит к католикам, остальные превращаются в униатские; православные приходы сохраняются только во владениях нескольких местных крупных землевладельцев русского происхождения). В Смоленске создается первое учебное заведение европейского типа – иезуитская коллегия, при ней возникает даже студенческий театр.

Практически на все должности, вплоть до поста воеводы, мог быть назначен только местный «оседлый» (то есть владеющий имением) шляхтич. Основой местного шляхетского самоуправления был сеймик – собрание шляхты, назначаемое на определенный срок, на котором решались все местные дела, избирались в случае созыва королем сейма его депутаты

(по два от каждого повета), формулировались инструкции этим депутатам, а также избирались кандидаты на вакантные должности в самоуправлении, представляемые затем королю. Назначения на «земские уряды» (должности) были пожизненными; должность могла быть передана другому лицу лишь в случае смерти данного «урядника», его назначения на другой (более высокий) пост или добровольного отказа от звания. «Земские уряды» в шляхетском самоуправлении каждого повета были примерно одни и те же. Их структура частично повторяла структуру средневекового придворного штата; как и при центральных литовском и польском дворах, в каждом повете существовали должности стольника и подстолия, струкчашия, чашника (чесника), подчашего и так далее; формально их носители должны были выполнять соответствующие обязанности при приезде короля в данный повет; на практике эти должности были чисто почётными. Наряду с этим существовали и должности, связанные с функционированием шляхетского самоуправления. Шляхта по земельным и другим более важным делам подлежала юрисдикции шляхетского земского суда. В составе суда заседали земский судья, земский подсудок и земский писарь. В военном отношении шляхта, обязанная в случае созыва королём и сеймом всеобщего ополчения (посполитого рушения) лично являться на службу со своими людьми, подчинялась поветовому хорунжему. Хорунжий не только «разворачивал знамя» воеводства (фактически одноименного повета; каждый повет составлял особую военно-административную единицу, и отдельные хоругви существовали в Смоленском и Стародубском поветах) или повета, но и вел списки тех, кто должен был являться и являлся на службу, выдавал соответствующие свидетельства. Во время войны обязанность вести ополчение воеводства к гетманам — командующим армией — возлагалась затем на маршалка (первоначально маршалок был представителем короля в повете, затем эта должность являлась высшей в местном самоуправлении, но функции его были довольно ограниченными). Ещё один поветовый чиновник, войский, должен был заботиться о семьях шляхты, оставшихся в имениях после ухода отцов и мужей на войну. Очень важным (и очень высоко стоявшим в иерархии чинов) был пост подкомория, должностного лица, решавшего (в собственном, подкоморском суде) дела о границах имений, а также ответственного за сбор земельных и прочих налогов. В помощь подкоморию назначались должностные лица более низкого ранга — коморники. Сбором налогов ведали также представители центрального казначейства — скарба, именовавшиеся дворянами (в Польше и Литве дворянин — *«dworzanin»* — обозначение придворного, лица, служившего непосредственно при дворе) скарбовыми, но они уже являлись не земскими, то есть шляхетскими, а королевскими чиновниками.

В каждом повете наряду с выборной шляхетской существовала и королевская государственная администрация. Возглавлял её воевода (он имел право самостоятельно назначить своего наместника — подвоеводу). Каштелян, в древности возглавлявший рыцарский гарнизон замка, в это время

имел довольно мало реальных полномочий, но формально оставался вторым лицом в воеводстве и повете. Воевода и каштелян были членами сената. Важнейшим звеном управления оставались в это время королевские наместники, или старосты (часто его функции также выполнял заместитель – подстароста). Им подчинялись территории, находившиеся под непосредственным, в том числе хозяйственным, контролем короля, прежде всего государственные (королевские) имения, староства, экономии. Часть доходов со староства поступала старосте, часть передавалась в государственную казну. Кроме того, на подчиненной ему территории староста осуществлял и судебную власть, а в пограничных староствах одной из важнейших его функций было и осуществление их обороны, для чего формировались специальные военные отряды. В Смоленском воеводстве крупнейшее Смоленское староство (Смоленская экономия) было закреплено за воеводой; доходы с этих земель должны были расходоваться на ремонт городских стен и другие оборонительные нужды. Аналогичная функция была возложена на староства Рославльское, Бельское и т.д. Королевским наместникам подчинялись и казачьи отряды, пожалованные землями при соответствующих городах с обязанностью военной службы (три сотни казаков и сотня военнослужилых крестьян – так называемых бояр, а также несколько десятков пушкарей были приписаны к Смоленску, отряды «грунтовых», то есть пожалованных «грунтом» – землей, казаков численностью от 100 до 30 коней – к другим крепостям воеводства, а к пограничному Дорогобужу были приписаны ещё и земли, пожалованные на 100 коней отряду служилых литовских татар). Кроме того, в Смоленске существовала должность будовничего (то есть «строителя», главного крепостного архитектора; кстати, ее занимал родоначальник дворянского рода Вонляр-Лярских – Якуб Вонляр, *Vonlar*, то есть фон Ляр), отвечавшего за состояние укреплений. Кроме земского суда, разбиравшего преимущественно дела шляхты, для уголовных дел, а также для военнослужилых людей и других лиц, подлежавших юрисдикции воеводы, действовал в Смоленске и гродский, замковый (от польского слова «*gród*» – замок) суд. Формально это был суд воеводы, фактически судебные функции осуществляли его представители, гродский судья и его помощники – подсудок и писарь гродского суда. В отличие от земских чиновников, члены гродского суда исполняли свои функции не пожизненно, а до момента прекращения полномочий воеводы (новый воевода, назначаемый в случае смерти своего предшественника или его перехода на другой, более высокий пост, назначал новых гродских чиновников). Мы не будем здесь подробно останавливаться на положении горожан, мещан. Скажем только, что Смоленск и другие города воеводства получили самоуправление; выборные органы власти (магистрат во главе с бурмистрами) и представитель короля – войт (или его наместник – лентвойт) совместно управляли городом, осуществляя на его территории судебную власть. Но при этом из-под городской юрисдикции были изъяты владения шляхты и служилых людей, живших в городе, поселивших там своих «поданных» или

свободных людей. Большинство местных землевладельцев, как уже говорилось, составляли шляхтичи – выходцы из Речи Посполитой. Часть из них участвовала в походах королевича Владислава и Сигизмунда III. Остальные прибыли в новое воеводство по призыву короля. Особые грамоты – универсалы, рассылаемые королевской канцелярией, обещали им в новом воеводстве земли с обязанностью военной службы; для безземельной или мелкой шляхты это был прекрасный шанс обзавестись собственным имением. Раздачу земель вели назначенные сеймом и королем уполномоченные – комиссары. Их пожалования утверждались королем; из канцелярии Великого княжества Литовского пожалованные получали королевские привилеи (грамоты, от латинского «*privilegio*»). Земли раздавались в вечное ленное владение. Ленное (феодальное) право, возникшее в средние века, четко определяло права сеньора и вассала, получавшего от него земли в качестве лена (феода). Этот образец, использованный и на Смоленщине, предусматривал переход имений только по мужской линии при условии исполнения военной службы. Отчуждать (не только продавать, но и закладывать) имения можно было только с личного согласия короля (оформляемого специальной грамотой – консенсом), только шляхтичу, способному нести ту же службу. В случае смерти мужа жена сохраняла имение в своем пожизненном владении (и могла добиться согласия короля на передачу вечных ленных прав своему новому мужу). Дочери правом наследования не пользовались (хотя на практике шляхтич, сыновей не имевший, мог ходатайствовать о передаче имения зятю). Имение могло было быть конфисковано только в случае нарушения условий пожалования, то есть неисполнения военной службы во время войны, измены, иногда – и в случае самовольной земельной сделки (как правило, впрочем, такие сделки одобрялись постфактум). Большинство пожалованных обязаны были также построить дом на выделяемом им участке в Смоленске или в другом городе воеводства и постоянно держать там своего человека и запас продовольствия на случай осады. Не имея возможности участвовать в военных действиях лично, ленный землевладелец должен был выставить на свое место вооруженного шляхтича-заместителя.

Кроме шляхетского ополчения, созываемого во время войны, и отрядов военнослужилых людей (также наследственно владевших небольшими наделами на тех же условиях; среди них были и шляхтичи, и русские дворяне) в Смоленске и в некоторых других городах размещались и регулярные части, служившие за жалование. Впрочем, денег в казне постоянно нехватало и некоторые отряды были вознаграждены за службу земельными пожалованиями.

При Сигизмунде III средние размеры этих пожалований были сравнительно невелики, обычно 10–20 волок специально отмеренной земли (волока уволока – земельная мера, около 21,36 гектаров, применявшаяся тогда при трёхпольном севообороте), или небольшое поместье, прежде принадлежавшее одному-двум русским детям боярским. Это позволило довольно быстро реконструировать местное феодальное землевладение, быстро увеличить численность военнослужилых людей и шляхты нового воеводства. Разработанная

королём и его советниками система подтвердила свою эффективность во время Смоленской войны 1632–1634 гг. Крупная русская армия под предводительством боярина Шеина (героя Смоленской обороны 1609–1611 гг.), подойдя к Смоленску, не смогла взять город (обороняемый шляхетским ополчением и регулярными войсками под командованием энергичного подвоеводы князя Друцкого-Соколинского). Мужество защитников Смоленска позволило новому королю Владиславу IV собрать войско и, подойдя на помощь к осажденной крепости, блокировать Шеина под Смоленском, а затем и принудить русских к капитуляции. Оставив королю знамена и пушки, армия Шеина была отпущена в Москву (где старого воеводу ожидала казнь на плахе по приговору боярской Думы). Поляновский мир 1634 г. закрепил Смоленщину за Речью Посполитой (хотя России были уступлены Серпейский, а несколько позже, по пограничному размежеванию, и Трубчевский уезды, вследствие чего и Трубецкие позже вернулись в Россию).

Победа в войне была ознаменована новыми массовыми пожалованиями, причём шляхте были розданы на Смоленщине личные земельные владения короля. В результате, как выяснилось позже, доходы воевод оказались недостаточными для ремонта крепости, содержания постоянных сил. Это сказалось на обороноспособности Смоленска двадцать лет спустя, когда в 1654 г. город осадила русская армия, предводительствуемая лично царем Алексеем Михайловичем.

После двухмесячной осады город был сдан, причём основными инициаторами капитуляции стали представители местной шляхты. Дело было не только в реальных возможностях обороны (они далеко не были исчерпаны). Общее положение Речи Посполитой, успехи казацкого восстания на Украине, открытое вступление России в войну на стороне Богдана Хмельницкого и отсутствие каких-либо реальных перспектив помощи со стороны короля Яна Казимира (не располагавшего средствами для сбора крупной армии) заставили многих местных шляхтичей задуматься о возможности поступления на царскую службу.

Начиная переговоры с осажденными, царь обещал им подтверждение земельных владений и право сохранить свою веру. В числе статей, предложенных осажденными, было признание одинаковых прав собственно шляхты и потомков русских дворян, оказавшихся на королевской службе (последние, вероятно, опасались репрессий). Осажденные не были единодушны. Часть шляхты настаивала на продолжении сопротивления, часть колебалась. Наконец группа шляхты, возглавляемая земским судьей Петром Голимонтом, князем Друцким-Соколинским и ещё несколькими лицами, тайно собралась в ратуше, затем бросилась к воротам и открыла их перед русскими войсками. Сопротивление было сломлено. Царь Алексей Михайлович, начиная кампанию в Литве, решил продемонстрировать свое милосердие и разрешил воеводе Филиппу Обуховичу и шляхте, не желающей поступать в русское подданство, покинуть город и уйти «в Литву». Список их насчитывает всего 44 человека. Впрочем, многие шляхтичи и их семьи ещё

до осады уехали из воеводства, оставив на службе вместо себя специально нанятых лиц или своих челядников.

Остальные шляхтичи (385 человек католического вероисповедания и 232 «благочестивой веры» или «белорусцев»), казаки, пушкари, солдаты (всего 907 военнослужилых людей, из них 145 – католики, 17 – «немцы» и т. д.) и горожане были приведены к присяге царю, отдельно католики, отдельно православные. Оказавшиеся в числе солдат 22 человека иудейской веры были предварительно крещены в православие; кстати, не было ли среди них и будущего отца барона Б.П. Шафирова, сподвижника Петра Великого? Родословная Шафирова называет его отца жителем Смоленска (а других евреев в этом городе не было). Большинство их сохранило верность царю, хотя часть (во главе с полковником Островским) всё-таки вернулась на литовскую службу во время одного из походов в Великое княжество, куда была отправлена и смоленская шляхта. В документах Приказа княжества Смоленского, специально созданного для управления этой вновь присоединенной к России территорией, можно найти немало необычных биографий, сложных судеб; например, смоленский шляхтич русского происхождения Самойло Бердяев с женой бежал в Литву, а его зять-поляк, Александр Коховский остался на царской службе; лишь через много лет Бердяев с женой вернулся в Россию и был взят на поруки внуками, с обязательством безвыездно жить в деревне.

8 сентября 1654 г. царь Алексей Михайлович пожаловал смоленской шляхте грамоту, подтвердив их право «по-прежнему» владеть своими «маетностями» (имениями), «по их привилегиям, кто чем владел». Но с целью укрепления власти России по указу 10 января 1659 г. здесь же были испомещены присланные для рейтарской службы дети боярские из разных уездов. Кроме того, часть местных мелких землевладельцев (в основном, по-видимому, «бояре» и грунтовые казаки) была переведена служить на Закамскую черту. Ещё в середине XVIII в. в Оренбургской и Уфимской губерниях они сохраняли традицию своего происхождения, именуя себя «смоленской шляхтой Уфимского уезда», и в екатерининской комиссии по составлению нового «Уложения» в 1767 г. их депутат просил о даровании им права на наследства, открывающиеся после их родственников в Смоленской губернии. Пожалования на Смоленщине (иногда довольно крупные) получили и некоторые русские дворяне, «начальные люди» полков «иноземного строя».

В целом смоленская шляхта сохранилась не только как основная группа феодалов этого региона, но и как особая служилая корпорация (иной была судьба стародубской шляхты; местные землевладельцы были вынуждены ещё в 1649 г. бежать из повета, занятого казаками Хмельницкого; лишь единицы сумели сохранить свои владения, присоединившись к казакам).

Шляхта на государевой службе делилась на несколько рот. Бельская и рославльская шляхта сперва, очевидно, несли службу отдельно; но вскоре и они были объединены под общим командованием с шляхтой Смоленского уезда. Так образовался «полк смоленской шляхты» – конное ополчение, объединившее практически всю шляхту, оставшуюся на территории быв-

шего Смоленского повета. Рядовая шляхта полка делилась на 3, позже на 4 разряда, различавшиеся земельным и денежным окладом. Уже с 60-х гг. XVII в. наиболее отличившихся записывали по московскому списку, чуть позже шляхтичам (прежде всего, офицерам) стали жаловать и чины стряпчих, стольников. Из шляхты формировался и офицерский состав полка — хорунжие, поручики, ротмистры, полковники, число которых сильно увеличилось в XVIII в. С конца XVII в. командир полка носил звание генерал-майора, его заместитель — генерального поручика, позже генерал-поручика (то есть старшинство этих чинов не соответствовало общеармейскому). Смоленская шляхта участвовала в военных действиях на Украине и в Белоруссии во время русско-польской войны, в подавлении восстания Стеньки Разина, в крымских походах князя Василия Васильевича Голицына, затем в Северной войне. Несмотря на военные реформы Петра I, полк уцелел, сохранив многие черты прежних уездных дворянских ополчений. В 40—80 гг. XVIII в. смоленская шляхта несла службу на форпостах вдоль русско-польской границы.

Законодательные акты неоднократно подтверждали особые права этой служилой корпорации. Указом 2 июля 1682 г., в частности, «московским людям» было запрещено бить челом о выморочных поместьях и вотчинах смолян (это право сохранили только смоленская шляхта и тамошние рейтары). Прежние ленные имения шляхты, — «маетности», — в принципе рассматривались как вотчины, что окончательно закрепил указ Петра I 30 декабря 1701 г. (тогда же в разряд вотчин были переведены и поместья, полученные шляхтой от русских государей).

В 1654 г., как мы видели, среди смоленской шляхты преобладали католики. Часть их добровольно приняла православие, а остальные, видимо, были так или иначе принуждены к этому (вопреки русско-польскому договору 1672 г., который гарантировал им свободу вероисповедания). Впрочем, несмотря на формальный переход в православие, некоторые семьи пытались сохранять прежние религиозные традиции. Порой их даже тайно посещали католические священники из соседней Белоруссии (приезжавшие под видом купцов или ремесленников). Несмотря на многочисленные запреты, в XVII—XVIII вв. смоленская шляхта поддерживала контакты с Великим княжеством Литовским и проживавшими там родственниками. Некоторые из них отправляли детей в тамошние иезуитские школы. В 1728 г. «тайные католики», а точнее, лица, в разное время поддерживавшие те или иные контакты с римско-католической церковью (мужчины и женщины из семей Вонляр-Лярских, князей Друцких-Соколинских, Потёмкиных и других; некоторым из них припомнили участие в католических службах много лет назад, во время обучения в Белоруссии), после следствия, проведенного по доносу одного из шляхтичей, были подвергнуты репрессиям, приговорены к ссылке, но затем прощены. Тем не менее, и после этого во многих семьях сохранялось знание польского языка, генеалогические и геральдические традиции, в частности, польские родовые гербы, память

о происхождении из родов, существовавших в Речи Посполитой. Ещё в XVIII в. смоленская шляхта носила и одежду польского образца.

Ядро смоленской шляхты составляли, как мы уже сказали, шляхтичи Смоленского повета, присягнувшие царю в 1654 г. Их национальный состав был довольно пёстрым. Сохранялись семьи русского происхождения (Азанчеевы-Азанчевские, Бердяевы, Ефимьевы, князья Ингильдеевы, Коленовы, Лопатины, Лыкошины, Микулины, Озеровы, Потёмкины, Рыковы, Тютчевы, Халютины-Колечицкие и др.), часть которых известна на этой территории уже в XVI в. Остальные представители коренной смоленской шляхты получили свои земли от Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. В их числе были собственно польские семьи, вышедшие из «Короны», часть которых издавна обитала в Великом княжестве Литовском (Баратынские, Бонецкие, Буквецкие (первоначально Бугвецкие), Воеводские, Глинки, Дунины, Коховские (позже ставшие Каховскими), Краевские, Мастыки, Пасеки (в России Пассеки), Пенские, Рачинские, Швейковские и др.). Но, как и прежде, было заметно преобладание родов, происходивших из литовско-русских земель. Больше всего среди них было выходцев из Белоруссии (Воронцы, Гурко, Ловейко, Путята, Станкевичи, Толпыго, Храповицкие и т. п., в том числе потомки полоцких князей — Друцкие-Соколинские), но встречались и семьи литовского (Голимонты, Дукшты, Нарбуты, Эсмонты и др.) и немецкого происхождения (Вонляр-Лярские, выходцы из Ливонии Энгельгардты и др.).

Состав смоленской шляхты стал пополняться уже во время русско-польской войны. Земли на Смоленщине жаловались отдельным феодалам, выехавшим из Речи Посполитой в Россию. Среди них встречались представители известных, хотя и обедневших родов, например, князья Гедройцы, князья Глинские-Лиходейские. После возвращения Речи Посполитой Невеля с уездом в 1686 г. тамошняя шляхта, служившая царю, была также переведена на Смоленщину и включена в состав шляхетского полка. Одновременно на службу в шляхту записывались и другие лица, значительная часть которых, видимо, по рождению не принадлежала в Речи Посполитой к этому сословию; это выходцы из местных грунтовых казаков — Ветлицкие, Гириничи, Дединские, Заболоцкие, Яновские и другие, пушкарей (Брезгуны) и т. д. (Минским мещанином по рождению был, согласно списку шляхты 1686 г., родоначальник известной дворянской семьи Станюковичей, хотя позже Станюковичи считали себя ветвью литовского рода Станьковичей герба Вадвич). В конце XVII—XVIII в. на службу по смоленской шляхте записываются и отдельные дворяне из соседних русских уездов (князь Фёдор Андреевич Вяземский, стольники Т. И. Грибоедов и А.С. Ушаков и др.), а позже и выходцы из других сословий. И хотя неоднократно издавались указы о записи сыновей таких дворян «великороссийского народа» в армейские полки, о запрете зачислять других лиц в списки смоленской шляхты (26 сентября 1726 г., 18 марта 1730 г. и др.), их число в полку постепенно увеличивалось. Видимо, русских дворян привлекали сравнительно легкие

условия службы по шляхте (но отдельные выходцы из смоленских шляхетских родов по своей воле служили и в регулярных частях русской армии).

Численность смоленской шляхты быстро росла. Если в 1665 г. в бельской и трёх смоленских ротах насчитывалось 346 шляхтичей, то во время разбора 1755 г. в 7 ротах полка значилось 2618 человек (включая недорослей); ещё 104 не явились на смотр. Рост численности шляхты сопровождался дроблением её владений, особенно заметным в мелких имениях, углублением имущественного расслоения. В 1755 г. вовсе не имело крепостных 593 шляхтича, ещё 430 принадлежало менее чем по 20 душ.

В числе привилегий смоленской шляхты была выборность офицеров полка. Челобитье группы шляхтичей являлось достаточным основанием для производства в офицерские чины, иногда даже «из рядовых в полковники», причём «по фамилиям и состоянию... а не по старшинству и заслугам» (как видно из записок, посвящённых состоянию полка в середине XVIII в.).

Сохранение смоленской шляхтой организационной обособленности, ряда привилегий, корпоративной организации было, видимо, связано с внешнеполитическими планами русского правительства, в середине XVII в. пытавшегося привлечь на свою сторону феодалов занятой им территории Великого княжеств Литовского. Традиционная обособленность дворянства этого пограничного района существовала длительное время, и слияние окончательно обрусевшей смоленской шляхты с остальным российским дворянством завершилось лишь незадолго до того как перед правительством империи встала новая проблема отношения с шляхтой захваченных по разделам Речи Посполитой украинских, белорусских, литовских земель.

Издание Екатериной II в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству», образование дворянских собраний, составление губернских (наместнических) родословных книг, в которые записывалось всё дворянство губернии независимо от происхождения, способствовало дальнейшей интеграции дворянского сословия. И на Смоленщине с этого времени можно говорить о единой дворянской губернской корпорации, объединившей и смоленскую шляхту, и дворянство служилое (обязанное своим положением петровской табели о рангах), и русские дворянские семьи, приобретавшие здесь имения, и иностранных выходцев, поступивших на русскую службу.

Как и другие русские дворяне, смоляне служат в гвардейских полках (часто записанные в них с рождения). Карьере многих из них способствует выдающаяся роль, которую играл в царствование Екатерины II их великий земляк – светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин. Видную роль при дворе, в высшей государственной администрации играют в это время Энгельгардты (родичи Потёмкина, породнившиеся с высшей русской и польской аристократией), некоторые Потёмкины, Храповицкие, Пассеки, Каховские. Любопытно, что многие из этих потомков шляхты (например, Пассек, Каховский) занимают высокие должности на захваченных землях Речи Посполитой (в белорусских губерниях). Довольно близкое, по российским меркам, соседство с Москвой привлекает многих смоленских

дворян в старую русскую столицу. Подобно другим провинциальным помещикам, смоляне прибывают в Москву на балы, присылают своих детей для обучения в здешних пансионах и университете, подолгу живут здесь (подобно своему великому земляку А.С. Грибоедову, запечатлевшему в «Горе от ума» патриархальную, консервативную, обаятельную «барскую» Москву: «ведь только тут ещё и дорожат дворянством»).

В XIX – начале XX вв. к дворянству Смоленской губернии сопричисляются выходцы и из великорусских, и из литовско-белорусских губерний (например, кроме «старосмоленской» семьи Толпыго в ту же VI часть родословной книги внесена семья их дальних родственников из Могилевской губернии). В смоленской родословной книге мы находим немало дворянских фамилий и из других соседних губерний – Витебской, Тверской, Московской, Калужской. Некоторые смоленские дворяне «перечисляются» в другие губернии, теряя родовые владения на Смоленщине и приобретая новые, нередко крупные имения. В Тамбовскую губернию переселяются Баратынские, несколько ветвей смоленских родов Лесли, Трамбицких и других мы находим в Новороссии (Херсонской губернии), где российские дворяне на рубеже XVIII–XIX вв. могли получить крупные имения при условии их заселения (именно этой ситуацией хотел воспользоваться известный гоголевский герой, приобретая «на вывоз» мертвые души).

Смоленская губерния была первой из собственно русских территорий, подвергшихся нашествию Наполеона. Всем памятны битва под Смоленском в 1812 г., участие смоленского дворянского ополчения в Бородинском сражении и последующих битвах Отечественной войны 1812 г., сформированные смоленскими дворянами (семьей Лесли и другими) партизанские отряды, героическая гибель расстрелянного французами Энгельгардта. К сожалению, их патриотизм был скудно вознагражден; компенсация тем, кто пострадал от нашествия «двунадесяти языков», была явно недостаточной. Смоленскому дворянству потребовались многие годы, чтобы восстановить разрушенное хозяйство. Часть дворянства скудеет, многочисленные небогатые помещики Рославльского, Вольского да и других уездов уже с трудом поддерживают «дворянский образ жизни». Ревизии дворянских родословных книг 30–40-х гг. XIX в. приводят к исключению из них некоторых обедневших дворян, не имеющих достаточно документов, чтобы подтвердить своё происхождение. Некоторые из них доказывают дворянство как бы «заново», «по личным заслугам», по военным и гражданским чинам, орденам.

Мы не имеем возможности подробно говорить о судьбах смоленского дворянства в XIX–XX столетиях. Крестьянская реформа 1861 г. разрушила сложившийся веками хозяйственный уклад, но дворянство упорно хранило традиции, пыталось уберечь от разорения родовые гнезда. Как и прежде, делом чести потомки смоленских родов считали службу Отечеству. Как и в прошлые века, их имена мы встречаем и среди героев войн, и среди видных деятелей гражданской администрации, деятелей культуры. Кто не знает фамилии Грибоедова, Глинки, Станюковича? В истории русской право-

славной церкви почетное место занимают имена митрополита Антония (Храповицкого) и митрополита Трифона (князя Туркестанова).

Февральский и октябрьский перевороты 1917 г., ознаменовавшие начало самого трагического периода истории России, нанесли почти смертельный удар российскому дворянству. Дворянский мир, хранитель многовековых традиций, был разрушен. Потомки дворянских родов стали первыми жертвами большевистских репрессий. В годы Гражданской войны многие из них погибли в рядах белых армий, в чекистских застенках. Некоторые вынуждены были покинуть Россию, унеся с собой в эмиграцию память о Родине и передав её своим детям и внукам. Трагична была их судьба, судьба изгнанников, но ещё трагичнее судьбы тех, кто остался в России. Вряд ли можно найти дворянскую семью, которую не затронули кровавые большевистские репрессии. Но и восемь десятилетий спустя российское дворянство живо. Потомки дворянских родов, объединённые в Российском Дворянском собрании, сохранили дух своих предков, честь и славу отцов.

Естественно, возрождение дворянского движения в России в 1990-е гг. должно было начаться и началось именно в столицах, в Петербурге и Москве, где существовала сравнительно массовая база для этого движения. Деятельность Российского Дворянского собрания позволила объединить, привлечь к дворянскому движению тысячи потомков дворян разных губерний. И на определённом этапе стало возможным их объединение не только по современному территориальному, но и по историческому принципу. Одной из первых таких попыток стала деятельность Смоленского дворянского землячества, организованного при Российском Дворянском собрании Людмилой Александровной Верховской. Встретившись, практически все смоленские дворяне легко смогли проследить своё родство: ведь их предки жили рядом, вместе служили, танцевали на балах, роднились между собой на протяжении, по крайней мере, трёх столетий. Это объединение потомков смоленских дворян, действующее в Москве (при участии смоленских дворян из других городов), фактически стало правопреемником Смоленского губернского дворянского собрания. Многие семьи тщательно изучают свою историю. Начиная с 1997 г. выпущено уже пять сборников «Смоленское дворянство», где публикуются воспоминания, фотографии, научные очерки по истории семей и усадеб. И, как и прежде, среди смоленских дворян преобладают потомки старых шляхетских родов, потомки тех, кто своим появлением на Смоленщине обязан польским королям Сигизмунду III, Владиславу IV, Яну Казимиру. Многие из них помнят о своих польских корнях, хотя, пожалуй, в большинстве случаев три с половиной века службы России, подвиги предков в Отечественной войне 1812 г. и другие события XVIII–XX вв., заслоняют предшествующую историю семьи, связанную с иной, в чём-то противоположной исторической традицией.

Е. Г. ПОПОВА-ЯЦКЕВИЧ
г. Санкт-Петербург

ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА В РОССИИ: РОД ЯЦКЕВИЧЕЙ ГЕРБА ГОЗДАВА

Давнее стремление узнать о происхождении фамилии Яцкевич, которая перешла ко мне от матери, привело в архивы. В них оказались материалы о нескольких родах Яцкевичей. Разобраться самостоятельно было сложно, пришлось обратиться за помощью к специалистам, членам Русского генеалогического общества (РГО). Оно возродилось в Санкт-Петербурге одиннадцать лет назад. Мне посчастливилось прослушать курс лекций в Школе прикладной генеалогии, созданной Аллой Владимировной Краско, научным сотрудником Института генеалогических исследований при Российской национальной библиотеке. Она познакомила слушателей с основными источниками для проведения генеалогических разысканий, в том числе с книгой языковеда-слависта Б.О. Унбегауна «Русские фамилии». В главе «Фамилии белорусского происхождения» написано: «Яцкевич < Яцек, уменьшительное от Яцэнты, крестильного польского имени *Hyacint*»[1]. О польском происхождении Яцкевичей говорят и документы фонда Департамента Герольдии Российского государственного исторического архива. Большая часть документов, представленных для доказательства принадлежности Яцкевичей к благородному сословию, написана на польском и латинском языках. В России были признаны и утверждены пять родов Яцкевичей, имевшие право на семь гербов.

Самые ранние упоминания фамилии Яцкевич удалось найти в документах польского короля Казимира Ягеллончика, при дворе которого служил писарь Иван Яцкевич Владыка. Многие документы Великого княжества Литовского второй половины XV в. подписаны: «Ивашко Яцкевич Владыка, писарь, писано в Кракове» (или в Вильно, Троках, Бельске). Обязанностью писарей был также сбор дани: «Приходо-расходная запись писаря господарского Ивашки

[1] *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. 2-е изд. М., 1995. С. 232.

Яцковича о полученных им по приказанию господаря данях с Задвинских волостей, а также и расход этих денег. 21 марта 1496 г.»[2]. Приходилось ему выполнять и дипломатические поручения. В Книге посольских дел Иван Яцкевич Владыка упомянут в составе первого посольства в Москву великого князя Александра Ягеллончика с извещением о своём вступлении на родительский престол и с жалобами на пограничные обиды: «Лета 7001, ноября 4... приехал... в Москву... от Великого князя Литовского Александра Казимировича посольством пан Станислав Глебович да писарь Иван Владычка Яцкович и были в понедельник 5 ноября у Великого Князя Ивана III» (ноябрь–декабрь 1492 г.). Ему было поручено вести переговоры с дьяком Фёдором Курицыным[3].

Женился Иван Яцкевич Владыка на княжне Марине Васильевне Збаражской[4]. Об их потомстве сведений не найдено, но среди писарей великих князей литовских двое имели придомок «Владыка»: Федка – современник Ивана, и Александр, живший в середине XVI в.[5] В 1504 г. с польским посольством прибыл на Русь Яцкевич Иван Владычко[6], полный тёзка писаря, который, по свидетельству историка Ю. Вольфа, скончался в 1499 (1500) г.

В это же время на Волыни появляется Стефан оф Янц. Во время пребывания в Венгрии, в 1482 г. его за военные заслуги король Матвей I жалует гербом, называемым польскими авторами «Гоздава». Сыновья Стефана находились в польской службе – первый, Адольф, убит на войне, а второй, Ивоний, в 1509 г. от Сигизмунда I жалован недвижимым имением Вязынь и на оное привилеем. Из трёх сыновей его первый, Карл по прозванию Гоздава, поселился в Короне Польской в имениях дедов, второй, Фёдор, по прозванию Яцковский, обосновался в Венгрии, в поместьях предков, а третий, Иван, по прозванию Яцкевич, поселился в Литве, в Минском воеводстве. Произошедшие от оного Ивана Олехно Яцкевич по прозвищу Борзобогатый и брат его Иван по привилегиям 1558 и 1560 гг. от королей польских жалованы имениями, которые сыновьям Олехны Семёну и Ивану Яцкевичам в 1585 г. привилеем короля Стефана подтверждены. Их потомки исполняли воинскую и гражданскую службу в разных воеводствах и поветах, в Пинском, Мозырском и Минском имели потомственные поместья.

---

[2] *Литовская метрика* Отд.1 Ч. 1. Книга записей. СПб., 1910. Т. 1. С. 12, 290, 310.

[3] *Сборник Императорского Российского Исторического Общества.* СПб., 1882. Т. 35. С. 72. № 18.

[4] *Wolff J.* Kniaziowie. СПб., 1885. С. 608; *Яковенко Н.Н.* Персональный состав княжеской прослойки на Волыни и Центральной Украины к сер. XIV – сер. XVII вв. // Историческая генеалогия. 1992. №1. С. 57.

[5] *Wolff J.* Senatarowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, 1386–1795. Kraków, 1885. S. 255–256.

[6] *Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-литовским (1487–1533)* // Сборник Императорского Российского Исторического Общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 673.

Сын Семёна Савостьян от короля Сигизмунда III пожалован в 1620 г. генеральным возным. Казимир Савостьянов сын Яцкевич имел чин мозырьского стольника, как доказывает контумационный документ 1688 г. Оный Казимир произвёл сыновей Антона, Людвига, стольника Витебского воеводства, Казимира и двух дочерей. Стефан, Казимиров внук, оршанский конюший, имел трёх сыновей: Григория, Сильвестра, тоже оршанского конюшего, Матвея и дочерей[7].

Упоминания о Яцкевичах находим и в печатных источниках. В гербовнике Каспера Несецкого написано: «*Jan Jackiewicz h. Gozdawa podpisał elekcyę 1674 r. wojew. Mińskiem*»[8]. В донесении Алексею Михайловичу воеводы Никиты Боборыкина о взятых в походе под Витебском в плен поляках и литовцах упомянуты «Андрей Яцкевич, шляхтич Оршанского повета да челядник его Троцкого повета шляхтич Владислав Кобониславский взяты на зологе 12 июня 1661 года»[9].

Уже упомянутый Стефан Яцкевич, «исправляя службу отечеству, перешёл из Минского воеводства в Витебское, где он и его потомки пользовались всеми дворянскими правами»[10]. Его сын Сильвестр имел трёх сыновей: Василия, Михаила и Иосифа и дочь Ульяну. В 1796 г. Сильвестр составил завещание, в котором писал: «поелику приданое матери моей имение Марковщизна отписано на дочерей её, на моих сестёр Елизавету и Агату и живущего с ними брата Григория, то он, Сильвестр, завещает младшему сыну, ксёндзу Иосифу движимое имущество арендного фольварка Мальки: скот, лошадей, экипажи и всё зерно». Дочери Ульяне в приданое завещаны 300 талеров, а 180 талеров, которые ротмистр Казимир Сальмонович должен, велено истребовать и разделить между внуками, детьми умершего старшего сына Василия, бывшего настоятеля Микулинской церкви Витебской губернии. Из четырех сыновей Василия в живых остался один, Иван. Он служил администратором Велижской приходской церкви, затем настоятелем Замшанской церкви Суражского уезда Витебской губернии.

В 1811 г. для определения сыновей Ивана Васильевича, Ивана и Фомы в военное заведение, Григорий Стефанович подал прошение в Витебское Дворянское депутатское собрание о признании рода в привилегированном сословии. Благородное происхождение подтверждали документы на имения и должности, метрические выписи о рождениях, крещениях и браках или их заверенные копии. 19 ноября 1818 г. Указом Правительствующего Сената № 3502 род Яцкевичей герба «Гоздава» был утверждён и внесён в VI часть родословной книги Витебской губернии.

Иван и Фома, записанные в шляхту, учились в военном заведении,

---

[7] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 3148.

[8] *Niesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1839. T. 4. S. 423.

[9] *Московский Главный архив МИД*. Дела Польские. Св. 133. № 15 // Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 143.

[10] *РГВИА*. Ф. 400. Оп. 9. Д. 24669. Л. 4–7; Д. 32315. Л. 152.

затем поступили в семинарию. Иван окончил её в 1838 г. и стал учителем в Полоцком Духовном уездном училище[11]. Фома продолжил обучение в Санкт-Петербургской Духовной академии, которую окончил в 1847 г. кандидатом богословия. В 1848 г. он и выпускник той же академии Пётр Благовещенский составили «Библейско-биографический словарь». Для его издания с купцом III гильдии Василием Поляковым был заключен договор «с передачей всех прав в вечное и потомственное владение. За приобретение сего права мы, Яцкевич и Благовещенский, получить должны с него Полякова 100 рублей серебром и впредь чего-либо в том же роде не составлять и не дополнять, не продавать и не печатать»[12]. В рецензии журнала «Отечественные записки» на изданный в 1851 г. словарь написано: «Словарь отличает не только ясность изложения, но и солидная эрудиция авторов этого замечательного и любопытного труда. Словарь составлен с большим искусством: не довольствуясь одними биографическими сведениями о каждом лице, составители вникали в суть учения и в интересные исследования о тех именах, которые имеют церковно-историческое значение. Вся книга отличается ясностью изложения и чистотой языка. Издание исправно и красиво»[13].

Фома Иванович начал служить корректором в редакции газеты «Русский инвалид». Через несколько лет он получил письмо из Консистории Епископа Полоцкой епархии о своём богословском труде: «Во внимание к пользе... вменять консистории делать распоряжение, чтобы во все штатные церкви и монастыри было выписано означенное сочинение по одному экземпляру. Немедленно уведомить сочинителя с изъявлением моего Архипастырского благословения, к поощрению и неутомимости в дальнейших трудах»[14].

Через 150 лет, в 2000 и 2001 гг. словарь был переиздан Московским издательством «Фаир-Пресс». В послесловии редакторы сожалеют, что «Словарь не предоставляет нам сведений о составителях. Заметно, что они трудились над книгой с большим усердием, с огромным тщанием, верой и любовью»[15].

Отметим, что Фома Иванович написал ещё «Краткий курс грамматики греческого языка». В 1858 г. он получил чин титулярного советника и должность в Главном штабе. Потомства Фома не оставил.

Продолжателем этой ветви рода Яцкевичей стал его брат, Иван Иванович,

---

[11] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 3147. Л. 14–14об.

[12] *Отдел Рукописей РГБ*. Ф. 605. № 109. Архив В.П. Полякова. Л. 1–2.

[13] *Отечественные записки:* Учёно-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. СПб., 1851. Т. 75.

[14] *Отдел Рукописей РГБ*. Ф. 605. № 109. Л. 3.

[15] *Библейско-биографический словарь*, или Жизнеописания всех лиц, упоминаемых в священных книгах Ветхого и Нового Заветов, и других имевших какое-либо влияние на распространение Церкви Божией на земле / Сост. Ф.И. Яцкевич, П.Я Благовещенский. М.: ФАЙР-ПРЕСС, 2001. 912 с.

у которого от его жены Марии Иосифовны Маковецкой родились сыновья Виктор и Иосиф и четыре дочери.

Виктор Иванович (1861—1924) окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, был кандидатом богословия, служил законоучителем в Петербурге, затем поступил в канцелярию Обер-Прокурора Святейшего Синода. За тридцать лет службы он достиг чина тайного советника и должности директора канцелярии. Виктор Иванович — автор ряда статей по вопросам устроения православной церкви. При его участии был перенесён прах Святой Евфросинии Полоцкой из Киево-Печёрской лавры в Полоцк. Как Директор департамента православных вероисповеданий В.И. Яцкевич участвовал в подготовке Всероссийского поместного церковного Собора. После 1917 г. работал в архиве Святейшего Синода, в 1918 г. стал учёным секретарём Главной археографической комиссии АН. В 1922 г. был арестован по делу об изъятии церковных ценностей, но не осуждён. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Виктор Иванович был женат на сестре историка Ивана Ивановича Лаппо, Марии. Их сын Иван, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, был арестован дважды, сослан сначала в Астрахань, затем на поселение в Курск с женой, Надеждой Александровной фон Тизенгаузен и дочерью Марией. Его расстреляли в 1938 г., а в 1960 г. реабилитировали. Его внук Александр носит фамилию Минаков[16].

Дочь Виктора Ивановича Мария вышла замуж за Дмитрия Чебанова. Их сын Виктор и внук Сергей живут в Петербурге. Виктор Дмитриевич автор статей о репрессированных учёных. Сергей Викторович учёный-биолог. У него и его жены Александры двое детей.

Иосиф Иванович Яцкевич (1860—1933) после окончания Белорусского Духовного училища был законоучителем в приходской школе при Воскресенской рынковской церкви в Витебске, затем начальником почтово-телеграфной конторы в чине надворного советника. Женился на дочери директора школы Надежде Петровне Толоцкой. У них было два сына. Иосиф Иосифович с женой и двумя девочками-близнецами погиб при бомбежках Режицы (Резекне) в 1940-е гг. Николай Иосифович учился в Полоцке, служил начальником Торбеевской почтово-телеграфной конторы. Женился на Надежде Емельяновне Яскевич. Пережил блокаду в Ленинграде и пропал в 1947 г. Их сын Евгений погиб в боях под Ленинградом. Дети и внуки дочерей, Валентины и Галины, живут в Краснодаре, Сочи и Санкт-Петербурге.

Одновременно с потомками Василия Сильвестровича был признан в дворянском достоинстве сын его брата Иосифа, Авксентий. Он служил в Полоцкой Духовной консистории. Его жена Екатерина Григорьевна родила 10 детей. Старший сын, Семён Авксентьевич, капитан, был воспитателем в Нижегородской графа Аракчеева Военной гимназии. Его сын, Александр

---

[16] *ФСБ РФ. Управление по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Служба РАФ.* № 10/35 — 1098 н/с № 9—10.

Семёнович, подполковник, преподавал во 2-м Оренбургском кадетском корпусе, другой, Николай Семёнович, подполковник, служил в 52-м Виленском пехотном полку[17].

Родившийся последним, Владимир Авксентьевич (1839–1919) обучался в Полоцком кадетском корпусе и Константиновском корпусе. В 1858 г. он был выпущен в артиллерию иррегулярных войск сотником и с тех пор служил на Кубани. Здесь получил боевое крещение, первые награды за участие в боевых действиях. В 1865 г. за личную храбрость, знание дела и распорядительность молодого есаула назначили командиром 4-й Кубанской казачьей конно-артилерийской батареи[18]. В 1875 г. активно участвовал в работе Совещательного комитета по реформе военной службы в Кубанском казачьем войске в связи с переводом строевых частей на охрану границы с Турцией и Персией[19].

За храбрость и подвиги в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. полковник Яцкевич дважды получал самые почётные награды России – Золотую шашку и орден Святого Георгия. Высочайшим приказом 1879 г. В.А. Яцкевич назначен командиром конно-артиллерийской бригады Кубанского казачьего войска, а через 10 лет произведён в генерал-майоры. В 1890 г. он исполнял обязанности старшего помощника Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска. В 1895 г. в признание заслуг был зачислен в войсковое сословие Кубанского казачьего войска по станице Усть-Лабинской, с предоставлением звания почётного старика этой станицы.

В.А. Яцкевич был директором Кубанского Областного попечительного о тюрьмах комитета и почётным попечителем Кубанского Александровского реального училища, во многом способствовал деятельности Российского общества Красного креста. При его участии было построено здание для Кубанской общины сестёр милосердия.

В 1898 г. Яцкевич получает чин генерал-лейтенанта и должность коменданта Карской крепости, затем – генерал-губернатора города Тифлиса и Тифлисского уезда, а также Эриванской губернии. В 1903 г. назначается командиром Кавказского армейского корпуса, в 1906 г. получает чин генерала от артиллерии. В 1910 г. вошёл в состав Военного Совета и с этого времени жил в столице.

Владимир Авксентьевич был награждён всеми степенями российских орденов Святой Анны, Святого Владимира и Святого Станислава, орденом Белого Орла, орденом Святого Александра Невского, а также Бухарским орденом Восходящей золотой I степени звезды. В 1915 г. он пожалован бриллиантовыми знаками ордена Александра Невского. Вышел в отставку

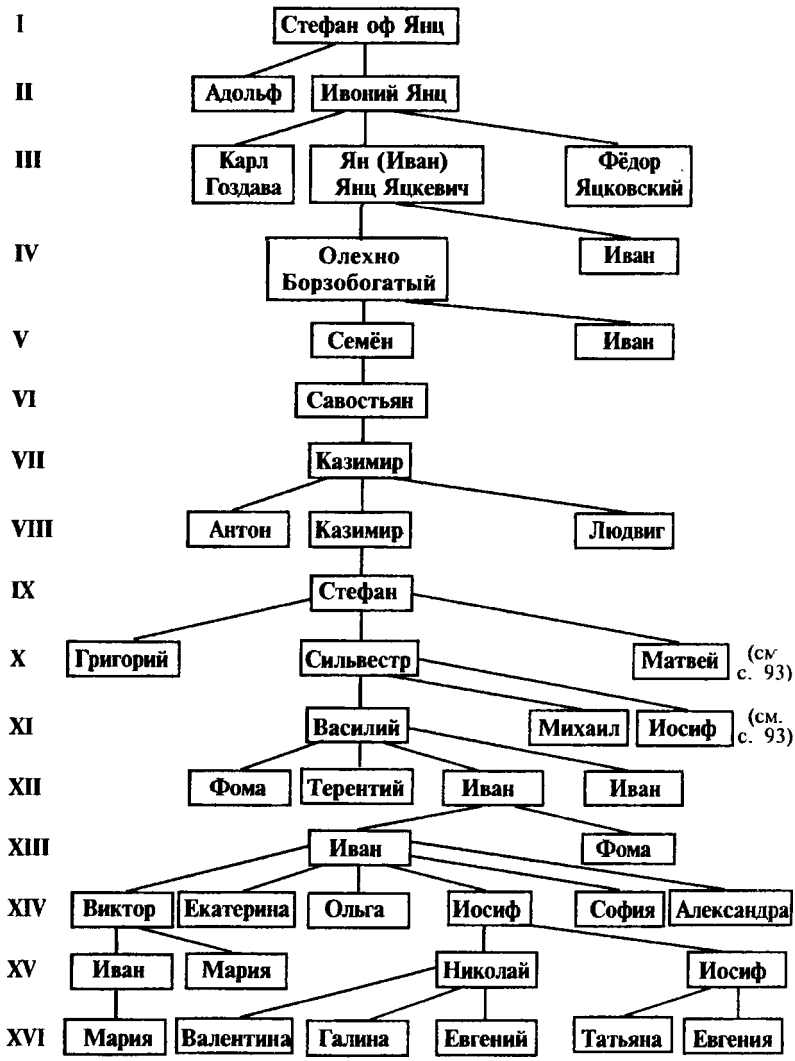
---

[17] *РГВИА*. Ф. 400. Оп. 9. Д. 24669. Л. 4–7; Д. 32315. Л. 152.

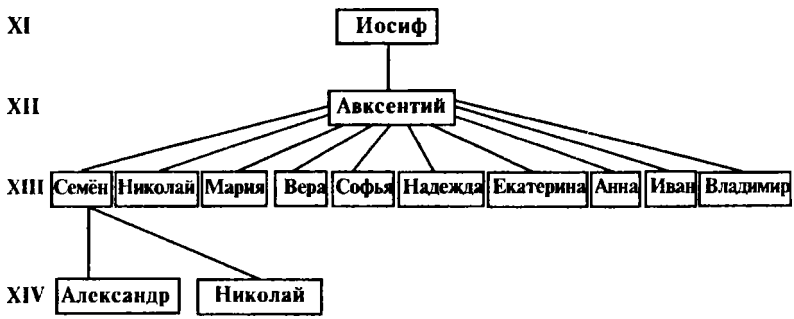
[18] *РГВИА*. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183415. Л. 9, 30–47об, п/с 214–309.

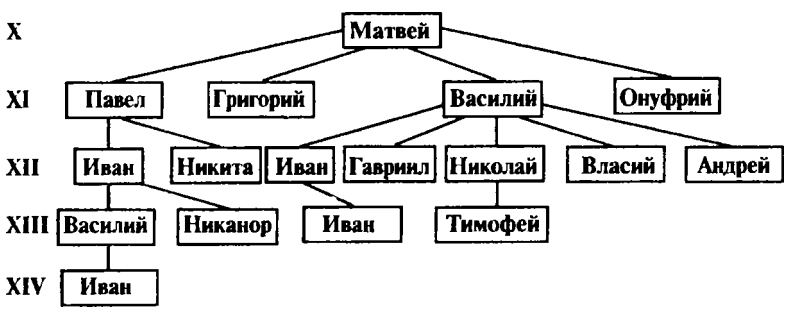
[19] *Шкуро В.И.* Родился в Белоруссии, похоронен на Кубани // Славянская неделя. 2002. 24–31 мая. №25.

Генеалогия рода Яцкевич герба Гоздава



Продолжение генеалогии рода Яцкевич герба Гоздава





в 1916 г. и собирался вернуться на родину, в Витебск[20]. Главный специалист Государственного архива Краснодарского края Владимир Ильич Шкуро нашёл запись о кончине «от старости» Владимира Авксентьевича Яцкевича. Это произошло 8 февраля 1919 г. в Екатеринодаре. Похоронили старого воина на Екатеринодарском Всесвятском кладбище[21]. Владимир Авксентьевич не был женат и потомства не оставил.

Рассмотрим ещё одну ветвь Яцкевичей, происходящую от брата Сильвестра —Матвея. Он поселился в Велиже в имении своей жены Доминики, дочери Фёдора Татарина. У них было четыре сына: Павел, Григорий, Василий и Онуфрий. Павел Матвеевич был секретарём городского магистрата, затем в течение шести лет избирался городским головой Велижа. Два его сына, Иван и Никита, служили в Департаменте путей сообщения в Петербурге. Там же, в старой 9-й роте Измайловского полка жил второй сын Матвея Стефановича, Григорий. Он опекал племянников, сыновей овдовевшего брата Василия. В 1828 г. по его прошению Гавриил Васильевич Яцкевич был определён в батальон военных кантонистов на праве, дворянам предоставленном[22]. Братья Гавриила, Николай и Власий Васильевичи, до 1860-х гг. служили в земских судах городов Клина и Димитрова Московской губернии. Младший брат, Андрей Васильевич, после службы в провиантском Департаменте военного Министерства был ревизором Контрольной палаты Варшавской губернии.

Внук Василия, Иван Иванович, был капитаном 64 пехотного Казанского полка. За мужество и храбрость, оказанные в деле с турками в 1877 г. при городе Плевно и деревне Шейново, он был награждён несколькими российскими орденами до Святого Станислава 2-й степени и Румынским крестом[23]. Сохранились воспоминания о том, что М.Д. Скобелев наградил его золотой саблей за храбрость. В семейном архиве хранится фотография Ивана Ивановича в мундире и орденах, с супругой. Возможно, удастся разыскать потомков и этой ветви Яцкевичей.

Начиная поиски, я надеялась дополнить воспоминания матери и её сестры о наших предках. Не рассчитывая на многое, я обрела несколько поколений предков и близких родственников. Потомки родных братьев, мы не надеялись узнать что-либо об их судьбах, не подозревали о существовании друг друга. Теперь, объединив семейные архивы и обменявшись воспоминаниями, мы можем восстанавливать историю семьи в XX в.

Выражаю признательность всем тем, кто помог мне в поисках, и, прежде всего, моим коллегам, членам РГО и его «западной секции», которая объединяет потомков родов Великого княжества Литовского. Я буду очень благодарна за любые критические замечания и дополнения, которые помогут мне в дальнейшем избежать ошибок.

---

[20] *РГВИА*. Ф. 409. Оп. 1. Д 183415. Л. 9, 30–47об, п/с 214–309.

[21] *ГАКК*. Ф. 801. Оп. 1. Д. 222. Л. 128об–129.

[22] *РГВИА*. Ф. 395. Оп. 134. Д. 412. III отд. 1828 г. Л. 1–1об.

[23] Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21383. Л. 12–15, 26–35.

А. Л. ПЕТРОВСКИЙ
г. Краснодар

ГЕРБ КОРВИН: ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ

Сложилось так, что нашему роду Корвинов Петровских (Пиотровских), происходящему из Великого княжества Литовского, выпала честь носить герб Корвин[1] – едва ли не самый древний по своему происхождению европейский родовой герб.

Начало герба Корвин восходит к 348 г. до н.э., когда молодой римский военный трибун Марк сын Марка Валерий Публикола (около 370–270 гг. до н.э.) принял от могучего галла вызов на поединок.

«...Поединок этих двух мужей затмило явное вмешательство божественнои воли: едва римлянин схватился с врагом, как вдруг ему на шлем уселся, оборотясь к противнику, ворон И трудно поверить! Птица не только оставалась там, куда села, но всякий раз, как противники сходились, взлетала ввысь и метила клювом и когтями в лицо и в глаза врага, покуда тот, в страхе перед таким небывалым чудом утратив разом и зрение, и рассудок, не был умерщвлён Валерием, а ворон, устремясь на восток, скрылся из глаз»[2].

В память об этом событии Марк Валерий Публикола получил новое прозвище – Корв[3], что значит «ворон» (лат. *corvus*), которое позднее было заменено на Корвин, то есть «вороний» (лат. *corvinus*).

Впоследствии Марк Валерий Корв (Корвин) проявил себя как выдающийся полководец и политик. Он шесть раз избирался консулом римского Сената: в 348, 346, 343, 325, 300 и 299 гг. до н.э., был диктатором в 342, 302, 301 гг. до н.э. и интеррексом в 341 и 333 гг. до н.э.[4] В свою честь Марк

---

[1] *Wywód Familij Urodzonych Korwinów Piotrowskich Herbu Korwin* // ГИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 82. Л. 292–296.

[2] *Тит Ливий*. История Рима от основания города. VII. 26: В 3 т. М., 1989. Т. 1. С. 345.

[3] Там же. С. 346.

[4] *Соломатин М.Д.* Указатель имён // *Тит Ливий*. Указ. соч. М., 1994. Т. 3. С. 736–737.

Валерий Корвин чеканил монеты с изображением ворона, ставшего фамильной эмблемой[5].

Заметный след в истории Древнего Рима оставила знаменитая фамилия Валериев Мессала Корвинов. Трое из этого рода были консулами: Марк сын Марка Мессала Корвин в 312 и 289 гг. до н.э., Марк сын Марка Валерий Мессала Корвин в 31 г. до н.э. и Валерий Мессала Корвин в 58 г. н.э.[6]

Военачальники из рода Валериев Корвинов на протяжении веков прославляли своими победами всемогущий Рим и завоёвывали для него новые провинции, в том числе Далмацию, где в городе Эпидавре (Рагуза, ныне Дубровник) древние стены и другие архитектурные памятники были украшены многочисленными изображениями воронов — немыми свидетелями того времени[7]. При императоре Тиберии наместником провинции Паннония (будущая Венгрия) был Марк Валерий Мессала Корвин — сын известного оратора, политика, учёного и полководца Марка Валерия Мессала Корвина (64 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Он же основал новую римскую провинцию, назвав её по своему родовому имени Валерией[8]. Впоследствии она была известна как Валахия[9].

Из рода Корвинов происходила мать[10] и (или) супруга[11] первого венгерского короля Иштвана I Святого (около 970—1038).

Потомком трансильванских и валашских бояр был крупный венгерский магнат и выдающийся полководец, воевода семиградский Янош Корвин Хуньяди (1407—1456). В 1446—1452 гг. он был регентом венгерского королевства[12]. Его младший сын Матьяш Корвин Великий (1443—1490) был избран на венгерский престол в 1458 г. В 1470 г. его избирают и на чешский престол[13]. Придворный историк Матьяша Корвина Великого итальянец Антонио Бонфини составил для него генеалогию, в которой объяснил происхождение королевского прозвища Корвин родством с известной римской фами-

---

[5] *Dunczewski S.J.* Herbarz wielu domów Korony Polskiej y W.X. Litewskiego: W 2 t. Krakyw, 1757. T. 1. S. 343.

[6] *Гладкий В.Д.* Древний мир: энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 341сл.

[7] *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego / Wydanie K.J. Turowskiego. Kraków, 1858. S. 404.

[8] *Моммзен Т.* История Рима: В 5 т. М., 2002. Т. 5. С. 43.

[9] *Dunczewski S.J.* Op. cit. S. 343.

[10] *Niesiecki K.* Herbarz Polski wydany przez J.N. Bobrowicza: W 10 t. Lipsk, 1839—1846. T. 5. S. 246.

[11] *Dunczewski S.J.* Op. cit. S. 345.

[12] *Шушарин В.П.* Королевство Венгрия в эпоху зрелого феодализма (середина XIII в. — 1526 г.) // Краткая история Венгрии с древнейших времён до наших дней. М., 1991. С. 54—55, 60—61.

[13] *Dunczewski S.J.* Op. cit. S. 344—345.

лией Валериев Корвинов[14]. Именно у этого короля ворон как-то стащил золотой перстень. Матьяш Корвин ворона застрелил и перстень вернул. С тех пор в гербе Корвинов ворон стал изображаться с перстнем в клюве[15].

В Польше герб Корвин стал известен задолго до времён Яноша Корвина Хуньяди. Ещё в начале XIII в. в Мазовии обосновались двое братьев Корвинов — рыцарей из Венгрии. Один из них сохранил герб Корвин для своего потомства, а второй — Вавжента Корвин, женившись на наследнице семейства герба Побуг, соединил свой герб с гербом жены. Возникший таким образом новый герб получил название Слеповрон по наименованию одного из доставшихся Вавженте имений — Слеповроны, что вытекает из выданной в 1224 г. его сыну Вартиславу Корвину привилегии великого князя Конрада Мазовецкого[16].

Герб Слеповрон в обиходе часто назывался «ночным вороном» и выглядел следующим образом: в синем поле серебряная подкова с золотым на ней крестом, на кресте стоит изготовившийся к полёту чёрный ворон с перстнем в клюве, в нашлемнике — второй такой же ворон[17].

В XV в. в Польше отмечается возникновение шляхетских фамилий, роль которых до этого выполняли названия имений, гербов, а также прозвища. За семь веков существования в Польше герба Корвин его носили почти семь десятков фамилий:

Баховские, Бежинские, Беньковские, Ботовцы, Бочковские, Броницкие, Василовские, Вздерские, Вольмеры, Гацкие (Гонцкие), Гинвилы, Гонсьоровские, Госевские, Двораковские, Дзбанские, Дмоховские, Дрозинские, Жарновецкие, Жоравские, Завистовские, Калиновские, Камьоновские, Клосинские, Корвины, Короткевичи, Коссаковские, Коссенды, Кохановские, Кренчувы, Круки, Круковские, Кручковские, Липчинские, Лисовские, Лосьневские, Лютостанские, Малачевские (Малачинские), Метельские, Михальские, Млодницкие, Можковские, Мочульские, Одольские, Ольшевские, Павловские, Петровские, Прендковские, Раабы, Саковичи, Сарницкие, Серединские, Соберайские, Созанские, Солковские, Стажинские, Терайовичи, Торчевские, Трусколяские, Харазинские, Хромецкие, Хшановские, Хычевские, Цетнерские, Шавровские, Шавронские, Шимановские, Ягодзинские (Ягодынские), Ястшембские, Яхолковские[18].

---

[14] *Дмитриева О.В.* Генеалогия // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1993. С. 29.

[15] *Leszczyc Z.* Herby szlachty polskiej: W 2 t. Poznań, 1908. T. 1. S. 184

[16] *Paprocki B.* Op. cit. S. 405; *Dunczewski S.J.* Op. cit. S. 344; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 215.

[17] *Leszczyc Z.* Op. cit. Poznań, 1908. T. 2. S. 294.

[18] Ibid. T. 1. S. 184–185; *Wittyg W.* Nieznana szlachta polska i jej herby. Kraków, 1908. S. 429.

Подобный герб носили и русские роды: Башуцкие, Бутурлины, Вороновы, Карачинские, Неклюдовы[19].

Интересно, что 22 фамилии из списка носителей герба Корвин присутствуют также и в списке носителей герба Слеповрон. Некоторые гербовники даже подчёркивают общность этих двух гербов. Так в «Гербовнике некоторых домов Короны Польской» Дунчевского статья о гербе Слеповрон называется «Корвин или Слеповрон герб», причём приводится изображение именно герба Слеповрон[20]. Статья о гербе Корвин во «Всеобщей энциклопедии» Оргельбранда начинается так: «Корвин, или Слеповрон изменённый», а далее следует классическое описание герба Корвин[21]. А в популярнейшем в своё время гербовнике Несецкого «Корона Польская» («экземпляр которого всегда находился при генеральной войсковой канцелярии»[22]) прямо сказано, что «так как большое подобие этого герба (Корвин. – **А.П.**) гербу Слеповрон, то многие Корвин Слеповроном зовут, а Слеповрон Корвином»[23]. В статье же посвящённой нашей фамилии, Несецкий пишет: «Петровский герба Слеповрон или, точнее, Корвин»[24].

Сомнения подобного рода носители герба разрешали для себя по-разному. Например, Корвин-Круковские в России утвердили за своим родом новый герб, представляющий собой сочетание гербов Корвин и Слеповрон на диагонально рассечённом слева направо щите. Над щитом – два рыцарских шлема, украшенные золотыми коронами и два разных нашлемника: три страусовых пера и взлетающий ворон с перстнем в клюве[25] (см. цветную вклейку).

Среди польских Корвинов было немало известных и заслуженных людей, но гордостью дома навсегда останется первый и на долгие годы единственный великий польский поэт Ян Кохановский (1530–1584). Художественное совершенство поэтического творчества Кохановского было недостижимым в течение двух веков идеалом и образцом для нескольких поколений польских поэтов. Благодаря Кохановскому польская литература эпохи Возрождения вошла в круг великих европейских литератур.

Носителем герба Корвин был и легендарный на Кубани наказный атаман Кавказского линейного казачьего войска генерал-майор Феликс Анто-

---

[19] *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 273–274.

[20] *Dunczewski S.J.* Op. cit. S. 342.

[21] *Encyklopedya Powszechna S. Orgelbranda z ilustracjami i mapami*: W 18 t. Warszawa, 1898–1912. T. 8. S. 497–498.

[22] *Савёлов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте / Репринт. изд. М., 1994. С. 163.

[23] *Niesiecki K.* Op. cit. T. 5. S. 246.

[24] Ibid. T. 7. S. 312.

[25] *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*, начатый в 1797 г. СПб., 1885. Ч. 13. № 35.

нович Круковский (1804–1852), происходивший из потомственных дворян Пружанского уезда Гродненской губернии[26].

Описание герба Корвин. Поле щита – червлёное. На лежащем бревне с двумя сучьями, торчащими вверх, и двумя – вниз, стоит чёрный ворон, обращённый в левую сторону щита. В клюве ворона – золотой перстень бриллиантом вниз. Над щитом серебряный рыцарский шлем, украшенный золотым шейным клейнотом и золотой же дворянской короной с тремя страусовыми перьями. Намёт червлёный, подбитый серебром. Существуют варианты герба Корвин со вторым вороном в нашлемнике, с вороном, обращённым вправо, с вороном, изготовившимся к полёту, и с вороном без перстня в клюве.

---

[26] *Фелицын Е.Д.* Кубанское казачье войско. 1696–1888. Воронеж, 1888. С. 345; *Колесников В.А.* Круковский // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 27.

Р. Ф. СКАКОВСКИЙ
г. Краснодар

ПОЛЬСКАЯ ТОПОНИМИКА И ШЛЯХЕТСКИЕ ФАМИЛИИ

Данная работа посвящена проблеме генезиса польских топонимов и их связи с формированием шляхетских фамилий. Надеемся, что этот материал будет полезен для всех, кто занимается генеалогическим поиском польских шляхетских родов.

В целом мы опирались на материалы «Старопольской энциклопедии» З. Глогера[1], гербовник К. Несецкого[2], а также собственные генеалогические разыскания.

Названия польских городов и деревень являются древними памятниками речи, которые служат исследователям прошлого для выяснения давних общественных отношений и способа поселения людей.

При зарождении народов обычно человеческие селения, как и сами люди, не имели названия. Как следует из документов, ещё в XII в. встречались поселения без названий.

Когда шляхта начала строить дворы и жить там, то говорилось о дворе, например, Слобоша, что он (двор) Слобошов, Завиши – Завишин, Прандоты – Прандоцин.

Деревни рыцарей, то есть шляхетские, являвшиеся первой частной собственностью на землю в стране, брали начало от княжеских дарений и продаж уже в X в., а может и раньше. Отсутствие документов не позволяет определить дату их возникновения.

До середины XIII в. во владениях шляхты не наблюдалось деревень с крестьянским окончанием *-ице*, они появляются позже. В связи с расширением применения письменности (в дарственных, судебных записках и т.д.) названия населённых пунктов закреплялись как постоянные знаки для конкретного

---

[1] *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana: W 4 t. Warszawa, 1972.

[2] *Niesiecki K.* Herbarz Polski wydany przez J.N Bobrowicza: W 10 t. Lipsk, 1839–1846

селения, а люди шляхтича в основанном им селении принимали его название по имени хозяина с окончанием на *-ице*. Установление и стабилизация названий деревень в Великопольше, в некоторых районах Малопольши относятся к давним временам. Большинство из них сохранили свои первоначальные названия.

Отдельную группу составляют названия деревень и селений, прямо происходящих от имён или фамилии одного человека либо многих людей, а также прилагательные, образованные от имён людей, которые основали селение, либо придали ему определённое значение. Так образовались Сандомеж от Сендомира, Пшемысль от Пшемысла (Пшемыслава), Вроцлав от Варцислава (Вроцлава) и другие. Там, где осели многие, носящие одну фамилию (Богушовы, Самборовы и т.д.), там деревни назвали Богуше, Самборы и т.д. В таких названиях сохранялись имена прародителей, а также прозвища, ставшие их фамилиями, например Круки, Курозвенки, Сикоры, Слеповроны и т.д. К этой группе названий относятся преимущественно многочисленные деревни мелкой шляхты в Мазовии и в Подлясье.

В названиях деревень этой шляхты остался очевидный след её дробления в давние времена. Обычно эти названия двойные: первая, или главная, часть, является первичной и входит в названия нескольких деревень. Это название всей семьи, на базе которой, благодаря разрастанию и делению, возник ряд деревень с собственными названиями во второй части. Например: Сикоры-Павловента, Сикоры-Бартковента, то есть имя сына, который после отделения от родителя жил с семьёй в основанном им поселении. А шляхетские фамилии в этом случае с прилагательным окончанием образовались потом только от основных названий. Например, Сикоровы от Сикор стали Сикорскими и т.д. Однако некоторые, как Тышковы, Конопковы и т.д., сохранили свои первоначальные прозвища в качестве фамилии: Тышка, Конопка и другие.

Богатейшим собранием старопольских названий считаются труды Яна Длугоша. В документах XII–XIV вв. нашли отражение почти все названия современных деревень, местечек, посёлков.

Сегодня мы не можем представить себе человека без наследственной фамилии, переходящей от отца к сыну в неизменной форме. Однако в Европе эти фамилии нашли распространение только в XV в. До этого каждый имел имя, присвоенное ему при крещении и место рождения.

Адам Нарушевич в «Истории польского народа» отмечал, что шляхтич после своего имени называл свой родовой герб, либо название своей деревни, замка. Имели место, как и на Руси, фамилии от имени отцов.

Герб и клич, созывающий гербовый род на войну, были наследственными и заменяли у средневековой шляхты родовую фамилию. Так названия некоторых гербов стали фамилиями родов и названиями многих деревень, которые были родовым гнездом и их собственностью.

Длугош отмечает, что в Польше во времена Владислава II Ягелло (1386–1434 гг.) возник обычай образования шляхетских фамилий от названия селений прибавлением окончаний *-ски* или *-цки*. Этот обычай распространился повсеместно в XV в. и, прежде всего, среди средней шляхты. Старая шляхта писалась ещё по-старому: Ян с Гуры, Ян на Тенчине, а иногда и так – Абданк Скарбек с Гуры (гербовое прозвище, родовое имение).

Фамилии на *-ски* и *-цки*, возникшие уже в XIV в. от названия родовой или наследственной деревни, были первоначально наследственны, но только если сын после отца наследовал ту же деревню, от названия которой образовалась фамилия. Если сын оседал в другой деревне, то и фамилию принимал по названию этой деревни. Таким образом, получалось, что отец и сын, владея разными деревнями, имели разные фамилии.

Потомки польской шляхты, изучающие свою родословную, могут с большой долей достоверности установить своё происхождение, места проживания предков, места их расселения, что, в свою очередь, позволит искать документы, привязываясь к определенным населенным пунктам. Здесь уместно напомнить, что многовековая стабильность географических названий населенных пунктов в Польше имеет под собой солидную основу для получения некоторых ответов на вопросы как появились наши фамилии, где жили предки, как расселялись.

Для проверки связи шляхетских фамилий с их родовыми гнёздами мы провели исследование на примерах фамилий, входящих в состав двух шляхетских гербов (Боньча и Елита), располагая списками фамилий и картой Польши в масштабе 1:500 000 с алфавитным указателем населенных пунктов.

В герб Боньча (Единорожец) входит 54 известных нам фамилий[3]. Мы наносили на географическую сетку Польши названия населенных пунктов, от названия которых могли произойти соответствующие фамилии. Оказалось, что 37 фамилий из списка (70%) имеют соответствующие названия населенных пунктов. Остальные 30% – либо имели другие виды собственности, либо приобрели имения с уже окончательно фиксированными к тому времени названиями, либо переселились в Белоруссию, в Украину или в Литву, как, например, Стребейко герба Боньча. Значительная группа родовых селений, в том числе и породненных фамилий находилась в Восточной Польше, что может объяснять миграцию представителей родов в соседние земли. Имеются два населенных пункта с названиями герба – Боньча и Единорожец. Селение Единорожец находится недалеко от Грюнвальда.

В герб Елита (Козлероги) входит 129 фамилий, 126 из них имеют соответствующие им названия населенных пунктов[4]. Род Скоковских, к кото-

---

[3] В «Гербовнике» К. Несецкого приведено 28 фамилий родов, принадлежавших к этому гербу (см.: *Niesiecki K.* Op. cit. Lipsk, 1839. T. 4. S. 295).

[4] В «Гербовнике» К. Несецкого приведено 108 фамилий родов, принадлежавших к этому гербу (см.: *Niesiecki K.* Op. cit. Lipsk, 1839. T. 4. S. 495).

рому принадлежит автор данной работы, входит в список фамилий родов как герба Елита, так и герба Боньча. Этот род представлена такими населенными пунктами, как Скоки, Скоков, Скокова. Они находятся в следующих местах: *Skoki* – западнее г. Парчева, в излучине реки Тысьменица и юго-западнее г. Бреста; *Skoki* – юго-восточнее г. Междуречье, на берегу реки Паклица и озера Буковецкого; *Skoki* – северо-восточнее г. Познани и южнее г. Вонгровца; *Skokowa* – южнее г. Равич на берегу реки Кремпа; *Skokyw* – южнее г. Ополье Любельское и юго-западнее г. Люблина.

Уже такие первоначальные сведения позволяют, на наш взгляд, при обращении в архивы для розыска документов, ссылаться не только на названия населенных пунктов, но и на воеводства и поветы, на территории которых находятся интересующие населенные пункты.

О роде Скоковских герба Елита. Род Скоковских относится к старожитной шляхте Королевства Польского. Наиболее ранним из известных представителей этого рода считается Матис Куйкевич Скоковский, который в 1595 г. имел вотчинную часть села Куйкевичи в Пинском уезде Вилкомирского повета.

Предки Скоковских, пользуясь дворянскими привилегиями, владели недвижимыми имениями. На основании грамот польских королей они были жалованы военными чинами и употребляли присвоенный их роду герб Елита с голубым полем на щите. Ближайший потомок Матиса Куйкевича – Ян Скоковский с сыном Мартином владели имением под Брестом Литовским, которое назвали Скоки[5].

Мартин был делегатом элекционного Сейма, на котором в 1634 г. королем Речи Посполитой был избран Владислав IV. Ян Скоковский был делегатом элекционного Сейма, на котором в 1648 г. был избран король Ян Казимир[6].

В 1650 г. Скоковские переезжают в Житомирский повет Киевского воеводства и там покупают деревни Слипчицы, Сельцы и Браминки с крестьянами, полями, лесами, водоемами, мельницами и всеми принадлежностями. 1 августа 1695 г. Мартин продал своё вотчинное имение Куйкевичи дворянину Станиславу Бенецкому, а 5 ноября 1696 г. записал имение Слипчицы своему сыну Николаю. Село Браминки он отписал своей сестре в качестве приданного, а Сельцы было сквитовано за 7000 злотых ротмистру передовой стражи в пользу сына Мартина – Николая. Впоследствии Слипчицы перешло во владение четырём сыновьям Николая. В 1733 г. трое из них продали свои части имения. Так происходило постепенное дробление шляхетских владений.

После разделов Речи Посполитой конца XVIII в. Киевское воеводство было упразднено, и Скоковские стали потомственными дворянами Волынской губернии с внесением в VI часть Родословной книги дворян Волынской губернии.

---

[5] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 3635; Д. 22972.

[6] *Niesiecki K.* Op. cit. Lipsk, 1841. T. 8. S. 381.

В настоящее время потомки Скоковских (Скаковских) по прямой линии этого рода живут в России (Краснодар), Украине (Житомирская и Винницкая области) и Польше (Варшава, Жагань, Жары).

О гербе Елита. Древний польский герб Елита (*Jelita*) представляет собой щит, на котором в красном поле (у рода Скоковских в голубом поле) три золотых копья, уложенные в виде звезды: два наклонены рукоятками вниз, а серебряными наконечниками вверх, а третье — вертикальное — рукояткою вверх, а острием вниз. В нашлемнике над короной возникающий серебряный с чёрными рогами козёл.

Начало этого герба относят к 1331 году. После победы над крестоносцами под Пловцами, король Владислав Локетек, объезжая поле битвы, обнаружил одного из своих рыцарей — Флориана Шариуша (*Szaryusz*), мужественно сражавшегося и исколотого вражескими копьями. Рыцарь лежал живой с распоротым животом и руками поддерживал свои кишки. Увидев это, король воскликнул: «Как жестоко страдает наш рыцарь!» На это Флориан, превозмогая боль, ответил: «Страшно то страдание, когда приходится терпеть плохого соседа, проживающего с тобой в одном селении, что и стало моим уделом». Король был поражён этим и обещал герою разрешить соседский спор. Флориану был пожалован новый герб.

Историки считают, что после этого благородный Флориан Шариуш перенёс свой родовой знак — Козла со щита в нашлемник, а три копья, которыми его прошили неприятели, поместил на гербовом щите. С этих времен герб Козлероги (*Koźlarogi*) получил название Елита, то есть «кишки» (*jelita*).

Все гербовладельцы считают своим родовым гнездом Мойковицы в Серадской земле, в повете Пиотрковском, где сохранились развалины каменного замка, принадлежащего упомянутому рыцарю Флориану.

А. И. СЕЛИЦКИЙ
г. Краснодар

ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Традиционное наименование польского дворянства – «шляхта» (*szlachta*). Одна из первых попыток народной этимологии, особенно популярная в XVII в., выводила это понятие из группы немецких лексем: *schlagen* «бить, разбивать (*неприятеля*)», *schlachten* «бить, резать (*скот*), убивать» и *Schlacht* «битва, сражение». Подобное толкование исходило из идеи, что шляхтичи – это ратники, воины, обороняющие свою Отчизну. Однако лингвисты связывают понятие «шляхта» с древневерхненемецким *slahte* «род, порода, происхождение» (нем. *Geschlecht* «род, поколение»), что подчёркивает значимость родовой принадлежности в данной социальной группе[1].

Первоначально шляхта представляла собой мелких феодалов – рыцарей (лат. *milites*), зависящих от верховной власти (князя, короля) и отличающихся от крупных магнатов – можновладцев. В ходе становления шляхетского сословия, усиления его политической роли и получения ряда привилегий в него вошли и крупнейшие землевладельцы. В XVI–XVIII вв. в Речи Посполитой утвердился уникальный политический строй – шляхетская «республика», при котором королевская власть оказалась в полной зависимости от шляхты (особенно от крупных феодалов). Шляхта получила целый ряд «золотых вольностей», определивших её привилегированное положение в стране. Долгое время наиболее достойными шляхетскими занятиями считались: военная и государственная служба, участие в церковном управлении, охота.

---

[1] *Новодворский В.* Шляхта // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 39А. С. 717–718; *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1914. Т. 2. С. 101; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1973. Т. 4. С. 457; *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana: W 4 t. Warszawa, 1972. T. 4. S. 323; *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. S. 550.

Существенной особенностью польской шляхты, подобно испанскому дворянству, была её многочисленность, объясняемая всем ходом развития польской истории и той ролью, которую шляхта играла в социально-политической жизни государства. В XVI в. на 7,5 миллионов, проживающих в Речи Посполитой, приходилось 500 тысяч дворян или 25 тысяч дворянских семей, то есть 6,6% всего населения, а в Мазовии, буквально переполненной шляхтой, эта цифра была ещё более внушительной — 23,4%[2]. Ко времени разделов Речи Посполитой польское дворянство составляло уже 8—10% населения[3].

Очевидно, что такое значительное количество знати не могло быть полностью однородным. В её среде постоянно шли процессы дифференциации и расслоения, наиболее ярко проявившиеся в XVII—XVIII вв. Сама многочисленность польского дворянства была связана с фактическим отсутствием замкнутости сословия. В его состав вливались как представители знати вновь присоединённых к Польше земель, так и члены других сословий. Тема «мещанина во дворянстве» является постоянной для позднесредневековой польской литературы (ср. знаменитое сочинение Валериана Неканды Трепки «Книга хамов», 1624—1640 гг.). Кроме того, помимо собственно поляков в составе шляхты оказались полонизированные представители прибалтийской, белорусской и украинской знати, а также ряд немецких (в Пруссии), татарских (в Великом княжестве Литовском) и еврейских (по всей Речи Посполитой) родов. Порой существенные отличия в имущественном положении шляхты проявлялись на разных территориях её проживания. Так, наиболее бедной и многочисленной была шляхта Мазовии, Прикарпатья, Подлясья и княжеской Пруссии, а наиболее богатые латифундисты владели землями в Литве, Белоруссии и Украине. Польские исследователи условно выделяют внутри шляхты XVI—XVIII вв. несколько групп[4].

К землевладельческой шляхте относились следующие группы:

---

[2] *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta: W 6 t. Kraków, 1897. T. I S. 320; *Klec-Pilewski B.* Studies and Contributions to Polish History, Genealogy and Heraldry. London, 1991. P. 25; *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI—XVIII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 193—194.

[3] При этом в других европейских странах в эпоху Нового времени подобные цифры были значительно ниже. Так, во Франции удельный вес дворянства составлял 1% от всего населения, в Англии — 2% (или 3,7% вместе с духовенством), в Венгрии — 5%, а вот в Испании — до 10% (см.: *Дмитриев М.В.* Указ. соч. С. 194).

[4] Предложенная схема, безусловно, не является совершенной моделью, ведь наиболее точно можно выделить только самых богатых и самых бедных шляхтичей, а принадлежность к различным группам средних слоёв не всегда чётко выражена. Тем не менее, подобная модель необходима, так как позволяет лучше представить дифференциацию внутри шляхетского сословия (см.: *Zajączkowski A* Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Ideologia a struktury społeczne. Wrocław, 1961. S. 32–33; *Wyczański A.* Uwarstwienie społeczne w Polsce XVI w. Warszawa, 1977. S. 26–69).

Магнатерия *(magnateria)* — наиболее богатые и влиятельные семьи, крупнейшие латифундисты; они играли ключевые роли в государственном управлении, их представители постоянно заседали в сеймах. Хотя официально ни один из магнатов не имел особых прав или привилегий, в действительности эта шляхетская группа имела власть не сравнимую с количеством её членов.

Заможная шляхта (*szlachta zamożna*) — зажиточная шляхта, владевшая и землёй, и крестьянами; её представители были вполне самостоятельны в своей социально-политической и хозяйственной деятельности (*Sobie Pan*).

Фольварочная шляхта (*szlachta folwarczna*) — владела одним или несколькими фольварками и крестьянами на них; могла как сама управлять своим фольварком, так и нанимать экономов.

«Долевая» шляхта (*szlachta cząstkowa*) — владельцы не целых поместий, а их частей (часто большие поместья дробились на малые доли для продажи или сдачи в аренду); обычно представители этой шляхты совместно со своими соседями использовали труд крестьян и материальные ресурсы имения.

Застенковая или околичная шляхта (*szlachta zaściankowa, szlachta okoliczna, szlachta zagrodowa*) — мелкопоместная шляхта, представители которой владели приусадебными хозяйствами, но не имели крестьян и поэтому сами трудились на своей земле; зачастую они образовывали целые шляхетские поселения — так называемые «застенки» (*zaścianki*) или «околицы» (*okolice*)[5], обособленные от остального плебейского мира.

К безземельной шляхте (*szlachta bezrolna albo szaraczkowa*) относились:

Чиншевая шляхта (*szlachta czynszowa*) — не имела земли и была вынуждена брать её в аренду на чиншевых условиях и трудиться на ней, хотя такой труд и считался позорным для родовитого человека, поскольку уподоблял его крестьянину. В последние два столетия существования Речи Посполитой чиншевая шляхта стала наиболее многочисленной группой польского дворянства.

Служилая шляхта (*szlachta służebna*) — служила в богатых поместьях магнатов, церковных иерархов или зажиточной шляхты в качестве управляющих, экономов и т.п.

Голота (*hołota*) — «голытьба», нищая шляхта, не имевшая ни земли, ни крестьян; обычно нанималась в качестве работников, прислуги, шла в солдаты.

«Уличная» шляхта (*szlachta brukowa*) — наиболее малочисленная группа шляхты, ведущая очень бедную жизнь в городах[6].

Несмотря на большие имущественные различия, в среде польского

---

[5] Название «околичная шляхта» было характерно для земель Великого княжества Литовского. См. описание быта этой шляхты: *Narbut M.B.* Szlachta okoliczna // Ziemia Lidzka. 1937. № 4 (1997. № 40).

[6] Иногда последние четыре шляхетские группы, а также околичную шляхту называли «рабочая шляхта», так как они собственным трудом добывали средства к существованию.

дворянства существовали и объединительные тенденции, связанные с сословной солидарностью. Во многом ощущению шляхетского единства способствовала особая идеология «сарматизма», выводившая всех польских шляхтичей от древних сармат, в далёкие времена завоевавших славянские племена, которые обитали на землях будущей Польши. «Сарматизм» был неразрывно связан с такими мифологемами как полное равенство всех польских дворян (*szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie*), исключительная добродетель шляхетства, жизненная важность польского хлеба и польского шляхетского фольварка для существования Западной Европы, особое историческое призвание поляков защищать Европу от турецкой опасности и ряд других[7].

Господствующее привилегированное положение шляхты сочеталось с традиционным запретом обращаться к «подлым» занятиям (торговля, ремесло, исполнение городских, то есть мещанских должностей и другие). Однако, судя по положению представителей низших шляхетских групп, этот запрет фактически перестал действовать уже во второй половине XVII в., а формально был отменен в 1775 г.[8]

После разделов Речи Посполитой и наполеоновских воин польские дворяне оказались подданными трёх абсолютистских режимов, резко отличающихся от политической системы шляхетской «республики». Началась усиленная германизация и русификация оккупированных польских земель. Шляхта лишилась ряда старых привилегий: монополии собственности на землю, свободы от налогов, отдельного (только для шляхты) судопроизводства, исключительного права занимать должности фактически независимо от верховной власти, право выбора участников сеймов и право выбора короля. Многие богатейшие семьи (Потоцкие, Радзивиллы, Красиньские, Чарторыские, Замойские, Велёпольские и другие) лишились своих латифундий и политического влияния, часть их эмигрировала за границу. Монархи Пруссии, Австрии и России стремились полностью подчинить представителей польской знати, заставить их отказаться от мысли о восстановлении былого влияния на политическую жизнь. Одной из важнейших задач этих монархов стало сокращение количества польской знати за счёт отказа признать дворянские права ряда малоземельных и безземельных шляхетских семей. Во всех трёх зонах оккупации были изданы законы о регистрации польской шляхты, которую предстояло включить в состав прусской, австрийской и российской знати. При этом создавались всевозможные бюрократические барьеры, мешавшие подтверждению дворянского происхождения беднейшим шляхтичам. Тысячи древних благородных, но обедневших семей не смогли подтвердить своё шляхетство. Одновременно власти Прус-

[7] *Cynarski S.* Sarmatyzm – ideologia i styl życia // Polska XVII wieku / Red. J. Tazbira. Warszawa, 1974. S. 269–295; *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 10–28.

[8] *Дмитриев М.В.* Польские земли в средние века и раннее новое время // История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 197.

сии, Австрии и России, стремясь приручить представителей наиболее богатых и влиятельных шляхетских семей, начали широкую раздачу высших дворянских титулов (маркграфов, графов, виконтов, баронов и других)[9]. Кроме того, абсолютные монархи поощряли получение дворянства теми, кто имел особые заслуги на военной или гражданской службе. Это открывало широкий путь для пополнения дворянства представителями низших сословий, что было почти невозможно сделать официально во времена Речи Посполитой.

В австрийской зоне оккупации («Королевство Галиция и Лодомерия») польская шляхта была разделена на две категории: титулованные семьи (княжеские, герцогские, графские и баронские) и рыцарские (нетитулованные). Представители второй категории делились на *Uradel* (древнее дворянство) и *Briefadel* (аноблированное или натурализованное дворянство). Для успешного прохождения регистрации было необходимо найти подтверждения того, что предки имели государственные должности, были членами Сената или участвовали в сеймах. Этот критерий сразу лишил права на дворянство представителей многих шляхетских семей. В прусской зоне оккупации регистрация шляхты началась в 1777 г. Требования к доказывающим своё дворянство были теми же, что и в Галиции, но добавился ещё один критерий — обладание землёй.

Подобное положение дел сложилось и в России. Земли бывшей Речи Посполитой образовали здесь две части:

1) Царство Польское (собственно Польша);

2) Западный край, включавший девять западных губерний из бывших польских владений в Литве, Белоруссии и Украине. В свою очередь эти земли делились на шесть северо-западных губерний: Виленская (существовала в 1795—1796 гг., с 1802 г.), Витебская (с 1801/1802 г.), Гродненская (с 1801 г.), Ковенская (с 1842/1843 г.), Минская (в 1793—1795 гг., с 1796 г.), Могилёвская (в 1773—1778 гг., с 1802 г.) и три юго-западные губернии: Волынская (с 1796 г.), Киевская (в 1708—1781 гг., с 1796 г.), Подольская (с 1796 г.).

Сразу после первого раздела, в 1772 г., по указу генерал-губернатора Белоруссии З.Г. Чернышёва началась регистрация шляхты в земских поветовых судах. Для регистрации требовались: детальная генеалогия, описание герба, выписи из метрических книг и другие сопутствующие документы.

---

[9] В Речи Посполитой, из-за принципа равенства шляхтичей-братьев, дворянские титулы были запрещены. Только потомки русского князя Рюрика, литовского великого князя Гедимина и некоторых других древних княжеских родов могли носить титул князя. Исключением (да и то довольно поздним) является предоставление на сеймах княжеских титулов Понятовским (1764 г.), Сапегам (1768 г.) и Понинским (1773 г.). Ещё одним характерным исключением является дарование графского титула королём Сигизмундом II Августом семье Ходкевичей (1568 г.). Другие титулованные шляхтичи получали свои титулы от иностранных государей (например, римского императора или папы), чем заслуживали ненависть со стороны нетитулованных собратьев.

21 апреля 1785 г. Екатерина II издала знаменитую «Жалованную грамоту дворянству», по которой для регистрации дворянских прав вместо старых родословных книг введены дворянские родословные книги каждой губернии, разделённые на шесть частей[10]. В первую часть вносились роды, пожалованные дворянством монархом, во вторую — роды, получившие дворянство за достижение чина на военной службе, в третью — роды, получившие дворянство за достижение чина на гражданской службе или через пожалование ордена, в четвёртую — иностранные дворяне, которые выехали из других государств и были признаны в дворянском достоинстве русскими государями (для чего было обязательно предварительное принятие русского подданства), в пятую — титулованное дворянство и в шестую — древние роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение ста лет до момента издания «Жалованной грамоты». Юридическое различие между этими шестью разрядами проявлялось только в одном: в привилегированные учебные заведения — Пажеский корпус, Александровский лицей и Училище правоведения — могли быть приняты (независимо от положения родителей) лишь дети лиц, внесённых в пятую и шестую части родословной книги[11]. Эти правила распространялись и на польскую шляхту. Судя по регистрационным спискам губерний Северо-Западного края (без Виленской губернии) и Смоленщины, некоторое время входившей в состав Речи Посполитой, большинство местного дворянства было приписано к первой и шестой частям родословных книг своих губерний. В этих землях из 6 888 шляхетских семей около 39% (2 681 семья) отнесены к шестой части и около 28,6% (1 969 семей) — к первой[12].

В 1795 г., после третьего раздела Речи Посполитой, на вновь присоединённых к России землях была проведена V ревизия, ставшая, по сути, первой переписью населения, так как в польском государстве учитывались не лица, а «дымы» (хозяйства). По российским меркам количество польской шляхты было огромным. Например, в Виленской губернии оказалось 44 626 шляхтичей, то есть 8,8% населения, а в Гродненской губернии — 19 736 шляхтичей или 6,2%, причём, в Шавельском уезде шляхта составляла 11,6%, в Россиенском — 12,6%, а в Лидском — 12,7%[13]. Однако наибольшая концентрация шляхты приходилась на Дрогичинский уезд Белостокской области[14]

[10] *ПСЗ.* 1-е собрание. Т. 22. № 16187.

[11] Там же.

[12] *Dumin S., Górzyński S.* Spis szlachty wylegitymowanej w guberniach grodzieńskiej, mińskiej, mohylewskiej, smoleńskiej i witebskiej. Warszawa, 1992. S. XI.

[13] *Улащик Н.Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965. С. 88.

[14] Белостокская область — это часть территории, отошедшей в 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой к Пруссии, а по Тильзитскому миру 1807 г. переданная России. В 1808 г. получила название Белостокской области с центром в Белостоке и разделена на 4 уезда: Белостокский, Бельский, Сокольский и Дрогичинский. Упразднена в 1842/1843 г., уезды присоединены к Гродненской губернии, при этом Дрогичинский и Бельский объединены в Бельский уезд.

и по VII ревизии 1816 г. составляла 31,1% населения, что является рекордной величиной не только для Польши, но и для всей Европы[15].

Видя такую многочисленность шляхты и бедность многих её представителей, российские власти начали проводить политику сокращения польского дворянства (прежде всего, в северо-западных губерниях). Участвовавший в «усмирении» Польши В.А. Зубов, выдвинул проект переселения части мелкой (чиншевой) шляхты из Белоруссии и Литвы на государственные земли на юге Украины и в Крыму[16]. Окончательно закон о переселении был готов уже в 1796 г., но Екатерина II умерла, не успев его подписать. Новый император Павел I оказался категорически против этого закона[17].

Характерно, что первоначально в Российской империи требования для регистрации дворянства были более либеральными, чем в Пруссии или Австрии. Однако уже при Александре I они были значительно ужесточены[18]. Так, по VII ревизии (1816 г.) шляхта землевладельческая и безземельная учитывались раздельно (хотя и та, и другая относилась к привилегированному сословию). Кроме того, утверждением в дворянстве теперь стал заниматься Департамент Герольдии в Петербурге, а не местные суды. Сильным ударом по малоземельной шляхте стал указ от 24 мая 1818 г., по которому для регистрации в дворянстве было необходимо найти соответствующие доказательства в метрических книгах или других документах, а также подтвердить владение рода не только землёй, но и крестьянами. Законом 1824 г. шляхтичи, не имевшие крестьян, но занимавшиеся торговлей, должны были записываться в купцы и брать свидетельства торгующих мещан. В 1825 г. мелкая земельная шляхта была обложена натуральными повинностями наравне с государственными крестьянами. Наконец указом от 18 июня 1826 г. шляхтичами признавались только те, кто был приписан в это сословие до 1795 г.[19]

Положение усугубляла и особая территориальная политика русского правительства, которое, считая «забранные земли» Западного края традиционно русскими, отделило их от Польши и начало усиленно проводить в них политику русификации и «православизации». В 1839 г. в Западном крае была уничтожена униатская церковь, а униаты насильственно обращены в православие. Между Царством Польским и западными губерниями до 1850 г. существовала таможенная граница, ещё более способствовавшая искусственной изоляции двух частей исторической Речи Посполитой. В глазах

---

[15] *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 88 Возможно, такие высокие цифры связаны с тем, что в 1816 г. были учтены и шляхтянки.

[16] *ПСЗ.* 1-е собрание. Т. 23. № 17469.

[17] Там же. Т. 24. № 17872.

[18] Там же. Т. 30. № 22873; Т. 32. № 25064; Т. 33. № 25917, 26108.

[19] *Тальвирская З.Я.* К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах (по материалам трёх уездов Минской губ.) // Историко-социологические исследования (по материалам славянских стран). М., 1970. С. 200.

польского дворянства всё это расценивалось как акты насилия, ведь независимо от того, где проживали шляхтичи, они считали своей родиной Польшу, а Литву, Белоруссию и Украину – её провинциями[20]. Более того, российские власти демонстративно отнесли вопросы о причислении к дворянству в западных губерниях к компетенции Департамента Герольдии в Петербурге, а в Царстве Польском учредили собственную Герольдию (1836 г.), разбиравшую дела только местных претендентов на дворянство. При этом дворянство Царства Польского, в отличие от дворянства других частей империи, пользовалось сословными привилегиями только лично (с определёнными оговорками) и не имело корпоративной организации, то есть дворянских собраний с выборными дворянскими должностями[21].

Вследствие всего этого шляхта, особенно мелкопоместная, приняла самое активное участие в Ноябрьском восстания (29 ноября 1830 – октябрь 1831 гг.). Российские власти не замедлили ответить репрессивными мерами. Начался так называемый «разбор» (*rozbiór*) шляхты – перевод части мелкого польского дворянства в податное сословие. В определённой степени, эти меры укладывались в общую политику царизма по отношению к мелкопоместному дворянству, но на фоне польского восстания они имели прямую направленность против наиболее радикально настроенных представителей шляхты, которые, как гласил закон, «по недостатку оседлости и собственности и по образу жизни многих из них, наиболее склонны были к восстанию и к преступным действиям против законной власти»[22].

Именным указом от 19 октября 1831 г. были установлены различия между «действительными шляхтичами», то есть доказавшими свои права на дворянство, и «именующими» себя шляхтой без утверждения; последних переводили в разряды городских и сельских обывателей. Эта беднейшая часть шляхты отделялась от дворянского сословия и образовывала новый разряд населения – однодворцы (жители деревень) и граждане (жители городов), причём и те, и другие в свою очередь делились на оседлых и неоседлых. К оседлым относились однодворцы, имевшие свою землю или снимавшие в аренду участки у помещиков, государства или духовенства. Неоседлыми считались лица, лишённые средств производства и работавшие по найму или добывавшие пропитание каким-либо другим способом. Все граждане и однодворцы были обложены особой «подымной» податью. Однодворцы с землей должны были платить 3 рубля с «дыма» независимо от размеров их участков, а однодворцы, жившие на помещичьих и государственных землях и оседлые граждане платили 2 рубля с каждой души мужского пола. Одино-

---

[20] *Самбук С.М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 16–17.

[21] *Карелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 105, 108.

[22] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 6. № 4689.

кие и неоседлые однодворцы и граждане — по 1 рублю с каждой души мужского пола[23]. Кроме «подымного» обложения однодворцы и граждане были обязаны выполнять рекрутскую повинность, хотя и несколько смягчённую по сравнению с другими разрядами населения: рекруты-однодворцы в армии служили 15 лет (вместо 25). При этом указ от 19 октября давал право однодворцам продолжать «отыскивать» дворянство на общих основаниях, но поточный разбор дел прекращался.

Теперь утверждением польской шляхты в дворянском сословии Российской империи занимался Комитет министров, что, конечно, не способствовало ускорению этого процесса. Так, в 1841 г. в Виленской губернии числилось 5500 человек, утверждённых в дворянском достоинстве, и 65 тысяч неутверждённых, находившихся на положении однодворцев или граждан[24]. Изданные позже указы правительства способствовали дальнейшему слиянию последних с податными сословиями. Указом от 23 января 1847 г. лица, неутверждённые в дворянстве, лишались права приобретать населённые имения, те же, кто имел, обязаны были их продать в трёхгодичный срок[25]. Ещё более радикальные перемены произвёл закон от 1 августа 1857 г., по которому все лица, неутверждённые в дворянстве, записывались в оклад: оседлые однодворцы, жившие на государственных или собственных землях, приписывались к государственным крестьянам, жившие в городах — к городским обывателям, а жившие на помещичьих землях — к вольным людям; неоседлые же причислялись к государственным крестьянам или к городским сословиям, по желанию. Все эти правила не распространялись на тех, у кого срок подачи ходатайства ещё не истёк[26]. Несмотря на все сложности подтверждения дворянского достоинства, поток ходатайств не уменьшился, а правительство неоднократно устанавливало и продлевало сроки подачи документов[27].

Таким образом, как в Австрии и Пруссии, так и в России польское дворянство оказалось в условиях совершенно нового политического организма, где власть и влияние дворянства всецело зависели от верности и покорности монарху. Имперское правительство пыталось создать новый тип шляхты, которая должна была пройти через унизительную, а часто и проблематичную, процедуру подтверждения своего благородного происхождения.

[23] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 6. № 4689.

[24] *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 88.

[25] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 22. № 20845.

[26] Там же. Т. 32. № 32000.

[27] *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 108. Ситуация несколько улучшилась после амнистирования участников Ноябрьского восстания (указами от 21 июня и 26 августа 1856 г. и от 17 апреля 1857 г. они восстанавливались в своих правах). Наконец указом от 10 марта 1859 г. на Польшу были вновь распространены обычные для империи способы приобретения дворянства (см.: *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 34. № 34225).

Эта ситуация замечательно отражена в поэме «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича, который сам происходил из мелкопоместной шляхты:

«"И шляхтич у себя, скажу при всём народе..."
"Да! – подхватили все, – он равен воеводе!"
"Меж тем приходится изыскивать нам средства
И документами доказывать шляхетство!"
...
"Пускай москаль пойдёт и спросит у дубравы,
Кто ей давал патент перерасти все травы?"»[28]

В Департамент Герольдии в течение трёх лет было необходимо предоставить документы, подтверждавшие право шляхтича на наследственные земли, населённые крепостными, или принадлежность его рода к шляхте во времена Речи Посполитой. Однако очень многие польские шляхтичи не имели на руках никаких документов или денег для оплаты соответствующих разысканий в архивах. Огромное число беднейших шляхтичей, хоть и происходящих из древних родов, так и не смогло подтвердить своего дворянства и оказалось лишённым родовых прав. За 25 лет работы Герольдии Царства Польского (1836–1861 гг.) из почти 300 тысяч шляхтичей, подавших документы, в дворянских правах признаны только около 80 тысяч человек[29]. До начала работы Герольдии шляхта Царства составляла 7,5% населения, а к концу работы Герольдии только 1,7%[30]. Сходные процессы происходили и в Западном крае. Например, в юго-западных губерниях в 1831–1853 гг. число дворянства сократилось с 410 тысяч до 70 тысяч человек, что можно расценить как социальную смерть массового масштаба[31]. В то же время те.

---

[28] *Мицкевич А.* Пан Тадеуш. Книга четвёртая / Пер. С. Мар (Аксёновой) // Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 515.

Польский оригинальный текст ещё ярче отражает представленную ситуацию:

«"Ach, bracia! Wszak to dawniej szlachcic na zagrodzie.
("Tak, tak! – krzyknęli wszyscy – równy wojewodzie!")
Dziś nam szlachectwa przeczą, każą nam drabować
Papiery i szlachectwa papierem probować".
...
"Kiedym został szlachcicem? Sam Bóg to pamięta!
Niechaj Moskal w las idzie pytać się dębiny,
Kto jej dał patent rosnąć nad wszystkie krzewiny"».

(см.: *Mickiewicz A.* Pan Tadeusz. Księga czwarta. 335–338, 342–344. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. S. 209–210).

[29] *Ласькевичова Я.* Общество Королевства Польского (1815–1864 гг.) в свете новейших исследований // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 114.

[30] *Nowa Encyklopedia Powszechna PWN*: W 6 t. Warszawa, 1996. T. 2. S. 742.

[31] *Beauvois D.* Polacy na Ukrainie 1831–1863: szlachta polska na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie. Paryż, 1987. S. 7.

кто имел заслуги перед троном на гражданской или военной службе беспрепятственно получали дворянство. Характерно, что в отличие от усиленно русифицируемых западных губерний, в Царстве Польском процент таких «новых» дворян был ничтожен[32].

После «разбора» шляхты российская администрация выработала новое (прямо противоположное польской традиции) понимание терминов «шляхта» и «дворянство». В основе этого понимания лежала позиция императора Николая I, написавшего на одном из документов: «Дворяне суть те, кои имеют поместья или, служив, получили чины, но шляхта есть сброд людей, который шатается без занятий или находится в услужении и составляет класс самый вредный и развратный»[33]. Официальная документация последующих десятилетий чётко отличала одну от другой созданные жизнью и закреплённые законодательно социальные группы внутри шляхетского сословия. По отношению к ранее единой группе шляхтичей стали употребляться следующие термины: дворяне первого разряда (то есть дворяне-помещики, владеющие землёй и крепостными), дворяне второго разряда (то есть шляхтичи, имеющие собственную землю, но уже без крестьян), дворяне третьего разряда (то есть безземельные шляхтичи, чьи документы о дворянском происхождении всё же оказались приемлемыми для Герольдии, а также те шляхтичи, чьи документы ещё были на рассмотрении)[34].

Процесс «отыскивания» дворянства часто сопровождался подделкой документов. Поставленные в тупик, некоторые шляхтичи прибегали к услугам мошенников. Намного дешевле оказывалось купить поддельную родословную, приблизительно совпадавшую (а иногда и нет) с семейными легендами, чем оплатить разыскания, копирование, перевод на русский язык и подтверждение архивных выписей. При этом, если архивные документы находились в других регионах, к основным расходам добавлялась оплата дороги или пересылка архивных выписей. Ещё большая проблема вставала перед теми шляхетскими семьями, архивные материалы которых пропали (например, по причине частых пожаров). Вот тут-то на помощь и приходили мошенники. Надо признать, что помимо законно претендующих на подтверждение шляхетства, к их услугам могли обращаться и незаконные претенденты из других сословий. Наибольший размах изготовление фальшивых документов приняло в Минске и Бердичеве. В 1833 г. российские власти были вынуждены создать три ревизионные комиссии для проверки прав

---

[32] *Ласькевичова Я.* Указ. соч. С. 114.

[33] Цит. по: *Дьяков В.А., Зайцев В.М., Обушенкова Л.А.* Социальный состав участников Польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) // Историко-социологические исследования (по материалам славянских стран). М., 1970. С. 36.

[34] *Тальвирская З.Я.* Указ. соч. С. 200. Заметим, что чиновников и офицеров, даже если у них не было собственной земли, записывали в тот разряд, к которому были отнесены их родители и братья.

на дворянство в западных губерниях: одну – для Виленской и Гродненской губерний и Белостокстской области, другую – для Киевской, Волынской и Подольской губерний и третью – для Витебской, Могилёвской и Минской губерний[35]. Комиссии были составлены из чиновников МВД и Министерства юстиции, корпуса жандармов и губернского стряпчего. Члены комиссий должны были перекрепить хранящиеся во всех архивах метрические и актовые книги, перечеркнув пробелы в них, прошнуровать их и запечатать. Они окончили свою деятельность в 1835 г., но их работа так и не привела к серьёзным последствиям, причём, некоторые львовские и бердичевские поддельные дипломы были признаны подлинными[36]. Подделки документов продолжались.

В том же 1835 г. в Минске полиция арестовала некоего Чайковского, на квартире которого было найдено множество бумаг, «в числе коих открыты бланки бывших польских королей, чистая, старинного клейма бумага, на некоторых листах коей начаты писать уже фальшивые документы»[37]. По соглашению с другими чиновниками Минска, Чайковский вырывал из старых архивных дел чистые листы бумаги, на которых и писал фальшивые документы. Чайковский, учившийся в Минской гимназии и у полоцких иезуитов, мастерски подделывал почерки разных эпох и оказался очень квалифицированным палеографом. Для скрепления документов он имел фальшивые печати королей Яна II Казимира, Августа III Саксонского и Станислава Августа. По словам чиновника, расследовавшего это дело, в Минском дворянском депутатском собрании находится очень много подложных документов, «ибо почти нет чиновника, который бы в сём мало или много не участвовал»[38]. Чайковский вскоре бежал из тюрьмы и следы его затерялись.

В 1840 г. по предложению генерал-губернатора Д.Г. Бибикова в Киеве была учреждена новая ревизионная комиссия для трёх юго-западных губерний (Центральная комиссия). В ходе своей работы она исключила из дворянского сословия 64 тысячи шляхтичей, причислив их к однодворцам и гражданам. В 1851 г., выступая перед помещиками Киевской губернии, Д.Г. Бибиков заметил: «Когда я приехал (в Киевское генерал-губернаторство. – **А.С.**), застал здесь что все были дворяне – лакей за каретой, дворянин кучер на козлах, дворянин-форейтор, дворянин-сторож, дворянин в кухне стряпал, дворянин подавал ему сапоги, и когда он, рассердясь, хотел взыскать с него, тогда служитель отвечал ему: "не имеешь права, я

[35] *Романов-Славятинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права // Порай-Кошиц И. История русского дворянства. Романов-Славятинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. М., 2003. С. 224; *Савёлов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994. С. 167–168.

[36] *Романов-Славятинский А.* Указ. соч. С. 224.

[37] Цит. по: *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 91.

[38] Там же.

тебе ровен". Государь император именует себя первым дворянином в России; спрашивается: может ли он подать руку также дворянину повару или лакею? Была фабрика дворянских документов в Бердичеве, где продавались патенты по рублю серебром; были и комиссии для проверки действий депутатских собраний, но не принесли никакой пользы»[39].

В 1852 г. для упорядочения прав польских шляхтичей на дворянство Российской империи было определено «качество и значение чинов бывшего Королевства Польского и Великого Княжества Литовского»[40]. Юридически были определены те чины, которые давали потомкам их носителей права на дворянство:

«а) *Из Государственных*: Воеводы, Старосты Самогитского, Каштелянов высшего и низшего разрядов, Обер-Гофмаршала, Надворного Маршала, Великого Гетмана, Польного Гетмана, Обер-Канцлера, Подканцлера (Товарища Канцлера), Великого Подскарбия, Надворного Подскарбия, Коронного Секретаря Референдария (Помошника Канцлера), Великого Писаря, Хорунжия, Надворного Хорунжия, Мечника, Хранителя Королевских драгоценностей (Kustosz Koronny), Уголовного Прокурора (Instigatorowie), Помощника Уголовного Прокурора (Вице-Инстигатора), Коронного Войского, Регента (Правителя Дел Высшей и Низшей Канцелярии), Метриканта, Коммисара, Секретаря, Архивариуса, Инстигатора, Кассира и Контролёра Комиссий: Финансовой, Эдукационной (Народного Воспитания), Военной и Маршальской или Полиции, Депутатов Трибуналов, Ассесоров Ассесорских и Референдарских Судов, Литовских: Войского, Пивничего, Мерничего, Граничного и Коморника Великого Княжества Литовского.

б) *Из Придворных*: Великого Подкомория (Обер-Камергера), Великого Конюшего (Обер-Шталмейстера), Подконюшего, Ловчего, Надворного Ловчего, Кухмистра, Стольника, Подчашего, Крайчего, Подстолия, Чешника и Шамбеляна (Камергера).

в) *Из Земских*: Подкомория, Старосты, Подвоеводы Судебного или Подстаросты, Старосты Гродского, Судьи Гродского, Писаря Гродского, Поветового Маршала, Хорунжего, Земского Судьи, Подсудка, Писаря, Регента, Стольника, Подстольничья, Чешничия, Подчашия, Ловчего, Меченосца (Мечника), Конюшего, Крайчия, Скарбника, Обозного, Стражника, Мостовничия, Будовничия, Лесничия, Струкчашия, Сановничия, Подконюшего, Деревничия, Ключника, Подключника, Коморника Земского, Наместника Гродского, Бурграбия Краковского Замка, Городничего, Трибуна Старшего и Младшего (Войсцы), Цивуна Виленского, Трокарского и Самогитского; Писаря, Патрона и Адвоката

---

[39] Цит. по: *Романов-Славятинский А.* Указ. соч. С. 224–225.

[40] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 27. № 25963.

при Трибуналах и Регента Ассесорских и Референдарских Судов, Регента и Вице-Регента Земских и Гродских Судов, Ротмистра, Возного в Литве»[41]. Для доказательства занятия этих должностей предками необходимо было предоставить соответствующие документы. Кроме того, доказательством дворянского происхождения считаются случаи, когда предок отыскивающего дворянство лица, до 1795 г. занимал должность или состоял в чине или звании, хотя бы и в числе не названных, но жалуемых королевской грамотой (но только, если это звание, должность или чин давали ему первенство перед шляхтой без чинов на сеймиках, или место между сановниками и дигнитариями королевства)[42].

После подавления Ноябрьского восстания большая часть нижних чинов расформированной польской армии была направлена в воинские подразделения внутри России. Причём, наибольшее предпочтение отдавалось трём корпусам: Кавказскому, Оренбургскому и Сибирскому. Дворянство Царства Польского теперь было обязано нести воинскую повинность или альтернативную ей по продолжительности (10 лет) гражданскую службу. Повинности не несли только те, кто получил дворянство по чину и их потомки, то есть поощрялись лояльные режиму представители польской знати Заметим, что российские власти проводили чётко дифференцированный подход к польским дворянам и недворянам. Представители привилегированного сословия служили в корпусах, дислоцировавшихся в основном за пределами бывших земель Речи Посполитой, а недворяне могли служить во всех частях Действующей армии (но с соблюдением максимальных норм по численности)[43]. Очевидно, что российские власти именно в польском дворянстве видели наиболее враждебную силу.

Стремясь приобщить польскую дворянскую молодёжь Западного края к военной или гражданской службе, Николай I издал именной указ от 3 мая 1852 г., вводивший обязательное зачисление в армию с 18 лет сыновей «неправославных помещиков», владеющих не менее 100 крестьянами. Действие указа распространялось на 7 западных губерний[44]. От службы освобождались единственные сыновья в семействах и физически ущербные. Поощрялось добровольное вступление в армию в 16—17-летнем возрасте. Срок службы для добровольцев составлял 5 лет, а для призывников — 10 лет. Набор должен был производиться два раза в год. В качестве альтернативы допускалось зачисление на гражданскую службу и обязательно в великороссийских губерниях. Учащиеся казённых заведений пользовались от-

[41] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 27. № 25963.

[42] Там же.

[43] *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 38—39.

[44] Удивительно, но по мнению Николая I «губернии Витебскую и Могилёвскую следует не считать в числе губерний, возвращённых от Польши» (см.: *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 42).

срочкой до выпуска[45]. Таким образом, опасаясь новых польских восстаний и рассчитывая на «исправительное» для польского дворянства действие армии или гражданской службы во внутренних районах империи, российский самодержец пошёл на открытое нарушение «Жалованной грамоты дворянству». Однако новая николаевская политика по отношению к польской дворянской молодёжи осталась нереализованной. Вступивший на престол в 1855 г. Александр II признал вводимые порядки «уже не нужными»[46].

Политика российской власти по обузданию польской шляхты велась и в других направлениях. Так, в 40-е гг. XIX в. были воскрешены проекты екатерининских времён и произведена так называемая «николаевская депортация» шляхты на Кавказ, в Оренбургскую, Самарскую, Екатеринославскую губернии[47]. Мелкая шляхта под именем однодворцев западных губерний была отправлена в указанные земли. Позже в список территорий для выселения добавились Херсонская и Таврическая губернии[48].

Одновременно поощрялось русское землевладение в Царстве Польском и Западном крае. Особенно интенсивно политика «располячивания» земли велась в западных губерниях. Но и к 60-м гг. XIX в. количество польской шляхты в Западном крае всё ещё было значительным и составляло 2/3 дворян всей Европейской России[49]. При этом землёй и крестьянами владела незначительная часть шляхты (например, в Северо-Западном крае — только 14% дворянства, а остальные 86% либо имели в своей собственности небольшие участки земли, либо арендовали её, либо добывали средства к существованию службой или работой по найму)[50].

Представители российской администрации зло и с негодованием отзывались о польском дворянстве, но наибольшие опасения вызывали у них представители беднейшей и неимущей шляхты, являвшиеся наиболее активными противниками российской власти. Обследовавший Гродненскую губернию офицер Генерального штаба П.О. Бобровский писал: «(Шляхта. — **А.С.**) расселена по городам, местечкам и сёлам. Некоторые содержат в аренде фермы, помещичьи имения и разные оброчные статьи; другие служат у помещиков, занимая должности экономов, управителей, конторщиков, писарей и прочее; наконец, третьи, и едва ли это не наибольшее число дворян, занимаются сельским хозяйством, составляя целые дворянские околицы, и своим бытом и образом жизни стоят на одной

---

[45] *ПСЗ.* 2-е собр. Т. 27. № 26190; № 26340.

[46] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 47.

[47] *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. 1. С. 42.

[48] *ПСЗ.* 2-е собр Т. 16. № 14601.

[49] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 13.

[50] *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 104.

ступени с крестьянами»[51]. Описанию Бобровского вторит автор другого военно-статистического обозрения Гродненской губернии Калмберг: «Мелкопоместные дворяне (шляхта околичная) живут в околицах или в деревнях и занимаются сами обрабатыванием полей; беднейшие из них вступают в службу управителями, даже лакеями у более зажиточных помещиков. Это сословие людей, не забывая своего происхождения и желая отличаться от простого народа, живёт не менее того в совершенном невежестве и в своём быту представляет малую разницу от крестьян. В преступлениях же и проступках, требующих более смелости или дерзости, шляхта околичная превосходит остальных»[52].

Сходные характеристики приводит в своём отчёте по Минской губернии Н. Зелинский: «Почти всё православное дворянство Минской губернии, за исключением ничтожного числа чиновников и нескольких помещиков, состоит действительно из так называемой околичной и чиншевой шляхты, живущей отдельными околицами и застенками или рассеянной особыми дворами по помещичьим землям и платящей за занимаемую землю чинш, или оброк. Ещё более такой шляхты находится в католичестве. И та, и другая по образу жизни ничем не отличается от крестьян, груба, невежественна и безграмотна, тем не менее в силу каких-то привилегий пользуется потомственными дворянскими правами. Наиболее такой шляхты находится в Слуцком, Минском, Игуменском и Пинском уездах, где часто попадаются большие околицы, состоящие из нескольких десятков дворов и населённые исключительно шляхтой В Новогрудском, Мозырьском и Бобруйском уездах шляхты меньше, а в Речицком уезде её уже почти нет»[53].

В отчёте виленского губернатора за 1851 г. о мелкой шляхте говорится следующее: «Кроме землевладельческого и служащего дворянства много дворян на низшей ступени образования поступают в арендаторы, посессоры, экономы, служителями откупов и прочее, а если не приищут мест, то живут без определённых занятий, шатаясь праздно без цели и без дела. Наконец, есть масса дворян, пребывающих в совершенном невежестве и не стремящихся даже из оного выйти. Эта часть дворянства не соединяет ни одного из условий, требующихся от дворянства: ни службы, так как вовсе не служит, ни образования, так как она неграмотна, ни приличного дворянству образа жизни или занятия, так как есть дворяне лакеи, дворяне кучера, дворяне батраки, ни даже отличаются одеждой, так как ходят в армяках и нагольных тулупах»[54]. Десятки тысяч дворян, по словам губернатора, представляли собой «пролетариат, по совершенной бедности вынужденный пе-

[51] *Бобровский П.О.* Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. СПб., 1861. Ч. 1. С. 731.

[52] Цит. по: *Дьяков В.А., Зайцев В.М., Обушенкова Л.А.* Указ. соч. С. 50.

[53] Цит. по: *Тальвирская З.Я.* Указ. соч. С. 203.

[54] Цит. по: *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 92.

реходить из одного места на другое для снискания по найму работы не только у помещиков и чиновников, но и у зажиточных крестьян»[55].

В донесении от 17 августа 1863 г. жандармского полковника Рейхарта о положении «рабочей шляхты» в Минской губернии говорится: «В настоящее время шляхта, живущая на помещичьих землях, находится в самом стеснённом положении; помещики по освобождению крестьян и переводу их из издольной на оброчную повинность нуждаются в работниках; поэтому некоторые, а особенно мелкопоместные, налегли на шляхту, требуют от них сверх возвышенного оброка и издольной работы вроде барщины, а в случае несогласия выгоняют их»[56].

Выводы имперских чиновников, безусловно, во многом субъективны. Их нельзя переносить на всех представителей безземельной или малоземельной шляхты, особенно если вспомнить, что именно из их среды вышли такие великие сыны польского народа как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Болеслав Прус, Стефан Жеромский и другие. Представители этой беднейшей шляхты, сосланные вглубь империи, оказались одними из наиболее образованных людей российской провинции. Многие из них, благодаря своим знаниям и умениям, даже смогли сделать определённую карьеру. Администрация отдалённых губерний испытывали острую нехватку в образованных людях, и позволяла ссыльным полякам преподавать, заниматься врачебной практикой, выполнять чиновничьи обязанности[57]. Кроме того, даже самые беднейшие представители польской шляхты, в силу исторической памяти, некоторых прав и преимуществ, не сливались с крестьянством. Они остро реагировали на национальный гнёт российской администрации и связывали улучшение своего положения, а также положения всех земель бывшей Речи Посполитой с возрождением польского государства, активно участвуя во всех польских восстаниях. Приведённые цитаты отражают, прежде всего, многочисленность польской шляхты, показывают, как далеко зашёл процесс её имущественной дифференциации и связанные с этим социальные проблемы беднейших шляхетских семей, что, впрочем, было характерно и для русского мелкопоместного дворянства.

Разгоревшееся в 1863 г. Январское восстание, носило, как и Ноябрьское, преимущественно дворянский характер (особенно на землях к востоку

---

[55] Цит. по: *Улащик Н.Н.* Указ. соч. С. 92. По мнению авторов военно-статистических описаний Гродненской и Виленской губерний, несколько лучше жили неоседлые однодворцы и бедные шляхтичи, обосновавшиеся в городах, особенно те, которые занимались ремеслом. Они были более образованны, чем оседлые однодворцы, положение и образ жизни которых почти не отличались от крестьянского, см.: *Бобровский П.О.* Указ. соч. С. 777; *Корева А.* Виленская губерния. СПб., 1864. С. 372–373.

[56] Цит. по: *Тальвирская З.Я.* Указ. соч. С. 204.

[57] О судьбах ссыльных поляков в Сибири см.: *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002.

от Царства Польского, прежде всего, в Правобережной Украине)[58]. Последующие за ним репрессии существенно изменили положение шляхты. Правительство жестоко карало польское дворянство за неповиновение и активное участие в восстании. Именно их в первую очередь лишали прав состояния и высылали вглубь Российской империи[59]. В западных губерниях началась настойчивая и агрессивная политика русификации и «православизации», намеченная уже в николаевскую эпоху. Велось наступление даже на польский язык, которым было запрещено пользоваться в официальной переписке и в общественных местах. В 1864–1869 гг. в западных губерниях было запрещено издание любой литературы на польском языке[60]. Всё дворянство Западного края оказалось разделённым на две части: неблагонадёжные в политическом отношении (все польские дворяне) и опора самодержавия (русские и остзейские помещики).

Наиболее жёсткие законы военного времени, продержавшиеся довольно долго и после подавления восстания, были введены в Северо-Западном крае генерал-губернатором М.Н. Муравьёвым, который предлагал придерживаться двух основных направлений: «никакого примирения с поляками» и «поляка надобно смирить страхом и копейкой»[61]. Основной целью муравьёвского законодательства являлось удержание местного дворянства от помощи повстанцам. Все жители мужского пола, за исключением крестьян, не имели права удаляться от места своего жительства дальше, чем на 30 вёрст, без разрешения начальства[62]. Дворяне не имели права собираться вместе по несколько человек, даже на семейные торжества. На имущество высланных административным путём, до их возвращения, налагался секвестр[63], а имущество осуждённых по суду конфисковывалось. Дворяне-помещики, как католики, так и православные[64] были обязаны выплачивать особый контрибуционный сбор – 10% (затем – 6%) дохода[65]. Одной из задач этих сборов было разорение местных помещиков и продажа ими своих имений дворянам из великорусских губерний[66].

---

[58] *Миско М.В.* Польское восстание 1863 года. М., 1962; *Марахов Г.И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967; *Зайцев В.М.* Указ. соч.

[59] Так, в западных губерниях среди наказанных по приговорам полевых судов дворяне-помещики и ксёндзы составили 63 %, хотя среди всего населения края их доля была не более 5 % (см.: *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 25).

[60] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 49–50, 89–90.

[61] Там же. С. 30.

[62] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 38. № 39540.

[63] Там же. № 39377.

[64] В июле 1863 г. Западный комитет снизил контрибуционный сбор для русских православных помещиков до 2,5 %, а весной 1864 г. – полностью освободил их от контрибуции (см.: *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 41).

[65] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 25–26.

[66] Контрибуционный сбор был отменён только в 1897 г., однако лояльные царскому режиму польские помещики были освобождены от него намного раньше (см.: *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 110; *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 69–71).

10 декабря 1865 г. Александр II утвердил закон, разработанный киевским генерал-губернатором А.П. Безаком, по которому всем высланным из западных губерний предложено в течение двух лет продать или обменять свои имения на условиях, приемлемых для них. Кроме того, «впредь до окончательного устройства Западного края посредством достаточного усиления в оном числа русских землевладельцев» лицам польского происхождения запрещается приобретать имения иначе как по наследству[67]. Полякам также запрещалось брать в аренду, в управление или в залог имения, их лишали кредита и т.д. Начиная с этого времени губернаторы Западного края посвящали значительную часть своих ежегодных отчетов успехам вынужденных переходов польского имущества в руки русских покупателей. Российские власти придавали этому делу характер национальной миссии и стремились, во что бы то ни стало «располячить» западные губернии[68].

Некоторые польские дворяне, стремясь обойти новые законы, переходили в православие (как известно российские власти смешивали вероисповедание с национальностью, считая всех православных западных губерний — русскими, а католиков — поляками). Властям пришлось внести уточнения, признав русскими только потомков перешедшего в православие и только при условии, что эти потомки «усвоят русскую национальность» и окончательно откажутся от польского языка[69]. Тем не менее, многим полякам удавалось обойти эти законы, как с помощью взяток русским чиновникам, так и в силу стремления властей поощрить наиболее лояльных представителей шляхты.

Политика вытеснения польского землевладения и насаждения русских помещиков в Западном крае привела к определённым правительственным «успехам». Если до 1863 г. землевладение в западных губерниях было в основном польское (в Виленской губернии на 95%, в Минской — на 94%, в Киевской — на 82%), то к концу XIX в. лишь в Виленской и Ковенской губерниях польское землевладение было высоким и составляло 73 и 75% от всех частных владений[70]. Все эти изменения хорошо прослеживаются по количеству потомственного дворянства Западного края (ведь подавляющее число местного дворянства было польским): в 1858 г. в девяти западных

[67] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 40. № 42759.

[68] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 32—53; *Бовуа Д.* «Борьба за землю на Правобережной Украине с 1863 по 1914 год»: новая книга об украинско-польско-русских отношениях // Россия—Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М., 1997.

[69] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 34.

[70] В других губерниях польское и русское землевладение составляло: в Гродненской губернии — соответственно 53,8 и 40,8%, в Минской — 49,7 и 41%, в Витебской — 46,8 и 42,3%, в Волынской — 47,9 и 45,4%, в Могилёвской — 33 и 63%, в Подольской — 48,3 и 49,8%, в Киевской — русское землевладение составляло 59,3%, см.: *История СССР* с древнейших времён до наших дней: В 12 т. М., 1968. Т. 5. С. 71; *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 109.

губерниях их насчитывалось 377 627 человек, в 1863 г. — 402 695 человек, а в 1867 г. уже — 241 401 человек, в 1870 г. — 239 191 человек. Только в последнее десятилетие XIX в., в связи с ослаблением репрессивных мер по отношению к польской знати, количество потомственных дворян в Западном крае увеличилось и в 1897 г. составляло 407 918 человек[71].

Указом от 4 июля 1863 г. разбор дел о шляхте, претендующей на дворянство, был прекращён до подавления восстания. Началась разработка новых правил, ужесточающих получение дворянства для малоимущих претендентов, рассматриваемых властями как наиболее враждебная социальная сила. Согласно правилам 1864 г. копии документов, подтверждающие дворянское происхождение, не принимались, если они не подтверждались подлинниками, увеличивались расходы, связанные с поиском дворянства, теперь требовались справки о политической благонадёжности, заверенные губернатором и губернским предводителем дворянства. Документы следовало подавать на гербовой бумаге, заплатив пошлину в размере 10 рублей серебром за каждое лицо, ищуще дворянство. Более того, документы принимались на рассмотрение только после того, как шляхтич припишется к податному сословию[72]. Безусловно, новые правила фактически ставили перед неимущими шляхтичами непреодолимые преграды.

В Царстве Польском местная Герольдия была ликвидирована ещё в 1861 г. Её архив и дворянские книги были присоединены к архиву вновь образованного Государственного совета Царства Польского. Затем именным указом от 10 марта 1867 г. был упразднён и Государственный совет. С этого времени и вплоть до падения российской монархии рассмотрение и решение дел о дворянстве и почётных титулах было передано в департамент Герольдии Правительствующего Сената, то есть в Петербург[73].

В западных губерниях были приостановлены дворянские выборы, а в Царстве Польском, как уже упоминалось, корпоративной организации не было вовсе. Все выборные дворянские должности Западного края теперь замещались по распоряжению МВД и предпочтение отдавалось лицам непольского происхождения[74]. Вопрос о возобновлении дворянских выборов был поставлен только в 1905 г. Положением Западного комитета от 27 мая 1864 г. поляки устранялись от занятия всех государственных и общественных

[71] *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 40.

[72] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 39. № 41299.

[73] *Агафонова Е.* Архив Герольдии Царства Польского (история формирования и передачи Польской Республике по Рижскому договору 1921 года) // Генеалогический вестник. СПб., 2001. № 3.

[74] Тем не менее, уже в 1868 г. было разрешено назначать на выборные дворянские должности в случае отсутствия кандидатов из русских помещиков, польских дворян. В результате к 1883 г. поляки представляли половину всех уездных предводителей дворянства в Северо-Западном крае (см.: *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 110).

должностей, имеющих соприкосновение с народом[75]. Началось устранение поляков (католиков) из государственных учреждений и учебных заведений Западного края, их переводили во внутренние районы империи. При этом переводу подлежали и православные чиновники, но женатые на польках[76]. Одновременно в Западный край стали приглашать чиновников из внутренних губерний. Для того, чтобы привлечь сюда «коренных русских» чиновников, им увеличивали жалованье на 50%[77]. Понимая, что нельзя постоянно рассчитывать на перевод чиновников из внутренних районов России, власти западных губерний попытались создать систему их подготовки на местах. В то же время неофициально ограничивался приём детей польских дворян в средние учебные заведения[78]. Однако эта политика обернулось множеством проблем. С одной стороны, при массовой замене польских чиновников русскими в край приезжали главным образом те, которых легко отпускали с их прежних мест службы, ими не дорожили и рады были от них избавиться. Такие чиновники не только не принесли успеха делу укрепления позиций самодержавия в крае, но скорее повредили ему, дискредитировав российские власти вымогательством, присвоением чужого имущества, пьянством и прочими неблаговидными проступками. С другой стороны, польская дворянская молодёжь, не имея возможности учится в высших заведениях своего края (по причине их закрытия), отправлялась на учёбу в Петербург, Москву и другие университетские центры, где часто оказывались в гуще социалистических движений, становясь активными участниками выступлений против царизма[79].

Постепенно правительственное давление на польскую шляхту ослабевало. Это было связано как с изменившимся социально-политическим положением империи, подъёмом социалистических движений, так и с переменой отношения польских дворян, прежде всего, помещиков к российским властям. Россия становилась для польских помещиков, перестроивших свои хозяйства на капиталистический манер, в обширный рынок сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции. Кроме того, российские власти и польские помещики рассчитывали на взаимную поддержку в борьбе с революционными силами. В 1867 г. были прекращены все неоконченные дела по восстанию, всем высланным административным путём из Царства Польского и Западного края разрешалось поселиться в Царстве Польском (только здесь!), если местное начальство одобрит их поведение[80]. С начала

[75] *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 108; *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 26–27.

[76] *Самбук С.М.* Указ. соч С. 35–36.

[77] Там же. С. 47.

[78] Там же. С. 36–37, 49; *Тальвирская З.Я.* Указ. соч. С. 220–221.

[79] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 50–52; *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 49–51.

[80] *ПСЗ.* 2-е собрание. Т. 42. № 44601. Разрешение селиться только в Царстве Польском, как на территории населённой исключительно поляками, шло в русле русификаторской политики властей в Западном крае.

1870-х гг. правительство охладевает к делу укрепления позиций русского землевладения в западных губерниях, что требовало новых финансовых расходов и потерь. В 1876 г. в официальных актах подтверждалось равенство дворян Царства Польского русскому дворянству.

Возвращение к репрессивной политике наблюдалось в правление Александра III, который стремился не допустить мифический «польско-жидовский заговор». В западных губерниях были воскрешены циркуляры 1860-х гг., по которым началось увольнение государственных служащих-поляков и замена их на русских. К 1888 г. все предводители дворянства из польских землевладельцев Северо-Западного края заменены на русских дворян[81]. В 1888 г. император утвердил секретную инструкцию о службе инородцев в военном ведомстве. Из 94 параграфов этого документа 80 были целиком посвящены католикам. В инструкции подробно расписывались ограничения по приёму на службу в военные учреждения католиков – уроженцев Царства Польского, Западного края, а также лиц других исповеданий, женатых на католичках[82]. Существовали также процентные ограничения на службу поляков на железной дороге и в почтово-телеграфных учреждениях[83].

Кроме того, российские власти отложили на неопределённый срок открытие в Западном крае земств и новых судов. Царские чиновники всё ещё боялись, что положенное в основу избирательной системы имущественно-сословное (в земство) и имущественно-образовательное (в суды) начало приведёт к тому, что всеми делами в земствах и судах будут заправлять польские помещики и буржуазная интеллигенция из евреев и шляхты, как обладавшие необходимым имущественным и образовательным цензом[84].

Система негласных инструкций и связанная с ней политика национальной дискриминации сохранилась и в правление Николая II, определив особое положение польского дворянства в социально-правовой системе Российской империи. Согласно «Уставу о гражданской службе», при оформлении поляков на чиновничью службу требовалось предоставить не только документы о признании в дворянском достоинстве, но и свидетельство начальника губернии о том, что препятствий к определению конкретного лица на службу в империи нет (то есть поручительство о благонадёжности). Ситуация с польским дворянством ярко отражена в заключении Комитета министров в марте 1905 г.: «Между дворянским сословием этих (западных. – **А.С.**) губерний нет единения. Поляки держатся особняком и не сходятся с русскими дворянами. Причиною сего является, с одной стороны, отсутствие дворянских собраний, а с другой стороны, рознь увеличивается ограничением прав поляков, которым возбранён доступ на службу»[85].

---

[81] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 99–101.

[82] Полный текст этой инструкции был впервые опубликован в 1999 г. (см.: *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. Приложение №2. С. 224–237).

[83] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 66–67.

[84] *Самбук С.М.* Указ. соч. С. 76–77.

[85] Цит. по: *Карелин А.П.* Указ. соч. С. 110.

Характерно, что карательная политика в Царстве Польском и Западном крае неожиданно для российской администрации привела к большому росту польского населения в пределах пояса, окаймлявшего край с севера, востока и юга. Стремясь избежать тех ограничений, которые вводились для поляков на их родных землях, многие польские служащие и специалисты стали прибывать во внутренние губернии. Так, не имея возможности устроиться на судебные должности у себя на родине, поляки-выпускники юридических факультетов уходили в адвокатуру или различные казённые учреждения, не исключая канцелярии Сената[86]. В конце XIX – начале XX в. идёт значительный рост польского землевладения в Смоленской, Псковской, Черниговской, Екатеринославской, Бессарабской и других губерниях. Многочисленные потомки мелкопоместного дворянства, получая образование в русских учебных заведениях и, в большинстве своём, не теряя родного языка и культуры, занимали большое количество должностей в соседних с Западным краем губерниях, а также в губерниях, служивших местом ссылок и, конечно, в столицах. Часто занимая руководящие должности, они способствовали увеличению в своих учреждениях количества работников-поляков. Наиболее консервативные царские чиновники и военные били тревогу, опасаясь польского и католического влияния по всей России. Авторам правых изданий повсюду мерещились «маленькие царства польские»: в канцеляриях, столичных клубах, на заводах и железных дорогах[87].

Таким образом, несмотря на всевозможные притеснения со стороны имперских властей польское дворянство всё же сумело сохранить ряд своих особенностей и не раствориться в общероссийском дворянстве. При этом и количество польской шляхты всё ещё оставалось внушительным. Так, по данным Первой переписи населения 1897 г. 28,6% потомственного дворянства и 9,8% личного и чиновнического дворянства указало польский язык в качестве своего родного (это была вторая по численности группа дворянства после русского, составлявшего потомственного 52,6%, а личного и чиновнического – 81,1%). Заметим, что 1/3 польского дворянства проживала в Царстве Польском, а 2/3 – в Европейской России, в основном в Западном крае[88].

Во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи произошли серьёзные социально-экономические и политические изменения, отразившиеся и на положении польской шляхты. Подобно всему российскому дворянству, шляхта фактически перестаёт быть единым сословием,

---

[86] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 64сл.

[87] Там же.

[88] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1905. См. комментарии: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 136–139; *Он же.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 48–49.

превращается в конгломерат различных социальных групп, которые весьма существенно отличались друг от друга по своему положению и интересам. Постепенно распадалась шляхетская солидарность, бледнело значение гербов, сокращалось количество доходов и имущества. В обществе выдвигались представители других сословий. Сословная принадлежность играла всё меньшую роль в карьере. Преимущества от дворянства могли носить только косвенный характер: например, через семейное родство, приятельскую поддержку со стороны уже чего-то добившихся представителей одного сословия. Однако намного важнее было полученное образование, уровень знаний. Так, при приёме на службу на предприятия нового типа (железнодорожные, металлургические и т.д.) считались явно не с дворянским происхождением, а с квалификацией и образованием[89]. Желая вырваться из бедности, молодёжь из околичной и чиншевой шляхты всё чаще перемещалась в крупные города в надежде сделать карьеру, получить образование, стать самостоятельнее. Юноши стремились стать чиновниками, офицерами, врачами, учителями и т.д. Всё это во многом определило живучесть шляхетских традиций и шляхетской идеологии в средних слоях населения Царства Польского и Западного края.

Подводя итоги данной работы, следует отметить, что положение польской шляхты в социально-правовой системе Российской империи имеет ряд важных особенностей. Прежде всего, польская шляхта, сформировавшись в иных политических условиях долгое время не могла в неизменном виде влиться в состав российского дворянства. Этому мешала как многочисленность польской шляхты, её приверженность римско-католической церкви, так и особая система сословных ценностей и мифологем. Подгоняя польскую шляхту под общероссийские стандарты, российские власти как бы формировали её заново. Такая «подгонка» в большинстве случаев проходила очень не гладко. Наиболее драматично это отразилось в польских восстаниях и следующих за ними репрессиях, которые затрагивали многих представителей шляхты, изменяя их материальное положение, географию проживания, способ существования и сферы профессиональной занятости. Тем не менее, за более чем столетнее проживание в пределах Российской империи многие представители польской знати сумели войти в систему российской администрации, интегрироваться в общеимперское дворянство и оказать глубокое влияние на хозяйственную и культурную жизнь российских регионов, примером чему служат биографии потомков различных шляхетских родов, представленные в данном сборнике.

---

[89] *Ласькевичова Я.* Указ. соч. С. 116–117.

В. П. СОФЬИНА
г. Краснодар

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ
(из семейной истории Вадковских и Чернышёвых)

«Люди исчезают, но привязанность к ним остаётся вечной, и тем сильнее, чем отдалённее от нас действующие лица. Не доказывает ли это родственной связи человеческого рода, передаваемой из поколения в поколение?..»

Н. А. Бестужев[1]

Удивительным образом переплетены судьбы польского и русского народов на протяжении многих столетий. Выходцы из Польши играли важную роль в социально-экономическом, общественном и культурном развитии Российского государства. Подтверждение тому мы находим при изучении коллекции Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко.

В 1996 г. департаментом культуры Краснодарского края при финансовом содействии «Краснодарбанка» для музея были приобретены у частного владельца два портрета (мужской и женский) неизвестного автора конца XVIII в.

Экспертизой ГИМ было установлено авторство работ и личности портретируемых[2]. Портреты имеют черты, близкие авторскому стилю известного русского художника Ермолая Дементьевича Камеженкова (1760–1818), на них изображены Федор Фёдорович Вадковский (1764–1806) и его жена Екатерина Ивановна, урожденная графиня Чернышёва (1766–1830).

Знакомство с исторической, искусствоведческой и мемуарной литературой позволяет утверждать, что данные портреты дают богатейший материал

[1] Цит. по: *Бараев В.В.* Древо: декабристы и семейство Кандинских. М., 1991 С. 3.

[2] Экспертное заключение Государственного Исторического музея № 404–4/14 от 24.07.1996 г.

о семейных и дружеских связях Вадковских и Чернышёвых, о связях их близких и дальних родственников с представителями высшей знати, выдающимися деятелями культуры, литературы, искусства и науки России – А.С. Пушкиным и Н.Н. Пушкиной, Н.В. Гоголем, Л.Н. Толстым и С.А. Толстой, Н.М. Карамзиным, И.С. Тургеневым, К.А. Тимирязевым, К.Н. Батюшковым. Особый интерес представляют связи с декабристским движением и историей Кубани.

Предки Вадковских и Чернышёвых переселились в Россию из Польши. Вадковские ведут своё начало от Михаила Вадковского, прибывшего в 1622 г. из Магдебурга в Польшу, где он и был утверждён сеймом в дворянстве. Внук его, Иван Вадковский, в 1695 г. приехал в Россию, был принят на воинскую службу и во время царствования Петра Великого участвовал в военных действиях против шведов[3]. Его сын, Фёдор Иванович Вадковский (1712–1793), был сенатором, генерал-аншефом, участником многих походов. Фёдор Фёдорович Вадковский – внук Фёдора Ивановича, действительный тайный советник, игравший при дворе Екатерины II видную роль[4].

Много интересных документов о представителях родов Вадковских и Чернышёвых хранится в Государственном архиве Орловской области, где находились их имения. В частности, в протоколе Орловского дворянского депутатского собрания от 30 марта 1853 г. удостоверялось, что род Вадковских по доказательствам происхождения от древних благородных предков внесён в Высочайше утвержденный Гербовник дворянских родов, в первое отделение[5].

Чернышёвы были дворянами, графами и князьями. Родоначальником Чернышёвых был сын польского шляхтича Михаила Черницкого (по другим сведениям, Чернецкого), Иван Михайлович, выехавший в 1493 г. из Польши к великому князю Ивану III Васильевичу и, по вступлении в русскую службу, начавший писаться Чернышёвым. Он умер бездетным, продолжателем рода стал его племянник Илья Владимирович. Его потомки служили в стольниках, стряпчих, воеводах. Пётр Захарович Чернышёв в правление Софьи Алексеевны был полковником. Его сын, генерал-аншеф Григорий Петрович, в 1742 г. был возведён в графское Российской империи достоинство[6].

По версии самих Чернышёвых, представленной ими в геральдмейстерскую контору, их род происходил от знатного богемского семейства Чернецких, перебравшихся в Польшу. В 1534 г. один из них был пленён русскими и, поступив на службу к Ивану Грозному, стал Ильей Владимировичем Чернышёвым.

Долгое время обрусевшее семейство не отличалось ни особой знатностью,

---

[3] *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 5. С. 356.

[4] http://kolibry.astroguru.com/01030906/htm. Вадковские.

[5] *ГАОрлО.* Ф. 68. Оп.1. Д. 30. Л. 27–28.

[6] http://kolibry.astroguru.com/01240191/htm. Чернышёвы.

ни богатством. Так было до конца XVII столетия, до уже упоминавшегося ранее Григория Петровича Чернышёва (1672–1745). Его жизненный путь во многом характерен для петровской эпохи. В 1710 г. по желанию царя Г.П. Чернышёв женился на одной из богатейших невест России Авдотье Ивановне Ржевской. Выгодный брак значительно укрепил его положение и заложил основу будущих родовых богатств. Важным шагом на этом пути явилась покупка у наследников украинского гетмана П.Д. Дорошенко ярополецкой вотчины в 1717 г. Г.П. Чернышёв стал обладателем огромного владения, насчитывающего 14 деревень с центром в селе Ярополч (разделенном пополам с соседями). С этого времени и до 1917 г. усадьба Ярополец тесно связана с семейством Чернышёвых.

У четы Чернышёвых было четверо сыновей и столько же дочерей. Наиболее известны среди них братья Пётр, Захар и Иван. Именно Иван Григорьевич стал отцом изображенной на портрете Екатерины Ивановны Вадковской.

Один из наиболее видных деятелей екатерининского царствования Захар Григорьевич Чернышёв (1722–1784) унаследовал ярополецкое имение. Именно при нём сформировался ансамбль усадьбы, поражавший современников импозантностью, подлинной дворцовостью. Недаром этот ансамбль называли «русским Версалем»[7]. Не имевший детей Захар оставил учреждённый им майорат брату Ивану. По всей видимости, по заказу И.Г. Чернышёва была выполнена скульптурная галерея, украшавшая главный зал дворца в Ярополце. Так называемый Голубой, или Гербовый, зал был декорирован полуколоннами, а в простенках размещались мраморные медальоны скульптурного цикла, выполненные Ж.-Д. Рашеттом. В медальоны в обрамлении гирлянд были вмонтированы профильные барельефы братьев Захара, Петра и Ивана Чернышёвых, их отца Г.П. Чернышева, а также супруги Ивана – Анны Александровны Исленьевой (1740–1794), и их сына Григория Ивановича Чернышёва (1762–1831). В этом же зале стояли мраморные бюсты братьев Чернышёвых, ныне находящиеся в Государственной Третьяковской галерее[8].

История имения в Ярополце заслуживает отдельного исследования. Село Ярополец славилось не только усадьбой Чернышёвых, но и расположенной по соседству усадьбой Гончаровых, известной в литературе как «Ярополец Гончаровых». Именно этой близостью и объясняются тесные дружеские и родственные связи семей Чернышёвых, Гончаровых и Пушкиных[9].

Во время Великой Отечественной войны Ярополец Чернышёвых сильно пострадал: выгорели интерьеры дворца, были уничтожены парковые сооружения. В огне погиб Голубой зал. Известно, что в усадьбе велись

---

[7] *Памятники Отечества.* 1985. № 1. С. 98–99.

[8] *Дворянские гнёзда России.* История, культура, архитектура / Под ред. М.В. Нашокиной. М., 2000. С. 197.

[9] *Памятники Отечества.* 1985. № 1. С. 98.

реставрационные работы. В настоящее время в селе действует Музей-филиал Волоколамского историко-архитектурного музея[10].

Семейство Чернышёвых оставило заметный след в России и, особенно, в Москве. Губернаторами Москвы были Г.П. Чернышёв, З.Г. Чернышёв, зять П.Г. Чернышёва – И.П. Салтыков, сын Н.П. Голицыной (урожденной Чернышёвой) – Д.В. Голицын.

И.Г. Чернышёв был одним из основателей первого в России и одного из старейших научных обществ в мире – «Императорского Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», созданного в 1765 г. в Петербурге при содействии Екатерины II[11].

Чернышёвы и Вадковские оказались теснейшим образом связанными с движением декабристов и А.С. Пушкиным.

В январе 1827 г. А.С. Пушкин передал с уезжавшей в Сибирь к мужу-декабристу Никите Михайловичу Муравьёву, Александрой Григорьевной Муравьёвой (урожденной Чернышёвой) стихотворение «Во глубине сибирских руд» и послание И.И. Пущину «Мой первый друг, мой друг бесценный»[12]. А.Г. Муравьёва – четвероюродная сестра великого поэта, племянница Екатерины Ивановны Вадковской, дочь её родного брата Григория Ивановича Чернышёва и Елизаветы Петровны Квашниной-Самариной (1773–1828).

История семьи Г.И. Чернышёва поражает примерами высокой нравственной чистоты, причастности к важнейшим событиям истории Отечества, а также подлинной трагичности. Е.И. Вадковская, конечно, глубоко сочувствовала брату, в самые тяжкие для их семей годы. У Григория Ивановича и Елизаветы Петровны Чернышёвых было 7 детей: сын Захар Григорьевич (1797–1862) – декабрист, член Северного общества и петербургской ячейки Южного общества, и дочери – Александра Григорьевна, в замужестве Муравьёва (1804–1832), Вера Григорьевна, в замужестве Пален (1808–1880), Елизавета Григорьевна, в замужестве Черткова (1805–1858), Надежда Григорьевна, в замужестве Долгорукова (1813–1853/1854), Наталья Григорьевна, в замужестве Муравьёва-Карская (1806–1884/1888), Софья Григорьевна, в замужестве Чернышёва-Кругликова (1799–1847).

Вот как вспоминал их родственник М.Д. Бутурлин о лете 1825 г.: «Семейство это, любимое и уважаемое в обеих столицах и в провинции, отживало тогда бессознательно последние свои мирные дни. Громовой удар поразил четыре месяца после нашего отъезда из Тагина трёх членов этого семейства»[13]. Аресты З.Г. Чернышёва и мужа Александры Н.М. Муравьёва происходили в Тагине – имении Чернышёвых в Орловской губернии. И аресты, и обыски производились на глазах родителей. Елизавету Петровну разбил паралич,

---

[10] *Музеи России:* Справочник. М., 1993. Ч. 3. С. 213.

[11] *Российская музейная энциклопедия.* М., 2001. Т. 1. С. 117.

[12] *Пушкинская энциклопедия.1799–1999.* М., 1999. С. 402–403.

[13] *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 48.

реставрационные работы. В настоящее время в селе действует Музей-филиал Волоколамского историко-архитектурного музея[10].

Семейство Чернышёвых оставило заметный след в России и, особенно, в Москве. Губернаторами Москвы были Г.П. Чернышёв, З.Г. Чернышёв, зять П.Г. Чернышёва – И.П. Салтыков, сын Н.П. Голицыной (урожденной Чернышёвой) – Д.В. Голицын.

И.Г. Чернышёв был одним из основателей первого в России и одного из старейших научных обществ в мире – «Императорского Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», созданного в 1765 г. в Петербурге при содействии Екатерины II[11].

Чернышёвы и Вадковские оказались теснейшим образом связанными с движением декабристов и А.С. Пушкиным.

В январе 1827 г. А.С. Пушкин передал с уезжавшей в Сибирь к мужу-декабристу Никите Михайловичу Муравьёву, Александрой Григорьевной Муравьёвой (урожденной Чернышёвой) стихотворение «Во глубине сибирских руд» и послание И.И. Пущину «Мой первый друг, мой друг бесценный»[12]. А.Г. Муравьёва – четвероюродная сестра великого поэта, племянница Екатерины Ивановны Вадковской, дочь её родного брата Григория Ивановича Чернышёва и Елизаветы Петровны Квашниной-Самариной (1773–1828).

История семьи Г.И. Чернышёва поражает примерами высокой нравственной чистоты, причастности к важнейшим событиям истории Отечества, а также подлинной трагичности. Е.И. Вадковская, конечно, глубоко сочувствовала брату, в самые тяжкие для их семей годы. У Григория Ивановича и Елизаветы Петровны Чернышёвых было 7 детей: сын Захар Григорьевич (1797–1862) – декабрист, член Северного общества и петербургской ячейки Южного общества, и дочери – Александра Григорьевна, в замужестве Муравьёва (1804–1832), Вера Григорьевна, в замужестве Пален (1808–1880), Елизавета Григорьевна, в замужестве Черткова (1805–1858), Надежда Григорьевна, в замужестве Долгорукова (1813–1853/1854), Наталья Григорьевна, в замужестве Муравьёва-Карская (1806–1884/1888), Софья Григорьевна, в замужестве Чернышёва-Кругликова (1799–1847).

Вот как вспоминал их родственник М.Д. Бутурлин о лете 1825 г.: «Семейство это, любимое и уважаемое в обеих столицах и в провинции, отживало тогда бессознательно последние свои мирные дни. Громовой удар поразил четыре месяца после нашего отъезда из Тагина трёх членов этого семейства»[13]. Аресты З.Г. Чернышёва и мужа Александры Н.М. Муравьёва происходили в Тагине – имении Чернышёвых в Орловской губернии. И аресты, и обыски производились на глазах родителей. Елизавету Петровну разбил паралич,

---

[10] *Музеи России:* Справочник. М., 1993. Ч. 3. С. 213.

[11] *Российская музейная энциклопедия.* М., 2001. Т. 1. С. 117.

[12] *Пушкинская энциклопедия.1799–1999.* М., 1999. С. 402–403.

[13] *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 48.

отнялись обе ноги, правая рука и поначалу речь. Александра решилась следовать за мужем в Сибирь, сёстры во всём её поддерживали, хотя она и оставляла детей, мать, дни которой были сочтены, и отца, бесцельно и безучастно бродившего по дому. По словам поэта П.А. Вяземского, после подавления восстания 1825 г. семейство Г.И. Чернышёва оказалось в гуще событий и «представлялось святынею несчастья»[14]. Чернышёвых объединяла крепкая любовь друг к другу, общие привязанности и интересы.

Кстати, Захар Григорьевич Чернышёв своё последнее земное пристанище вместе с женой нашёл в Риме на некатолическом кладбище «Тастаччо», этом «русском некрополе», где похоронены художник Карл Брюллов, поэт Вячеслав Иванов, дочь Л.Н. Толстого – Татьяна Толстая-Сухотина, представители знатных аристократических родов – Гагарины, Голицыны, Волконские, Юсуповы, Строгановы, Трубецкие, Оболенские, Шереметевы[15].

Останки З.Г. Чернышёва в 1962 г. были перенесены в общую могилу, о чём имеется запись в учетной карточке кладбища. Могила его жены Е.А Чернышёвой, урождённой Тепловой (1819–1878) сохранилась до наших дней.

В ГИМе хранится уникальная реликвия Чертковых – семейный фотоальбом. Среди фотографий этого альбома – несколько портретов З.Г. Чернышёва. Один из них, сделанный перед отъездом в Италию в 1856 г., Захар Григорьевич подарил сестре – Е.Г. Чертковой. В последние годы он был окружён почтительным вниманием со стороны родственников и общества. Близких поражало в эти годы его настроение, полное глубокой грусти. Вряд ли больной, много переживший человек надеялся вернуться в Россию. Очевидно, он сознавал, что подарок, преподнесённый сестре Елизавете, – прощальный. Это последнее прижизненное изображение З.Г. Чернышёва[16]. Захар Григорьевич скончался через несколько лет в Италии. Посмертный снимок его также имеется в фотоальбоме[17].

Продолжая тему декабристов, следует отметить, что из семи детей Екатерины Ивановны и Фёдора Фёдоровича Вадковских двое также были декабристами – сыновья Фёдор и Александр.

Более известен Фёдор Фёдорович Вадковский (1800–1844) – член Северного общества декабристов и один из основателей петербургского филиала Южного общества, поэт, мемуарист. Ещё летом 1824 г. за ставшие известными правительству насмешки над царской семьёй и текст не дошедшей до нас политической песни он был удалён из гвардии и переведён в стоявший в Курске конно-егерский полк прапорщиком.

Фёдор Фёдорович принадлежал к левому флангу декабристской организации и был деятельным её членом. Он принял в общество девять новых членов,

---

[14] *Декабристы и их время* / Труды Государственного Исторического музея. М., 1995 С. 166

[15] *Il Cimitero acattolico di Roma.* Roma, 1998.

[16] *Декабристы и их время...* С. 281.

[17] Там же. С. 218.

в том числе своего младшего брата Александра. Среди принятых был и провокатор И. Шервуд. Из-за доноса провокатора Ф.Ф. Вадковский был арестован в Курске ранее товарищей (13, а по другим данным 11 декабря 1825 г.)[18]. Осуждён по 1-му разряду на пожизненную каторгу (впоследствии срок был сокращён до 13 лет). После заключения в трёх крепостях был привезён в Нерчинские рудники. В Сибири Фёдор Фёдорович сблизился с А.Н. Сутгофом, И.И. Пущиным, В.К. Кюхельбекером, Е.П. Оболенским.

Ф.Ф. Вадковский был разносторонне одарённым человеком. Способный математик, виртуозный скрипач, один из организаторов декабристской артели, поэт, музыкант. Читал лекции по астрономии. Им положено на музыку стихотворение А.И. Одоевского «Славянские девы», ставшее популярной декабристской песней. В среде ссыльных были широко известны его сатирическая песня (на французском языке) «Наш следственный комитет в 1825 году», стихотворения «Желания», «Песня». Его очерк «Белая церковь» – важнейший источник по истории восстания Черниговского полка.

По окончании срока Фёдору Фёдоровичу было разрешено поселиться в селе Оек Иркутского округа, где он и умер от чахотки в январе 1844 г. (могила его не сохранилась).

Одно время осуждённые декабристы были преданы забвению. В некоторых источниках даже было указано, например, что у Г.И. Чернышёва не было сыновей, поэтому майорат – имение Ярополец – перешёл к его дочери Софье. Хотя на самом деле это случилось потому, что его единственный сын-декабрист Захар был осужден.

Смерть Фёдора Вадковского тяжело переживалась его друзьями. Известен факт, что при отпевании умершего Фёдора Фёдоровича скончался А.П. Юшневский[19]. И, хотя место захоронения не сохранилось, но ещё предстоит выяснить, не его ли имя увековечено в названии переулка Вадковского[20] в Москве?

Интересно отметить, что имя брата Фёдора – декабриста Александра Вадковского (родился около 1801 г. – дата смерти неизвестна) тесно связано с историей Кубани. С 1823 г. он стал членом Южного общества. Был арестован 31 декабря 1825 г. в местечке Белая Церковь. После содержания в Петропавловской крепости переведён в Моздокский гарнизон, а оттуда – в Таманский гарнизонный полк (штурмовал Анапу). При взятии Анапы отличился. За примерное усердие в службе представлен к отпуску для устройства родительского имения (в связи со смертью матери). Отпуск получил в январе 1830 г. сроком на два месяца в Орловскую и Тамбовскую губернии под тайный бдительный надзор[21]. В том же, 1830 г., Александр Фёдорович

---

[18] *Русские писатели. 1800–1917:* Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 386.

[19] *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 296.

[20] *Улицы Москвы.* М., 1969. С. 54.

[21] *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года.* Краснодар, 1997. С. 79.

был уволен из-за болезни со службы с учреждением строгого секретного надзора по месту жительства (имение Гавриловка Кирсановского уезда Тамбовской губернии). В ноябре 1837 г. ему был разрешён въезд в столицы с сохранением надзора.

Любопытен факт, что в семье Вадковских был ещё один сын Александр (подпоручик). Это было в традициях того времени: «В осьмнадцатом веке был крепко усвоен обычай: двух братьев называть одинаковыми именами»[22].

О сыновьях Вадковских Павле и Иване сведений обнаружено очень мало. Известно, что Павел был камер-юнкером, жил в Елецком уезде Орловской губернии. Иван был полковником, жена его Елизавета была тётушкой декабриста Д.А. Молчанова[23].

В Государственном архиве Орловской области имеется дело о разделе имения полковника Ивана Вадковского и вдовы его брата Павла. В деле есть запись о том, что в 1824 г. камер-юнкер Двора Его Императорского Величества Павел Фёдорович Вадковский женился на дочери действительного статского советника Семёна Алексеевича Викулина, девице Настасье Семёновне. В мае 1829 г. Павел умер в Санкт-Петербурге, детей у него не было. Единственными наследниками родового имения остались его братья и вдова. Однако ещё до свадьбы Павел продал имение тестю Викулину. Из-за этого впоследствии и возникло судебное разбирательство между его вдовой и братьями[24].

В архиве также хранятся документы о жене Елизавете Александровне и потомках Ивана Вадковского: сыне Фёдоре Ивановиче Вадковском (родился в 1824 г.), внуке Василии Фёдоровиче Вадковском (родился в 1852 г.), дочери Екатерине Ивановне, в замужестве Дохтуровой[25]. Интересно было бы проследить судьбу потомков Вадковских на территории современной Орловской области.

Таким образом, Екатерину Ивановну и Фёдора Фёдоровича Вадковских можно вполне обоснованно отнести к поколению «отцов декабристов». Кроме сыновей Фёдора и Александра, декабристами были брат мужа их дочери Екатерины — Сергей Иванович Кривцов (кстати, также осуждённый и служивший рядовым на Кубани, живший одно время в Екатеринодаре)[26], уже упоминаемые племянник Захар Григорьевич Чернышёв, муж племянницы Александры Григорьевны — Никита Михайлович Муравьёв, племянники, братья-декабристы Александр и Алексей Плещеевы, сыновья сестры Екатерины Ивановны — Анны Ивановны и Александра Алексеевича Плещеева.

Перед этим поколением, которое вступало в сознательную жизнь в начале последней трети XVIII в., стояли острые и необычайно сложные проблемы.

---

[22] *Глумов А.Н.* Судьба Плещеевых. М.,1982. С. 258.

[23] *Декабристы:* Биографический справочник. М.,1988. С. 35, 115.

[24] *ГАОрлО.* Ф.31. Оп. 1. Д. 953. Л. 2–3.

[25] Там же. Ф. 68. Оп.1. Д. 30. Л. 27–28.

[26] *Энциклопедический словарь по истории Кубани...* С. 255.

Во многом они ошибались, порой теряли веру в разум, прогресс, погружались в отчаяние, мистику. Но лучшие из них упорно искали истину.

Если сравнивать это поколение с предыдущим, то можно отметить его более широкую образованность, любовь к чтению, театру, осведомленность в европейских делах, интерес к культуре других стран и народов, любовь к путешествиям. Пробуждался интерес к народной культуре и традициям, вера в просвещённый Разум сменялась культом Чувства. На этой почве в литературе и искусстве расцветал сентиментализм и зарождались предромантические веяния. Именно это поколение поставило вопросы о патриотизме истинном и ложном, о подлинном благородстве, о долге и чести и т. д. Не случайно живописцы и скульпторы XVIII в. наибольших достижений добились в жанре портрета, отразившем глубокий внутренний мир современников.

По воле судьбы Ф.Ф. Вадковский, сестра его жены Анна Ивановна Плещеева не дожили до декабря 1825 г. Но, вероятно, тем тяжелее было принять участь детей-декабристов Екатерине Ивановне Вадковской, вдовцу её сестры Александру Алексеевичу Плещееву, её брату Григорию Ивановичу Чернышёву и жене его Елизавете Петровне.

Кстати, известен портрет графа Г.И. Чернышёва работы Э. Виже-Лебрен (1793 г., Государственный Эрмитаж). Григорий Иванович был знатоком французской литературы, писал комедии и стихи, занимал видное положение в тайной аристократической масонской организации «Капитул Феникса». Друг дома Чернышёвых П.А. Вяземский отмечал «тонкий ум и здравый смысл» Григория Ивановича[27].

Чтобы завершить тему декабристского движения и перейти к знакомству Чернышёвых и Вадковских с А.С. Пушкиным, отметим, что поэт общался со знаменитой Натальей Петровной Чернышёвой (в замужестве Голицыной, 1741–1837), фрейлиной «при пяти императорах», ставшей прототипом графини в пушкинской «Пиковой даме». Наталья Петровна была дочерью Петра Григорьевича Чернышёва, то есть двоюродной сестрой Екатерины Ивановны Вадковской и четвероюродной сестрой бабушки А.С. Пушкина. Она прожила долгую жизнь, видела шестерых правителей России, была в числе немногих русских, находившихся в Париже в 1789–1790 гг. в период французской революции[28]. Благодаря опубликованным письмам Н.П. Голицыной к дочери удалось установить даты жизни Е.И. Вадковской (1766–1830)[29]. Однако в этой же публикации указана другая дата рождения Ф.Ф. Вадковского – 1756 г.

А.С. Пушкин был знаком с семьёй сестры Е.И. Вадковской – Анны Ивановны Плещеевой, бывал у них в имении, ныне село Большая Чернь Болховского района Орловской области[30]. К сожалению, это имение

---

[27] *Ободовская И.М., Дементьев М.А.* Пушкин в Ярополце. М.,1982. С. 71–72.

[28] *Мир музея.* 1994. № 3. С 38–39, 50–51; *Пушкинская энциклопедия* С. 250.

[29] *Письма Пиковой дамы* // Наше наследие. 1999. № 50–51. С. 97.

[30] *Болховские были.* Историко-литературный альманах. Орёл, 1994. С. 53.

практически не сохранилось. Знакомым поэта был муж дочери Плещеевых Марии – Руфин Иванович Дорохов (1801–1852). По словам М.И. Пущина, Пушкин находил «тьму грации в Дорохове и много прелести в его товариществе»[31]. Дорохов стал прототипом Долохова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Петербургскими знакомыми поэта были Софья Фёдоровна Вадковская, в замужестве Тимирязева (1799–1875) – дочь Е.И. и Ф.Ф. Вадковских, и её муж Иван Семёнович Тимирязев (1790–1867) – дядя естествоиспытателя К.А. Тимирязева. По словам их сына Фёдора Ивановича Тимирязева, Пушкин «часто забегал к его родителям и оставался, когда мог, обедать»[32].

Поэт был знаком и с семьёй второй дочери Вадковских – Екатерины Фёдоровны Кривцовой (умерла в 1861 г.), муж которой Николай Иванович Кривцов (1791–1843) – брат декабриста С.И. Кривцова. Дочь Кривцовых Софья впоследствии стала женой этнографа Помпея Николаевича Батюшкова (младшего брата поэта Константина Николаевича Батюшкова)[33]. Именно в письме к Н.И. Кривцову от 10.02.1831 г. Пушкин размышлял о женитьбе: «Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться»[34]. Сохранились пушкинские рисунки Н.И. Кривцова[35]. Личность Николая Ивановича была одновременно и привлекательной, и очень сложной, противоречивой. Современники отмечали его ум, образованность, светские манеры, честные правила по службе, вольтерианство, но и беспокойство характера, нездоровые сексуальные наклонности. Поэтому брак Екатерины Фёдоровны Вадковской скорее можно отнести к неудачным, чем к удачным. О.М. Салтыкова (в замужестве Дельвиг) в письме к подруге в 1833 г. писала о Е.Ф. Кривцовой: «...особа 36–38 лет, прекрасно знающая свет, в котором она постоянно жила, добрая, хотя несколько странная по некоторым аффектированным манерам, сохраненным ею с молодых лет, которые ей можно простить, так как она была очень красива...»[36].

Дальними родственниками поэта по линии Ржевских были члены уже упомянутой семьи брата Екатерины Ивановны Чернышёвой – Григория Ивановича Чернышёва. С одной из дочерей Григория Ивановича связана история романтической влюбленности брата Натальи Николаевны Гончаровой – Дмитрия. Эта тема часто упоминается в переписке Гончаровых и Пушкиных. Вот строки из письма А.С. Пушкина жене от 26 августа 1833 г.: «Теперь, жёнка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевым. Он как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышёву по портрету,

---

[31] *Пушкинская энциклопедия...* С. 462–463.

[32] Там же. С. 554.

[33] Там же. С. 349.

[34] *Ободовская И.М., Дементьев М.А.* Указ. соч. С. 54.

[35] *Жуйкова Р.Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 207.

[36] *Модзалевский Б.Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 334–335.

услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил в Ярополец в надежде её увидеть, и в самом деле ему удалось застать её в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет он из Заводов, что он без памяти от прелестной и божественной графини, что он ночи не спит...»[37].

Кто же эта «прелестная и божественная графиня»? Оказывается, это одна из племянниц Е.И. Вадковской — Надежда Григорьевна Чернышёва. Однако на свои предложения Дмитрий Николаевич Гончаров два раза получил решительный отказ. В 1838 г. (по другим данным, в 1836 г.) Надежда Григорьевна вышла замуж за князя Григория Алексеевича Долгорукова (1811—1856). Дальний родственник семьи М.Д. Бутурлин оставил нам описание внешности Надежды Григорьевны: «Тип её был чисто цыганский при величавом росте... Роста была мужского, смуглая, как цыганка, и с сильным киноварным румянцем во всю щёку до самых ушей, с выразительными тёмными глазами... брови были густы и горизонтальны, а волосы тёмные»[38].

Московским знакомым А.С. Пушкина был муж Елизаветы Григорьевны Чернышёвой (сестры Надежды Григорьевны) Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858) — историк, археолог, нумизмат, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель Чертковской библиотеки. Он подарил А.С. Пушкину свою книгу «Воспоминания о Сицилии»[39].

Знакомым А.С. Пушкина по Одессе и Петербургу был граф Фёдор Петрович, по другим данным — Павлович, Пален (1780—1863) и его жена Вера Григорьевна, урожденная Чернышёва (1808—1880) — ещё одна из сестёр Чернышёвых. 12 ноября 1833 г. Н.Н. Пушкина писала брату Дмитрию: «мы ограничились с графиней Пален двумя визитами и с тех пор встречаемся иногда в свете, но большой близости между нами ещё не установилось. Мы не в деревне, чтобы это так легко делалось, тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу общества, а главное — имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы...»[40].

Пушкин встречался с мужем ещё одной из сестёр Чернышёвых — Натальи Григорьевны (1806—1884/1888) — Николаем Николаевичем Муравьёвым-Карским (1794—1866), участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., русско-иранской 1826—1828 гг. и русско-турецкой 1828—1829 гг. войн, впоследствии наместником Кавказа и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом.

Кстати, удивительные девические портреты сестер Чернышёвых создал художник Маньяни, служивший в 1810-х гг. учителем рисования у Чернышёвых[41].

Сохранились воспоминания о чтении А.С. Пушкиным в присутствии Захара Чернышёва некоторых сцен из Шекспира на английском языке.

---

[37] *Горбачева Н.Б.* Прекрасная Натали. М.,1997. С. 155.

[38] *Телетова Н.К.* Указ. соч. С. 55.

[39] *Последний год жизни Пушкина.* М., 1990. С. 144.

[40] *Горбачева Н.Б.* Указ. соч. С. 166.

[41] *Принцева Г.А.* Декабристы в изобразительном искусстве. Из собрания Эрмитажа. Л., 1975. С. 62—63.

Чернышёв, отметив неправильное произношение поэта, нашел его перевод «совершенно правильным и понимание языка безукоризненным»[42].

По сведениям предыдущего владельца, портреты Е.И. и Ф.Ф. Вадковских одно время находились в имении Л.Н. Толстого Ясная Поляна. Что же связывает семьи Толстого и Вадковского?

Известно, что мать Е.И. Вадковской была из рода Исленьевых. Анна Александровна Исленьева была второй женой Ивана Григорьевича Чернышёва. В Государственном Эрмитаже хранится портрет А.А. Чернышёвой работы итальянского живописца С. Торелли (1760-е гг.). Также из рода Исленьевых происходила мать жены Л.Н. Толстого – С.А. Толстой, урождённой Берс, – Любовь Александровна Берс (1826–1886). Отец Любови Александровны – Александр Михайлович Исленьев (1794–1882) был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813 г., он был известен как жестокий крепостник, человек энергичный, страстный, карточный игрок, проигрывавший и выигрывавший целые состояния. Его дети, в том числе мать С.А. Толстой, были незаконно прижиты от княгини Козловской, урождённой Софьи Петровны Завадовской (1795–1829) и поэтому носили вымышленную фамилию Иславиных[43].

Кстати, известны портреты прабабушки С.А. Толстой – Веры Николаевны Завадовской. Один из них хранится в фондах Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко и принадлежит кисти В.Л. Боровиковского (В.Л. Боровиковский «Портрет графини Завадовской», холст, масло, 66 х 53)[44].

Для дальнейшего изучения темы представляют огромный интерес материалы Государственного архива Орловской области, собрания отдела письменных источников ГИМ, пятитомного дореволюционного издания «Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание Великого князя Николая Михайловича Романова» и другие. Например, в ГИМе в материалах Ф.Ф. Вадковского хранится дневник путешествия по России 1787–1788 гг. на французском языке его матери Е.И. Вадковской[45].

Таким образом, изучение связанных с портретами Е.И. и Ф.Ф. Вадковских исторических событий подтверждает тезис о тесных родственных и дружеских связях выходцев из Польши – семей Вадковских и Чернышёвых, с видными деятелями государства, культуры и искусства, литературы России, их активном участии в общественной жизни, разностороннюю одаренность.

Автор выражает искреннюю признательность руководству и сотрудникам Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко, Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, а также лично В.Д. Петелину, И.И. Ващенко и С.А. Софьиной за помощь в поиске печатных и сетевых источников по данной теме.

---

[42] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л.,1988. С. 486.

[43] *Раевский В.А.* Предки и потомки Пушкина и Толстого. Краснодар,1999. С. 176–181.

[44] *Краснодарский краевой художественный музей имени А.В. Луначарского.* Путеводитель М., 1977. С. 21–22.

[45] *170 лет спустя* Декабристские чтения 1995 года. М., 1996. С. 186.

В. К. ЧУМАЧЕНКО
г. Краснодар

ПОЛЬСКАЯ ТЕМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ СИМОНА ПЕТЛЮРЫ КУБАНСКОГО ПЕРИОДА

Перед украинской интеллигенцией конца XIX – начала XX в. стояла проблема выработки адекватного отношения к двум этнически родственным народам – к «ляхам» и «москалям», вместе с которыми пройдены значительные отрезки исторического пути по дороге к долгожданной независимости.

Так случилось, что польским вопросом будущий лидер украинской державы С.В. Петлюра впервые заинтересовался на Кубани, где начиналась его журналистская и педагогическая деятельность. Конкретным проявлением этого интереса стала малоизвестная сегодня архивная публикация в журнале «Украина» (реформированная «Киевская старина») – «Секретні циркуляри правительства на Кубані». Прежде чем рассказать о самой статье, остановимся на обстоятельствах, предшествовавших и способствовавших её появлению.

У российского читателя, благодаря усилиям советской пропаганды, сложилось превратное представление о С.В. Петлюре, выдающемся украинском государственном деятеле. В угоду партийной идеологии искажались его биография, политические взгляды, место в истории. Попытаемся отчасти переломить эту тенденцию хотя бы на Кубани, где прошли молодые годы Симона Васильевича Петлюры, формировалась его личность.

Родился С.В. Петлюра в Полтаве 10 мая 1879 г. в семье извозчика. В их доме часто вспоминали о казацких корнях. В 13 лет Симон убежал в школу и за два года закончил её, став одним из лучших выпускников. Семья была небогатой, потому продолжать образование пришлось не в гимназии, а в семинарии. К началу бурного XX столетия Симон был красивым молодым человеком, хорошо поющим и играющим на скрипке – типичный носитель нарождающегося украинского менталитета.

Молодая кровь требовала решительных поступков. В 1901 г., по предложению Петлюры, члены семинаристской громады разучили кантату М.В. Лысенко «Бьют пороги», и когда композитор прибыл с гастролями в Полтаву, пригласили его на своё заседание. Микола Витальевич горячо откликнулся

на приглашение молодёжи. Взволнованный Симон произнёс приветственное слово, прозвучала кантата, и вечер можно было бы посчитать удавшимся, если бы в разгар беседы не появился ректор семинарии протоиерей И.Х. Пичета, набросившийся на Лысенко с грубыми нападками, обвиняя его в разложении юношества. В защиту композитора выступил Петлюра, заявив обидчику, что Лысенко – их почётный гость, и они не позволят его оскорблять. Расплатой за благородный поступок стало первое исключение из семинарии.

Выброшенный за ворота, Симон остаётся в родном городе, по-прежнему много общается с семинаристами, выезжает в окрестные сёла, охваченные крестьянскими волнениями. Летом 1901 г. он участвует в проходившем в Полтаве Всеукраинском студенческом съезде. Очевидно в начале учебного года его восстанавливают в семинарии. Вновь общественная работа, участие в «Украинской Громаде», готовившей новые акции протеста. Очередное брожение умов закончилось массовым исключением из семинарии весной 1902 г. её воспитанников, потребовавших отмены системы шпионажа и надзора, увольнения бездарных преподавателей и изменения программ и методов обучения (в том числе – введения украиноведческих предметов). Вслед за семинаристами был уволен и ректор, допустивший «возмутительную смуту».

Около десяти изгоев откликнулись на приглашение видного кубанского общественного деятеля С.И. Эрастова перебраться на Кубань. При помощи инспектора народных школ Кубани А. Левитского и известного общественного деятеля В.В. Скидана все они получили места станичных учителей: Ф. Капельгородский и С. Стришинский – в селе Успенском, М. Огородный – в селе Вольном и т.д. Эта разветвлённая сеть радикально настроенной молодёжи становится костяком Черноморской Громады – кубанского отделения Революционной украинской партии, во главе которой встали организатор кооперативного движения С.И. Эрастов, писатель Г.В. Доброскок, педагог И.Т. Ротарь и другие.

По пути на Кубань Петлюра сделал довольно солидный крюк, завернув во Львов – центр тогдашней украинской культуры. Поступить в университет не удалось, зато завязались связи с «Літературно-науковим вісником». С таким, пока ещё скромным багажом, приехал он в столицу новых запорожцев. Ехал далеко от родного дома, а попал всё равно, что «домой», так как полтавчане издавна составляли основную массу кубанских переселенцев, полтавский диалект определял характерные черты «кубанской мовы», да и называли Кубань в украинской прессе той поры не иначе, как «козацькой Україной».

Как явствует из документов жандармерии, С. Петлюра прибыл в Екатеринодар во второй половине августа 1902 г. В сентябре он уже работал учителем в пятом Екатеринодарском городском начальном училище. Педагогическая деятельность продолжалась недолго. 3 декабря после продолжительного обыска С. Петлюра был арестован и отпущен до суда под надзор полиции лишь 18 февраля 1903 г. В документах, отражающих революционное

крещение неугомонного полтавчанина, находим самое первое свидетельство о его интересе к польско-украинским отношениям. Это до сих пор неопубликованный автограф Симона Васильевича, датированный 5 декабря 1902 г. Открещиваясь от арестованного вместе с ним Г.Е. Ткаченко, он показал на допросе следующее: «Мои симпатии, интересы и идеалы лежали в школе. Обязанный исключительно своим образованием отцу, я ставил своей задачей поддержать его на старости лет, воспитать на свой счёт старшего брата в высшем сельскохозяйственном институте и самому получить высшее образование. Никогда я не занимался преступной деятельностью пропаганды, ибо всецело поглощён был своими научными занятиями. По поступлении в университет хотел исключительно заняться вопросом польско-русских отношений, в связи с этим меня также интересовали современные галицко-польские отношения, поскольку они выражались в вопрос об основании русского университета во Львове. Я имел намерение писать статью по этому вопросу, для этого я собирал материалы по русским источникам (газетам и журналам): в этих целях я написал письмо в редакцию "Літературно-наукового вісника", издающегося во Львове научным обществом имени Шевченко, письмо, в котором просил выслать мне ту книжку этого журнала, в какой будет помещена статья по этому вопросу, но редакция этого журнала почему-то не прислала мне просимой мною подходящей книжки журнала, а вместо этого выслала мне 2 № журнала "Гасло", в котором, действительно, были помещены между прочим статьи по этому вопросу. Таким образом, мотивы и причины присутствия у меня этого журнала имели исключительно научный интерес. Никогда я и никому не давал для каких бы то ни было целей этих №№ журнала, да и вообще делом пропаганды я не занимался, считая её преступлением и противной моим убеждениям. В дорогом деле для меня, именно, деле учительства, я тоже ни одного слова, ни одного действия противозаконного не проявлял. В том, что есть за мною преступного (присутствие некоторых научных книг на польском и малорусском языках) я искренне раскаиваюсь и прошу помилования, дабы иметь возможность своею деятельностью загладить мое преступление, состоящее в том лишь, что я принял на хранение, благодаря некоторой халатности и небрежности, преступные вещи»[1]. Отбросим в сторону словесные ухищрения, призванные обмануть тюремщиков. В остатке всё равно остаётся несомненный интерес к заявленной теме. Как увидим далее, на Кубани его удалось реализовать лишь отчасти.

Оставшись без работы (его уволили на другой день после ареста), Симон Васильевич упорно искал себе применения. Знакомые черноморцы пытались хлопотать перед начальством о возвращении молодого учителя на место, если не в Екатеринодаре, то хотя бы в одну из станиц области. Он даже съездил в Смоленскую, где учительствовал тогда знаменитый кубанский

---

[1] *ГАКК*. Ф. 583. Оп. 3. Д. 32. Л. 124–124об.

украинофил К.А. Безкровный. Но арест, кажется, стал непреодолимой преградой в его педагогической карьере. Не помогло даже заступничество Ф.А. Щербины, который в это время приступал к написанию многотомной «Истории Кубанского казачьего войска». Тогда учёному и пришла в голову идея пригласить Петлюру на работу в своё бюро для разбора архивных материалов[2]. Юноша очень обрадовался такому повороту дела. Его внимание давно привлекали продолговатые здания в войсковой крепости, битком набитые историческими материалами. Он немедленно включился в работу и, по отзывам товарищей, «весь залез в пачки старинных бумаг». Во вступлении к первому тому «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. Щербина высоко оценивает вклад Петлюры в уникальный труд[3]. Но даже в своих воспоминаниях Фёдор Андреевич ничего не говорит о самостоятельных работах молодого историка и журналиста, основанных на добытых в местном архиве материалах. А между тем их было немало, в том числе есть публикация и на интересующую нас тему под названием «Секретные циркуляры правительства на Кубани». Эта работа, опубликованная в 1907 г., была написана на основе архивных материалов, извлечённых в пору работы в Кубанском войсковом архиве[4].

Это, конечно, ещё ученическое по своему характеру сочинение. Крохотное вступление написано на украинском языке. В нём пока не затрагиваются никакие серьёзные проблемы, нет обобщений и выводов. Далее полностью приводятся тексты трёх документов: 1) предписание исправляющего должность начальника Кавказской области барона Таубе от 28 ноября 1834 г. о пресечении распространения книг аббата де-ла Менне, изданных польскими мятежниками, 2) распоряжение Кавказского наместника о бдительном надзоре за всеми проезжающими иностранцами по случаю революции в Европе (1848 г.), 3) предупреждение наказного атамана сыскному начальнику Екатеринодарского отдела от 20 июня 1843 г. о засылке к некрасовцам агитатора Раевского, эмиссара парижской группы заговорщиков, возглавляемой Чарторыским.

Мы не знаем, когда именно была написана статья. Наверняка можно утверждать, что материал для неё собран на Кубани. А опубликована она через три года после того, как автор покинул наши края. Осенью 1904 г. Петлюра эмигрирует во Львов, где представляет Черноморскую Громаду на втором партийном съезде, переименовавшем РУП в УСДРП. В 1905–1917 гг. Симон Васильевич сотрудничает в различных левых и либеральных изданиях («Рада», «Слово», «Вільна Україна», «Украинская жизнь»). Мало примечательна в это время его приватная жизнь: технический секретарь газеты «Рада» (Львов), служащий частного транспортного агентства (Петербург),

---

[2] *Щербина Ф.* С. Петлюра на Кубані // Збірник пам'яти Симона Петлюри. Прага, 1930. С.190.

[3] Он же. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. V.

[4] *Петлюра С.* Секретні циркуляри правительства на Кубані // Україна. 1907. Кн. 6. С. 347–350.

бухгалтер крупного промышленного предприятия (Москва). Стремительный и до сих пор ставящий исследователей в тупик взлёт Петлюры начался в 1917 г. В мае на первом войсковом съезде украинцев, созванном Центральной радой, его избирают в войсковой генеральный комитет, который он фактически возглавил. Последующий калейдоскоп званий и должностей таков: первый генеральный секретарь военных дел в правительстве Центральной рады, организатор Гайдамацкого коша Слободской Украины, глава всеукраинского союза земств, один из организаторов восстания против гетмана П. Скоропадского, Глава Директории. Последняя должность соответствует президентской. Это событие произошло 11 февраля 1919 г.

В эти суровые годы Петлюра вспоминает о северном соседе как естественном союзнике на пути экспорта российской революции в Украину и Европу. Попытки установить более тесные контакты относятся к декабрю 1918 г., вскоре после возрождения независимого польского государства под руководством Ю. Пилсудского. Он выступает за прекращение польско-украинского конфликта, тлевшего в Западной Украине, посылает в Варшаву войсковые и дипломатические миссии, принимает у себя для координации действий представителя польского генерального штаба Я. Заглобу-Мазуркевича. Вся эта дипломатическая активность увенчалась договором от 24 мая 1919 г., который, с одной стороны, означал для Украины потерю части её национальной территории, а с другой — приобретение военного союзника перед лицом более опасного врага — Деникина, отрицавшего саму идею украинской самостийности.

21 апреля 1920 г. Украина подписывает союзный договор с Польшей. Когда Красная Армии перешла в наступление, украинские войска заняли оборону на Днестре, что позволило полякам перейти в контрнаступление под Варшавой. В октябре 1920 г. закончилась советско-польская война, а в ноябре украинская армия была интернирована в Польше. Петлюра и его правительство обосновались в Тарнове, где жить пришлось под чужим именем, так как советская Россия требовала его выдачи. Потом он переехал в Варшаву, а оттуда в начале 1924 г. — в Женеву. Осенью того же года окончательно обосновался в Париже, где фактически возглавил украинское правительство в изгнании. Здесь им был основан еженедельник «Тризуб», выходивший вплоть до начала Второй мировой войны. Время от времени публиковались в нём и вести с Кубани, новости казачьей эмигрантской жизни, обсуждались проблемы польско-украинских отношений.

Не такой долгой, как у журнала, была жизнь самого Петлюры. 25 мая 1926 г. он был убит на перекрёстке парижской улицы Расин и бульвара Сен-Мишель советским агентом Самуилом Шварцбардом. На суде убийца заявил, что совершил эту акцию из мести за еврейские погромы на Украине в годы Гражданской войны. Прокурор не смог доказать ни одного факта причастности пострадавшего к действительно имевшим место на Украине в годы Гражданской войны погромам. Однако суд присяжных убийцу полностью оправдал.

С. В. ТЕЛЕПЕНЬ
г. Гомель – г. Мозырь

ПОЛЯКИ В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО ИЛИ АНТИРУССКАЯ ИНТРИГА?

Белорусская национальная культура как понятие существует не очень давно. Чего не скажешь о её этнографической составляющей. Последняя нашла разработку ещё в XIX в. в качестве источника аргументов польских и русских деятелей в их споре, чьей провинцией считать Северо-Западный край. Однако модная в позапрошлом столетии этнографическая аргументация, по сей день туманящая сознание многих из научной среды, едва ли тогда (а, тем более, сейчас) может помочь установить истину в упомянутом споре.

Поскольку в Новое время было принято увязывать национальную выделенность с языковыми процессами, то из всего необъятного содержания культуры мы возьмём по преимуществу лишь литературу, а из последней – только ту часть, которая характеризует эпоху становления национальной идентичности восточноевропейских народов, то есть литературу XIX в.

Любой, кто впервые приступает к изучению истории белорусской литературы, особенно, если он это делает непредвзято, а именно, не очень увлекаясь толкованиями штатных белорусских педагогов, обращает внимание на деталь: здесь очень много польских имён, сплошь шляхта да католики. Разумеется, это не простое совпадение. Прежде всего, сразу же бросается в глаза зависимость активизации «беларускамовного» литературного процесса с периодом после провала очередной шляхетской авантюры – участия в нашествии Наполеона на Россию, восстаний 1830 и 1863 гг. Разумеется, в Восточной Европе, например в Венгрии или в России, в XIX в. литераторами по большей части также были представители привилегированных сословий, единственно кто здесь имел достаточное образование. Однако в Белоруссии в указанном столетии дворянство, помещики – это почти исключительно поляки. Вот, как характеризует настроения в этой среде

в те годы, когда зарождалась новая (после Средних веков) белорусская литература, митрополит полоцкий Иосиф в своем письме, написанном в 1832 г.: «Помещики, поляки-католики, и многочисленное, богатое, преобладающее римское духовенство, составляют в сих странах всю силу и общественное мнение – от их произвола почти совершенно зависят униатский народ с его пастырями, и они в местных обстоятельствах имеют тысячи средств успешно противодействовать мерам правительства, и не преминут ими воспользоваться»[1].

Относительно унии. Ее последствия имеют прямое отношение к особому месту польско-католического шляхетского элемента в белорусской культуре. Уния, являвшаяся средством католической экспансии, при попустительстве царских властей (до 1830 г.) продолжала укореняться в Северо-Западном крае. Современник, выходец из местных крестьян пишет: «Содействуя базилианскому (униатскому. – **С.Т.**) и католическому духовенству к скорейшему распространению унии, помещики, пользуясь крепостным правом, заставляли крестьян помимо их воли целыми семьями переходить в унию». Причём «от униатов требовалось, чтобы они постоянно употребляли польский язык дома и в обществе, а также читали сочинения польских писателей и проч.»[2].

К чему вело просвещение, находившееся в руках базилиан и контролировавших их деятельность иезуитов, пишет сам представитель польской аристократии А. Чацкий: «Я бросил взгляд на Белоруссию. Жители, воспитанные ими (иезуитами. – **С.Т.**), и глупее и деморализованнее жителей наших провинций»[3].

Неудачи восстания 1830 г. и ликвидация унии 1839 г. резко сократили возможности польской языковой экспансии посредством сферы образования. Последним прибежищем становится литература «для народа». Чтобы рассмотреть процесс её развития, достаточно обратиться к последним минским изданиям университетских учебников по истории белорусской литературы XIX в. При всём нежелании открыто признавать очевидный факт авторы всё же вынуждены признаться: «Во многих отношениях новая белорусская литература в своём развитии обязана передовым силам польского национально-освободительного движения»[4], а также: «Польская и ополяченная белорусская шляхта не проявляла особой заботы о судьбе белорусской культуры и литературы в XVIII в., когда белорусские земли находились в составе Речи Посполитой. Эта проблема в то время её не волновала. Когда

---

[1] *Уния в документах.* Минск, 1997. С. 446.

[2] Там же. С.435, 437.

[3] Цит. по: *Потросов А.Э.* Влияние межконфессиональных противоречий на становление православно-религиозного воспитания в школах Беларуси (конец XVIII – начало XIX столетия) // Адукацыя і выхаванне. 2002. №4. С. 75.

[4] *Лойка А.А.* Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд: У 2 ч. Мінск, 1989. Ч. 1. С. 51.

же Белоруссия оказалась под властью России, в самосознании шляхты и заговорило чувство местного, регионального патриотизма, которое становилось тем острее, чем более возрастала угроза утраты прежнего положения хозяина на белорусской земле»[5].

И в самом деле, среди полутора десятка основных имён авторов, творчество которых подробно рассматривается в этих изданиях, и ещё приблизительно сорока менее известных до 90-х гг. XIX в. почти нет не шляхтичей. А если и встречаются в качестве исключения выходцы из низов, то это все католики, получившие начальное образования при костёлах в приходских школах или в тех школах, которые полулегально устраивали местные помещики в своих имениях. Причём воспитание велось в духе антисамодержавном, что в контексте региональной ситуации означало антирусизм. Не удивительно, что «попытки польских помещиков открывать тайные школы для обучения детей белорусских крестьян польскому языку и катехизису беспощадно пресекались властями»[6].

Основным мотивом сочинений, в основном поэтических, белорусско-польских («большая часть белорусских писателей XIX в. писала и на польском, и на белорусском»[7]) писателей стала тема борьбы с «маскалями», с «царом». Мы не имеем сейчас возможности рассматривать подробно творчество этих авторов. Однако и здесь обращает на себя внимание диспропорция в жалобах, как бы исходящих от самих крестьян (большинство белорусско-польских поэтов пользовались нарочито крестьянскими псевдонимами), между жалобами на «нядолю», исходящую от царских чиновников и оную же обусловленную панским гнётом. О последней стенаний гораздо меньше, что странно для региона, известного крепостничеством.

Разумеется, неграмотность большинства местного населения препятствовала эффективному распространению белорусской литературы XIX в., сплошь «революционно-демократической» и «национально-освободительной» (исключительно от «маскалей»). Однако зёрна были посеяны, процесс запущен. Антирусский запал определён, чтобы затем спустя десятилетия советской власти возродиться в современной «Рэспублике Беларусь». Естественное сопротивление феодального класса Польши своим конкурентам из числа феодалов России стало питательной средой для коллаборантов и мародеров от культуры, выходцев уже из собственно западнорусской (белорусской) среды. В этом плоды польского культуртрегерства в Белоруссии, объективно обернувшегося антирусской интригой.

---

[5] *Гісторыя беларускай літаратуры. XIX — пачатак XX ст.* 2-е выд., дапрац. Мінск, 1998. С. 8.

[6] *Потросов А.Э., Телепень С.В.* Православное образование и политико-языковые аспекты просвещения в Белоруссии 30–60-х гг. XIX в. // Проблемы всеобщей истории. Армавир. 2000. Вып. 6. С. 62.

[7] *Запрудник Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Мінск, 1996. С. 67.

В. Я. СЕЛИВАНОВСКАЯ
г. Оренбург

БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ. ПОЛЬСКАЯ АРМИЯ ВЛАДИСЛАВА АНДЕРСА: ОТ БУЗУЛУКА ДО МОНТЕ-КАССИНО

Воссоздание истории Войска Польского под командованием генерала Владислава Андерса началось ещё в годы Второй мировой войны и продолжалось на протяжении всех послевоенных лет, прежде всего, усилиями польской эмиграции. С 1960-х гг. стали появляться труды историков ПНР, совместные советско-польские публикации, в которых этой проблеме уделялось большое внимание. Интерес к теме ещё более усилился в 1980-х – начале 1990-х гг., когда цензура в Польше ослабла, а затем и вовсе исчезла, и появилась возможность ликвидировать многие белые пятна истории. В России в 1994 г. в серии «Русский архив: Великая Отечественная» вышел в свет том 14 «СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы», первый раздел которого посвящён истории создания польской армии на территории СССР. В этом издании были впервые опубликованы протоколы советско-польской смешанной комиссии по формированию частей и соединений этой армии, документы Государственного комитета обороны (ГКО), доклады в ГКО уполномоченного Генерального штаба Красной Армии по формированию польской армии на территории СССР и другие. И хотя исследователями сделано уже немало, история создания польской армии на территории СССР пока ещё не изучена с необходимой полнотой. Это объясняется тем, что долгие годы архивные документы, относящиеся к советско-польским отношениям, были в СССР закрыты для исследователей. Те же немногие, кто получил допуск к части закрытых фондов, прежде всего В.С. Парсаданова, были связаны путами официальной версии этих отношений. Кроме того, в советской историографии тема освещалась изолированно от истории пребывания в плену польских военнослужащих, что также приводило к искажённой трактовке причин, побудивших польское правительство вывести Армию Андерса в Иран. Но

главное — до сих пор не изучены с должной полнотой фонды российских архивов, связанные с данной проблематикой.

22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР. Началась Великая Отечественная война. 23 июня премьер-министр польского эмигрантского правительства генерал Владислав Сикорский в выступлении по радио обратился к советскому правительству с предложением установить сотрудничество в борьбе против гитлеровской Германии. А 30 июля 1941 г. в Лондоне в здании британского министерства иностранных дел посол СССР И.М. Майский и В. Сикорский подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики. В пункте 4 соглашения говорилось о согласии правительства СССР создать на своей территории польскую армию под командованием, назначенным польским правительством. Соглашение стало началом создания польской армии в СССР, первоначально её численность определялась в 30 тысяч человек.

4 августа 1941 г. из тюрьмы на Лубянке был освобождён генерал Владислав Андерс. 14 августа он был назначен польским правительством главнокомандующим польскими войсками на территории СССР.

Местом дислокации польских частей были определены: район города Бузулука (штаб армии), посёлок Колтубановский (запасной полк), Татищево (5-я дивизия), село Тоцкое (6-я дивизия). 9 сентября командование отбыло к местам расквартирования польских войск.

Из всех областей Советского Союза в Бузулук стали прибывать бывшие польские граждане: поодиночке, группами и семьями Прибывали освобождённые польские военнопленные, амнистированные из числа эвакуировавшихся, получившие право на службу в польской армии, а также лица, призванные в Красную Армию с территории Западной Украины и Белоруссии. Все они были охвачены необыкновенным подъёмом и готовностью сражаться за родную Польшу.

Во исполнение польско-советского договора — 12 августа 1941 г. была объявлена амнистия всем польским гражданам, находящимся на территории СССР.

«Положение польских граждан изменилось до неузнаваемости... Опьяненные и ошеломленные свободой, они бежали, спешили, проявляли почти чудеса предприимчивости и находчивости в добывании мест в купе, а иногда захватывали целиком не только купе, но и вагоны. Люди устремлялись в места, о которых было известно, что там формируются польские части — Бузулук, Тоцкое, Татищево...

Первый наплыв людей в количестве 20 тысяч человек начался сразу же после прибытия призывных комиссий в лагеря военнопленных. В основном это были солдаты, полноценные, обученные, относительно молодых возрастов. Уже примерно 25 августа транспорты с ними направлялись в лагеря будущих формирований польских частей. Эти солдаты не имели обмундирования и плохо питались»[1].

---

[1] *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1991. С. 105–106, 109–111.

Сложнее было с зимним обмундированием и вооружением. До получения обмундирования из Англии стала поступать одежда из запасов Красной Армии: стёганки, ватные брюки, старые мундиры (литовские, латышские, венгерские, финские, американские). Вооружение получила только одна – 5-я дивизия.

9 сентября 1941 г. командование польской армией отбыло к местам формирования – Бузулук, Тоцкое (Чкаловская область), Татищево (Саратовская область). В Бузулуке разместился штаб армии.

По воспоминаниям жительницы г. Бузулука Э.С. Маевской, к началу Великой Отечественной войны Бузулук был тихим, уютным провинциальным городом, где все друг друга знали в лицо. Военных поляков разместили в казармах (улица 1 Мая, дом 1), а также на частных квартирах в центре города и в единственной в городе гостинице по улице имени Горького, дом 48. Для штаба армии руководство города выделило красивое белоснежное здание с колоннами у парадного входа на пересечении улиц 1 Мая и Красноармейской. Совсем рядом, через квартал, на улице Чапаевской разместился штаб, эвакуированного из Подольска в Бузулук Отдела архивов Народного Комиссариата обороны.

Прибывшие в Тоцкое были плохо одеты, в лагерных фуфайках, многие с опухшими ногами и изможденными лицами, страдали дистрофией, заболеваниями сердца и печени. Многие умерли от гепатита (желтухи), не успев принять военную присягу. Здесь, в Тоцком, предполагалось сформировать 6-ю пехотную дивизию. Штаб дивизии разместили в деревянном бараке, а солдат – в палатках. Для строительства землянок нужен был лес, а он находился далеко – в 90 километров от лагеря. Польский военный лагерь был рядом с селом. Это давало возможность польским военным покупать у сельских жителей молоко и овощи.

Генерал Андерс неоднократно обращался к советскому руководству с просьбой разместить дивизию в лесном массиве посёлка Колтубановский, где лес был рядом и облегчал строительство землянок, чтобы перезимовать в лучших условиях. Ведь морозы зимой 1941–1942 гг. в этих местах достигали 42-45 градусов по Цельсию. Но поляки получили разрешение разместить в Колтубановке только запасной полк. Здесь солдаты польской армии строили землянки на гарях (выгоревший лес) в Широковском лесничестве, на 7-м и 14-м километрах. Воинский лагерь поляков находился рядом (их разделяла лишь колючая проволока) со снайперской школой и офицерским полком советских воинов, прибывших сюда из госпиталей. Вступать в контакты с поляками им не разрешалось.

В первый месяц своего пребывания здесь поляки жаловались на скудное питание, часто выпрашивали у местных жителей отходы от овощей. Но даже в этих суровых условиях они радовались полученной свободе и не забывали о Боге. Среди сосен ими была построена часовенка, и в свободное время каждый воин имел возможность очистить свою душу перед Богом.

Вскоре из Англии стало поступать продовольствие (масло, мясная тушёнка, шоколад, калорийные сухарики, перепелиные яйца и пр.) и военное обмундирование. Подлеченных, окрепших, одетых в военную форму отправляли в Бузулук. Среди них были и женщины — связистки, жёны польских офицеров, расстрелянных в 1939 г. в Беловежской пуще.

12 сентября 1941 г. в Бузулук прибыл главнокомандующий Польской Армии в СССР Владислав Андерс, а 14 сентября он начал инспектирование запасного полка в Колтубановке, который принимал мобилизованных и добровольцев, затем 6-ю дивизию в Тоцком и 5-ю в Татищево. Своей поездкой по местам расквартирования армии генерал Андерс остался доволен.

Между тем советское правительство провело финансирование мероприятий, связанных с формированием польской армии. Оно предоставило польской стороне кредит в 300 миллионов рублей. Беспроцентный заём в размере 100 миллионов рублей был предоставлен на расходы, связанные с оказанием денежной помощи польским гражданам на территории СССР, 15 миллионов рублей было выделено для безвозвратных пособий офицерскому составу польского войска[2].

Формируя армию, В. Андерс испытывал недостаток офицерских кадров. Он обнаружил, что 8 тысяч офицеров, находившихся в советских лагерях, пропали без вести. По этому поводу командующий польской армией обращался к И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому, но получал весьма уклончивые ответы.

Только в конце 1941 г. группа офицеров в количестве 400 человек, освобожденная из лагеря Грязовец под Вологдой, прибыла в распоряжение генерала В. Андерса[3].

3 декабря 1941 г. в Кремле состоялся разговор генерала Сикорского со Сталиным при участии генерала Андерса и наркома Молотова. Вот соответствующая часть протокола:

Генерал Сикорский: «...заверяю вас, господин президент, что ваше распоряжение об амнистии не выполняется. Многие, притом самые ценные наши люди ещё находятся в трудовых лагерях и тюрьмах».

Сталин (делая заметки): «Этого не может быть, амнистия касалась всех, и все поляки освобождены». (Последние слова он адресует Молотову. Молотов подтверждает их).

Генерал Андерс: (по требованию генерала Сикорского приводит подробности): «Это не соответствует действительному положению вещей. У меня в армии есть люди, которых освободили только несколько недель назад и которые заявляют, что в отдельных лагерях остались ещё сотни и даже тысячи наших соотечественников».

Генерал Сикорский: «Это не наше дело — представлять советскому

---

[2] *Шишков И.И.* В борьбе с фашизмом. М., 1984. С. 42.

[3] *Эхо планеты.* 1990. № 6. С. 18.

правительству точные списки наших людей, полные списки есть у начальников лагерей. У меня с собой список около четырёх тысяч офицеров, которых вывезли насильно и которые в настоящее время ещё находятся в тюрьмах и трудовых лагерях, но даже этот список не полон, так как содержит только фамилии, которые удалось восстановить по памяти. Я распорядился проверить, нет ли их в Польше, с которой, у нас постоянная связь. Оказалось, что ни там, ни в лагерях военнопленных на территории Германии нет никого из них. Эти люди находятся здесь. Никто из них не вернулся».

Сталин: «Этого не может быть. Они бежали».

Генерал Андерс: «Куда же они могли бежать?»

Сталин: «Ну, в Манчжурию».

Генерал Андерс: «Не может быть, чтобы всем удалось бежать... Большинство офицеров, упомянутых в списках, известны мне лично. Среди них – мои штабные офицеры и командиры».

Сталин: «Наверняка их освободили, просто они ещё не прибыли».

Генерал Сикорский: «Россия велика, и трудности тоже велики. Возможно, местные власти не выполнили приказ. Если бы кто-то выбрался за пределы России, он наверняка доложил бы мне».

Сталин: «Знайте, что у советского правительства нет ни малейшего повода задерживать хоть одного поляка».

Молотов: «Быть того не может, чтобы в лагерях находились ваши люди».

Генерал Андерс: «Однако мы с абсолютной достоверностью установили, что они там есть...»

Сталин: «С этим разберутся. Будут даны специальные указания исполнительным органам, однако следует понимать, что мы ведём войну».

Этот разговор ещё больше укрепил польскую сторону в убеждении, что пропавшие офицеры живы и их содержат в трудовых лагерях[4].

Уполномоченным генерала Андерса по розыску пропавших на территории СССР польских офицеров был назначен ротмистр Юзеф Чапский. В своих письмах в январе 1942 г. к генералу НКВД Георгию Сергеевичу Жукову в Куйбышев и в Москву генерал Андерс писал, до какой степени бесплодные поиски пропавших военнопленных затрудняют организацию армии, как сильно морально угнетают и его самого, и его сотрудников.

Нигде конкретного ответа на поставленный вопрос ротмистр Чапский не получил. Ни в беседе с генералом ГУЛАГа Наседкиным (г. Чкалов), ни на Лубянке.

30 ноября 1941 г. начался визит премьера В. Сикорского в СССР. Его приезд с нетерпением ожидали в штабе и воинских частях польской армии

Бузулукчанка Мария Самарцева рассказывала, с каким вниманием и трогательной любовью готовились к встрече Владислава Сикорского воины

---

[4] *Катынское преступление в свете документов* // Новая Польша. 2000. №3. С. 9–10.

запасного полка, дислоцированного в Колтубанке. В ту зиму 1941 г. она (работник лесхоза) часто посещала эти места. Вся снежная дорога к посёлку была утрамбована и по обе её стороны в образовавшиеся сугробы были воткнуты сосновые ветки, образовав таким образом, красивую сосновую аллею по всему пути следования.

Поляки упросили лесничего Петрова на время встречи отдать в их распоряжение свой кабинет, который украсили большим цветным портретом В. Сикорского и национальным флагом Второй Речи Посполитой.

Бузулук также был расцвечен польскими национальными флагами: их вывесили на здании вокзала, штаба, на домах, где проживали польские офицеры. Приезд генерала Сикорского стал радостным событием для всего города.

Поезд с В. Сикорским и сопровождавшими его лицами прибыл на станцию Бузулук ранним утром 11 декабря 1941 г. Их встречали генерал Андерс, офицеры штаба, эскадрон почётного караула и бузулукчане. Возле штаба армии прибывших встречала большая толпа, играл оркестр. Сикорский выделялся среди встречающих своей выправкой и высоким ростом. В честь его приезда в штабе состоялся торжественный вечер с концертом.

Из Бузулука В. Сикорский направился в Тоцкое, где находилась 6-я дивизия польской армии, а оттуда – в Татищево. В обоих лагерях Сикорский присутствовал на военных парадах частей и религиозных церемониях, устраивал приёмы, произносил патриотические и союзнические речи. Поездка длилась семь дней и последним её этапом стал Саратов. 16 декабря 1941 г. саратовские власти дали в честь польского премьера банкет, а затем генерал вместе с сопровождающими лицами смотрел спектакль МХАТа «Три сестры». Утром 17 декабря, торжественно провожаемый почетным караулом войск саратовского гарнизона, В. Сикорский вылетел в Баку для дальнейшего следования в Тегеран и Каир. А уже в январе 1942 г. формирующиеся польские дивизии начали перебрасываться по железной дороге из района Бузулука и Татищева в Среднюю Азию и Северный Казахстан. В результате польская армия оказалась в областях с неблагоприятными климатическими условиями, где отсутствовали военные лагеря и не было условий для расквартирования войск. Генерал Андерс в качестве главной причины вывода польской армии из СССР выдвигал отсутствие у советской стороны возможности вооружить сразу всю польскую армию. Он надеялся, что это могут сделать только англичане...

В начале марта командование армией получило от генерала Хрулёва телеграмму, извещавшую о снижении нормы продовольственных пайков на двадцать шесть тысяч. Это казалось каким-то недоразумением. В. Андерс обратился телеграммой по этому вопросу к Сталину. Вскоре он был вызван в Москву. На совещании в Кремле 18 марта 1942 г. Андерс внёс предложение о выводе армии из СССР в Иран, если не всей, то хотя бы части. В конечном счёте, предложение Андерса о частичной эвакуации армии, приняли.

Кроме того, сильное давление на советское правительство оказывал премьер-министр Великобритании У. Черчилль, добиваясь согласия на эвакуацию армии В. Андерса на Ближний Восток. В связи с активными действиями немцев и итальянцев под объединенным командованием генерала-фельдмаршала Эрвина Роммеля в Северной Африке, англичане испытывали серьёзные затруднения на Ближнем Востоке.

К этому времени польская армия в СССР состояла из 96 тысяч солдат и офицеров. Густав Герлинг-Грудзинский в своей книге «Иной мир», вспоминая это время, писал: «Десятая дивизия, почти полностью состоявшая из освобожденных в последнюю очередь, а значит, самых больных и истощённых зэков, первой была эвакуирована из России в Персию. 26 марта наш полк (10-й полк лёгкой артиллерии) перевели товарным поездом через Джамбул—Арысь—Ташкент—Джизак—Самарканд—Бухару—Чарджоу—Ашхабад до Красноводска на берегу Каспийского моря, 30 марта погрузили на два парохода "Армали оглы" и "Туркменистан", 2 апреля я уже спал на песчаном пляже в Пахлеви, за пределами страны»[5].

Всего в первый этап была эвакуировано 31 тысяча солдат и офицеров, вместе с ними 12 тысяч семей военнослужащих.

31 августа начался второй этап вывода польской армии из СССР. Кораблями Каспийской военной флотилии были вывезены и остальные части армии общей численностью 44 тысячи человек и более 25 тысяч членов и их семей

В сентябре 1943 г. войска союзников высадились в Италии, на пути их движения к Риму встал сильно укреплённый горный массив Монте-Кассино. Бункеры и другие укрепления, находящиеся на его склонах, давали горным частям вермахта возможность прекрасно контролировать подступы к столице Италии. А на вершине горы высился неприступный бастион — тысячелетний монастырь.

12 и 15 февраля 1944 г. союзники силами подразделений британских, американских, французских, новозеландских и индусских дивизий безрезультатно штурмовали Монте-Кассино. Третья атака — 15 марта — привела к исключительно тяжёлым потерям в войсках союзников.

В ночь с 11 на 12 мая был назначен четвёртый штурм, союзники для штурма твердыни привлекли 2-й польский корпус генерала В. Андерса, переброшенный с Ближнего Востока в Египет, а затем на юг Италии. Корпус насчитывал 47 тысяч солдат и офицеров, большинство из них прошли обучение в Советском Союзе. Накануне штурма Монте-Кассино генерал В. Андерс отдал приказ: «Задание, которое нам поручено, прославит на весь мир имя польского солдата. В эти минуты с нами будут мысли и чувства всего Народа, вас будут поддерживать духи павших товарищей по оружию. Да отзовется лев в вашем сердце!»[6]

---

[5] *Герлинг-Грудзинский Г.* Иной мир. М., 1991. С. 232.
[6] *Ванда.* 1990. №2. С. 39.

Первый штурм окончился неудачей, поляки понесли большие потери и отошли на исходные позиции. 16, 17 и 18 мая, после настойчивых атак польских воинов, немцы стали отступать. «Атака следовала за атакой... и уже не было сил идти вперёд под ураганным огнём немцев. И тогда сержант Чапиньский запел гимн "Ещё Польша не погибла", солдаты подхватили его и пошли вперёд...

В 9 часов 50 минут патруль 12-го полка Подольских уланов ворвался на вершину Монте-Кассино. На стенах древнего монастыря развевалось бело-красное польское знамя. Дорога на Рим для союзников была свободна. Позднее историки упрекали их в том, что польские части были брошены на штурм без артиллерийской и авиационной поддержки.

В боях за Монте-Кассино погибло, было ранено и пропало без вести более четырёх тысяч польских воинов. Главнокомандующий 15-й группой союзных армий английский фельдмаршал Александер Тунисский сказал после штурма крепости: «Отдаю честь польскому флагу, гордо реющему на монастыре-крепости. Если бы мне дали на выбор всех солдат мира, которых я хотел бы иметь под своим командованием, я выбрал бы вас, поляков»[7].

Для каждого десятого воина из 2-го корпуса генерала В. Андерса долгий путь, начавшийся из бузулукской, саратовской, сибирской и казахской земель, закончился у стен Монте-Кассино. Они спят вечным сном на одном из красивейших кладбищ в Лорето.

Польский воин участвовал во Второй мировой войне с первого до последнего дня на всех фронтах от Оки до западных берегов Англии. Польша боролась 2078 дней. Польско-советский союз, родившийся в огне борьбы с фашистской Германией, стал уже достоянием истории, но его трудные моменты и ситуации достойны тщательного изучения. Поляки стали единственными в антигитлеровской коалиции, кто воевал на фронтах до конца. А подоплёка образования польской армии, взаимоотношений и соображений верховных руководителей обеих стран – ещё требует детального и углублённого изучения.

Наше польское общество в Оренбурге называется «Червонэ маки» в память о погибших солдатах армии Андерса. Поляки создали несколько штурмовых бригад «Красные маки». Они специально носили униформу ярко-красного цвета, сильно выделявшуюся на фоне песков африканской пустыни. Бойцы шли в атаку, не пригибаясь, в полный рост, бесстрашные в своих алых мундирах. Даже самые юные поляки знают слова прекрасной песни II польского корпуса:

«Красные маки на Монте-Кассино
Вместо росы пили польскую кровь
Шли солдаты по макам и гибли,
Но смерти сильнее был гнев...».

---

[7] *Ванда.* 1990. №2. С. 39.

Конгресс поляков в России совместно с Культурно-просветительским центром «Полония-Червонэ Маки» (г. Оренбург) и администрацией г. Бузулука выступили с инициативой увековечить памятные места польских воинов, умерших в Бузулуке в 1941–1942 гг. Ещё раньше, в сентябре 2000 г., председатель Конгресса поляков в России пани Халина Романова направила письмо премьер-министру Республики Польша профессору Ежи Бузеку, в котором поднимала вопрос об опеке над местами, связанными с трагическими судьбами поляков в России, в том числе и над захоронениями польских солдат в Бузулуке.

24–26 октября 2001 г. в Бузулуке прошла научно-практическая конференция, называвшаяся «Польскому воинству из армии генерала Андерса посвящается...». Она проходила в зале городской администрации, приезжала большая делегация членов Культурно-просветительского центра «Полония-Червонэ Маки» из Оренбургской области, в том числе Франц Антонио Палька (В.А. Пономарёв) – сын польского солдата, призванного Илекским райвоенкоматом в 1943 г. на фронт, человек с очень волнующей судьбой.

25 октября в городском краеведческом музее Бузулука состоялось открытие постоянной экспозиции, посвящённой формированию Польской Армии. Гостями юбилейных мероприятий были II секретарь Консульского отдела Посольства Республики Польша в РФ пан Марцин Кжишиха и помощник военного атташе по делам обороны Посольства Республики Польша майор Ян Мышчиньски. Гости и участники конференции возложили венки на братскую могилу польских воинов, почётный караул из военного гарнизона отдал воинскую честь, свежие цветы и поминальные свечи легли к каменной плите на могилы воинов. Гости посетили также Широковское лесничество, где в живописном бузулукском бору раскинулась аллея польских солдат, похороненных в 1941–1942 гг. И снова живые цветы легли на только что выпавший снег на месте захоронения.

Б. И. РАДИШЕВСКИЙ
г. Ростов-на-Дону

СЛАВНЫЙ ПУТЬ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

Начало Второй мировой войны связано с нападением 1 сентября 1939 г. фашистской Германии на Польшу. Гитлер надеялся, что Англия и Франция не посмеют объявить войну Германии, а ограничатся лишь декларациями. Однако этого не произошло. Руководство Англии и Франции, ошибочно полагаясь на силу военного потенциала Польши, считало, что поляки смогут противостоять фашистской агрессии в течение полугода. Как известно, эти прогнозы не сбылись и оккупация польских земель прошла за 29 дней. Вместе с немецким вторжением на западе, с востока в Польшу были введены советские войска. Многие польские солдаты и офицеры оказались на территории СССР в качестве военнопленных или беженцев.

22 июня 1941 г. Гитлер без объявления войны вторгся уже на территорию Советского Союза. Буквально на следующий день глава польского эмигрантского правительства Владислав Сикорский обратился к советскому правительству с предложением установить сотрудничество в борьбе с Германией, а 30 июля было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей. В конце 1941 г. в городе Бузулук Чкаловской (ныне Оренбургской) области начала формироваться польская армия под командованием генерала Владислава Андерса. В середине 1942 г. по согласованию со Ставкой Верховного Главнокомандования СССР польские подразделения в количестве 75 тысяч человек (не считая их семей) были выведены в Иран, и впоследствии достойнейше проявили себя в боях на Ближнем Востоке и в Европе. Однако не все польские воины покинули Советский Союз. Часть из них осталась, в том числе подполковник Зигмунд Берлинг с соратниками. Они считали, что не обязательно воевать в песках Африки или фиордах Норвегии. Из Великих Лук или Рязани до Польши намного ближе.

8 мая 1943 г. было опубликовано информационное сообщение советского правительства о формировании польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Бывшие польские военнопленные, не ушедшие с генералом

Андерсом, беженцы, а также этнические поляки Советского Союза немедленно откликнулись на призыв и поодиночке или группами поспешили в местечко Сельцы Рязанской области. С самого начала делался упор на развитие национального начала, культивировался польский патриотизм. Газеты писали: «Под бело-красным знаменем, под знаком Белого Орла, в польской военной форме, под польским командованием, с польской солдатской песней пойдёт сражаться за свободную независимую Польшу, поляк, проживающий в СССР». Наряду с девизом «Честь и Родина» помещался девиз «За нашу и вашу свободу». Текст присяги, в которой солдаты клялись защищать знамя, создавался на основе польской военной традиции. В качестве головного убора была введена единая (без различия звания) мягкая полевая фуражка — «конфедератка» образца 1937 г., также называемая «рогатывкой». Этот головной убор был тесно связан с традициями героической борьбы польского народа за свободу на протяжении последних двухсот лет. На каждой «конфедератке» прикреплялся польский национальный герб — белый орёл — такой же, каким он был при Пястах. Пястовского орла носили на пилотках и фуражках, шапках и касках. Ванда Василевская после битвы под Ленино писала: «Наша дивизия доказала, что Польша не погибла. В изумлении и в ужасе смотрели оробевшие немцы на идущие на них цепи воинов в полной военной форме с белыми орлами». Патриотические традиции оказались непобедимым оружием.

12 октября 1945 г. на белорусской земле, под местечком Ленино прошла своё боевое крещение 1-я Польская пехотная дивизия имени Т. Костюшко, ставшая первоосновой народного Войска Польского. В этих боях было уничтожено 1500 солдат и офицеров противника, захвачено 329 пленных, 58 орудий и миномётов. Погибло 510 польских солдат, 1776 ранено, 768 пропало без вести. Польские солдаты проявили подлинный героизм. За отвагу 247 солдат и офицеров были награждены польскими, а 239 советскими орденами и медалями.

12 октября стало отмечаться, как День рождения Войска Польского. Организаторами и руководителями этого Войска были генералы: Зигмунд Берлинг, Кароль Сверчевский, Михал Роля-Жимерский. Под их командованием были освобождены Рославль, Киев, Житомир, Киверцы, Хелм, Люблин, Прага, Краков, Варшава, Бреслау, Дрезден, и Берлин.

Первая армия Войска Польского входила в состав Второго Белорусского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский. После разгрома гитлеровской Германии Сталин доверил Рокоссовскому командовать парадом Победы на Красной площади. В 1949 г., по просьбе президента Польши Б. Берута, советское правительство направило К.К. Рокоссовского в Польшу, где он занял пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета министров.

Так случилось, что после Великой Отечественной войны в Ростове и Ростовской области оказалось более 300 человек ветеранов Войска Польского.

Нашлись инициативные люди, такие как П.И. Шпаковский, И.А. Корсунский, В.Т. Малиновский, И.Ф. Ржеусский, Е.Г. Богославский и многие другие, создавшие так называемое «Областное народное Войско Польское». Заметим, что в Войске Польском воевали не только этнические поляки, но и представители других национальностей. Они также вошли в «Областное Войско Польское». Например, Михаил Иванович Гришин, Иван Никитович Лукиенко, казак Владимир Иванович Юргин и ряд других. Наряду с мужчинами воевали и женщины. Боевым звеном Войска Польского был батальон автоматчиц, носивший имя Эмилии Плятер (отсюда их название – «плятерувки»). В Ростовской области проживали «плятерувки»: М.П. Дудниченко, М.А. Ягникова, А.И. Клыкова, З.Б. Жибковская, Л.М. Найка, Н.М. Корсуновская и другие.

Общественную организацию «Войско Польское» долгое время возглавлял Пётр Иосифович Шпаковский, принявший активное участие в её создании. Им организовывались выступления по телевидению, встречи на предприятиях и в учебных заведениях, вот одна из них...

Встречу членов «Войска Польского» со студентами Ростовского и Силезского университетов открыл выпускник и преподаватель Ростовского госуниверситета, полковник в отставке П.И. Шпаковский. Он рассказал об истории создания Войска Польского, о подвигах советских и польских воинов, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны бок о бок. С воспоминаниями о службе в рядах Войска Польского выступили ветераны, многие из них говорили на польском языке.

С ответным словом к собравшимся обратился руководитель польской группы – доктор Марьян Геруля, который поблагодарил ветеранов за помощь в борьбе с фашистскими оккупантами.

После П.И. Шпаковского ростовское «Войско Польское» возглавлял Игорь Андреевич Корсунский. Организовывались поездки в Москву, Варшаву, устраивались встречи с боевыми соратниками, проходили выступления по телевидению, встречи на предприятиях, в школах и высших учебных заведениях. Интересные и особо важные встречи состоялись в 1970-х гг. с Министром национальной обороны, а впоследствии и Президентом Республики Польша Войцехом Ярузельским, который также воевал в Войске Польском в одном подразделении с ростовчанином В.Т. Малиновским.

Незабываемой была встреча середины 1980-х гг., состоявшаяся в ростовской школе №97. Российские школьники встречали учащихся из города Лодзь и ростовчан-ветеранов Советской Армии и Войска Польского, участников освобождения Польши от немецко-фашистских захватчиков. Предыстория этой встречи такова. В средней школе №97 начал работать КИД (клуб интернациональной дружбы) – «Поиск». Интерес к истории Польши дал возможность кидовцам победить в викторине, посвящённой харцерам (польским пионерам). Наградой была поездка в Республику Польша. Позже, уже справив новоселье, КИД во главе со своим руководителем,

заслуженным учителем РСФСР Л.П. Панасенко занялся поисковой работой. Ребята познакомились с ветеранами Войска Польского. Наконец была организована упомянутая встреча. Гостей встречали члены группы «Поиск», которые надели синие пилотки, украшенные гербом Республики Польша. Почётными приглашёнными, безусловно, были ветераны: Пётр Иосифович Шпаковский, Валерьян Телесфорович Малиновский, Александр Хоневич Косинский, Ольгерд Тихонович Кравцов, Генрих Ефимович Коновалов, Александр Сергеевич Луганский и другие. Все они – воины Войска Польского, все говорили на польском языке. Они рассказали о глубоких исторических корнях советско-польской дружбы, поделились воспоминаниями о боях на территории Польши и пожелали мира, здоровья и счастья гостям из Лодзи.

С ответным словом выступил Славомир Овчарский, который сказал: «В наших совместных планах намечен обмен группами учащихся и учителей, проведение совместных уроков. И я очень рад, что сегодня наши ветераны дали нам первый чудесный урок истории, урок дружбы».

Как справедливо считает пан Славомир, главное сегодня – установление дружеских отношений между конкретными людьми, развитие личных контактов, особенно между представителями молодого поколения, ведь им жить вместе в одном мире, вместе строить будущее. Мы хотим, чтобы оно было мирным и добрым.

Программа этого интернационального вечера в школе №97 была насыщенной и разносторонней: концерт детской художественной самодеятельности, выступления юных спортсменов, знакомство с экспозициями школьного музея боевой славы, чаепитие с пирогами.

Поиск ветеранов Войска Польского в школе №97 продолжается. Многие ветераны Войска Польского уже умерли, из более чем 300 человек в области в живых осталось около 30. Но память потомков навсегда сохранит великий подвиг отцов и дедов. Вечная слава и память героям!

В. Я. СЕЛИВАНОВСКАЯ
г. Оренбург

ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ – ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ (к проблеме реабилитации польского национального меньшинства в России)

Ушедший от нас XX в., оказался веком тотальных войн, фальшивых идеологий, веком концлагерей и лагерей. Летом 2000 г. исполнилось 60 лет с начала массовой депортации поляков с территории Восточной Польши, занятой советскими войсками.

Высылать поляков в Сибирь – старая русская традиция. Русская история украшена польскими восстаниями. После каждого из них очередная партия польской элиты отправлялась в ссылку.

Репрессированных так много, что, наверное, каждый из нас встречался хотя бы один раз в жизни со следами польских депортаций.

Население областей, занятых в 1939 г. Красной Армией, было охвачено паникой: одни бежали в города, другие покидали их, надеясь найти убежище в деревне. Советские солдаты грабили всё, что встречалось на их пути. Вслед за подразделениями регулярной армии шли части НКВД, за ними комиссары, призывавшие местное население признать коммунистический порядок, установленный в СССР. В атмосфере страха и террора были проведены выборы в органы государственной власти, которые затем выразили согласие на присоединение восточных окраин второй Речи Посполитой к СССР. Население этого региона получило советское гражданство, что призвано было навеки узаконить аннексию, совершенную Сталиным.

На бывших восточных окраинах Польши был развязан жесточайший террор, острие которого было направлено против помещиков, политических деятелей, священников, государственных чиновников.

Тюрьмы не смогли вместить всех арестованных. Одновременно органы

НКВД интернировали тысячи польских солдат и офицеров. Большая часть оказалась в трёх лагерях — Козельске, Старобельске и Осташкове.

В конце 1939 г. начались массовые аресты поляков и их долгие, мучительные странствия в телячьих вагонах, холодных и грязных.

После многонедельных скитаний людей доставляли в один из 130 советских лагерей — к 1940 г. суммарное число заключённых достигало в них около 22 миллионов человек.

Лагеря были составной частью советской экономики, а непосильный труд лагерников — самой дешёвой рабочей силой.

Из письма Чеславы Петрушко, почётного президента польского общества «Полярос» в Екатеринбурге: «У нас, начиная от Екатеринбурга и до Режа на лесопосёлках работали около 2000 депортированных поляков и только в Озерном (поселок под Режом) сохранилось небольшое кладбище, единственное с того времени, где окончательно выяснено 67 фамилий».

Наверняка нет в живых никого из исполнителей резолюции Политбюро ВКП(б) от 05.03.1940 г. Да, именно во исполнение этой резолюции были убиты, по скрупулёзным учётным данным НКВД, 21857 польских военнопленных и заключенных, в том числе 4421 офицер из числа интернированных в Козельске, 3820 — в Старобельске и 6311 — из лагеря в Осташкове. Первые лежат в Катыни под Смоленском, вторые — в Пятихатках под Харьковом, третьи — в Медном под Тверью. В каждой области на территории бывшего СССР находятся массовые могилы расстрелянных. В Пятихатках в общих рвах русских и украинцев больше, чем поляков. Другое дело, что поляки лежат в мундирах, а по существу, и военнопленными они не были, так как Польша не объявляла войны Советскому Союзу в сентябре 1939 г., рассчитывая на совсем ещё недавний договор о ненападении. Но она подверглась советскому нападению в то самое время, когда вела неравные бои с гитлеровским агрессором.

Безусловно, на счету большевиков несравненно большее число жертв и актов вероломства.

На втором съезде Конгресса поляков в России в мае 1997 г. заместитель Министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям Алексей Томтосов особо отметил, что польский народ должен рассматриваться как один из народов, подвергшихся в годы советской власти репрессиям, а потому нуждается в реабилитации.

Председатель Конгресса поляков в России пани Халина Суботович-Романова так оценивает данную проблему. «Говоря о нереализованных уставных целях, приходится с сожалением упоминать тот факт, что неоднократные обращения к президенту СССР М. Горбачёву, президенту РФ Б. Ельцину, затем в Комиссию по реабилитации при Президенте РФ под председательством академика А.Н. Яковлева так и не принесли желаемых результатов, хотя к настоящему времени в России создана правовая база и осуществлена реабилитация репрессированных народов (немцы, корейцы, финны,

часть народов Северного Кавказа). Во второй половине 90-х годов этот процесс был приостановлен в связи с проблемой возможного изменения границ при восстановлении в правах на землю. Что касается поляков, проблема, несомненно, определяется, с одной стороны, характером отношений между Польшей и Российской Федерацией, а, с другой, недопониманием тех, кто формирует польское общественное мнение, также практически отсутствием тематики российской Полонии в средствах массовой информации»[1].

30 ноября 2002 г. в Москве прошёл третий съезд Конгресса поляков в России, на котором было принято обращение делегатов к президенту РФ В.В. Путину. В нём, в частности, говорится: «Мы надеемся, что Вы, уважаемый Владимир Владимирович, как гарант Российской Конституции, сдвинете с мёртвой точки решение вопроса о реабилитации поляков как репрессированного народа, тем более, что такое решение полностью вытекает из Конституции и Законодательства РФ, а также обосновывается нормами международного права...».

Характерно, что одной из ведущих тем в период визита президента В.В. Путина в Польшу в январе 2002 г. были сталинские репрессии, роль Сталина в истории вообще и российское покаяние в связи с этим. В частности, президент РФ сказал: «Мы не будем сравнивать, ставить на одну доску проблемы, связанные с немецким нацизмом и сталинскими репрессиями, но не хотим закрывать глаза на негативные стороны сталинского режима».

Впервые второй российский президент чётко сформулировал своё отношение к Сталину и сталинской эпохе. В.В. Путин напомнил, что в России действует «Закон о реабилитации жертв политических репрессий» и что этой возможностью могли бы воспользоваться польские граждане, пострадавшие в те годы.

Из семейной хроники Ивана Андреевича Мухи, 1927 года рождения, уроженца села Ренев Зборовского района Тернопольской области: «Ночью, 10 февраля 1940 г., в дом пришли милиционеры и военные. Всю семью поставили к стене, а в помещении произвели обыск. После этого, дав одеться, на санях повезли к железнодорожной станции Зборова. На станции всю семью погрузили в товарный вагон с решётками на окнах и нарами из досок. Для обогрева стояла одна печка «буржуйка», к которой в сутки выдавали ведро угля. Всего в вагоне было человек 50 разного пола и возраста.

Через трое суток поезд приехал в Киев, где людей первый раз накормили. От Киева нас везли 15 суток вглубь России. На стоянках вагон с двух сторон охраняли вооружённые солдаты. Решётки и люки были заперты на замок. В пути, перед тоннелями, поезд останавливался и закрывались даже верхние люки и отверстие в полу, сделанное для санузла.

---

[1] *Романова Х.Б.* Десятилетие полонийного движения в России: эволюция модели деятельности // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Материалы международной научной конференции. Иркутск, 2001. С. 19–20.

Всю дорогу мы спали на голых досках. Были побеги, стрельба, смерти и прочее. Так прошло первое испытание в жизни»

У каждого, даже случайного человека, достаточно жизненного материала, чтобы знать о страшной судьбе поляков. Но если кто-то хочет узнать об этом больше, то это оказывается не так-то просто. Сталинская депортация поляков в 1940 г. плохо документирована и вообще не фиксируется формальной исторической летописью за пределами самой Польши. Эта страшная история как будто провалилась в историческое небытие. Что уж говорить о памяти, о каких-то безвестных депортированных поляках, всего лишь умерших от холода и голода! Их судьба по-прежнему окружена заговором молчания.

Мы не хотим с этим смириться!

Мы, Российская Полония, хотим внести свой посильный вклад в эту так долго замалчивавшуюся страницу истории.

Наш центр «Червонэ маки» тесно сотрудничает с Государственным архивом Оренбургской области, областной Прокуратурой. Начальник отдела репрессированных областной Прокуратуры Фаниль Анварович Ишбулатов передал нашему центру уникальные материалы – документальные хроники о поляках, ставших жертвами депортации и репрессий в Оренбургской области. Много лет продолжалась кропотливая, бескорыстная работа Ф.А. Ишбулатова по раскрытию преступлений НКВД в отношении поляков.

В представленных нам материалах рассказывается о конкретных судьбах поляков военного времени. Работа написана по материалам Архива УФСБ по Оренбургской области, Информационного Центра УВД Оренбургской области, Государственного архива Оренбургской области

Мы считаем своим гражданским, патриотическим долгом рассказывать о тех страданиях, которые выпали на долю поляков в 30-50-х годах XX в., на которые обрекла их советская система.

Самая страшная трагедия разыгралась в конце 1930-х гг., когда в результате «пакта Молотов-Риббентроп» поляки потеряли суверенитет.

О трагической судьбе поляков предвоенных и военных лет в последнее время в средствах массовой информации Оренбургской области говорилось много, однако до сих пор остаётся неисследованной судьба поляков, ставших жертвами политических репрессий. Мы знаем о тысячах расстрелянных в Катынском лесу польских офицеров, но не знаем о трагедиях конкретных лиц.

Мы, действительно, никогда бы не узнали о них, если бы не демократические реформы последних лет. В 1995 г. открылись двери хранилищ Государственного архива Оренбургской области, где хранятся дела фонда эвакуированных поляков. Чуть ранее (в 1991 г.), приоткрылись двери секретных хранилищ КГБ. Конечно, нельзя, в связи с этим не упомянуть об известном Указе Президента РФ Б.Н. Ельцина «О снятии ограничительных грифов с законодательных актов и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» от 23 июня 1993 г.

За последние годы российским государством принят ряд законодательных актов, которые провозглашают приоритет прав человека, воспитывают уважение к закону, в конце концов, создают основу правового государства.

Современная Россия осудила многолетний террор не только против собственного народа, но и против народов стран бывшего соцлагеря. Сегодня известно, что за более чем 70 лет советской власти в бывших странах соцлагеря пострадали сотни тысяч безвинных граждан. Только в Монголии за эти годы была репрессирована одна треть населения. В Восточной Германии, в зоне советской оккупации, было репрессировано более 200 тысяч немцев. Всё это происходило после войны. Поэтому не зря в Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в качестве лиц, подлежащих реабилитации, указаны и иностранные граждане.

Российское государство, особенно в последние годы, принимает усиленные меры по увековечению памяти жертв политических репрессий. Если говорить о поляках-жертвах репрессий, то постановлением Правительства РФ от 19 октября 1996 г. Федеральной архивной службе России, Федеральной службе безопасности РФ, Министерству иностранных дел РФ, Министерству обороны РФ, Генеральной прокуратуре РФ поручено оказывать помощь мемориальным комплексам в выявлении захоронений советских и польских граждан, а также в подборе необходимых документов и музейных экспонатов.

Сегодня действительно пришло время говорить не только о советских гражданах, ставших жертвами политических репрессий, но и об иностранцах.

Надо полагать, Сталин очень боялся маленькой Польши, и не в результате ли этого страха появился «пакт Молотов-Риббентроп», безжалостно растерзавший Польшу? Согласно пакту Польша, как государство должна была исчезнуть из карты Европы, а народ — раствориться в пределах двух империй.

Так называемое освобождение Западной Украины и Белоруссии ничего кроме страданий полякам, белорусам, русским не принесло. С установлением советской власти и навязыванием новых порядков начались обычные репрессии. Для сталинских строек нужны были дармовые рабочие руки. Благо их, умелых и трудолюбивых, в Польше было много.

Конечно, первыми жертвами стали те, кто не хотел мириться с колхозно-совхозной системой сельскохозяйственного уклада жизни и поборами с крестьян. Жертвами стали те, кто был недоволен командной системой экономики и другими «прелестями» социалистической действительности. По сути дела поляки стали жертвами репрессий на территории собственного государства.

Репрессиям подверглись поляки не только на вновь присоединённых территориях, но и те, кто волею судьбы оказались в России ещё ранее. В глубинках России, как, например, в Оренбургской области, проживали потомки поляков, ссылавшихся сюда с конца XVIII в. за участие в восстаниях. Почти всех их постигла печальная участь — кого-то репрессировали чуть ранее, а кого-то позднее.

Первые сведения о репрессированных поляках были найдены в архиве Федеральной службы безопасности по Оренбургской области. Эти сведения относятся к началу 1930-х гг.

10 января 1931 г. Особым отделом ОГПУ 11-й Кавалерийской дивизии, дислоцированной под Оренбургом, была арестована Юзефа Николаевна Горбатик, 1898 года рождения, уроженка деревни Дворжовицы, Петраковской губернии, до ареста работавшая в аптеке №5 города Оренбурга. Её арестовали по обвинению в шпионаже в пользу Польши (ст. 58-6 УК РСФСР). В деле подшиты письма на польском языке. Следствие продолжалось до 14 февраля 1931 г. и в результате, ничего не добившись, её освободили из-под стражи.

В январе 1931 г. по Оренбургу прошла волна репрессий поляков. В эти дни была арестована не одна Горбатик, такая участь постигла многих.

О том, что эти репрессии проводились в плановом порядке, свидетельствует один документ из дела Андрея Дормидоновича Фомина, также арестованного в эти дни по обвинению в шпионаже в пользу Польши. Поводом для ареста послужил тот факт, что его дочь Мария в 1916 г. вышла замуж за поляка Карла Густавовича Борн, а в голодный 1921 г. выехала с ним в Польшу. Все последующие годы она переписывалась с отцом, описывая жизнь в Польше. Проживали они в городе Хелм Люблинского воеводства. В качестве доказательства обвинения к делу приложены письма А.Д. Фомина и его дочери Марии. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого от 6 марта 1931 г. записано, что А.Д. Фомин, начиная с момента эмиграции в Польшу его дочери и зятя в 1921 г., которые якобы там связаны с белогвардейскими кругами и представителями польской власти, начинает информировать их о происходящей политической и общественной жизни Советской республики. В 1922 г., пользуясь эмиграцией польских подданных из СССР (Оренбурга), Фомин занялся снабжением их денежными знаками Польского государства, которые получал по почте в посылках от дочери из Польши.

В постановлении перечисляются и другие пункты обвинения. Но ГПУ доказать вину не удалось и Фомина пришлось освободить из-под стражи.

Долгое время нам не удавалось найти дела поляков, высланных со своей территории. Но нам всё же повезло. Найденное дело относилось к спецпоселенке Елене Францишковне Беня. Её вместе с четырьмя детьми в декабре 1939 г. выслали за пределы Станиславской области Западной Украины. В примечании к её личной анкете записано: «состояла в организации Зелёный штандар «Людовцы», осадник, подтверждается архивными документами бывшего польского правительства».

В деле есть справка УНКВД по Станиславской области, согласно которой Елена Францевна Беня значится осадником (дело №169, стр.7) и поэтому на основании Директивы НКВД СССР от 19 сентября 1939 г. за №5648/б она со своими детьми выселена за пределы Станиславской области 10 февраля 1940 г. В справке дата выселения не совпадает с датой предыдущего документа.

Из далёкой Польши семью Беня привезли на спецпоселение в посёлок Ракитянка, что под городом Медногорск и только с выходом амнистии в августе 1941 г. их освободили от положения спецпоселенцев.

Поляки до сих пор ищут своих родственников, бесследно исчезнувших в бескрайних просторах одной шестой части суши – СССР. Нам известно, что большинство поляков после принятия известного акта об амнистии польских граждан, движимые патриотическими чувствами, устремились в Бузулук и Тоцк, где формировались польские воинские соединения. Но не каждому было суждено доехать до этих мест.

Система не терпела никакой критики, любое неосторожное слово могло навлечь беду. Депортированные поляки проживали в тяжелейших условиях. Оставшись без Родины, без государства, они болезненно переживали боль утраты. Им всем было очень тяжело. Практически они все голодали. Те, кто устроились на работу в городах, хоть как-то были защищены хлебными карточками. А в селах же всё выметали подчистую – всё уходило на фронт, и поэтому поляки, проживавшие в деревнях, сильно страдали от голода, страдали и местные жители. По воспоминаниям местных старожилов весной и летом 1943 г. во многих районах области от странной болезни, похожей на ангину, стали умирать люди. При проверке оказалось, что изголодавшиеся люди весной стали употреблять в пищу перезимовавшие колосья пшеницы, собранные с полей. В результате заражения у людей поражались гортань и легкие, люди умирали в страшных муках. Пока из Америки завезли лекарство, умерли сотни людей. В некоторых сёлах клубы, школы и другие мало-мальски приспособленные помещения были превращены в больницы, так как в больницах просто не было места. Все, что здесь описано, происходило с местным, коренным населением, а что же остается говорить о поляках: их страдания были ещё тяжелее.

Материалы архивного уголовного дела №1843 возвращают нас к началу 1930-х гг. Пожелтевшие листы дела свидетельствуют – сотрудники особого отдела ОГПУ XI Кавдивизии зря хлеб не ели. После подавления басмаческого движения в Средней Азии дивизия была выведена оттуда и расквартирована в одном из сёл под Оренбургом. Пока кавалеристы отдыхали, работники особого отдела обрушили на головы жителей Оренбуржья маховик репрессивной машины. По всем районам, уездам начались аресты.

Если гражданин однажды попадал в поле зрения НКВД, то его не выпускали, практически, до смерти. Известны случаи, когда крестьянина, после раскулачивания, в 1937 г. привлекали к уголовной ответственности и, если он выживал после десятилетнего лагерного срока, то его, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., направляли на вечное поселение в отдаленные районы СССР.

В Государственном архиве Оренбургской области хранятся многотомные дела польского фонда. В каждом томе до тысячи листов. В них письма, заявления, обращения польских граждан. Читаешь их и сердце сжимается

от боли: неужели такое было, в каких нечеловеческих условиях им пришлось жить! Каждое письмо — крик о помощи. Порой кажется, что это вовсе не письма, а проклятия, посланные этими несчастными людьми главным виновникам войны. Словно они требуют наказать их за злодеяния.

Поляки, дожив до победы, уехали и давно живут на своей земле, но дух их остался. Остался в письмах, заявлениях, обращениях, написанных на клочках бумаги. В основном письма написаны на русском языке, некоторые — на польском. Каждое письмо — это память, это частичка истории, это отголоски прошлого.

Документы о поляках есть и в других архивах. В архиве Информационного центра УВД Оренбургской области находятся документы, подтверждающие факт выселения поляков с их земель ещё в 1939 г. Ведь до сих пор находятся оппоненты, утверждающие обратное, говоря, что поляки бежали из-за того, что на них напали немцы, вот поэтому их пришлось эвакуировать вглубь страны. А то, что в 1939 г. следом за советскими войсками шли органы НКВД и выселяли поляков, такого, говорят, не было.

Хотелось бы остановится ещё на одной проблеме — судьбе осадников и, вообще, поляков, направленных на спецпоселения и депортированных в ходе войны из разных польских воеводств. Как и от чего умирали дети ссыльных поляков? На этот вопрос есть официальные документы: свидетельства о смерти малолетних детей от тифа.

В архиве Информационного центра УВД Оренбургской области мы выборочно взяли четыре дела бывших осадников. Все они находились на спецпоселениях на территории Оренбургской области.

По делу №9148 (фонд 47, опись 1) проходит Людвиг Вавжинович Фружинский. Он родился в 1897 г. в селе Лешнёвка, повет Красный, Львовского воеводства. На момент выселения проживал в селе Комарив Станиславского уезда Станиславской области, работал бурильщиком на нефтеразведке. Основанием к выселению послужил тот факт, что Фружинский состоял в организации Зелёный штандар «Людовцы». Здесь же, на оборотной стороне анкеты в дополнении написано: «Осадник, подтверждается документами бывшего польского правительства». Видимо энкавэдэшники здорово покопались в поисках компрометирующего материала на Фружинского. А когда документ был найден, быстренько отправили в далекую Оренбургскую область его и всю его семью. Согласно анкете на спецпоселении находились: жена Фружинского Владислава Павловна, 41 год, сын Эдвард — 16 лет, сын Юзеф — 14 лет, дочь Янина — 12 лет. О судьбе семьи Фружинского до 25 августа 1941 г. мы ничего сказать не можем, но после этой даты все они оказались около города Медногорска, в посёлке Ракитянка Оренбургской (тогда — Чкаловской) области. Известно, что документы на выселение готовились в 1939 г.

Польская семья Сикорских, Иосиф Карлович и Бронислава Степановна, наверное, никогда не предполагала, что где-то в далеком степном краю

похоронит четверых своих маленьких детей: Кароля — 3 лет, Соломию — 2 лет, Болеслава — 8 лет, Франтишека. Причиной смерти Кароля в свидетельстве от 27.06.1940 г. указаны: корь и брюшной тиф, у Болеслава — воспаление мозговой оболочки, у Соломии — корь, диспенсивная пневмония. Причина смерти Франтишека в материалах дела отсутствует.

Вина Сикорского состояла в том, что он имел неосторожность жениться на дочери осадника Степана Мартыновича Галяс — Брониславе Степановне. На обратной стороне анкеты есть такая запись: «получил землю от осадника, на дочери которого он женился. Живет на хуторе. Тесть, Галяс С.М. в архивных данных числится как осадник».

Одним словом, Сикорский пострадал, как у нас говорят, «как член семьи изменника родины». В 1940 г. он со своей семьёй был уже вдали от родины, в посёлке со странным названием Ракитянка, что под городом Медногорском Чкаловской области, где его ожидала шахта. Другой работы НКВД не мог предложить.

Где похоронены дети Сикорского, как сложилась его судьба, судьба оставшихся в живых детей, смогли ли они вернуться на родину или они все сгинули в бескрайних степях Оренбуржья — документы умалчивают.

Непонятно, какую опасность мог представлять для советской власти простой кирпичник Феликс Кантонович Шпиляревич, 1907 года рождения, уроженец села Власово, Надворнянского повета, Станиславовского воеводства. Тем не менее, его жену Юзефу Андреевну — 30 лет, сына Ивана — 5 лет, как осадника и как членов семьи осадника, направили в тот же посёлок Ракитянка, город Медногорск, Чкаловской области. Анкету на семью Шпиляревич заполняли 29 декабря 1939 г. Эти документы ещё раз доказывают, что поляков стали репрессировать в 1939 г. Ещё не было войны между Советским Союзом и Германией, а из Польши эшелонами вывозили людей. Маховик геноцида только раскручивался, но раскрутить полностью не дали немцы.

Первая волна беженцев-поляков из захваченных территорий ещё с сентября 1939 г. находилась на территориях Белоруссии и Украины и в некоторых западных областях России. Война Германии с Советским Союзом образовала вторую волну беженцев. Теперь поляков стали вывозить вглубь территории Советского Союза: на Урал, Сибирь, Казахстан.

В Государственном архиве Оренбургской области хранятся тысячи писем, заявлений, обращений поляков, из которых можно составить картину событий тех далёких лет, узнать географию их расселения.

Пишет Эмилия Юзефовна Олендер: «Отец у нас умер. Мать и я с сестрой хвораем. Брата старшего взяли в армию. Осталась у нас мать-старушка и младшая сестра, 1926 года рождения и брат, 1929 года рождения. Работаем в колхозе "Красный Лётчик". Хлеба получаем очень мало. Находимся в очень тяжелом положении»[2].

---

[2] *ГАОО*. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 16. Л. 110.

Ирина Александровна Сикульская в своём заявлении от 04.09.1943 г. пишет, что она родом из села Сельце, Люблинского воеводства, 1920 года рождения, временно работала засольщицей овощей в городе Соль-Илецке, зарплата 65 рублей. Далее она сообщает, что совершенно раздетая, разутая и носить нечего[3].

Откуда, из каких регионов Польши, прибывали поляки, и где использовался их труд?

Юзеф Михайлович Осецкий, например, прибыл из села Пороги Станиславовского воеводства, работал слесарем в котельной на руднике Ракитянка Кувандыкского района Чкаловской области. С ним были: жена Юзефа Станиславовна Осецкая – 35 лет, сын Андрей Юзефович Осецкий – 1 год[4].

Пётр Стефанович Бондар прибыл из села Майдан Надворнянского района, Станиславовского воеводства, на иждивении имел двоих детей. Ввиду болезни временно не работал[5].

Семья Рафаила Томашевича Сикоры прибыла в посёлок Ракитянка у города Медногорск Чкаловской области в 1940 г. из села Велесница Станиславовского воеводства, когда войны ещё не было. В заявлении на имя уполномоченного Наркомторга по снабжению эвакуированных поляков Рафаил Томашевич пишет: «Сын Валериан работает в госпитале, жена нетрудоспособна. Сын Францишек находится в Польдивизии за границей, сын Рудольф находится в Польдивизии им. Костюшко. С отъездом двоих старших сынов, которые работали на руднике, нам стало очень трудно жить»[6].

Частичкой истории поляков военных лет стало заявление, написанное детской рукой. Пишет Данута Францевна Гакилер: «Мы высланы в 1940 г. в СССР. Живём в очень трудных условиях. Отец у нас в армии им. Костюшко, а мать померла в 1937 году. Живем в Ракитянке, Чкаловской области. Просим не отказать в помощи продуктами и обувью». Ниже текста заявления указан размеры одежды брата Цесика – 13 лет – № 39, сестры Ванды – 11 лет – № 36, брата Янушка – 8 лет – № 35. Заявление написано 20.10.1943 г.

Дмитрий Попюк, 1885 года рождения и Эмилия Попюк, 1887 года рождения, из села Рафайлова, Надвонянского района Станиславской области, указали точную дату их выселения – 10 февраля 1940 г.

В 1940 г. были также выселены Юзеф Антонович Кульчинский с женой Викторией Юзефовной – 37 лет, детьми: Рышардом – 13 лет, Иреной – 12 лет, Барабарой – 11 лет, Ядвигой – 5 лет. До выселения семья Кульчинского проживала в селе Пороги Станиславовского воеводства[7].

---

[3] *ГАОО*. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

[4] Там же. Д. 21. Л. 85.

[5] Там же. Л. 108.

[6] Там же. Л. 42.

[7] Там же. Л. 180.

Из города Пултуск бывшего Варшавского воеводства в 1940 г. выселены семьи Я.М. Липович и Р.М. Леви[8].

О том, что выселенные и депортированные поляки постоянно голодали, уже ни для кого не секрет. Письма и заявления поляков, хранящиеся в архивах, вновь возвращают нас в прошлое.

Вот, что пишет Паулина Андреевна Сыкало: «Находимся в очень тяжёлом положении Работаем в колхозе "Красный Лётчик". Питание очень плохое, кроме 200 граммов муки больше ничего не получаем. Когда холод, нам не в чем выходить на работу, ходим босые. К сему Сыкало Паулина Андреевна – 46 лет, дочь Емилия Каролевна – 18 лет, дочь Станислава – 16 лет, дочь Владислава – 12 лет, сын Зигмунт – 14 лет»[9].

Станислава Якубовна Поправка, 1914 года рождения, уроженка Нью-Йорка, США, проживавшая на станции Кондагач Актюбинской области в своём заявлении сообщает, что живёт с сыном Ричардом, 1937 года рождения, и остро нуждается в продуктах питания, обуви, белье[10].

А вот, что пишет тринадцатилетний мальчик Станислав Леопольдович Орловский: «Родился 15.08.1930 г. в деревне Купашив района Рогатын Станиславской области. Проживали в этой деревне вместе с матерью Викторией и сестрой Вандой до 13 апреля 1940 г., а затем по воле советских властей были выселены и оказались на станции Кандагач Актюбинской области, где работаю учеником сапожника в промартели "Путь"»[11].

Согласно справке Лесного отдела Управления оренбургской железной дороги при колтубановском лесоучастке лесорубами работали: В.А. Пукан, Г.М. Шайнер, Н.В. Вайнштейх, Г.Е. Розенбург, З.А. Маренбург. Справка выдана 11.11.1943 г.[12].

Станислав Матешак был вывезен в 1940 г. из родного села Папротня Гавролинского района Люблинского воеводства[13].

Антон Иванович Банюкевич с семьёй был переселён из Белостокского воеводства в Архангельскую область. Семья его состояла из жены Теофилии Банюкевич, 1905 года рождения, сына Яна, 1928 года рождения, сына Чеслава, 1932 года рождения, дочери Тересы, 1938 года рождения. Сын Чеслав и дочь Тереса страдают малокровием, жена Теофилия и сын Ян из-за отсутствия одежды и обуви работать не могли[14].

Закончилась война. Поляки стали собираться домой, на Родину.

---

[8] *ГАОО.* Ф. 1129. Оп. 1. Д. 16. Л. 292, 294.

[9] Там же. Л. 523.

[10] Там же. Д. 29. Л. 626.

[11] Там же. Л. 589.

[12] Там же. Д. 32. Л. 389.

[13] Там же. Д. 22. Л. 393.

[14] Там же. Д. 32. Л. 131.

Для организованной реэвакуации поляков по решению Совета Народных Комиссаров СССР в Чкаловском облисполкоме была создана комиссия.

К концу 1945 г. в Чкаловской области проживали более 5 тысяч поляков, не считая тех, кто находился в других регионах.

Не все поляки вернулись на Родину.

Хотя война давно уже отгремела, репрессии не прекращались. Сталин был ещё жив. В лагерях томились десятки тысяч заключённых. Светлый час освобождения ещё был далек.

«Большевизм не должен уйти от ответственности за практику неслыханных фальсификаций, ложных обвинений, внесудебных приговоров, за расстрелы без суда и следствия, за истязания и пытки, за организацию концлагерей, в том числе для детей-заложников, за применение отравляющих газов против мирных жителей. В мясорубке ленинско-сталинских репрессий погибли более 15 миллионов человек.

Большевизм не должен уйти от ответственности за зверское изгнание из родных мест в необжитые районы страны немцев, татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, корейцев, балкарцев, калмыков, турок-месхетинцев, армян, греков, гагаузов, поляков, эстонцев, латышей, литовцев, молдаван, западных украинцев. Сотни тысяч людей погибли в результате этих неслыханных злодейств».

Возможно, народы действительно спросят с большевиков. Видно этот час ещё не настал.

В. В. ШЕХОВЦОВ
г. Волгоград

ПОЛОНИЯ ВОЛГОГРАДА

Краткая историческая справка. По различным отрывочным сведениям (в архивах точных цифровых данных найти не удалось), в Царицыне до революции проживало до 12—18 тысяч поляков, был костёл, многочисленная религиозная община и светская общественная организация — «Дом Польский». Таких «Домов» в крупных городах России насчитывалось 21. В городе оседали как добровольные переселенцы, так и сосланные семьи.

По данным переписи населения, в 1989 г. в Волгограде проживало 1380 поляков. Речь идет о лицах, в документах которых в графе «национальность» записано «поляк» или «полька». В городе нет мест компактного проживания поляков, но они имеются в пригородах Волгограда. Так, в Карповке проживает 11 польских семей, есть они и в Городище, и в Волжском.

В связи с тем, что в сталинские времена демонстрация принадлежности к польской национальности не приветствовалась, потомки поляков в большинстве случаев регистрировались как русские. По нашей оценке, в настоящее время в Волгограде проживает как минимум несколько тысяч потомков поляков. Культивирование польских национальных традиций, католического вероисповедания также гласно и негласно преследовалось, осуждалось. Мы все считались «новой исторической общностью людей — советским народом». Поэтому редкостью были семьи, в которых детей (внуков) учили польскому языку и знакомили с польской историей. В результате смешанных браков у множества польских потомков теперь русские фамилии. После смерти последнего ксёндза (он был репрессирован) костёл пришёл в упадок. Из него сделали клуб им. Жданова. Во время войны он не был разрушен — говорят, немцы знали о нём и не бомбили специально. Ввиду того, что никаких ремонтных работ не производилось, здание постепенно разрушилось само — крыша обвалилась, внутри всё заросло травой и кустарником. До 1985 г. в городе не было польского национального общественного объединения.

Появление клуба «Кропля». С наступлением «оттепели», с уходом в прошлое сталинской национальной политики изменилось отношение к проявлениям национальной обособленности и в Волгограде. В 1970–1980-е гг. польскому языку в городе можно было научиться на курсах, которые велись Вечерним университетом марксизма-ленинизма на факультете «По странам мира». Это были курсы для всех желающих, начинались с нулевого уровня, занятия проводились 2 часа в неделю, обычно по воскресеньям. Однако благодаря этим курсам в городе как-то поддерживалась польская языковая среда. В 1980-е гг. постоянно в продаже была польская пресса. В магазине «Политкнига» на Аллее Героев был достаточно хороший отдел книг на польском языке. Выстояв очередь с ночным дежурством, на почтамте можно было выписать польские журналы – их давали 5–10 экз. на весь город. Магазином «Политкнига» периодически устраивалась Декада польской книги – приезжал представитель польских издательств, привозил новую партию книг. Волгоград постоянно посещался группами польских туристов – в городе было что показать, он был в составе нескольких туристических маршрутов, обычно «Ленинград – Москва – Волгоград – Киев».

В этой обстановке в мае 1985 г. инициативной группой выпускников курсов польского языка при отделе иностранной литературы областной библиотеки им.Горького (в которой и велись курсы) был организован Клуб любителей польского языка и польской культуры «Кропля». Клуб имел свою символику, гимн, председателя и казначея. На заседаниях клуба прежде всего совершенствовался разговорный польский язык, а также приобретались новые познания в области истории и культуры Польши. Заседания клуба часто бывали тематическими, посвящались какому-либо событию в истории либо кому-то из творцов культуры (например, художнику Матейко). По разным поводам выпускались чудесные по оформлению и по юмористическому подходу стенгазеты. Клуб принимал участие во многих литературных и иных праздниках, организуемых библиотекой. Мы ставили небольшие пьески на польском языке, пели песни, читали стихи. Многие из членов клуба увлеклись польской поэзией, стали делать переводы современных польских поэтов, даже сами писать стихи на польском языке. О клубе писала местная пресса, было несколько передач на радио, в том числе на станции «Радио Варшава». Мы встречались с группами польских туристов, переписывались с поляками, ездили к ним в гости и приглашали к себе.

Клуб был прибежищем для каждого, кто искренне интересовался польской культурой, литературой, языком. Благодаря входившим в его состав прекрасным людям, создавшим в нём атмосферу духовного братства, творческого познания, стали возможны поразительные успехи многих его членов в овладении языком. Прогресс был заметен от заседания к заседанию. Активными членами клуба на протяжении всей истории его существования были Наталья Продан, Виктор Шеховцов, Владимир Беляев, Зоя Бочурко, Владимир Маяцкий, Ирина Мультановская, Лелия Цыганок,

Сергей Рукосуев, Наталья Лавренькова, Татьяна Черёмушникова, Наталья Ковалёва, Елена Дьякова и многие другие. Потомкам поляков клуб помог вспомнить или выучить заново язык предков, способствовал возрождению их национального самосознания. Представителей других национальностей заразил и сделал носителями польской культуры. Тот, кто знаком с творчеством Мицкевича, Сенкевича, Шопена, Вайды, проникается глубоким уважением к взрастившему этих творцов народу и всегда испытывает только дружественные чувства к сходной с русской, а одновременно отличной от нее польской культуре.

Создание Ассоциации польской культуры «Кропля». Через несколько лет активной работы клуб стал перерастать границы собственно клуба. Возникла необходимость создания общественной организации. Первотолчком к этому была встреча с руководством московской организации «Дом Польский», которая была зарегистрирована несколько раньше. Ассоциация польской культуры «Кропля» была зарегистрирована в Волгограде в декабре 1990г. при активной поддержке, в том числе материальной, Волгоградского фонда культуры. В устав ассоциации был заложен демократический принцип управления – правление и три сопредседателя с равными правами.

Организация взяла в свои руки подготовку подрастающего поколения – были организованы дополнительные кружки по изучению польского языка для детей, молодежи и взрослых, занятия в которых вели члены ассоциации практически бесплатно. Расширились контакты с польскими общественными и государственными организациями – со «Вспульнотой Польской», созданной с целью организации помощи Полонии, с консульским отделом посольства Польши в Москве. Стали возможны выезды групп детей, изучающих польский язык, на каникулы в Польшу, молодежи и преподавателей – на курсы и стажировки. Это значительно укрепило организацию, повысило заинтересованность в изучении польского языка среди детей и молодёжи, повысило уровень подготовленности преподавателей. «Кропля» стала коллективным членом общероссийской организации «Конгресс поляков в России», её руководство вошло в Совет Конгресса. «Кропля» стала организатором некоторых мероприятий, имевших значение для культуры города в целом. Так, например, при содействии Фонда культуры была проделана огромная работа по организации выезда молодёжи Волгограда (удалось вывезти 150 человек) на Всемирный слёт молодёжи в Польше, финалом которого была встреча с Папой Римским Иоанном Павлом II. Наша огромная работа по подготовке выезда вызвала заинтересованность польских организаторов слёта, и в Волгоград для подготовки выезжающих были командированы представители польской церкви. Это положило начало приезду через год в Волгоград ксёндза Манько, который при нашей помощи занялся восстановлением костёла. Эта гигантская работа при поддержке Ватикана и католических польских общин и из других стран через несколько лет была успешно завершена.

Благодаря постоянной активной деятельности правления и сопредседателей ассоциация «Кропля» приобрела высокий авторитет в стране и за рубежом, а также среди полонийных организаций России, с которыми мы были в постоянном контакте — городов Самары, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Смоленска, Воронежа, Новосибирска, Томска, Иркутска, Минеральных Вод, Оренбурга, Ташкента и т.д. К нам письменно обращались с просьбами о заимствовании опыта работы вновь создающиеся полонийные организации. Руководство «Кропли» часто приглашалось на международные полонийные конференции.

В связи с тем, что появилась возможность для потомков поляков после окончания школы и сдачи экзаменов в посольстве в Москве продолжить образование в Польше, мы стали серьёзно задумываться над повышением уровня преподавания языка. Были организованы специальные интенсивные курсы языка для молодёжи, которая собиралась учиться в Польше. Несколько выпускников этих курсов успешно сдали непростые экзамены в посольстве и учились в польских вузах. Одна наша выпускница (Светлана Бабчинская) в настоящее время с отличием закончила в Кракове Королевский Ягеллонский университет и учится в аспирантуре. Несколько преподавателей наших польских курсов прошли годовую стажировку в Польше. Но для более основательной подготовки детей и молодёжи нужна была польская школа. В результате длительных стараний в этом направлении 20 мая 1993 г. при участии консула из посольства в Москве состоялось официальное открытие Славянского лицея на базе школы № 84. Ассоциация «Кропля» передала бесплатно для набранных в первый класс детей учебники, детскую литературу, оборудование, учебные аудио- и видеокассеты, выделила лучшего преподавателя. В школе под руководством Ольги Степановны Михайловой в короткие сроки был создан детский фольклорный коллектив «Славяночка», который подготовил целую программу польских народных танцев, постепенно, с огромными трудностями, обзавелся несколькими комплектами костюмов.

Несмотря на принятие решения Малым советом города об организации Славянского лицея, реорганизации школы № 84 для превращения её в Славянский лицей не осуществлено — решение не было признано законным ОблОНО. Не было выделено новых ставок для преподавателей, не выполнено корректировок учебных программ. В первый год были приняты дети в два первых класса с изучением польского языка, во второй и в последующие — только в один класс. Через три года состоялся первый выпуск детей

начальной школы с изучением польского языка, после чего на общем собрании с родителями было решено занятия по польскому языку исключить из основной программы и проводить факультативно для желающих. Называлось несколько причин, в том числе непреодолимые экономические трудности, отсутствие перспектив применения полученных знаний у части школьников, не имеющих польского происхождения. В настоящее время в школе нет классов с преподаванием польского языка. Ассоциация «Кропля» не имеет преподавателя — планируется его приглашение из Польши.

Сегодняшний день полонийного движения. В настоящее время в Волгограде существуют две полонийные организации: областная «Кропля» и городская «Новая Кропля». «Новая Кропля» была зарегистрирована в марте 1999 г. Её основные уставные задачи:

— организация обучения польскому языку и основам польской культуры детей, молодёжи и взрослых, создание клубов, кружков, библиотек, фонотек и видеотек;

— проведение культурных, научных и иных мероприятий полонийной направленности в Волгограде, в польских и полонийных организациях в России и за рубежом;

— направление детей и молодых членов Ассоциации в Польшу в лагеря отдыха и для обучения в польских школах и вузах, а также проведение образовательных, научных и творческих стажировок своих членов за рубежом;

— участие в проведении польских национальных и славянских праздников;

— способствование налаживанию и развитию хозяйственных и иных связей между польскими и российскими предприятиями, учреждениями и фирмами.

Председатель правления «Новой Кропли» — Виктор Шеховцов, заместитель председателя правления — Валентин Трушин, члены правления — Юлия Гусева, Евгения Дмитриева и Екатерина Михайлова.

«Новая Кропля» не имеет помещения для деятельности. Пока мы пользуемся добротой преподавателей школы № 11 и заседания правления, общие собрания, курсы польского языка, а также различные праздники проводим в помещении подросткового клуба «Луч».

Хозяйственная деятельность. На протяжении всей истории существования как «Кропля», так и «Новая Кропля» неустанно пытались организовать хозяйственную деятельность. Главным её направлением была организация взаимодействия польских и российских фирм. Мы пытались связывать фармацевтические фирмы, мебельные, туристические и т.д. В 1993 г. «Кропля» принимала участие в выставке, которую организовало в Волгограде объединение польских фирм. Во всех случаях устанавливались хорошие первоначальные контакты, разрабатывались документы на организацию совместных предприятий, но через некоторое время деятельность практически замирала. Основными трудностями были: высокие таможенные пошлины

и транспортные расходы, а часто также недобросовестность партнеров. Несмотря на то, что челночный бизнес процветал, наладить промышленные поставки товаров в Польшу и из Польши не удавалось.

Наши инициативы находили поддержку в городской администрации. В 1992 г. руководство ассоциации выступило перед горсоветом с инициативой об установлении партнерских отношений с одним из польских городов. На бланке городской администрации на русском и польском языках были подготовлены письма с предложением об установлении партнерских отношений с Вроцлавом. Будучи на курсах в Польше, председатель правления «Кропли» В.В. Шеховцов ездил с этими письмами во Вроцлав, был очень хорошо принят заместителем мэра по промышленности, с которым состоялась подробная беседа. Польская сторона проявила большую заинтересованность в установлении подобных отношений. Их интересовала машиностроительная и химическая продукция города, переработка нефтепродуктов, строительная индустрия. До заключения договора было предложено обменяться подробной информацией о промышленности городов, видах выпускаемых товаров, заинтересованных в партнерстве предприятиях. Далее предполагалось разработать Программу сотрудничества, на первом этапе которой заинтересованные предприятия должны установить начальные контакты и подтвердить свою заинтересованность в партнерстве, потом мэрии на этой основе (с представителями предприятий) обмениваются делегациями, обсуждаются разделы Программы, в том числе по культурному обмену. Программа утверждается городскими администрациями и парламентами городов. Гарантом торговых сделок выступают городские администрации.

По возвращении в Волгоград был подготовлен подробный отчет для городской администрации. Но через месяц–два состав горсовета полностью сменился, руководство отделом внешних экономических связей также сменилось. Через некоторое время был подготовлен и издан справочник по предприятиям Волгограда. Но вопрос об установлении партнёрских отношений с Вроцлавом все откладывался. Это объяснялось тяжелым экономическим положением наших предприятий. Хотя, например, нефтеперерабатывающие предприятия наверняка не были в кризисе.

Культурно-просветительская деятельность. «Новая Кропля» ведёт воскресные курсы польского языка и основ польской культуры для детей и молодёжи, на которых обучаются дети из волгоградских школ № 84, 11, 30, а также из гимназий №4 и 5, дети из танцевальных ансамблей и полонийных хоров, студенты из Педуниверситета, из Технического университета, из Архитектурно-строительной академии и других вузов города.

В «Новой Кропле» 2 детских танцевальных фольклорных коллектива – «Славяночка» и «Волгорята», а также 2 полонийных хора – «Волга» и «Новая Кропля». Кроме концертов в школах, в ДК детского творчества Ворошиловского района, участия в Днях славянской культуры и письменности

они участвуют в городских мероприятиях, фестивалях и конкурсах. Ансамбль «Славяночка» по приглашению полонийных организаций выезжал с концертами и на учёбу во Львов, Луганск, Москву, Казань, Санкт-Петербург, Оренбург. В настоящее время представители этих коллективов имеют возможность летом выезжать на фестивали и учёбу в Польшу. К сожалению, участие в таких мероприятиях теперь стало полностью платным. Это закрывает для нас возможность выездов. По этому поводу руководство ассоциации направляло письмо в комиссию польского парламента, ведающую полонийным движением. Ответа не получили.

В 2000 г. из числа молодёжи, обучавшейся на курсах польского языка в течение последних лет, из числа студентов волгоградских вузов и с участием преподавателей нескольких музыкальных учреждений создан полонийный хор «Волга». В июле 2000 г. хор принял участие в 10-м юбилейном фестивале полонийных хоров в городе Кошалине. Несмотря на молодость, хор обладает довольно высоким уровнем исполнительского мастерства. В его репертуаре полтора десятка песен на польском языке. В связи с успешным выступлением в Польше, где хор участвовал в концертах в нескольких польских городах, в том числе в кафедральном соборе Кошалина, хор приглашён на фестиваль в 2001 г. В 2000 г. на фестиваль в Кошалине поступила 61 заявка от полонийных хоров со всего мира. Несмотря на то, что число мест на фестивале было ограничено (23), хор «Волга» был приглашён на фестиваль и был одним из лучших.

Летом 2001 г. пять человек из состава хора «Волга» приняли участие в фестивале поэзии Марии Конопницкой и заняли первое место в номинации песенной поэзии. Ансамбль «Волгорята» летом 2001 г. также принял участие в фестивале полонийных танцевальных коллективов в Жешуве, а осенью был приглашён на подобный фестиваль в Германии в городе Рекклингзхаузене, где выступил с успехом.

Ассоциация имеет возможность лучших по успеваемости детей от 10 до 15 лет летом направлять в Польшу в лагерь отдыха, но такая возможность предоставляется не каждый год (число мест обычно 5—6). Теоретически существует возможность и для молодёжи выезжать на отдых в Польшу в международные лагеря, только если раньше всё, кроме проезда, было бесплатным, теперь эти лагеря полностью платные, то есть всего такой отдых стоит не менее 600 долларов. Ассоциация имеет возможность направить молодёжь на летние курсы польского языка и польской культуры в Санкт-Петербурге К сожалению, число мест на таких курсах ограничено. Программа курсов предусматривает экскурсии по музеям и историческим местам Петербурга, связанным с деятельностью известных поляков. Занятия ведут как местные преподаватели, так и преподаватели из Польши. Молодёжь, выезжавшая на курсы, отзывается об организаторах и программе курсов с восторгом. Мы надеемся на участие в этих курсах и в дальнейшем.

Преподаватели польского языка, ведущие занятия на курсах ассоциации,

раньше также имели возможность выезжать на летние курсы в Польшу, но теперь и эти курсы стали платными.

В настоящее время налаживаются хорошие связи с ВолГУ, студенты-филологи которого также изучают польский язык. «Новая Кропля» делится с ВолГУ учебниками, периодической литературой, видеокассетами. Студенты могут посещать организуемые «Новой Кроплей» курсы польского языка.

Проблемы ассоциации «Новая Кропля».

1. Постоянно возникает необходимость по вопросам деятельности организации позвонить, отправить факс или электронную почту в Москву или Польшу. За все эти контакты приходится платить из собственного кармана.

2. В летний период возникают огромные проблемы с отправкой детей и молодёжи в Польшу на фестивали или учёбу. Несмотря на то, что пребывание в Польше полностью оплачивает польская сторона, большинство семей не могут изыскать средства на проезд своих детей туда и обратно. Так сорвалась поездка на Всемирный фестиваль полонийной молодёжи из-за того, что волгоградская автобусная фирма перед самой отправкой запросила с нас удвоенную плату.

3. Один-два раза в год функционеры ассоциации (обычно председатель правления или его заместитель) должны выезжать в Москву на заседания правления или конференции Конгресса поляков в России. Средства на проезд частично изыскиваются руководством Конгресса, ассоциация на эти цели средств не имеет.

4. Возникают проблемы с получением посылок из Польши. Обычно это комплекты учебников и учебных принадлежностей. Например, одна организация в Польше собрала для наших детей спортинвентарь — роликовые доски и коньки. Выслать это по почте они не могли — пересылка стоит значительно дороже содержимого. Мы можем забрать это только сами, если приедем на автомобиле. Ассоциации нужен собственный транспорт.

5. Чтобы успешно развиваться нашим фольклорным коллективам, им необходимо постоянно обновлять и обогащать репертуар, что связано с необходимостью приобретения новых костюмов. Средств на их изготовление мы ниоткуда получить не можем.

Выводы. Ассоциация «Новая Кропля» планирует и в дальнейшем продолжать заниматься культурно-просветительской деятельностью — учить детей, молодёжь и взрослых польскому языку, знакомить их с польской историей и с основами польской культуры. В ближайшее время планируем наладить переписку наших детей с детьми из польских школ.

Мы намерены также расширить наши контакты с польскими и полонийными организациями и фирмами, искать новые формы сотрудничества. Планируем изыскать возможность для массовых посещений Польши нашей молодёжью в летнее время.

Литературное творчество членов клуба «Кропля». В мае 2002 г. исполнилось 17 лет со дня образования в Волгограде Клуба любителей польского

языка и польской культуры «Кропля». Клуб объединил как лиц польского происхождения, так и представителей других национальностей, заинтересованных в совершенствовании разговорного языка и расширении своих познаний в области польской культуры. О клубной деятельности в полонийном движении в доступной нам литературе информации нет, хотя эта форма деятельности чрезвычайно эффективна. Наиболее интересен начальный период работы клуба — формирование традиций, правил, системы общения. В клубе встречались люди с разной степенью подготовленности: и выпускники МГУ с дипломом полониста, и лица, которые вначале по-польски могли сказать только «Dzień dobry» и «Dziękuję». на заседаниях клуба всегда царила прекрасная атмосфера духовного родства, доброжелательности, искромётного юмора, радостного творчества и взаимной любви. Не существовало возрастных границ. Члены клуба были одной семьёй, обращались друг к другу на «ты» невзирая на возраст. Каждый из «первокропляков» был яркой личностью. Прежде всего следует назвать Владимира Беляева, одного из первых преподавателей польского языка в городе, научившего польскому языку не один десяток человек, в том числе автора этих строк. Он первым стал писать на польском языке стихи, рассказы и пьесы, заразив этим многих членов клуба. Следует сказать, что «произведения» многих из нас только с очень большой степенью приближённости можно считать написанными на польском языке. Но знакомство с ними может быть полезным специалистам-филологам. Для примера приведём стихотворение, написанное автором данной статьи для объяснения смысла, заложенного в название клуба.

KROPLA

Oto jesteśmy «Kroplą», po rosyjsku – «Капля»...
Dlaczego właśnie «Kropla» i jaki jest w tym sens?
Dlatego że jak krople się zbiegają łatwo,
Zbieramy się do klubu co niedziela wszyscy – Все.
Zamknięta w małej krople duża, wielka siła,
Najtwardsze lite skały dłubie kropla – czas.
Potoki, rzeki, morza, oceanów mile
Do kropli kropla się składają, jak k drzewu drzewo – las
W zegarze wodnym kropla – miara czasu,
A czas potężny jest, wszechmocny i nieubłagany.
Po kropli kropla życie z nas ucieka, gaśnie...
Memento mori, przyjaciele, pamiętajmy.
Ale kropla przecież – to i czarodziejskie lustro,
Odbija się w nim niebo, miękka trawa, las.
W tym oku świata tęcza się znajduje cudem,
I głośny długi pociąg, i piękny mały kwiat.

A w ogóle to «Kropla» się rozkłada gładko:
To «Klub Rosyjsko-Polski Laików» – i już.
To nazwa klubu naszego i żadna to zagadka.
Niech będzie trwałym związek naszych dusz!
Jesteśmy teraz i będziemy długo laikami,
Językiem polskim rozmawiamy bardzo jeszcze źle.
Ale dlatego właśnie tutaj uczęszczamy,
Mówimy i bawimy się po polsku, że – ole!
Wesołe drobne krople tańczą po kałużach,
Gdy skacze, podskakuje, pada letni deszcz.
Uśmiecha się nam «Kropla» filuternie – symbol klubu
Niech żyje «Kropla»! Panowie – tusz!

Это титульное стихотворение «Кропли». В начале пути был конкурс на лучшее название клуба, предлагались разные: «Волга–Висла», «Полония» и другие. В конце остановились на «Кропле». Почему? В этом стихотворении и заложен ответ. Здесь говорится, что как капли обычно стремятся слиться в одну, так и мы каждое воскресенье собираемся в клуб. В маленькой капле – большая сила: точит твёрдую скалу. Из маленьких капель состоят реки и океаны, которые, в принципе, тоже являют собой одну каплю. В водных часах капля – мера неумолимого времени. Но ведь капля и маленькое волшебное зеркало, в котором отражается весь мир – небо, лес, длинный поезд и маленький цветок. А вообще-то «Кропля» расшифровывается просто: «К» – «Клуб», «ро» – «российско», «п» – «польский», «ля» – «ляикув» («ляик» – дилетант).

Как отмечалось, стихотворение написанное на самой раннеи стадии освоения языка, сейчас кажется просто смешным, но когда-то автор им очень гордился. Значительно более совершенными и с точки зрения техники, и грамматики, и правильности употребляемых выражений являются стихотворные зарисовки, выполненные нашим «народным поэтом», автором первого и второго гимнов «Кропли» Владимиром Беляевым. Первый гимн был следующим:

QUO VADIMUS?

Więc do klubu w bibliotece imienia Gorkiego
zapraszamy miłośników języka polskiego!
Pożytecznie i wesoło tu spędzamy czas,
bo potrafi coś wymyślić chyba każdy z nas!

Ponoc nie jest zbyt poprawna ta nasza polszczyzna,
ale piękne są kobiety, przystojni mężczyźni!
Dla smakoszy jest herbatka oraz pyszne ciasta.
Czasem spacer urządzamy po ulicach miasta.

Dla każdego coś polskiego – oto nasze hasło!
Mamy książki, czasopisma, nawet pokój własny.
Dokąd mamy iść – nie wiemy, bośmy na rozdrożu.
Poszukajmy wspólnej drogi – przyjaźń nam pomoże...

Этот гимн исполнялся на мелодию «Марш, марш, Домбровски». Новый гимн «Новой Кропли» написан им же два года назад:

WIWAT POLONIA!

Choć masz jeno kroplę krwi polskiej w swych żyłach,
Z macierzą twój los!
Śpiewajmy jej pieśni o dziejach zawiłych,
Usłyszy nasz głos!
Refren
Hej Polonio, twoja droga aż do Polski wiedzie,
Orzeł biały towarzyszy w radości i w biedzie!
Dążymy do Polski przez ciernie, przygody,
Miłujem ten kraj!
Polszczyzno kochana, tyś zawsze z narodem,
Więc pomoc nam daj!
Refren
Ojczyzna i honor – nadzieja Polaków,
Zaś wiara to szczyt!
Warszawa jest matka, a ojciec to Kraków,
Zapomnieć nam wstyd!
Refren

Кроме того, можно привести следующие его стихотворные произведения:

ZŁY HUMOR

(fraszka)

Kiedy jestem nie w humorze,
Mam chęć udać się nad morze,
Albo, hen, daleko gdzieś,
Gdzie jest las i gdzie jest wieś.
Nici z tego – moja wina,
Trzymam w ręku szklankę wina,
O zielonej trawce marzę,
I o rzeczce i o plaży.
Parówkami brzuch upycham,
Znakomita to zagrycha!?
Któż od stołu mnie wywabi?
Może lato, może babie?
Kiedyż wreszcie mnie zawoła,

Wiejska piękność do stodoły?
Aż tu nagle słyszę głosik!
Toć niewiasta śpiewa cosik!

Rzucam szklankę i na ganek,
A na dworze piękny ranek,
Stoi panna urodziwa,
I paluszkiem na mnie kiwa.
Raźnie daję do niej susa,
Jestem gotów do całusa,
Dziewka wzrokiem mnie objęła,
I szlafroczek z siebie zdjęła.
Wtem ktoś trącił mnie po plecach,
Któż tam pcha się? Co za heca!
Obejrzałem się strwożony...
Zobaczyłem własną żonę!
Obudziłem się nieswieży,
Z głową moją na talerzu,
Cała gęba w galarecie,
A rodzina już w komplecie...
Żona wybałusza gały,
Mama żony -- trzyma wałek,
Dzieci ryczą, Burek szczeka,
Często to na chłopa czeka.
Cóż, panowie, rzecz wiadoma.
Czasem mamy piekło w domu,
Trwało to z godzinę może,
Znowu jestem nie w humorze...

LIST MIŁOSNY ŻMIGROSZA

Jestem zły że kocham, pragnę,
Że przyciągasz mnie jak magnes.
Właśnie teraz, chłodną zimą
Kiedy tanich kwiatów ni mo.
Jestem wściekły, moja mała,
Bo za drogo kosztowała
Czy pamiętasz? Ta kolacja,
W zeszły wtorek, w restauracji.
A perfumy, com ci kupił?
To ruina, bom jest głupi,
Zakochałem się, jak żaczek,
Trzeba jeszcze kupić znaczek...
Żeby list odesłać w porę

Chryste, będę z tego chory!
Te wydatki mnie wprost męczą,
Chyba sam ten list doręczę...
Ale znowuż butów szkoda,
Bo na zewnątrz zła pogoda.
Tyle kosztów, tyle forsy.
Po to tyle, żeby gorset
Ci pomacać parę razy!
Wiem, że sama o tym marzysz,
Żeby ze mną pójść do księdza.
Brak mi czasu i pieniędzy.
Nie ożenię się, broń Boże!
Chociaż jesteś taaka hoża...
Do żeniaczki się nie śpieszę,
Troszczę się o własną kieszeń.

Post scriptum:
Nie doczeka się kobieta,
Ani listu, ni faceta...
Hej, chłopaku, nie bądź chciwy,
Lepsza panna, niz grosiwo!
(Zaiste)

Прозаические произведения В. Беляева также насыщены юмором. К сожалению, из-за их большого объёма они не могут быть здесь приведены.

Творческие достижения «первокропляков» вдохновляют и нынешнюю молодёжь, которые также пробуют писать стихи. Но их уровень ещё не для печати. Будем работать дальше и надеяться на молодые таланты.

О. Н. ГЛУШКО
г. Волгоград

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX В.

XX в. стал для России и всех стран мира веком возникновения новых проблем, получивших глобальное значение. И одна из них – международное и межкультурное сотрудничество, взаимодействие и взаимовлияние.

Россия всегда отличалась своей многонациональностью, различием в национальной психологии, многоконфессиональностью, поэтому контакты нашей страны с другими государствами имеют большое значение не только для внешней, но и для внутренней политики.

Россия для человечества навсегда останется восточной страной, а Польша – западной, однако они не представители двух полюсов, а два составляющих элемента одной системы – международного сообщества. Оно многолико, но всё же едино.

У каждого народа (также и у российского, и у польского) складывается определённая «картина мира», определённый способ восприятия пространства и времени, труда и семьи, соотношение мира[1]. Вероятно поэтому на современном этапе развития в науке и на практике доминирует принцип «толерантности» (от латинского «*tolerantia*» – «терпение»). В связи с этим польско-русский диалог на различных уровнях представляется сегодня необходимым и срочным со всех точек зрения[2].

Россия и Польша исторически связаны друг с другом, начиная с раннего Средневековья Их политические, культурные интересы неоднократно переплетались, воздействуя друг на друга, заимствуя отдельные элементы друг у друга для восполнения культурных лакун.

В годы советской власти (с начала 60-х гг.) граждане СССР могли узнавать о происходящих событиях мира в полном объёме из польской литературы, однако интерес у народа был не столько к политике, сколько к культуре.

---

[1] *История мировой культуры*. М., 1998. С. 225.

[2] *Клочовский Е.* Диалог необходим // Новая Польша. 1999. №2. С.7–10.

Польша стала «окном на Запад» – по-польски читали ещё не изданных тогда в нашей стране Фолкнера, Кафку, Камю.

Польским языком, культурой издавна интересовались и российские поэты: А.С. Пушкин, А.А. Ахматова, И.А. Бунин и другие. В связи с этим очень интересна информация о Бунине. Исследователи его биографии пришли к выводу, что род Буниных берёт своё начало от поляка Шимона Буниковского, поселившегося в Москве в XV в. Бунин очень интересовался польской литературой, а особенно творчеством Мицкевича, его «Крымскими сонетами», балладами и «Паном Тадеушем». «Ради Мицкевича я даже учился польскому», – говорил И. Бунин и в двадцать два года перевёл стихотворение Мицкевича «Новый год», а также четыре стихотворения Адама Асныка.

Первое произведение Бунина, которое было переведено на польский язык, – это рассказ «Дела корнета Елагина». Он был напечатан в 1927 г. в варшавской типографии.

В Польше в настоящее время также переводятся российские литературные произведения (Т. Толстая – «Огонь и пыль», Ю. Буйде – «Весёлая Гертруда», произведения В. Пелевина и многих других), в театрах ставятся шедевры российской классики, например, «Братья Карамазовы» – в краковском Старом театре под руководством Христиана Люны.

В свою очередь сочинения польских поэтов и писателей переводятся в России. Особой популярностью пользуются работы поэта Юлиуша Словацкого, родившегося в Кременце, ныне территория Украины, свои произведения писавшего в Польше и во Франции.

В 2000 г. были созданы четыре польских центра культуры – в Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Тель-Авиве и Бухаресте.

А январь 2002 г. был отмечен визитом В.В. Путина в Варшаву с целью укрепления международных связей России и Польши. На встрече двух президентов В.В. Путин заявил: «Я предпочитаю любить Польшу за то, что она подарила человечеству Шопена. Я предпочитаю любить Польшу за Мицкевича. Я предпочитаю любить Польшу за польский дух и польский характер»[3]. Президент Польши А. Квасьневский пояснил, что совместная история России и Польши – это не только трагедии, но и взаимное обогащение в области культуры и науки. Этот визит помог осознать то, что многие события, многие страницы истории остаются неизвестными и для россиян, и для поляков.

Программа, запланированная по случаю визита В.В. Путина в Варшаву, включала очень важный момент – возложение венков на кладбище советских воинов в Варшаве, но российский президент неожиданно для всех возложил цветы и к памятнику Польского подпольного государства и Армии Крайовой.

Визит Путина в Польшу можно признать удавшимся и позволяющим

[3] *Кулерский В.* Визит Путина в польском зеркале // Новая Польша. 2002. №2. С. 3–10.

надеяться на лучшее будущее[4]. По данным опроса общественного мнения, проведённого Лабораторией социологических исследований, 79% поляков уверены, что этот визит приведёт к улучшению польско-российских отношений.

Большое значение для обеих стран имеет наличие практики создания совместных национально-культурных центров, проведение конкурсов, фестивалей. Кроме того, важно и научное сотрудничество, укрепление туристических связей.

Межгосударственные культурные связи благотворно влияют на характер и формы международных отношений. В их основе лежит понимание того, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами[5].

У России и Польши всё ещё впереди, в том числе и взаимовыгодное экономическое, политическое, научно-техническое, культурное сотрудничество. Вспоминаются слова Жана Монне: «Мы объединяем не государства – мы объединяем людей».

---

[4] *Sienkewicz B.* // Gazeta Wyborcza. 2002. 21 stycznia.

[5] *Всеобщая декларация прав человека 1948 года.* Ст. 27 // Сборник международных документов по правам человека. М., 1998.

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В. И. ШКУРО
г. Краснодар

СЫН ШЛЯХТИЧА ПЁТР ГРИГОРЬЕВИЧ БУРНОС – ТРЕТИЙ В РЯДУ КУБАНСКИХ ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ

Фамилия БУРНОС без имени и отчества заинтересовала меня несколько лет назад, когда доктор исторических наук В.Н. Ратушняк дал мне возможность ознакомиться со списком донских, кубанских и терских казаков, награждённых орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия (по данным Капитула Российских орденов). Там, под № 961 записано, что 17 марта 1810 г. подполковнику Черноморского казачьего войска Бурносу вручён названный орден 4-го класса. До него такого ордена черноморцы удостоились 12 декабря 1788 г.: полковник Антон Головатый (№ 270) и бригадир Захарий Алексеевич Чепега (№ 271).

При изучении материалов переписи черноморских казаков, прибывших на новопожалованную землю к 21 марта 1794 г., оказалось, что в ревизской сказке Крыловского (Крыливского) куреня в «числе служивших от бывшого Запорожья старшин, имеющих армейские чины», значится:

«2. Полковник, армии секунд-майор Пётр Бурнос, 50 лет. С женой Пелагеей, 35 лет, сыном Корнилием 10 лет, дочерьми Ксенией 12 и Ульяной 10 лет, а также шестью работниками они проживали в хуторе при речке Кирпилях. Из сопоставления этих двух документов видно, что он не очень далеко продвинулся в чинах, а самую почётною в офицерском корпусе России награду – орден Святого Георгия он получил в довольно преклонном возрасте»[1].

В списке дворян города Екатеринодара и Екатеринодарской округи, составленном 4 января 1816 г., войсковой старшина Корней Петрович Бурнос, с женою Марфой Алексеевной, сыном Петром, дочерьми Ксенией и Екатериной, значится проживающим в городе Екатеринодаре. Можно предположить, что к этому времени подполковник Бурнос уже умер[2].

---

[1] *ГАКК.* Ф. 396. Оп. 1. Д. 11328. Л. 88.

[2] Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 299. Л. 29.

Внук Петра Бурноса – Пётр начал службу 17 января 1824 г. в 7-м Черноморском эскадроне лейб-гвардии казачьего полка, а Высочайшим приказом 6 декабря 1840 г. производится на вакансию из ротмистров в полковники всё в том же гвардейском полку[3].

В 1997 г. в нашем городе издан «Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года», в котором я с удовольствием познакомился со статьёй профессора Б.А. Трёхбратова, составленной о П.Г. Бурносе на основании послужного списка. (К сожалению, мне не удалось ознакомиться с этим документом, но надеюсь, что это случится).

Из статьи Б.А. Трёхбратова мы узнаём, что Пётр Григорьевич Бурнос родился в семье шляхтича. Определить его подлинную фамилию по документам кубанских архивов невозможно. Скорее всего её можно узнать только по документам дворянским или семейным в Польше, и то только случайно. Дело в том, что во всех казачьих войсках, существовавших по окраинам Российского государства, действовал незыблемый закон о смене фамилии или прозвища при поступлении в казаки. Прозвища же или фамилии новичкам давали по каким-то внешним, отличным от других признакам. В данном случае выбор прозвища, вероятно, связан с носом Петра Григорьевича.

Далее сообщается, что он родился в 1749 г., а уже 2 мая 1760 г. поступил в запорожские казаки. Дата рождения, скорее всего, неверна. В 11 лет в казаки не принимали, а тем более людей другой веры. Более правдоподобна дата, указанная в ревизской сказке Крыловского куреня: в 16 лет, да ещё если подросток был рослым, это могло случиться. Косвенным доказательством того, что его род состоял из крупных мужчин, может служить тот факт, что внук Петра Григорьевича – Пётр – служил в казачьем гвардейском полку и дослужился в нём до полковника. Как известно, в этот полк на службу откомандировывали казаков под два метра ростом, при безусловной нравственности.

Что касается поступления дворянина-католика в православное Запорожье, то тут ничего удивительного нет. Хотя реестровые малороссийские казаки служили польским королям, их детей и внуков, как и юношей многих национальностей влекло именно в Запорожье. Ведь запорожские казаки считались в народе последними рыцарями Европы, которые самоотверженно сражались за освобождение из турецкого и татарского плена христиан, захватываемых теми для продажи на невольничьих рынках Ближнего Востока. Романтика всегда влекла молодых. Недаром в списках запорожцев десятки, если не сотни казаков носили фамилии Лях, Ляшенко, Поляков и т.д.

Итак, 2 мая 1760 г. его принимают в казаки. Первый офицерский чин войскового хорунжего он получил 3 июля 1770 г. Тогда шла русско-

[3] ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 59. Л. 24–28.

турецкая война 1768–1774 гг. Большинство запорожцев и рядовых, и старшин тогда воевали против своих извечных врагов – турок. Наверно, для многих из них неожиданностью явилось разрушение русскими войсками Запорожской Сечи. Счастьем для них было то, что они остались на родине – в России. Ведь при разрушении Сечи многие попали в Сибирь, а убежавшие на лодках по Днепру, в конце-концов оказались в дельте Дуная, во враждебном окружении. Правда и там они сумели самоорганизоваться и создать Задунайскую Сечь.

Когда началась русско-турецкая война 1787–1791 гг., полковой есаул П.Г. Бурнос не спешил примкнуть к С.И. Белому, З.А. Чепеге, А.А. Головатому и другим запорожским старшинам, формировавшим из бывших запорожцев волонтёрские команды. Наверно, держало семейное счастье, обретённое после двадцати лет бродяжничества, маленьких радостей и больших разочарований. Но в крови играл вольнолюбивый запорожский дух и 11 сентября 1790 г. он возвращается к своим товарищам из Черноморского казачьего войска, в чине бунчукового товарища. Он ещё успел повоевать под Измаилом и Мачином, а затем, судя по всему, с приличным хозяйством, женой и тремя малолетними детьми прибыл на Кубань. Здесь ещё почти двадцать лет он командовал полками, охранявшими границу, в 1807 г. был награждён орденом Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени. За личное мужество и храбрость в бою с черкесами 26 января 1810 г. у Мышастовского куреня (сейчас станица Новомышастовская) был представлен к ордену Святого Георгия 4-го класса и после рассмотрения Георгиевской кавалерской думой, получил его 17 марта 1810 г.[4]

---

[4] *Трёхбратов Б.А* Бурнос Пётр Григорьевич // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 74.

А. А. БОГОЛЮБОВ
г. Пятигорск – г. Люблин

МАРЦЕЛИН МАТВЕЕВИЧ ОЛЬШЕВСКИЙ – ГРАЖДАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР КАВКАЗСКОЙ ОБЛАСТИ В 1844–1846 гг.

Сороковые годы XIX в. – это период, когда судьбы Кавказа и Польши причудливо переплелись в истории Российской империи. В Царстве Польском было подавлено восстание 1830–1831 гг., а на Кавказе в самом разгаре было восстание под руководством Шамиля. В этих условиях власти царской России широко использовали сосланных повстанцев-поляков, а также рекрутов Царства Польского для борьбы с горцами. По оценке одного из наиболее известных современных польских исследователей данной проблематики, Веслава Цабана, в 1831 г. в Отдельный Кавказский корпус было включено 1865 участников восстания 1830–1831 гг.[1]

Кроме того, в 1832 г. ещё 8901 человек из Царства Польского попали на Кавказ в качестве рекрутов. В 1834 г. число польских рекрутов, включённых в Кавказский Корпус, составило 2600 человек. В течение последующих 9 лет, с 1835 по 1843 г., в число солдат Отдельного Кавказского корпуса было включено ещё 9600 поляков[2].

К этому количеству следует добавить ещё несколько десятков человек, высланных в 30–40-е гг. XIX в. на Кавказ, «в солдаты», из Царства Польского за участие в конспиративных политических организациях[3].

Именно из среды последних выдвинулись позднее, в 60–70-е гг. XIX в., наиболее известные мемуаристы, оставившие интересные описания не только своих личных впечатлений от пребывания на Кавказе, но и подробные сведения о природе этого края, народах, его населяющих, их обычаях и традициях.

---

[1] *Caban W.* Służba wojskowa Polaków na Kaukazie w latach 1831-1856 // W kraju i na wychodźstwie. Toruń; Olsztyn, 2001. S. 727.

[2] Ibid. S. 728–730.

[3] Ibid. S. 731.

Вообще следует отметить, что польская мемуарная литература XIX в. о Кавказе представляет весь спектр мнений, бытовавших в тогдашней Польше о войне, которую Россия вела там в то время: от лютой ненависти к «москалям» и прославления доблести горцев во главе с Шамилем у Матеуша Гралевского или Гедеона Гедройца[4] до безудержного восхваления славы российского оружия и осуждения восточного варварства, которое этому оружию сопротивлялось, у Генрика Дзержка[5]. О последнем из названных польских мемуаристов следует сказать, что Дзержек, в отличие от многих других поляков, которые писали о Кавказе, не был туда сослан. Он принадлежал к числу тех уроженцев Царства Польского, которые в 30–40-е гг. XIX в. прибывали на Кавказ добровольно. Число таких поляков не поддаётся точному определению. Однако по результатам архивных изысканий, проведённых мной на Северном Кавказе, во время которых польские фамилии можно было встретить среди офицеров царской армии и чиновников, в том числе самого высокого ранга, буквально на каждом шагу, можно предположить, что таких поляков в середине 40-х гг. XIX в. было только на территории Северного Кавказа никак не меньше нескольких сотен человек. Трудно поддаётся определению также мотивировка их пребывания на Кавказе и участия в Кавказской войне. Безусловно, принимая во внимание, что, как следует из их формулярных списков, большинство поляков, выходцев с территорий, некогда являвшихся частью Речи Посполитой, были дворянами без имения, ведущую роль играл материальный стимул: возможность хорошо заработать на службе, а после её окончания – получить хорошую пенсию. Не следует, однако, исключать и стимула морального: многие из поляков, добровольно участвовавших в Кавказской войне, видели в такой службе возможность продолжить вековые традиции польского средневекового приграничья, когда польская шляхта юго-восточных земель Речи Посполитой обороняла эти земли от набегов турок и татар.

В большинстве случаев полякам, добровольно вступившим в ряды царской армии, воевавшей на Кавказе, удавалось сделать блестящую карьеру. Но даже среди таких добросовестных царских служак особо выделяется Марцелин Магвеевич Ольшевский (не путать с Мелентием Яковлевичем Ольшевским (1816–1895), русским офицером, автором ряда работ о Кавказской войне и обычаях горцев), чьи достижения на поприще службы можно считать прямо-таки блестящими.

Марцелин Ольшевский родился около 1796 г. Более точной даты, к сожалению, назвать невозможно. Происходил из шляхты Каменец-Подольской

---

[4] *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnenia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju-ludność-zwyczaje i obyczaje. Lwów: Nakładem księgarni polskiej, 1877; *Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania przez G. Giedroyca.* Lwów: Drukiem Kornella Rillera, 1867.

[5] *Wspomnienia Kaukazu przez Henryka Dzierżka* // Athenaeum. Oddział II. T. 3. 1848. S. 77–215.

губернии, но отнюдь не из Беларуси и не из Литвы, как писал о нём Г.И. Филипсон в своих мемуарах, изданных в 1885 г. в Москве[6]. Далее Филипсон пишет: «Ольшевский, поляк и католик ... воспитывался в кадетском корпусе и потому образование получил самое посредственное». Иностранными языками не владел[7]. На основании данных высказываний можно предположить, что Г.И. Филипсон принадлежал к числу недоброжелателей Ольшевского, а потому в своих высказываниях о нём пользовался зачастую неточными сведениями. Более точные данные о Марцелине Ольшевским, имя отца которого в соответствии с нормами польского языка могло быть Мацей либо Матеуш, содержит его формулярный список, обнаруженный мной в Государственном архиве Ставропольского края. Из этого списка почерпнуто большинство сведений о личности этого поляка, включённых в предлагаемую работу. Формулярный список содержит иные, противоречащие утверждениям Филипсона, данные о юношеских годах Ольшевского. Последний 8 августа (здесь и далее даты старого стиля) 1814 г., то есть в возрасте 18 лет поступил в дворянский полк, где после двух лет службы получил звание унтер-офицера. С 1817 г. Ольшевский — в 48-м Егерском полку. Служба в нём приносила ему одно за другим офицерские звания: подпоручик, поручик и, наконец, в 1822 г. — штабс-капитан. С 1823 г. у Ольшевского начался период службы адъютантом сначала у генерала Розена, затем, с 1831 г. — у генерала Вельяминова[8]. Именно на этой службе раскрылись административные способности будущего губернатора Кавказской области, о которых Филипсон писал: «От природы имел он (Ольшевский. — **А.Б.**) хорошие умственные способности, на службе приобрёл навык и рутину очень хорошего канцелярского чиновника, а в школе Вельяминова сделался очень недурным боевым офицером»[9].

Кавказский период службы М. Ольшевского начался, по всей вероятности, в 1829 г. участием в Турецкой войне, а с января 1830 г. начался период его участия в войне кавказской. В том году он участвовал в походах против горцев на севере Дагестана[10]. Настоящая «школа Вельяминова», о которой пишет упоминаемый выше Филипсон, началась для Ольшевского 14 августа 1831 г., когда Вельяминов был назначен командующим войсками Кавказской линии и Черноморья. К сожалению, уже в этот период Кавказская война приобрела не только кровопролитный, но и очень жестокий характер, что нашло своё отражение даже в сухих официальных данных

---

[6] *Филипсон Г.И.* Воспоминания. М., 1885. (В данной работе было использовано новое издание этих воспоминаний: *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 306).

[7] Там же.

[8] *ГАСК.* Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 3.

[9] *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 308–309.

[10] *ГАСК.* Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 3, 5.

формулярного списка М. Ольшевского. В 1831 г. он как адъютант Вельяминова участвовал в уничтожении чеченских селений Бесен-Бер, Аутур, Гельдиген и других[11].

Возможно, именно с той поры стала верной характеристика, данная будущему гражданскому губернатору Кавказской области Филипсоном впоследствии: «Личность и характер Ольшевского были очень несимпатичны»[12].

1832 г. для Марцелина Матвеевича – это новые походы в Чечню и Дагестан и новые уничтоженные деревни, в том числе 17 февраля – печально известные по событиям так называемой первой российско-чеченской войны 1994–1996 гг. – Самашки, а 23 февраля – Алхан-Юрт. Штабная добросовестность Ольшевского, о которой пишет Яков Гордин, уже тогда приносила свои плоды – в сентябре он получил орден Святого Станислава 3-й степени. С этого времени награды на Ольшевского посыпались одна за другой: например, орден Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 3-й степени, ряд денежных премий. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает полученная Ольшевским 9 ноября 1833 г. золотая сабля с надписью «За храбрость». Ольшевский получил её, как следует из его формулярного списка, «за поиск и отнятие у неприятеля пушек»[13]. Факт этот заслуживает внимания, особенно если учесть, что данные об артиллерии у горцев в период Кавказской войны в российской историографии практически не встречаются.

21 апреля 1835 г. М. Ольшевский получил звание полковника. С того времени и до 1838 г. его военная карьера связана была с Западным Кавказом, где тогда шли не менее жестокие бои, чем на востоке региона. Ольшевский принимал участие в боях в районе Анапы. Награда за это не заставила себя долго ждать – 28 мая 1837 г. он получил орден Святой Анны 2-й степени, на сей раз с императорской короной[14].

Важнейшим пунктом воинской карьеры Ольшевского был десант в Туапсе в мае 1838 г., во время которого 31 мая он не только храбро оборонял вместе со своими солдатами занятые позиции, но и спас потерпевшие крушение российские суда, которые, как можно предположить, были выброшены на скалы необычайно бурным в том месте морем. За этот десант Ольшевский получил звание генерал-майора и орден Святого Станислава 2-й степени.

Декабрь 1838 г. стал для Марцелина Матвеевича началом его административной карьеры: до марта следующего, 1839 г., он замещал отсутствовавшего в то время начальника Черноморской линии генерала Раевского. Возможно, именно тогда у нашего героя начали проявляться способности,

---

[11] *ГАСК.* Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 5–6.

[12] *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 309.

[13] *ГАСК.* Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 8.

[14] Там же. Л. 10.

о которых упомянутый выше Я. Гордин позднее писал: «Вполне возможно, что Марцелин Матвеевич Ольшевский был человеком неприятным. Но именно штабная добросовестность ... и административный навык давали ему возможность разобраться в ситуации куда подробнее и реалистичнее, чем это сделали бы чисто военные профессионалы»[15].

Примером такой деятельности Ольшевского может служить его командование левым флангом Кавказской линии в 1840–1841 гг. Можно с уверенностью говорить о том, что такая служба требовала не только административного таланта, но и личного мужества. Приходилось заниматься как рутинной административной работой, как, например, рапортом майора Венеровского о рыбных ловах для терских казаков[16], так и решением более кардинальных вопросов, к числу которых принадлежала выработка стратегии политики в отношении чеченцев. Об этом Ольшевский написал 5 августа 1840 г. рапорт генерал-лейтенанту Галафееву. Рапорт этот заслуживает того, чтобы сказать о нём несколько слов. Ольшевский предлагал не вытеснять чеченцев в горы, а селить их вперемежку с казаками на равнине. Безопасность последних, по мнению Ольшевского, была бы гарантирована, так как мирные жители Чечни, в том числе князья, не имели оружия. Его имели только разбойники. Последние, соединившись с муллами, стали верными слугами Шамиля и создали для мирных чеченцев условия, в которых у последних не оставалось выхода, кроме как следовать за сторонниками имама. В этих условиях Ольшевский предлагал позволить мирным жителям Чечни вернуться в свои дома, не обременяя после возвращения налогом тех из них, кто принадлежал к лицам духовного звания, а также стариков и вдов[17].

12 ноября 1841 г. у деревни Амир-Адам-Юрт в перестрелке с горцами Шамиля, возвращавшимися после набега на город Кизляр, Ольшевский был ранен пулей в грудь[18]. С той поры для него начался длительный курс лечения, в том числе летом 1842 г. в городах Кавказских Минеральных Вод. Здесь его нашла очень необычная награда: личная благодарность короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV за помощь трём прусским офицерам, оказавшимся в период командования Ольшевским левым флангом Кавказской линии в том районе[19]. К сожалению, более подробных данных об этом событии обнаружить не удалось.

После лечения наступил кульминационный момент в карьере Ольшевского: 9 октября 1843 г. император Николай I подписал указ о его назначении гражданским губернатором Кавказской области. В эту должность

---

[15] *Гордин Я.* Указ. соч. С. 309.

[16] *ЦГА РД.* Ф. 236. Оп. 2. Д. 15. Л. 7.

[17] *Гордин Я.* Указ. соч. С. 309–311.

[18] *ГАСК.* Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 14.

[19] Там же. Л. 15.

Ольшевский вступил 11 января 1844 г. Следует отметить, во-первых, что должность эта в таком неспокойном регионе, как Северный Кавказ, требовала не только административной работы: по крайней мере, 5 раз в течение двух лет пребывания в должности губернатора Ольшевский вынужден был на длительный срок – несколько месяцев – выезжать в действующую армию; во-вторых, именно период нахождения Марцелина Ольшевского на посту гражданского губернатора Кавказской области характеризуется исключительным порядком в ведении дел. Этого не может не почувствовать любой исследователь, работающий с архивными материалами той поры в Государственном архиве Ставропольского края. Наиболее простым примером отлаженной бюрократической машины области может служить составление документов на солдат арестантской роты в городе Ставрополе, в рядах которой служили поляки, в том числе Казимир Янковский и Анатоль Биняковский[20].

Ещё одним примером административной деятельности Ольшевского явилось окончание спора семьи поляков Вильчиньских – матери Евы и сына Петра, проживавших в Ставрополе – с их русскими соседями по поводу занимаемой ими земли. К сожалению, решение было не в пользу Вильчиньских. Внимания заслуживает другое: ещё в 1843 г. титулярный советник окружного суда в Ставрополе Пётр Вильчиньский предложил открыть в этом городе паспортный стол[21]. К чести Ольшевского следует сказать, что, хотя и не удалось найти каких-либо документов, свидетельствующих о дате открытия такого стола, можно предположить, что такая идея Вильчиньского была не только зарегистрирована, но и принята.

К числу достаточно непростых дел, с которыми М. Ольшевскому пришлось столкнуться на посту гражданского губернатора Кавказской области, принадлежало дело моздокского и кизлярского окружного врача Владимира Атаназевича. Последний принадлежал к числу людей неуравновешенных, везде и по любому поводу писал жалобы (всего их было написано более 100), чем, в конце концов, навлёк на себя гнев властей. Решение губернатора Кавказской области об увольнении Атаназевича в отставку в декабре 1845 г. с присвоением ему чина коллежского асессора позволило последнему избежать серьёзных неприятностей[22].

В бытность Ольшевского гражданским губернатором Кавказской области на её территории по крайней мере две польки работали повивальными бабками. Их поистине подвижническая деятельность нашла своё отражение в документах губернатора.

Первая из них, Марианна Гавронская (девичья фамилия Рудницкая) находилась в Ставрополе с 1834 г. Женщины, обращавшиеся к ней за помощью,

---

[20] *ГАСК*. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2980. Л. 30, 42–43.

[21] Там же. Д. 2127. Л. 1.

[22] Там же. Д. 3213. Л. 2.

никогда не знали отказа. Причём помощь эта, в случае необходимости, уделялась бесплатно. В декабре 1844 г. правление Кавказской области, вероятно по инициативе М. Ольшевского, обратилось к министру внутренних дел России с просьбой о награждении Гавронской премией в размере 250 рублей серебром[23]. В начале 1845 г. пришёл ответ: сумма награды могла составить только 30 рублей — так была оценена самоотверженная работа мужественной польки. Другая повивальная бабка — Варвара Яцковская — начала свою деятельность на Кавказе в Кизляре 8 февраля 1846 г., то есть уже в конце пребывания Ольшевского на посту гражданского губернатора Кавказской области. Из этого, к сожалению, следует, что данных о её дальнейшей деятельности не найдено. Известно только, что Яцковская сразу же по прибытии в Кизляр пожертвовала местным инвалидам 10 рублей из своего первого жалования, составлявшего всего 48 рублей 20 копеек серебром в год. Этот благородный поступок мужественной польки, как водилось у М. Ольшевского, попал в анналы истории[24].

Как следует из документов, обнаруженных мной в РГИА в Санкт-Петербурге, в 1845 г. Ольшевский вместе с Наместником Кавказским, князем Михаилом Воронцовым и исполняющим обязанности наместника Кавказской области генерал-лейтенантом Заводовским посещал Кавказскую областную гимназию[25]. В этой гимназии с лета 1844 г. математику в младших классах преподавал поляк, происходивший из шляхты Витебской губернии, Казимир Родзевич. К моменту посещения гимназии высшим начальством, вероятнее всего, не без вмешательства Ольшевского, Родзевич занимал должность старшего учителя начальных классов, что давало прибавку к его жалованию — 464 рублей 26 копейки в год[26].

Было бы ошибкой считать всю деятельность Ольшевского на посту гражданского губернатора Кавказской области сплошь и рядом деятельностью по поддержке своих соплеменников. Это было далеко не так. В 1844 г., например, содержатель с 1840 г. частной аптеки в Пятигорске Франц Тыминьский обратился к гражданскому губернатору с просьбой закрыть пятигорскую казённую аптеку, отбивавшую у него клиентов. Незадачливому предпринимателю было отказано[27].

При рассмотрении дел о назначении чиновников, в том числе и поляков, на вакантные должности в области Ольшевский не принимал решения единолично, советовался с подчинёнными. Примером может служить дело Феликса Волпянского, который происходил из Смоленской губернии

---

[23] *ГАСК*. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2723. Л. 1.

[24] Там же. Д. 3085. Л. 1, 5, 13.

[25] *РГИА*. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 751а. Л. 80.

[26] Там же. Л. 81, 83.

[27] *ГАСК*. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1292. Л. 1, 8; Д. 2817. Л. 1–3.

и просился на службу в Кавказскую Казённую палату. Ответ чиновников палаты был отрицательный и Ольшевскому ничего не оставалось делать, как такой ответ утвердить[28].

Весной 1846 г. Марцелин Ольшевский обратился к царю с просьбой об уходе в длительный отпуск – не давала покоя рана, полученная в 1841 г. В этой связи его освидетельствовал исправляющий должность старшего доктора войск Кавказской линии и Черномории статский советник Ясижский[29]. Когда эта просьба была отклонена, Ольшевский попросился в отставку, намереваясь поселиться с семьёй на южном берегу Крыма. Царский указ об отставке Ольшевского был подписан 23 апреля 1846 г. Вместо него гражданским губернатором Кавказской области должен был стать Норденстам[30]. Документы Ольшевского об уходе в отставку принимал и подписывал его тогдашний личный секретарь Хоцевич. Так закончилась карьера поляка, наиболее отличившегося на царской службе на Северном Кавказе.

Следует несколько слов сказать о семье М. Ольшевского. У него было двое детей: Александр (родился около 1826 г.) и Аделаида (родилась около 1829 г.). После смерти их матери Ольшевский женился на вдове титулярного советника Жозефине Феликсовне Булатовой. Все члены семьи, в отличие от её главы, были православными[31].

Данные о жизни Ольшевского после ухода в отставку обнаружить пока не удалось. Возможно, это получится у кого-нибудь из историков, занимающихся кавказской проблематикой, в самом ближайшем будущем.

Можно спорить о вкладе Марцелина Ольшевского в развитие Кавказской области. Одно несомненно: чётким и точным исполнением своих обязанностей он внёс свою лепту в историю этого региона на Юге России.

---

[28] *ГАСК* Ф. 444. Оп. 1. Д. 2674. Л. 1, 5–7.

[29] Там же. Д. 3586. Л. 17.

[30] Там же. Л. 79.

[31] Там же. Л 16.

О. В. МАТВЕЕВ
г. Краснодар

«РЫЦАРЬ В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА...»: Ф.А. КРУКОВСКИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА*

Герои народной истории кубанских казаков обычно представляют собои не столько индивидуальности, сколько типы и их историческое воплощение. Однако нередко имели место ситуации, когда реальная жизнь и подвиги героев казачества полностью соответствовали эпическим идеалам и нормам поведения, обогащали народную традицию в процессе столкновения с исторической действительностью новым содержанием. Показателен в этом отношении образ генерал-майора Феликса Антоновича (Станиславовича) Круковского (1800–1852), наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска, героя многочисленных песен и рассказов. Реальные штрихи биографии этого доблестного военачальника, романтические наружность и поведение были полны сюжетов для художественных произведений. «Генерал Феликс Антонович Круковский, – писал И.Д. Попка, – говоря без преувеличения, был рыцарь без страха и упрёка. Храбрость, прямодушие, честность и бивуачная простота в образе жизни были отличительными его качествами»[1]. Попке вторит Ф.А. Щербина: «По отзывам современников, это был военный рыцарь в полном смысле этого слова, для которого не существовало никаких военных опасностей»[2].

Феликс Антонович действительно обладал рыцарственной наружностью, импонировавшей казакам. Он был «росту большого, стройного, носил на голове короткие чёрные волосы, имел лицо серьёзное, выразительное,

---

* *Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №03–01–00644 а/Ю.*

[1] *Попка И.Д.* Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872. С. 55.

[2] *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Репринтное воспроизведение изд. 1913 г. Краснодар, 1992. Т. 2. С. 428.

большие чёрные бакенбарды и очень длинные усы, — словом, фигура его представляла тип настоящего кавалериста»[3]. Видимо, не случайно, казаки всерьёз полагали, что Круковский сам казачьего рода. Старожил станицы Бекешевской А.Н. Бондарев, 1921 года рождения, рассказывал: «Говорят, казак, казак Крюковской. Он просто командир был, полковник. Пели (песни о нём. — **О.М.**), но я не помню... "Слышно было, где-то за Лабою..." Пели и говорили. Хоть он не наш, бекешевский, а он с Ростовской области»[4]. Сам атаман такие убеждения не рассеивал, тем более что семейная генеалогия каким-то образом была с казачеством всё-таки связана. Ф.А. Щербина отмечал: «Родом он был поляк и получил хорошее воспитание под влиянием иезуитов»[5]. Е.Д. Фелицын писал, что Круковский был «родом из Литвы и принадлежал к фамилии, имевшей герб Корвин. Он воспитывался в иезуитском коллегиуме»[6]. В обнаруженном В.А. Зведре в Центральном Госархиве Кабардино-Балкарии «Формулярном списке о службе и достоинстве» майора Круковского, составленного в декабре 1840 г., говорится о происхождении его «из дворян Гродненской губернии», вероисповедание — римско-католическое, «по-российски, польски и арифметике знает»[7]. Однако И.Д. Попка сообщал: «Как от него (Ф.А. Круковского. — **О.М.**) самого известно, его предки принадлежали к числу тех немногих ранговых старшин малороссийского казачества, которые для избежания унизительного ограничения прав гражданства православных казаков в Речи Посполитой, делались поляками и по языку и по религии. Его прадед был в рядах тех двенадцати украинских казацких полков, с которыми храбрый король Ян Собеский ударил на турок в начале великой битвы, спасшей, как выражаются историки, европейскую цивилизацию под стенами Вены. Если справедливо, что племенные симпатии переживают разрозненные поколения, то первобытной национальностью Феликса Антоновича можно объяснить его горячее сочувствие к казакам и их боевому призванию, добрая память о котором живёт до сих пор на Тереке и верхней Кубани»[8].

И действительно, в его простом образе жизни «по-казачьи», в простой казачьей одежде линейцы видели уважение к своим обычаям, к ним самим.

---

[3] *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско. Репринтное изд. Краснодар, 1996. С. 345.

[4] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2753. Информатор Алексей Николаевич Бондарев, 1921 года рождения.

[5] *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 428.

[6] *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 345.

[7] *Зведре В.А.* Наказный атаман Ф.А. Круковский // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 45.

[8] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 53.

Так, будучи католиком, Круковский каждое воскресенье вместе с казаками ходил в православную церковь[9]. В песне, записанной И.Ф. Варавввой в станице Линейной (по словам собирателя, известна она была и в станице Курджипской) от А.П. Цапова, говорится: «Ой да, хорошо было, братцы, в отряде, / Ой да, с Крюковского молодцами. / Ой да, Крюковской ишёл с большим отрядом, / Ой да, в чёрной шляпе впереди! / Ой да, Крюковской слёзно, братцы, заплакал, / Ой да, всем словесно говорил: / – Ой да, вы молитеся, а вы, братцы, Богу, / Ой да, Бог над нами навсегда / Ой да, Бог над нами, а мы, братцы, с ногами, / Ой да, мы в свою родину жить пойдём. / Ой да, под Аргун-гору, братцы, подходили, / Ой да, окружили нас, братцы, кругом. / Ой да, поглядели на все четыре стороны, / Ой да, громко крикнули "ура". / Ой да, громко крикнули, братцы, "ура", – / Ой да отворили ворота»[10].

Видимо, умел Феликс Антонович своим обращением с подчинёнными затронуть тонкие струны казачьей души, отыскать нужные слова, совершать трогательные поступки, которые находили воплощение в незамысловатых народных строфах. «Он не терпел встреч и проводов, обставленных торжественно, – писал Ф.А. Щербина, – был прост в обращении, воздержан в пище и питье и чужд был всяких личных выгод. Часто он помогал беднякам и людям нуждающимся, но делал это так, чтобы не видели другие, и строго-настрого приказывал никому об этом не рассказывать»[11]. Такое в народе никогда не забывается! «Если в станице встречал хату неприглядную, неподдержанную, заходил в неё и расспрашивал хозяина о житье-бытье, – рассказывал И.Д. Попка, – Чаще, разумеется, представлялась ему хозяйка с ребятишками мал-мала-меньше. На вопрос: где же хозяин? следовал ответ: да в сотне, мой кормилец, вот уж беспеременно четвёртый годочек. Атаман находил, что кормилец слишком уж там замешкался и предлагал станичным старикам искать ему замену»[12]. В заметках терского историка В. Грабова отмечалось: «Он создавал благополучие казаков "из ничего" одною силой своей непреклонной энергии, безукоризненной честности и сердечной заботливости»[13]. И далее: «Перечитывая приказы Круковского по Кавказскому Линейному казачьему войску, вы увидите в них неусыпную заботу прямого, честного и глубоко преданного своему долгу атамана о простом казаке и его несложном хозяйстве»[14].

Но воспевали казаки Ф.А. Круковского, прежде всего, как доблестного

---

[9] *Военная энциклопедия.* СПб., 1914. Т. 4. С. 321.

[10] *Варавва И.Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1967. С. 65–66.

[11] *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 428.

[12] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 58–59.

[13] *Грабов В.* Генерал-майор Ф.А. Круковский // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. Июль. С. 56.

[14] Там же.

воина. Хорунжий (впоследствии генерал) В.Г. Толстов в своём первом опыте составления исторической справки 1-го Хопёрского полка в 1885 г. отмечал: «Слава о его (Круковского. – **О.М.**) громких боевых подвигах и поныне живёт в казацких песнях и рассказах»[15]. В беседе со старожилом станицы Темнолесской Н.И. Козловым, 1912 года рождения, на вопрос о героях казачества информатор отвечал: «У нас фигурировал в то время наш кавказский генерал Круковский». Козлов вспомнил, что в станице пели: «Генерал наш знаменитой, / Великой армии один. / Орденами грудь закрыта. / Отдаёть строгий приказ. / Развернём, мы, братцы, знамя, / Знамя русских казаков»[16]. Подобные формы изображения казачьих военачальников известны и в вариантах о А.В. Суворове, И.Ф. Паскевиче и других, но само сохранение имени Круковского в памяти старожилов весьма примечательно. Полный вариант этой песни с упоминанием Круковского, видимо, записал П. Семёнов в станице Слепцовской: «Вдруг ударил гром из пушек – / Три дня сряду туман был – / Под завал мы подступали. / Генерал Круковский был, / Генерал наш знаменитый, / Любим в армии у нас, / Орденами грудь покрыта; / Отдаёт такой приказ: / "Стройтесь вы, друзья, в колонны, / И кареи формируй, / Разверни царски знамёна / И по русски атакуй!" / Там, где горы, раздробляясь, / Стоят степенно в вышине, / Сунжа змеем извивалась / По лесам и по Чечне. / Мы злодеев всех столкнули / Из завалов как шутов: / Половину порубили, / Остальных загнали в лес»[17].

Особенно помнят Феликса Антоновича в станице Бекешевской, которую он спас от нашествия горцев в 1843 г. Г.И. Гречкин, 1926 год рождения рассказывал: «Это генерал был, по-моему. Крюковский. "Мы спознали, спознавали с генералом Крюковским" – песня была»[18]. Помнил, как славили Круковского деды и В.П. Арапов, 1916 года рождения[19]. Имя военачальника вписано в топонимию окрестностей станицы. Ещё в 1906 г. В.В. Васильков писал: «До сих пор в станице Бекешевской не забыт подвиг Круковского, жители ея относятся с уважением к памяти героя. Они назвали по его фамилии высокий курган, который находится у бывшего Бекешевского

---

[15] *ГАКК*. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2. Л. 47об.

[16] *ПМ КФЭЭ*-1999. Станица Темнолесская Шпаковского района Ставропольского края. Аудиокассета №1949. Информатор Николай Иванович Козлов, 1912 года рождения.

[17] *Семёнов П.* Песни, поющиеся в станице Слепцовской, Владикавказского округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1893. Вып.15. С. 119–120.

[18] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2755. Информатор Григорий Иванович Гречкин, 1926 года рождения.

[19] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2754. Информатор Василий Петрович Арапов, 1916 года рождения.

редута (остатки которого есть и теперь), и поют про его победу над горцами песню»[20]. Сейчас на этом месте станичники по инициативе атамана казачьей организации и священника отца Николая отмечают память о доблестных защитниках родной земли с торжественным богослужением. Правда, мало кому из жителей станицы известны реальные факты того драматического события в жизни своих прадедов, поэтому рассказы о нём обрастают новыми «подробностями» и деталями. Г.Н. Кучеров, 1927 года рождения, например, утверждал, что Круковский был жителем станицы Бекешевской: «Крюковской бугор, туда, в лес, туда, на эту сторону (Кумы. – **О.М.**), в лес. Да фамилия была, чи фамилия, чи название – Крюк. Да, жил в станице тут. Назывался по его фамилии (бугор. – **О.М.**)»[21]. Г.И. Васильев, 1918 года рождения, рассказывал, что Круковский был простым солдатом, но один разгромил сотню горцев: «Солдат цэй сидел на сторожовке, на этом бугру, на Крюковском. У його билый конь бул, ну и придремнул, наверное, а конь – до ноги привязан. А тут татары идуть. Чоловик сто, чи двисти. И доезжають уже до сего бугра. Вин як глянэ шо, вин же должен сообщить в станицу, а сообщать уже никуда, пока вин до станицы добэжить, а татары... слизають. На коня сида (Круковский. – **О.М.**) и прямо с бугра – и на татар. А оны растырялись. Што за чёрт! Конь билый, то значить, посчитали его каким-то ангелом, что-ли. А вин шашку наголо, а конь гарный, а они пока добиглы, доихалы, у них кони поприставалы, вин догоня и руба, догоня и руба! Говоре (старики. – **О.М.**) до Кубани три чоловика осталысь незарубаны. Один побэдив сто чоловик! Грэйдэр (дорога. – **О.М.**) идэ с Суворовки (станицы Суворовской. – **О.М.**) на Черкесск, нэдалэко от цэго грэйдэра... За Тамлык. В честь його назвалы бугор Крюковский»[22]. Это предание зафиксировал ещё В.Г. Толстов, правда, к Круковскому оно никакого отношения не имело. Но в народной истории нередки наложения разноплановых событий и героев. Житель Бекешевской А.Н. Бондарев уверял нас, что он после войны читал в станице книгу «История Хопёрского полка», подаренную начальством его родственнику гвардейцу Первакову, и изложил версию со сходным сюжетом. По словам рассказчика, казак не охранял станицу Бекешевскую, а был послан с донесением в Баталпашинск и прилёг отдохнуть на кургане. «Озеро было солёное, ну он там на курганчике прилёг. Прилёг и вдруг слышит, уже поздновато было, слышит гартавую речь. Просыпается, а конь стреноженный

---

[20] *Васильков В.В.* Народные обычаи казаков станицы Бекешевской (Баталпашинского отдела, Кубанской области) // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1906. Вып.36. С. 86.

[21] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2757. Информатор Георгий Никитович Кучеров, 1927 года рождения.

[22] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2755. Информатор Григорий Иванович Васильев, 1918 года рождения.

был. Он в белой черкеске. В белой шапке. Просыпается и слушает гартавую речь. Это значит, карачаевцы едут. Их пятнадцать чоловик було. Ну, а при этом у них была гакая версия, будто там зарубленный был вояка ихний, и по ночам он вставал, являлся в белом, и белый конь. У этого ж был белый конь. Он не раздумывая, зная этот рассказ, седлает коня, садится и прямо к ним. Они как увидели, што этот едет к ним, и с саблей – и наутёк! И он их порубил, до самой Кубани гнал, и последнего уже с ружья или с винтовки застрелил за Кубанью»[23]. Встреча письменной и устной традиции в этом сюжете преломилась в сознании интересного рассказчика, а у других станичников ещё и связало предание со знаковым для станицы именем.

Песня о сражении Ф.А. Круковского под Бекешевской в полном варианте, видимо, была опубликована В.Г. Толстовым, хотя различные варианты фиксировали Е. Передельский, А.Д. Ламонов, А.Д. Биглай[24]. В варианте, опубликованном в приложениях к «Истории Хопёрского полка», говорится: «Распрекрасно нам было в походах / Нам с Круковским молодцом; / Трудно, трудно было сражаться / С Коноковым беглецом. / Из-за гор было высоких / Из кумских крутых вершин, / С сильной партией черкесов / Конок вышел на простор. / Навострившн, Конок, лыжи, / Атажукина просил / И с налёта пред зарёю / Бекешёвку окружил. / Ох, поскорее, Конок, уплетайся / С гололобою ордой; / Ты назад не оглядайся / Круковский на берегу. / Ну, теперь уж мы расскажем / Мы про стычку молодцов, / И про волжцев, про волынцев, / Про хопёрцев удальцов. / Словно звери разъярились / На черкесов бросились. / У нас сотник Бирюков / Он вскричал: вперёд! Ура! / Вдруг пронзила тут сотника пуля / Сквозь белую грудь его, / Он от этого удара / На сыру землю упал / Тут заплакали казаки; / Зарыдали воины все: / "У нас храброго не стало – / Убит сотник Бирюков, / Ранен хорунжий Дугинов, / А с ним песенник Орлов / И выгадчик Токарев"»[25]. Бой произошел 2 мая 1843 г., когда на Бекешевскую обрушилась трёхтысячная партия горцев. Ф.А. Круковский с четырьмя сотнями хопёрцев прискакал на выручку, проделав в тёмную, дождливую, весеннюю ночь около сорока вёрст. Станица в это время отчаянно защищалась стариками, женщинами и малолетками. Неприятель бросился на горстку казаков Круковского и, по словам И.Д. Попки, «готов был задавить его своим многолюдством». Феликс Антонович спешил казаков и бился

[23] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2753. Информатор Алексей Николаевич Бондарев, 1921 года рождения.

[24] *Биглай А.Д.* Песни кубанских казаков: в редакции В.Г. Захарченко. Краснодар, 1995. Т. 2. Песни линейных казаков. С. 33, 80–82.

[25] *Толстов В.Г.* История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Составил есаул 1-го Кубанского полка В. Толстов / Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1901. С. 176–177.

в окружении больше двух часов. «Заметив нерешительность горцев, – писал В.Г. Толстов, – и отступление некоторых партий за гору Бекечь, Круковский смекнул, что подмога близка; не теряя времени, он скомандовал "садись!" и вслед за тем повёл хопёрцев вперёд. Сотня за сотней выносились вперёд казаки; заскакивали с флангов, гнали с тыла и где винтовкою, а где и шашкою поражали задние толпы уходивших поспешно черкесов. Одна из хопёрских сотен отважно вынеслась вперёд, под командою лихого сотника Бирюкова и далеко опередила другие сотни. Храбрый сотник с таким жаром ударил на отступавшего неприятеля, что наскочил на засаду, которая скрывалась за гребнем горы. Грянул залп, и удалой офицер, простреленный пулею в грудь, пал смертью героя»[26].

В бекешевской песне хопёрцы и «воины все» оплакивают Бирюкова, но, видимо, на этот сюжет наложился и плач по самому Круковскому, более значительной фигуре народной истории, который пал в Чечне примерно таким же образом.

В версии бекешевцев численность напавших на станицу горцев в соответствии с традицией вырастает до огромных размеров. А.Н. Бондарев рассказывал: «Это было, когда станица ещё была огорожена... Тут было нападение **двадцатипятитысячной** (выделено нами. – **О.М.**) армии этих карачаевцев и турков, и всё было смешано... Было нападение Канука. Канук – это был предводитель черкесов, карачаевцев и турков. И он (Круковский. – **О.М.**), когда... сообщили в Баталпашинск, что окружили станицу, он оттудова послал войско. А войско против двадцатипятитысячной армии, конешно, маловато было казаков. Они оттуда, со стороны Бикета этого. Придумал как Крюковский?! Взял и направляет по нескольку казаков, штоб видали войска Канука. Ну, и они перебегают через хребет и скрываются в лощине, а там были заросли. Они опять из зарослей туда... И кругами дают и переходят, переходят. Те (горцы. – **О.М.**) как посмотрели: ой, сколько ж там есть (казаков. – **О.М.**). Это ж нам... И стали убегать. Тут тогда на Куме-реке и наши догонять и порубили почти всё войско Канука»[27].

Показательна в этом рассказе ситуация, когда горстка героев противостоит огромному вражескому войску и побеждает его не только ратной доблестью, но и хитростью. Хитростью в рассказе Г.И. Васильева одолевают горцев и осаждённые в Бекешевской женщины и старики: «Було нашествие. А людэй тут мало було в станице. И вот они отбивалы стинкы от татар. За этой оградой. Часто нападалы, женщин кралы, скотину. И карачаи, и абазины, всех татарами называлы, безразлично. А мужчин ны хватало, а женщины с тягламы. Атаман приказал, тоди ж нашествие здоровое шло татар. Атаману

---

[26] *Толстов В.Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 23.

[27] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2753. Информатор Алексей Николаевич Бондарев, 1921 года рождения.

доложилы. Ну, шо делать? Людэй ны хвата, шоб такую орду быть. И одна пушка була. На всю станыцю... А цэ вин приказал: "Женщинам – надеть форму казачью!" Шоб мужчинамы булы. И вин на конэй и там в ограде уси помэстылыся. Ну, татарва вся кинулась, окружилы. Выбыть же ж надо русских. Ну вин (атаман. – **О.М.**) приказал: "Пушке быть!" Эта ж пушка несколько раз вдарыла, скольки у них снарядов було. Татары отступылысь. А тут як пара ворит в ней (в станичной ограде. – **О.М.**) було. Открыли сразу вси ворота, и выскакивають женщины верхами на конях, и мужчины. Они як глянулы: о, да тут сколько народа! И кинулысь тикать... Татары»[28].

Победа над огромным вражеским войском, когда удаётся обмануть врагов мнимыми возможностями защитников, – сюжет традиционный, восходящий, может быть, ещё к легенде об обороне Белгорода от печенегов в «Повести временных лет»[29]. В то же время в условиях Кавказской войны русские военачальники не раз пользовались легковерием горцев и вводили их в заблуждение относительно своих сил и возможностей. Эти факты из биографий Г.Х. Засса, Я.П. Бакланова, Н.П. Слепцова, Ф.А. Круковского органически вписывались в сюжеты и темы казачьей картины мира.

Ф.А. Щербина особо отметил, что «народ, с свойственною ему чуткостью, ценил своего любимого атамана. О подвигах Круковского и его трагической смерти остались воспоминания в народных песнях. Казачье население пело эти песни, а бедняки, слушая их, живо чувствовали тяжелую утрату. По свидетельству одной из этих песен, генерал Круковский, отправляясь в чеченский отряд, раздал своё имущество в предчувствии смерти»[30]. Е.Д. Фелицын, рассказывая о содержании этой песни, писал: «Круковский, "отъезжая от Старполи" в "отряд Чеченский", всё имение своё раздарил, предчувствуя близкую смерть. Предчувствие это сбылось так, как "будто Бог с ним говорил"»[31].

Речь идёт о песне «Генерал наш, генерал кавказский», которая и поныне необычайно популярна в репертуаре фольклорных коллективов линейных и закубанских станиц Её наиболее расхожий вариант дал ещё А.Д. Бигдай, записавший текст в конце XIX в. от казака Решетняка в станице Мартанской. Генерал, отъезжающий на службу в Ставрополь, предчувствует свою гибель и раздаривает своё имущество: «Генерал наш, генерал кавказский, / Ой скоро он пойдёт, / Да во город Ставрополь. / Скоро еду, братцы, отъезжаю, / Скоро еду, братцы, отъезжаю / Я и в город,

---

[28] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2755. Информатор Григорий Иванович Васильев, 1918 года рождения.

[29] *Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях* / Сост., вст. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М., 1999. С. 49–50.

[30] *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 429.

[31] *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 349.

братцы, Ставрополь. / Ой, имену я свою раздарю. / Если жив назад я ворочуся, / Имену я, братцы, наживу. / Имену я, братцы, наживу, / Убит буду — меня похоронят / За горою, братцы, за крутой. / За горою, братцы, за крутой / Мне поставят в поле / Большой, братцы, толстый крест»[32]. В этом и более поздних вариантах Круковский не назван по имени; сказываются закономерности эволюции исторической песни в сторону обобщения конкретных образов. Но привязанность атамана к этому сюжету вполне очевидна. Известен и первоначальный вариант, который привёл в своих воспоминаниях уроженец станицы Екатериноградской, генерал от кавалерии С.А. Венеровский. Текст здесь украшен традиционным мотивом прощания («Последний нонешний денёчек») и устойчивым образом заброшенной на чужбине могилы, которую не смогут посетить «развесёлые друзья»: «Генерал-майор Круковской / Был Наказный атаман; / Отъезжая, он из войска, оставил память вечну нам. / Отъезжая, он в отряд Чеченский, / Всё именье раздарил; / И что сказал, то всё сбылося, / Будто Бог с ним говорил! / Последний день уж миновался, / Не быть мне с вами, милые друзья, / Только вечер один лишь остался, завтра с светом еду я! / Еду, еуду, это верно, / Оставляю край родной, / Завтра к свету непременно / Прощусь, ангел мой, с тобой! / Прощусь с чистыми полями, / Прощусь, родина, с тобой, / С развесёлыми друзьями / И, Кавказ, с тобой! / Убьют меня и забудут, / Потом вспомнят обо мне! / Вспомнят-вспомнят и потужат, / Что лишился жизни я в Чечне! / Придите, братцы, на могилу / Помолитесь обо мне! / Три поклона положите, / Воздайте память вечну мне!»[33].

Мотив предчувствия гибели в народной истории достаточно древнего происхождения. Архаические представления о таинственных источниках эпического «знания» сливаются в данном случае с религиозно-провиденциональными представлениями. Одна из типичных коллизий состоит в том, что герой каким-то образом получает вещее предсказание, но направляет свои помыслы и усилия на противодействие предсказанному ходу события, на опровержение неизбежного, бесстрашно нарушает запреты и вступает в борьбу с теми силами, которые осуществляют предсказание[34]. Эта коллизия находит своё структурное выражение в оппозиции предсказание (запрет) — противодействие (нарушение). Она усиливает драматическую напряжённость сюжета. Подвиг героя обретает особую значимость и поднимается на высоту судьбоборчества. Борьба, демонстрирующая вызов судьбе, нередко оканчивается поражением и гибелью[35].

---

[32] *Бигдай А.Д.* Указ. соч. С. 91.

[33] *Венеровский С.А.* Мемуары и воспоминания генерала от кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб., 1908. С. 40–41.

[34] *Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 183.

[35] Там же. С. 184.

Однако следует отметить, что в условиях реалий Кавказской войны фатализм нередко проявлялся с романтической выразительностью. Поручика Тенгинского полка М.Ю. Лермонтова сильно занимал вопрос, который в «Фаталисте» задаёт Вулич: «Может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута»? Не случайно лермонтовский «Сон» стал полюбившейся казакам песней («В полдневный жар в долине Дагестана»), а сам поэт словно предугадал свою собственную судьбу, с той разницей, что погиб не на поле боя, а от руки бывшего сослуживца[36]. В поведении Ф.А. Круковского не раз замечали поступки, являвшиеся как бы вызовом судьбе. «Если случалось ему заприметить хищническую партию, готовую заступить ему дорогу (а это случалось не раз), – писал И.Д. Попка, – он не изменял своего направления, не прибавляя, и не убавляя поводьев, приказывал ехавшему за ним казаку дистанцию и, к общему удивлению, невредимо достигал цели своего следования. По рассказам очевидцев, ни одна черта в его лице не изменялась в подобные минуты... Много опасностей пронеслось над головой Круковского, много раз шёл он навстречу смерти, – и она от него сторонилась»[37]. В перестрелках с горцами, по воспоминаниям современников, «Круковский оставался в седле, весь открытый неприятельским пулям, и когда его убеждали сойти с коня, он говорил спокойно, что так ему виднее следить за намерениями противника»[38].

Генерал С.А. Венеровский приводит в своих воспоминаниях рассказ военного врача Рожичко, утверждавшего, что Ф.А. Круковский действительно всё время искал своей смерти. В годы службы в Виленской губернии братья Круковские полюбили дочь помещика Свентховского, чьё имение располагалось неподалёку от штаб-квартиры полка. Хорошенькая полька никак не могла никому из братьев отдать предпочтения: «Вы оба любезны, и ни у вас, ни у вашего брата я не могу отнять достоинства». «Узнав об этом, – пишет С.А. Венеровский, – оба Круковские дали себе обещание: кто-нибудь из них должен умереть, а счастливец получит руку и сердце хорошенькой Свентховской.

Раз поехали они в лес, с ними был офицер, их хороший приятель. Только вдруг раздаётся выстрел, один из Круковских бездыханным свалился на землю. Феликс Антонович, увидев ужасную смерть брата, выхватывает пистолет из кобуры, хочет застрелиться; вдруг осечка, ещё раз выстрел, опять осечка. Что же такое? Оказалось, что в пистолете ни одной пули. Покойный ещё раньше обрёк себя на смерть, ещё раньше зарядил себе пистолет, пистолет же брата приказал разрядить.

---

[36] *Загорулько В.И., Абрамов Е.П.* Поручик Лермонтов: Страницы военной биографии поэта. СПб., 2002. С. 128.

[37] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 59.

[38] Там же. С. 60.

Это обстоятельство сильно подействовало на Феликса Антоновича. Он стал реже и реже бывать у Свентховских, оттягивая под всякими предлогами свою предполагаемую свадьбу. Наконец, он сказал, что женится только тогда, когда будет генералом. Он думал, он предполагал, что до генерала никогда не дотянет. Судьба решила иначе. Круковский получил генерала, он должен был исполнить своё обещание...

Свентховская барышня пишет ему, чтобы он приехал повидаться и т.д. Круковский же был человеком долга, и служба прежде всего. В письме пишет, что не имеет времени и не может явиться, так как должен участвовать в походе. После его смерти духовная и это письмо адъютантом было передано этой барышне — дочери помещика Свентховского. По нём она носила траур в течение 3 лет»[39].

Мотив гибели Круковского в этом рассказе очень роднится с лермонтовским «Завещанием»:

«А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едваль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно...
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!»

Круковский принадлежал к «кавказцам» лермонтовского типа и в своём поведении руководствовался поэтическим и нравственным кодексом, выработанным поэзией Кавказской войны. «Где война, там и поэзия», — справедливо заметил по этому поводу И.Д. Попка, а о гибели Круковского

[39] *Венеровский С.А.* Указ. соч. С. 39–40.

написал: «Такие люди умирают на войне, потому что родятся для войны, и жаль только, что редкие из них оставляют преемников. Герой Кавказской войны, атаман Круковский истинно по казацки отдал ей все свои сердечные привязанности, не искал радостей домашнего очага и не думал о семейном счастии. Он подумал бы, может быть, об этом счастии уже поздно, когда бы дожил до старческой богадельни – как это и случалось со старинными казаками-запорожцами»[40].

Завещание Феликса Антоновича, составленное в предчувствии близкой кончины, начинается трогательными словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа как христианин, к тому же военный, долгом считаю быть готовым умереть каждую минуту...»[41].

Сама гибель Ф.А. Круковского, по странному стечению обстоятельств, была связана с фигурой из лермонтовского окружения – Руфином Ивановичем Дороховым (1801–1852). Человек необычайной судьбы, со сложным характером, два раза разжалованный в рядовые, храбрый как лев, он был одним из немногих настоящих друзей поэта, с которым познакомился в боевой обстановке в Чечне, в 1840 году. Известно письмо Дорохова, в котором он писал о Лермонтове с вещим пророчеством: «Славный малый – честный, прямая душа – не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то чёрное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, не сносить ему головы»[42]. Не потому ли Р.И. Дорохов был и с Круковским, по словам М.Я. Ольшевского, «на товарищеской ноге; не знаю только по каким причинам они были так близки между собою»[43]. Странное стечение обстоятельств и судеб, трагически провиденциальный характер жизни связал трёх незаурядных русских офицеров. «Дорохов был начальником ракетной команды при кавалерии, – писал М.Я. Ольшевский, – Крюковский приказал ему выехать на близлежащую возвышенность и пустить по разным направлениям несколько ракет. Но когда он не поняв приказания, или неуместно увлекаясь, скрылся за указанным возвышением, то Крюковский приказал подполковнику Полозову следовать за ним с двумя сотнями, поскакал за Дороховым; но вместо того, чтобы остановить его, попал под залп выстрелов десятка чеченцев, засевших в сакле, – и вместе с Полозовым и ещё несколькими казаками пал мёртвым. Виновник же этого беспорядка,

---

[40] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 61, 55.

[41] *Грабов В.* Указ. соч. С. 58.

[42] *Загорулько В.И., Абрамов Е.П.* Указ. соч. С. 99

[43] *Ольшевский М.Я.* Князь Александр Иванович Барятинский на левом фланге Кавказской линии. 1851–1853. Из записок М.Я. Ольшевского // Русская старина. СПб., 1879. Кн. 6. С. 323.

Дорохов, был найден с девятью казаками вверенной ему команды, в полуверсте далее, голым и обезображенным»[44].

Сама жизнь, таким образом, давала на Кавказе богатые фатальные сюжеты для прозы и поэзии, облекала деяния героев в эпические формы народной традиции. Идеи предуказанности, неизбежности совершающегося с героем, запрограммированности его биографии вполне органичны для народного восприятия истории. Именно они, как мы видели, предопределяют появление в сюжете опорных мотивов. Но заданность сюжета может иметь своими истоками и реальность господствовавших в воинской ментальности эпохи норм и стереотипов поведения. Драматическая судьба Ф.А Круковского, поэтически переосмысленная народом в данном случае весьма показательна.

Авторитетный исследователь русских народных исторических представлений А.В. Буганов справедливо отмечает, что сам факт бытования воспоминаний об определённом лице служит важнейшим фактором его признания (положительного или отрицательного) в народе[45]. Имя Ф.А. Круковского было настолько популярным в среде казачества, что песни о его гибели были включены даже в советское фундаментальное академическое издание исторических песен XIX в.[46]. Наиболее полный сюжет гибели Круковского представлен в записи П. Семёнова, зафиксированной в терской станице Слепцовской. Атаман гибнет от пули Шамиля и просит братцев-казаков не бросать его останки на «поругу» врагам: «Убирайся, Шамиль, поскорее, / Круковского берегись! / Как схватил Шамиль свою винтовку, / Князю в грудь направил: / Пуль четыре отпустил, / Князя с лошади не сбил / С пятой, братцы, как хватил, / На сыру землю его сбил. / Князь на сырой земле лежал, / Громким голосом кричал: / «Уж вы, слуги мои, братцы, / Вы сунженцы-молодцы! / Не покиньте моё тело / На поругу подлецам, / Отнесите моё тело / Вы во крепость Мартанску, / Положите моё тело / Во гробницу дубову, / Вы накройте моё тело, / Белым тонким полотном. / Приведите, мои братцы, / Орудия с лошадьми, / Вы поставьте, мои братцы, / Все орудья в один ряд, / Да ударьте, мои братцы, / Со всех пушек в один раз / Помяните вы, сунженцы, / Что я был ваш Крюковец, / Ровно ваш родной отец!»[47].

Песня навеяна трагизмом события, связанным с яростной борьбой за тело погибшего атамана. Просьбы не оставлять тело «на поругу подлецам» смертельно раненый Круковский в действительности не высказывал, напротив, все его помыслы были в этот момент направлены на спасение находившихся рядом с ним казаков: «Ординарец Круковского, казак Толчаинов

[44] *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 323.

[45] *Буганов А.В.* Историческая личность в сознании русского народа XIX столетия // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2001. №2–3. С. 85.

[46] *Исторические песни XIX века.* Л., 1973. С. 190–191, 244.

[47] *Семёнов П.* Указ. соч С. 120–121.

пытался было вынести генерала из сечи. "Брось меня и спасайся сам", – успел только сказать Круковский, но Толчаинов не оставил его и был изрублен горцами вместе со всем конвоем и майором Полозовым, Круковский также был добит шашками. Прискакавшие на помощь нижегородцы нашли труп своего командира обобранным донага»[48]. В данном случае мы наблюдаем пример того, как в историческую конструкцию песни входит непременным слагаемым набор традиционных поведенческих норм. Мотив с просьбой не оставить тело на поругание «басурманам» достаточно древний, восходящий к былинным сюжетам. На Кавказе он обрёл новое содержание. По словам Ф.А. Щербины, горцы нередко «зверски поступали не только с живыми врагами, но и с трупами, уродуя мёртвых и производя над ними поругания»[49]. Участник боёв в Закубанье И. Дроздов писал, что русские солдаты вынуждены были скрывать «могилы от горцев, которые разрывая их, вынимали трупы и делали над ними всевозможные поругания»[50]. Поэтому стремление не допустить надругательства над погибшими товарищами во многом определяло воинский быт кавказских войск, даже если это влекло за собой новые потери. А.М. Дондуков-Корсаков в своих записках вспоминал: «Завязался самый жаркий бой для обладания останками храброго Крюковского и его казаков (весь конвой был изрублен, прикрывая тело своего любимого начальника). При отступлении с значительной потерей кавказцы выносили все трупы падших товарищей»[51].

Подробности развернувшейся трагедии поведал Н.А. Волконский. После залпа чеченцев «атаман вздрогнул, выпрямился на лошади, полуобернулся к казакам, будто желая отдать какое-то приказание, и с полуоткрытым ртом, как скошенный, свалился на землю. Какой-то дикий возглас – не то вопль, не то крик ужаса и испуга пронёсся по всей конвойной сотне, и во мгновение ока десятки казаков, бросив лошадей, забыв о всякой опасности и собственной жизни, ринулись к телу атамана. Но было поздно. Круковский, бледный, бездыханный, прижав руку к сердцу, с закатившимися глазами, лежал без движения; с левой стороны груди капля за каплей медленно сочилась дорогая для всех кровь. Со всех сторон протянулись к любимому вождю участливые руки: одни развязывали пояс, другие расстёгивали бешмет... Все забыли о том, что стоят лицом к лицу с неприятелем, забыли о бое, о мести. Всё внимание поглотил роковой факт и труп убитого атамана.

Драма, а за нею живая картина, разыгрались менее чем в десять секунд – время, слишком ничтожное для того, чтобы опомниться и прийти в себя после такого неожиданного и поразительного несчастья. Но эти секунды были

[48] *Военная энциклопедия.* СПб., 1914. Т. 4. С. 322.

[49] *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 826.

[50] *Дроздов И.* Эпизоды из Кавказской войны в Кубанской области. СПб., 1879. С. 26.

[51] *Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 424.

достаточны неприятелю для того, чтобы вновь зарядить винтовки. Увидев результат своего залпа и замешательство, которое произвели, чеченцы повторили выстрел на этот раз почти в упор и с гиком, с обнаженными шашками бросились в схватку. Ещё несколько пуль порешили навсегда участь полдесятка казаков, склонившихся над трупом, и они грудью своею, словно щитом, прикрывали тело атамана. Но этот второй выстрел вывел остальных из забытья, и едва только, вслед за ним, толпа горцев очутилась лицом к лицу с казаками — последние дружно, как один, ударили в шашки, в кинжалы, в приклады. Над телом атамана завязался отчаянный, страшный бой, где обе стороны стоили друг друга — одна потому, что карала за драгоценную жертву, другая потому, что направляла все силы вырвать из рук первой эту дорогую жертву. Перестрелка разом затрещала по всем направлениям: трудно было даже определить, откуда брался неприятель.

На месте схватки все сбились в кучу; отсюда подспевали казаки, оттуда — чеченцы. И одни, и другие рвались вперёд, пробиваясь и проталкиваясь сквозь головы передних, потому что никто из них не хотел и не думал уступать своё место тем, которые были позади, и передать им право на единственное и последнее счастье — пасть со славою в этой резне»[52].

Кровопролитный бой за тело атамана не мог не отложиться в народной памяти. Казаки облекли это событие в традиционную форму с мотивом просьбы героя не бросать его тело на поругание. В песне станицы Наурской, записанной П. Востриковым, Круковский просит казаков взять его тело «на бурочку мою» и понести «в кладбище Мартанское»[53]. Казаки, кстати, действительно несли тело погибшего атамана в бурке. Н.А. Волконский вспоминал: «Казаки бережно сложили на бурку тело атамана и унесли сердечную ношу, которую отстояли телом и кровью»[54].

Правда, не исключено, что в данном случае действительные события изложены под влиянием традиционных установок народной исторической картины мира. Так, В. Грабов считал, что тело атамана «нашёл и вынес на собственных руках командир 4-й роты Куринского пехотного полка штабс-капитан Петченко-Андрейченко»[55]. Более того, казаки, в изложении терца как раз и явились вольными или невольными виновниками гибели Круковского. «Современники рассказывают, — писал В. Грабов, — что когда войскам стало известно о назначении колонны, то депутация от казаков обратилась к начальнику отряда с просьбой предоставить им уничтожение хуторов. Обыкновенно этим делом занималась пехота, которая отлично приноровилась к упорной штыковой работе в теснинах. Разумеется, удалые казаки

---

[52] *Волконский Н.А.* Погром Чечни в 1852 году // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 404–405.

[53] *Исторические песни XIX века...* С. 190.

[54] *Волконский Н.А.* Указ. соч. С. 405.

[55] *Грабов В.* Указ. соч. С. 59.

завидовали пехотинцам и искали случая отличиться в новой для них боевой роли». В ходе боя 18 января «на хуторах горцев оказалось гораздо больше, чем предполагалось по донесениям лазутчиков. Завязалась отчаянная рукопашная схватка, долго не дававшая положительных результатов. Наконец, казаки, не обладавшие навыком к работе в тесном месте, начали отступать. В это время Круковский, лично руководивший боем, остался позади отступавших казаков лицом к лицу с неприятелем, с одним своим постоянным ординарцем урядником станицы Екатериноградской Селивёрстом Толчаиным. Горцы, узнав генерала и предвидя богатую добычу, устремились на него»[56].

Установка на идеальную историческую конструкцию даже гибель героя обращает в русскую победу. И.Д. Попка привёл в своих «Исторических и биографических очерках» несколько примеров «скромных произведений бивуачного вдохновения»: «Наш Круковский незабвенный, / Храбрый витязь-атаман! / Враг тебя ожесточенный / Вдруг сразил, как ураган / Ты на поле боя чистом / Казаков опережал, / С ними ты в стремленьи быстром / На чеченцев налетал. / Враг разбит геройским строем, / Взят и вражеский завал; / Но ты первый там героем / На трофеях храбро пал...»[57].

В целом ряде вариантов Круковский в рыцарском поединке с Шамилём одерживает внушительную победу. Так, в песне, записанной А.Д. Бигдаем в станице Мартанской от Решетняка, говорится: «Ой да Крюковской / Ой да, братцы, шёл с отрядом, / Ой да в чёрной шляпе, / Братцы, впереди. / Ой да он заплакал / Ой да, братцы, горько зарыдал, / Ой да пословесно, / Братцы, рассказал. / Ой да вы молитесь / Ой да, братцы-дети, Богу, / Ой да Бог над нами, братцы, / Над случаем всегда... / Ой да как пойдём / Ой да, братцы, во крутые горы / Ой да до Шельмина, / Братцы мы зайдём. / Ой да убирайся / Ой да, Шельмин, поскорее, / Ой да Крюковский у гости / Да к тебе пришёл. / Ой да, Шельмин сидит, / Ой да, братцы, шашку востру точит. / Ой да Крюковскому чуть, братцы, / Грудь он не пронзил. / Ой да Крюковской / Ой да, братцы, с верной берданы / Ой да Шельмину, / Братцы, грудь пробил»[58].

В песне о бое за реку Аргун, записанной П. Семёновым в станице Слепцовской, четыре пули Шамиля не попадают в цель: «Князь Барятинский нас вёл. / Крюковской был с нами, – / На чеченцев страх навёл, / Дрогнули сердцами. / Задрожал Шамиль, уныл, / И рванулся к бою; / Видит – плохо, но палит / С буйной головою / Всё бежит Шамиль, бежит / От большого страху. / Говорят, плакал Шамиль, / Рвал свою папаху. / Вмиг винтовку он схватил, / Князю в грудь направил, / Пуль четыре отпустил, / Не попал, оставил»[59].

---

[56] *Грабов В.* Указ. соч. С. 59.

[57] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 61.

[58] *Бигдай А.Д.* Указ. соч. С. 92.

[59] *Семёнов П.* Указ. соч. С. 116–117.

В варианте известной песни «Мы поймали Шамиля», записанной В.Г. Захарченко в станице Кавказской, именно Круковский возглавляет пленение знаменитого имама, хотя, как известно, это событие произошло через 7 лет после гибели Феликса Антоновича: «Мы пошли ему навстречу, / Круковский был с нами. / Закричали все(й): ура! / Шамиля поймали»[60]. Старожил станицы Бекешевской И.Н. Семёнов говорил нам о рассказах стариков: «Да, что-то рассказывали про этого, который победил (Шамиля. – **О.М.**), Крюковский»[61]. Народная история, таким образом, строит свою версию известных фактов, сводя в рыцарском поединке достойных противников – казачьего атамана и предводителя движения горцев.

Мотив поединка, участники которого обмениваются ударами, весьма типичен для народной традиции[62]. Однако на Кавказе он имел и историческую основу. В стихотворении «Валерик» М.Ю. Лермонтов красочно описал молодецкое единоборство кавказского мюрида и линейного казака:

«А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит.
Он машет, кличит – где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке чёрной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... лёгкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!... – Ничего, безделка... –
И завязалась перестрелка...»

«Этот род рыцарских поединков, – писал П.А. Висковатов, – практиковался, несмотря на официальное его запрещение. Чеченцы на запрет не обращали, конечно, внимания, а из русских находились охотники принимать вызовы»[63]. Причём, принимали участие в этих единоборствах и военачальники, пользующиеся расположением казаков. Воспетый в казачьих песнях Я.П. Бакланов, участвовавшей в трагической для Круковского экспедиции[64], не раз принимал подобные вызовы и выходил из поединка победителем. Как-то лазутчик сообщил Бакланову, что Шамиль «позвал

[60] *Захарченко В.Г.* Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993. С. 27.

[61] *ПМ КФЭЭ*-2002. Станица Бекешевская Предгорного района Ставропольского края. Аудиокассета №2752. Информатор Иван Никифорович Семёнов, 1927 года рождения.

[62] *Путилов Б.Н.* Указ. соч. С. 82.

[63] *Висковатов П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987. С. 306.

[64] *Волконский Н.А.* Указ. соч. С. 389.

из гор стрелка, и стрелок этот поклялся на Коране тебя убить. Стрелок приехал в наш аул. Много хвастался. Он говорит, что на пятьдесят шагов разбивает куриное яйцо, подброшенное кверху. Ну, только, наши старики ему говорят, что они видали, как ты на полтораста шагов убиваешь муху. "Смотри Джанем, – говорят ему наши старики, – если ты промахнёшься – Боклю положит тебя на месте"»[65].

На другой день Бакланов вступил в дуэль с горцем. Пуля чеченца задела лишь край полушубка казачьего полковника. «Бакланов спустил курок, и чеченец упал навзничь: пуля ему попала между бровей и прошла через голову, – писал П.Н. Краснов. – И наши и чеченцы внимательно следили за этим состязанием и, когда Бакланов медленно поехал к своим, наши войска приветствовали его громким ура, а чеченцы, махая папахами, вскочили на завалы и кричали: "якши Боклю! Браво Боклю! молодец Боклю!"»[66].

Имели под собой историческую основу и отношения между Шамилем и Ф.А. Круковским. Известно, что горцы настолько высоко оценивали ратную доблесть Круковского, что слагали о нём песни[67]. Этим объясняется и то ожесточение, с каким чеченцы сражались за тело атамана. После гибели Круковского князю А.И. Барятинскому удалось за дорогую цену выкупить Георгиевский крест и орден Святого Станислава 1-й степени, принадлежавшие Феликсу Антоновичу, но шашку и кинжал атамана Шамиль не согласился уступить ни за какие деньги[68].

О том, какое значение придавали имени Круковского в горских аулах, рассказывают и казачьи песни. И.Д. Попка привёл один из текстов, которому «посчастливилось перейти в живучую походную песню драгун и казаков»: «Круковский атаман / Не жалел басурман, / И его все они трепетали. / Он такой навёл страх, / Что татарки в горах / Его имям детишек пугали»[69]. В «Песне терцев про Аргун», записанной П. Семёновым, говорится: «Предводитель был линейцев / Сам Крюковский, наш герой; / Он чеченцев, будто зайцев, / Устрашал всюду собой; / На коне он, льву подобен, / Быстро, храбро разъезжал, / С жарким, мужественным взором / Вкруг колонны он летал»[70]. Песенным строфам вторят свидетельства очевидцев: «Значок его (Ф.А. Круковского. – **О.М.**), – как птица, летал позади и, как символ смерти для врагов и знак победы для его отряда, указывал дорогу казакам. Моздокцы, гребенцы, кизлярцы, грозненцы,

---

[65] *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909. С. 406–407.

[66] Там же. С. 407.

[67] *Военная энциклопедия...* С. 321; *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927. С. 88.

[68] *Военная энциклопедия...* С. 322.

[69] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 62.

[70] *Семёнов П.* Указ. соч. С. 118.

драгуны летели врассыпную за своим храбрым предводителем, уничтожая всё, что попадалось на пути. Это была бешенная скачка, от которой дух захватывало»[71].

Гибель атамана отозвалась тяжёлой потерей в казачьей памяти. «Вспоминая о нём, – писал И.Д. Попка, – седобородые бойцы старых дней Кавказской войны повторяют заупокойное казацкое присловье: будь ему тяжёлая земля лёгким перышком»[72]. «Непритворные слёзы капали из глаз казаков, – вспоминал Н.А. Волконский о смерти Круковского, – потому что они крепко любили атамана, который был для них и с ними всегда так близок, будто рядовой казак. Он был строг и взыскателен – это правда, но зато был предан всей душой казачьему быту, казачьим интересам. Казаки хорошо понимали, что с потерею его лишились чего-то крепко близкого, родного – не говоря уже об отважном руководителе, который всегда впереди первый пролагал дорогу к неприятелю. Жалели и оплакивали Круковского не одни казаки; сокрушались об этой важной и незаменимой потере все, начиная от князя Барятинского до последнего солдата, потому что все его знали хорошо и чтили его за храбрость»[73]. А князь М.С. Воронцов в рапорте военному министру писал: «Если бы выбрать из войска тысячу лучших людей и у каждого из этих людей взять его лучшие достоинства и качества, то и тогда сумма их не перевесила бы этих качеств, которыми обладал покойный атаман, совершенно незаменимый для кавказского казачества»[74].

Тело Ф.А. Круковского согласно его завещанию было перевезено в станицу Екатериноградскую, где он жил несколько лет как командир Горско-линейного казачьего полка, и предано земле с подобающими наказному атаману почестями в ограде собора Святого Ефимия. В 1902 г., в 50-ю годовщину гибели Круковского его имя было по Высочайшему повелению присвоено 1-му Горско-Моздокскому полку Терского казачьего войска. А по инициативе наказного атамана терцев С. Толстова на месте гибели атамана был поставлен памятник: большой чугунный крест на пьедестале из белого камня, обтёсанный в виде пирамиды... Потом наступило время, когда из народной памяти стремились выжечь калёным железом имена казачьих героев. «В станице Екатериноградской, – отмечает В.А. Зведре, – ни на одной из имеющихся ныне могил надгробий не сохранилось, и определить, в которой из них покоятся останки казачьего атамана весьма затруднительно»[75].

---

[71] *Волконский Н.А.* Указ. соч. С. 403.

[72] *Попка И.Д.* Указ. соч. С. 60.

[73] *Волконский Н.А.* Указ. соч. С. 406.

[74] *Военная энциклопедия...* С. 322.

[75] *Зведре В.А.* Указ. соч. С. 46.

Но несмотря на страшные годы расказачивания, разрушения естественного механизма преемственности поколений, в казачьих станицах до сих пор поют песни о Феликсе Антоновиче Круковском, старики рассказывают внукам о его подвигах. В народной истории атаман в различных формах вступает в связь с реальной историей, испытывает её воздействие, несёт на себе внешние и внутренние проявления такого воздействия. Несомненно, что жизнь атамана определяет типовой характер составляющих народной картины мира. Но героическая и драматическая биография Круковского, отраженная в исторических песнях и преданиях, в то же время, оказывается «проверяема» другими источниками «официального» происхождения. Поведение военачальника во многом определялось ментальностью русского офицерского корпуса, «кавказцев» лермонтовского типа. Психология эпохи, кавказской боевой действительности диктовала стереотипы поведения, которые и реальные поступки делали мотивированными и концептуально заданными. Это обстоятельство во многом сближало на глубинном уровне народные и официально-имперские исторические представления, способствовало формированию общенационального самосознания и героики.

А. Д. ВЕРШИГОРА
г. Краснодар

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Н.Г. ПЕТРУСЕВИЧ – НАЧАЛЬНИК ЭЛЬБРУССКОГО ВОЕННО-НАРОДНОГО ОКРУГА (1865–1870 гг.)

В мае 1864 г. закончилась Кавказская война. Основная часть черкесского населения покинула страну предков и отправилась в Турцию. Чтобы не вмешиваться во внутреннюю жизнь оставшихся аулов намечалось ввести институт выборных старшин и депутатов бессословных судов. Изживалась власть родовой аристократии.

В официальном документе того времени говорилось: «Сообразно требованию времени необходимо заботливостью об улучшении быта удержать в крае тех туземцев, которые искренне желают быть подданным России... По этой причине учреждения управления должны носить не полицейский характер, а административный»[1].

Начальник вновь образованной Кубанской области генерал, граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон много способствовал перестройке жизни на мирный лад[2]. Вместо полицейских, по сути, приставств было решено образовать

---

[1] *ГАКК*. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

[2] Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон родился в 1820 г. в дворянской семье «иностранного происхождения» Эльстонов. Окончил артиллерийское училище, позднее артиллерийскую академию, участвовал в Крымской войне, дважды был в Севастополе, некоторое время был адъютантом у военного министра А.И. Чернышова, а позднее был назначен вице-директором канцелярии военного министерства. Фамилию Сумароков-Эльстон получил в 1856 г. после женитьбы на дочери графа Сумарокова. В 1865 г. в чине генерал-майора и со званием флигель-адъютанта Сумароков-Эльстон был назначен Начальником Кубанской области. По свидетельству профессора Б.А. Трёхбратова, Сумароков-Эльстон являлся талантливым администратором, много способствовал перестройке жизни на мирный лад, добивался открытия школ в каждом населенном пункте (см.: *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года*. Краснодар, 1997. С. 448).

пять военно-народных округов, возглавляемых начальниками с административными полномочиями. Общее руководство округами возлагалось на специального чиновника, должность которого называлась: «Помощник Начальника области по делам горцев», а ранее: «Попечитель горцев». При нём была значительная группа административных чиновников, переводчиков, три врача[3]. Полицейские функции в аулах выполняла Кубанская сотня постоянной милиции. Поселяемые на Левобережье Кубани казачьи станицы находились в ведении командиров бригад и отдельных полков.

Помощником начальника по делам горцев Кубанской области стал подполковник Генерального штаба П.Г. Дукмасов[4]. Он отличался как военной подготовкой, так и общей грамотностью. В своей административной деятельности он оставался военным, чётко исполняя указания вышестоящего начальства и строго требуя с подчиненных. Он внимательно вникал в складывающуюся обстановку вокруг горских аулов, обеспечивая их обустройство с учётом переселений.

В числе офицеров, занимавших административные должности, были люди, которые не просто по-доброму относились к горцам, но и создавали систему мер, утверждавших у горцев стремление к мирной жизни совместно с русским (казачьим) населением. В числе таких можно назвать генералов Г.А. Рашпиля и Я.Д. Маламу, есаула, позднее генерала А.Г. Пентюхова и статского советника Пенчула. Представляется, что на голову выше их в этом был начальник Эльбрусского округа Николай Григорьевич Петрусевич.

В Эльбрусский округ входили аулы карачаевцев в самых верховьях реки Кубани, а также два небольших абазинских селения. Карачаевцы были

---

[3] Среди этих врачей: старший лекарь Пётр Корнильевич Карпинский (родился в 1826 г., учился в Московском университете на казённый счет, в 1849 г. признан лекарем, служил на Кавказе, в 1856 г. получил чин коллежского асессора, участник Крымской войны, в числе наград – ордена Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом); старший врач Пётр Сергеевич Хотунцов (родился в 1829 г., окончил Московский университет, признан лекарем в 1854 г., имел чин надворного советника, служил на Кавказе). См.: *ГАКК*. Ф. 774. Оп. 1. Д. 23.

[4] Павел Григорьевич Дукмасов родился 6 ноября 1838 г. на Дону, окончил Константиновский кадетский корпус и Николаевскую академию, поступил на службу в 1856 г. Чин штабс-капитана Генерального штаба получил в 1863 г., подполковника – в 1886 г., полковника – в 1866 г., генерал-майора – 1887 г. Среди наград – орден Святого Александра Невского. В конце XIX в. командовал корпусами, был членом Военного совета России. На Кавказе занимал должность делопроизводителя в канцелярии по управлению горцами в Тифлисе. 2 июня 1865 г. был назначен на должность попечителя горских народов Кубанской области, 5 апреля 1866 г. – помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами. За штатом находился с 1871 г. по 1873 г. (см.: *Список генералам по старшинству*. СПб., 1901. С. 97).

потомками татаро-монголов и говорили на одном из тюркских наречий. Однако в быту они многое переняли от своих соседей черкесов. Пахотных земель у них было очень мало, больше занимались скотоводством. Из-за отсутствия дорог, торговля была незначительной.

Хотя война закончилась, но взаимное отчуждение оставалось ещё долго. Тем не менее совместный труд на ниве и соседство постепенно сближали народы.

7 августа 1865 г. к исполнению обязанностей помощника начальника Эльбрусского военно-народного округа и временно заведующим округом приступил 20-й артиллерийской бригады штабс-капитан Н.Г. Петрусевич[5].

Автор ряда работ о Петрусевиче, заслуженный деятель науки, профессор В.П. Невская писала, что он родился в семье ссыльного участника польского восстания, в связи с чем у отрока были сложности в определении его на учёбу[6]. К сожалению, год и место рождения Петрусевича В.П. Невская не указала.

Согласно записи в послужном списке штабс-капитана Н.Г. Петрусевича[7] он родился в 1839 г. в Киевской губернии в семье дворянина православного вероисповедания, воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, по выпуску 16 июня 1856 г. был определён на службу в 21-ю артиллерийскую бригаду. В сентябре того же года он прибыл в 5-ю батарею указанной бригады, участвовал в боевых действиях в Чечне в составе Салатовского отряда.

В 1860 г. Петрусевич в составе 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады участвовал в боевых действиях под Екатеринодаром на притоках Кубани: Иль, Убин, Афипс с Шебшем. Затем снова оказался в Чечне и Дагестане. За отличия был награжден в 1862 г. чином поручика, в 1863 г. – орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а в январе 1865 г. – чином штабс-капитана.

В августе 1864 г. Петрусевич откомандировывается в штаб артиллерии Кавказской армии, а 4 июля 1865 г. он прибыл в Екатеринодар в качестве прикомандированного для использования по военно-народному управлению Кубанской области. Он был холост, имения и недвижимости не имел.

Основными направлениями в деятельности Петрусевича в Эльбрусском округе, согласно указаниям из Екатеринодара, были:

– поддержание спокойствия в крае, исключая любое насилие;

– подготовка к проведению реформы по освобождению зависимых сословий (крепостные и рабы);

– проведение выборов старшин и депутатов бессословных судов.

---

[5] *ГАКК.* Ф. 774. Оп. 1. Д. 3.

[6] *Невская В.П.* Зукку-пристав // Тарих. Махачкала, 1996. № 2/3. С. 27–29. Название работы Невской связано с шутливым прозвищем Петрусевича, который слегка косил на один глаз (по-карачаевски «Зукку» означает «Косой»).

[7] *ГААК.* Ф. 774. Оп. 1. Д. 5. Л. 43–49.

Материалы ГАКК показывают, что Петрусевич, кроме того, занялся ещё строительством дороги в Карачай, открытием школ, поиском земли для безземельных, ликвидацией абречества.

По прибытии на Вехне-Николаевский пост в верховьях Кубани Петрусевич оказался один в двух лицах: он помощник Начальника, которого не было, и заведующий округом. Наконец, 20 сентября 1866 г. помощником Начальника Кубанской области был назначен есаул А.Г. Пентюхов, а Петрусевич после этого стал исполняющим обязанности начальника округа. Прибытие Пентюхова позволило Петрусевичу разъезжать по аулам, знакомиться с жителями и местностью. Он искал свои пути решения стоящих перед ним задач. Уже первые шаги в этом направлении принесли улучшение обстановки. По докладу Сумарокова-Эльстона наместнику на Кавказе, Петрусевичу была объявлена благодарность в приказе по Кубанской области 3 марта 1866 г. Однако в последующем с поощрениями ему не везло. У Петрусевича сложились непростые отношения с Дукмасовым.

О деятельности Дукмасова на посту помощника начальника области мнения не однозначны. А. Кубанов отмечал, что Дукмасов в письмах к Петрусевичу требовал от него карательных экспедиций против абреков[8]. В.П Невская указывает, что Дукмасов издал распоряжение, запрещающее Петрусевичу «входить в гласное обсуждение каких бы то ни было общественных вопросов, прежде чем общие основания таких вопросов будут утверждены начальником области»; Петрусевич был воспитан отцом в уважении к народу и испытывал неприязнь ко всякому виду порабощения[9].

Скорее всего, Петрусевич не мог не считаться с указаниями Дукмасова, но действовал больше по своему разумению, находя обходные пути.

В горах Петрусевича встретили настороженно, помня притеснения прежних приставов. Но он не заперся в своем управлении при старой турецкой крепости Ак-Кала, а много ездил по аулам, беседовал с людьми. Усиленно занимался изучением карачаевского языка и вскоре уже обходился без переводчика. Познавал быт и нравы народа, его историю, проявив себя как учёный. Решил для себя, что проведёт реформы поземельных отношений так, чтобы не ущемить крестьянство. В этом отношении у него возникали сложности в отношениях со знатью, тем не менее, он привлекал к судебной ответственности тех владельцев, которые жестоко обращались с крестьянами[10].

Поначалу освобождение крестьян проводилось на договорной основе,

---

[8] *Кубанов А.* Кавказ принял его в своё святилище // Ленинское знамя. Черкесск, 1989. № 235 (7 декабря).

[9] *Невская В.П.* Указ. соч. С. 27.

[10] *ГААК* Ф. 774. Оп. 1. Д. 43. Л. 152–153.

при которой с согласия владельца крепостной обязывался выплатить своему хозяину определённую сумму деньгами или скотом, а рабы (оги) должны были несколько лет работать на хозяина. Был введён штат мировых посредников. Петрусевич просил прислать к нему капитана артиллерии Колодеева, но того не отпустило начальство и было решено отправить к Петрусевичу другого офицера. Уже начавшие работу в других округах офицеры Зафаропулло и Шелковников вызвали неудовольствие Дукмасова как не справляющиеся со своим назначением. Петрусевич заявил, что обойдется без посредников[11]. И он справился.

1 ноября 1868 г. было торжественно объявлено об освобождении зависимых сословий повсеместно и заключение сделок стало обязательной процедурой для каждого владельца. Петрусевич добился средств для оплаты выкупа беднейшими крестьянами. Кроме того, он нашёл незанятые земли и получил разрешение на заселение их освобождаемыми крестьянами и свободными, но стеснёнными безземельем. На новых местах образовались аулы на реках Джегуте, Маре и Теберде.

Петрусевич строго следил, чтобы выделенные горцам земли не занимались бы казачьими станицами[12]. В этом же направлении действовал и его начальник Дукмасов[13].

Одним из способов ликвидации абречества областное начальство считало изъятие огнестрельного оружия у всех горцев. Дукмасов разослал по этому вопросу строгий циркуляр. Это вызвало недовольство в аулах, имели место эксцессы.

В отчёте за 1867 г. Петрусевич писал, что между горцами вообще развито воровство скота и лошадей, и карачаевцы не отстают от соседей. Среди них бытовало мнение, что воровство обязательно для каждого порядочного человека. Это задерживало многих, кто желал бы содействовать его искоренению[14].

---

[11] *ГАКК.* Ф. 774. Оп. 1. Д. 55. Л. 88–89. Наиболее способными из мировых посредников на Кубани считались Тау-Султан Кургоков, из веслинсевцев, 1820 года рождения, а также есаул Штригель (см.: Там же. Л. 54, 105).

[12] *ГАКК.* Ф. 574. Оп. 1. Д. 935. Л. 11.

[13] Там же. Л. 21, 211. Деятельность Дукмасова не раз становилась предметом исследований учёных Кубани и Адыгеи, причём, в отличие от А. Кубанова и В.П. Невской, указанные учёные подчёркивают позитивные последствия для горцев деятельности Дукмасова. В Адыгее сохранился хутор Дукмасов.

[14] Там же. Ф. 774. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–29. В этом деле находится «Годовой отчёт о состоянии Эльбрусского военно-народного округа». Содержание отчёта впечатляет глубокой изученностью положения в Карачае. Особо подчёркивалось безземелье из-за горных условий, что приводило ежегодно к падежу большого числа скота из-за бескормицы. Отчёт Петрусевича был настолько обстоятелен, что в Екатеринодаре с него была снята машинописная копия.

Характерно, что задачу ликвидации абречества Петрусевич решил вразрез с рекомендациями Дукмасова. Он повстречался с абреками, в том числе со скрывавшимися в горах, и пообещал им амнистию. Кроме того, он нашёл для них свободные земли, о чём говорилось выше. Всё это привело к тому, что абречество исчезало[15].

В 1868 г. Сумароков-Эльстон посетил Военно-народные округа. На подарки встречавших было выделено 1000 рублей. В Эльбрусском округе ценные подарки получили представители местной знати: Гильды Лафишев — золотые часы, Асланбек Крымшамхалов, Кирты Салпогоров, Каспар Иванович Паракецов, Идрис Карабышев, Матай Хубиев — серебряные часы, Хусейн Джегуганов, Токмак Акбаев, Бокал Кирты Салпогоров — по отрезу сукна[16].

В начале 1869 г. наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич выразил пожелание совершить путешествие по Северному Кавказу и избрал для этой цели верховья Кубани — Карачай. Его приезд намечался в начале мая. Маршрут начинался в Ставрополе. Готовили проезд разные чиновники, среди них значился сотник Македонский. Основная же тяжесть подготовки путешествия знатной особы легла на плечи Петрусевича. К этому времени он уже хорошо знал край, но, тем не менее, ещё раз обследовал маршрут. Результат он изложил в специальном документе. Это был его первый географический труд, видимо, так и оставшийся не опубликованным. Он хранится в ГАКК[17]. По маршруту заранее развезли палатки для ночлега, проверили переправы. На обеспечение проезда было выделено 2000 рублей, из них 1500 рублей — для Эльбрусского округа.

Путь наместника пролёг через Баталпашинскую, Хумару, Учкулан, очевидно на коляске или арбе. От устьев Худеса 37-летний великий князь Михаил Николаевич проследовал верхом другим путем снова в Хумару. Затем через Верхнениколаевскую станицу и Трамов аул в Кисловодск.

Н.Г. Петрусевич свои наблюдения систематизировал и углублял. За время службы на Кавказе им было подготовлено несколько научных статей этнографического и исторического содержания[18]. Он был принят в члены Императорского Российского географического общества.

Из ближайших помощников Петрусевича по начальному периоду его

---

[15] *Кубанов А.* Указ. соч.

[16] *ГАКК.* Ф. 774 Оп. 1. Д. 130. Л. 26.

[17] Там же. Д. 147. Л. 12, 22–25, 69–79.

[18] *Петрусевич Н.Г.* Заметка о карачаевких адатах по долговым обязательствам // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4; Он же. Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель между Тебердой и Лабой // Там же.

деятельности следует отметить есаула Пентюхова[19] и хорунжего Косолапа[20]. В 1868 г. должность помощника занял поручик Ф.А. Кузовлев, а переводчиками стали А.А. Новиков и К.И. Паракецов. Вопросы быта решал «казённый» денщик Кондрат Стопоренко, участник Крымской войны[21].

В числе сотрудников управлений военно-народных округов также были поляки: например, Антон Иосифович Боричевский, из дворян Витебской губернии, католик, учился в Киевском училище военного ведомства, унтер-офицер, писарь 2-го класса Зеленчукского округа; Павел Викентьевич Серпинский, уроженец Могилева Подольской губернии, 1845 года рождения, католик, учился в Киевском училище военного ведомства, унтер-офицер, служил в Лабинском округе[22].

30 декабря 1869 г. Кубанская область была разделена на 5 уездов. Самым крупным по территории стал Баталпашинский уезд, в который вошли аулы

---

[19] Алексей Григорьевич Пентюхов родился 17 марта 1836 г. в семье известного на Кубани регента Войскового певческого хора Г.Г. Пентюхова. Окончив гимназию в 1856 г., определился на службу в чине урядника. На службе А.Г. Пентюхов отличался находчивостью, смелостью, исполнительностью, что при грамотности и тактичности привело его в адъютанты к наказным атаманам Н.А. Иванову и Ф.Н. Сумарокову-Эльстону. За отличие был награждён анненским оружием с надписью «За храбрость». Участвовал в Кавказской войне, видел её тяжкие последствия для черкесов-адыгов. Желая помочь горцам на новых местах жительства, А.Г. Пентюхов определился в сентябре 1866 г. на должность помощника начальника Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевича. Позднее в качестве начальника Лабинского военно-народного округа, подобно Петрусевичу, проявлял большую заботу об обустройстве аулов, осушению болот, постройке домов с печами по русскому образцу, что помогало бороться с лихорадкой. Особо беспокоился о первой в области Лабинской горской школе, располагавшейся тогда в упраздненной крепости Каладже. Пентюхов прекрасно проявил себя при командовании Кубанско-горским конно-иррегулярным полком, который справился с поставленной ему задачей в 1877 г. во время войны с Турцией. За отличия в боевых действиях и схватках многие всадники были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость», а его командир получил чин полковника. Полк Пентюхова отличался доброжелательным отношением к местному населению и в местах боёв под Ахалкалаками в 1877 г., и во время квартирования под Луцком в 1878 г. Местное население «встречало полк с опасением, провожало с сожалением», в то время, как в отношении других подобных полков было много жалоб. Умер Пентюхов в Екатеринодаре в 1905 г. в чине генерал-лейтенанта.

[20] Григорий Сысоевич Косолап, хорунжий, родился в 1843 г., был внуком есаула А. Косолапа, являвшегося опекуном черкесского мальчика Султана Хан-Гирея, получившего широкую известность на Кавказе и в России как первый адыгский писатель и этнограф. Его отец Сысой Косолап много занимался самообразованием, став генералом, он дал своим детям гимназическое образование за свой счет. Наконец, его брат Пётр Косолап был первым на Кубани художником-профессионалом. Все они с уважением относились к адыгам. Возможно поэтому Г.С. Косолап прошёл обучение на отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии. Там же учился сотник Степан Иванович Желтоножкин, письменный переводчик Урупского округа.

[21] *ГАКК*. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

[22] Там же. Д. 5. Л. 142, 217.

Урупского, Зеленчукского и Эльбрусского округов. Петрусевич был назначен начальником уезда, стал изучать черкесский язык, добился открытия ряда школ в станицах и аулах[23]. Нам ещё предстоит уточнить как долго он был начальником уезда. Согласно же «Военной энциклопедии» Сытина, в начале 1870 г. Петрусевич был поставлен во главе экспедиции для исследования реки Аму-Дарьи, очевидно её старого русла[24]. Уже тогда изучался вопрос водоснабжения Прикаспийской низменности. По тому времени это было опасное предприятие и возглавить его должен был военный и решительный человек. Знание татарского языка Петрусевичу пригодилось. За Петрусевичем потянулись его бывшие подчинённые. Известно, что в 1876 г. добились разрешения выехать для службы в его экспедицию всадники Кубанской сотни постоянной милиции Мохох Хутов и Кази Трамов. Спустя год с небольшим по ходатайству Петрусевича они за хорошую службу приказом по Кубанскому казачьему войску были награждены чином урядника[25].

В 1879 г. Петрусевич стал начальником военного отдела Закаспийской области. В этой должности он исследовал северо-восточные провинции Хорасана, смежные с Ахал-Текинским оазисом. В 1880 г. он получил чин генерал-майора. По поручению генерал-лейтенанта М.Д. Скобелева в декабре того же года Петрусевич проводил рекогносцировку местности вблизи крепости Геок-Тепе, расположенной в предгорьях Копетдага. Рекогносцировка того времени нередко означала осмотр местности, занятой неприятелем и сопровождалась схватками. В стычках у крепости Геок-Тепе (или на её стенах) 23 декабря 1880 г. Н.Г. Петрусевич погиб.

В Карачае с горестью была встречена весть о гибели полюбившегося начальника. На собранные средства тело его было доставлено на Кавказ и предано земле у церкви уездного центра станицы Баталпашинской. Были панихиды в церкви, проводились и мусульманские моления[26].

Н.Г. Петрусевича помнят не только в Карачае, но и в Краснодаре, почитая как своего земляка.

Настоящую статью автор считает отправной для продолжения сбора материалов о деятельности Н.Г. Петрусевича на Кубани и выяснения данных о его родителях, кто они и откуда приехали в Россию.

Кем считал себя Петрусевич: поляком, русским или украинцем?

Я считаю, что он преданно и добросовестно служил России, за её благополучие сложил свою голову. Его следует считать россиянином по своим убеждениям и деятельности.

---

[23] *Невская В.П.* Указ. соч.

[24] *Военная энциклопедия* / Изд. И.Д. Сытина. Пг., 1915. Т. 18. С. 398.

[25] *ГАКК.* Ф. 396. Оп. 1. Д. 1885. Л. 29, 69.

[26] *М.А.Г.Ъ.* Станица Баталпашинская – Приазовский край // Ростов-на-Дону. 1901. 28 сентября. № 257. С. 3; *Д.У.* Архиерейские служения в епархии: путевые заметки // Ставропольские епархиальные ведомости. 1902. №1–8. Январь. 16 апреля.

В. А. ЖАДАН
г. Краснодар

ИОСИФ ВИКЕНТЬЕВИЧ БЕНТКОВСКИЙ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Имя Иосифа Викентьевича Бентковского (1812–1890) занимает особое место среди исследователей второй половины XIX в. За свою долгую жизнь, не имея специальной научной подготовки, он написал около двухсот работ по проблемам Северного Кавказа, различных по объёму и глубине изучения, но актуальных для своего времени. Его пытливый ум обращался к различным отраслям знаний: статистике и этнографии, гидрографии и метеорологии, краеведению и географии, истории и коневодству, лесоводству, рыболовству, ирригации, кустарной промышленности, транспорту По всем этим разнообразным вопросам он писал со знанием местных особенностей обширного края. Серьёзный подход к исследовательской работе, трудолюбие, самообразование, разносторонность знаний и интересов, энергичность поиска ещё при жизни принесли И.В. Бентковскому заслуженный авторитет и общественное признание, как деятельного участника различных научных обществ, секретаря Ставропольского губернского статистического комитета, редактора неофициальной части «Ставропольских губернских ведомостей» и как известного добросовестного исследователя, «пролившего достаточно много света на разные стороны местной жизни»[1].

Знаменательным является тот факт, что исследователь не был уроженцем этих мест и попал сюда вопреки своему желанию, «в серой шинели», будучи сосланным на Кавказ за участие в Польском восстании 1830–1831 гг. В 1887 г., за три года до смерти, учёный-любитель прислал петербургскому библиографу С.А. Венгерову сведения о себе с указанием основных биографических данных[2]. Родился Иосиф Викентьевич 7 (19) марта 1812 г. в небогатой польской дворянской семье Брескульского уезда Варшавской

[1] *КОВ.* 1881. 5 дек.

[2] *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1892. Т. 3. С. 12–13.

губернии. Гимназическое образование получил, обучаясь во Влоцавске и Плоцке. В 1832 г. поступил на службу рядовым в «Депо Плоцкого Воеводства» и в следующем году был произведён в унтер-офицеры. Однако в числе нескольких тысяч поляков его ссылают на Кавказ. 4 февраля 1834 г., по прибытию в Ставрополь, его зачисляют в 1-й Кавказский линейный батальон. Так, двадцатидвухлетний юноша навсегда покидает Царство Польское и обретает новую родину.

По пути на Кавказ И.В. Бентковский изучает русский язык и помогает начальнику партии ссыльных вести переписку. Это во многом определяет характер его будущей службы. В штабе командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории он рассылает корреспонденцию на польском и литовском языках. В свободное от службы время даёт частные уроки детям ставропольских жителей, зарабатывая таким образом достаточно средств для своего существования.

На Кавказе И.В. Бентковский впервые сталкивается с казачеством — одним из замечательнейших явлений русской жизни. Оказавшись в иной социокультурной и природной среде, окунувшись в гущу народного бытия, он полюбил эту землю и её народ, отличавшийся сердечностью, простотой и искренностью. Жизнь среди казаков определила дальнейшую судьбу ссыльного поляка. На закате жизни Иосиф Викентьевич писал, что знакомство с казаками стало «главнейшею причиною поступления моего с Высочайшего соизволения в Кавказское казачье войско навсегда и с потомством и принятия православия 1 июня 1836 года»[3]. Казачье рыцарство, свободолюбие, патриотизм, отвага и мужество, трудолюбие и нравственная чистота издавна привлекали в его ряды не только русских людей, но и представителей других национальностей.

Молодой казак был произведён в урядники и приписан к Ставропольскому казачьему полку, располагавшемуся в станице Михайловской, в девяти верстах от Ставрополя. Здесь проходила вся его дальнейшая служба в войске. При наказном атамане С.С. Николаеве в 1837 г. сюда переводится и штаб Кавказского линейного казачьего войска. Так будущий исследователь оказался в центре казачьей жизни. Наблюдая за опасной службой казаков и за мирным повседневным, тяжёлым трудом станичников, он постигал быт, обычаи, культуру, историю земли, на которую забросила его судьба. И.В. Бентковский постоянно стремился пополнить свои знания путём самообразования. Учился сам и учил других. Командир полка, оценив способности казака, поручает ему руководство полковой школой. Недостатков в учениках не было, поэтому Иосиф Викентьевич открывает свой пансион для казачьих детей. Среди его учеников был и сын наказного атамана С.С. Николаева, крестник будущего императора Александра II. Станичный учитель дал атаманскому сыну знания, позволившие ему «с полным успехом» сдать

[3] *Венгеров С.А.* Указ. соч. С. 12.

экзамены в Пажеский корпус в Петербурге. Многие ученики И.В. Бентковского дослужились впоследствии до высоких офицерских чинов.

Жизнь удивительно сложна и противоречива. Судьба одному – мать, другому – мачеха. За участие в одних и тех же событиях 1831 г. И.В. Бентковского ссылают солдатом на Кавказ, а С.С. Николаев получает чин генерал-майора. Спустя восемь лет их судьбы переплетаются вновь. Бывший мятежник учит сына наказного атамана, а генерал оказывает поляку покровительство и поддержку. В 1848 г., служа в должности начальника Михайловской станицы, Иосиф Викентьевич провожает казачьего генерала в последний путь. Его похоронили в ограде станичной церкви.

25 марта 1857 г. сотник И.В. Бентковский вышел в отставку. Благодаря усердной службе, его наказание – ссылка на Кавказ – было снято. В послужном списке сотника сказано: «наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, никогда подвергаем не был ни по судебным приговорам, ни в дисциплинарном порядке, в подозрении по преступлениям, влекущим за собой такие ограничения, и под судом никогда не был»[4].

Оставив казачью службу и желая разбогатеть, Бентковский занялся сельским хозяйством и торговлей. Но, потерпев несколько крупных торговых неудач и потеряв сбережения, которые накапливал годами, бросил коммерцию навсегда. Ведя скромный образ жизни, не требовавший больших расходов, Иосиф Викентьевич всё своё время посвящает давнему увлечению – исследовательской работе.

Первую статью «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе чихарь» он поместил в «Ставропольских губернских ведомостях» ещё в 1853 г. Но с 1860-х гг. статьи И.В. Бентковского всё чаще появляются на страницах кавказских газет и петербургской газеты «Биржевые ведомости». Он брался за разработку самых разнообразных, но общественно значимых тем. Множество накопившихся вопросов за время многолетней Кавказской войны посильно затрагивались им в статьях и работах: «О значении хуторов в крестьянском хозяйстве Ставропольской губернии», «Несколько слов о причинах упадка шелководства в бывшей Кавказской губернии», «Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии», «Происхождение казачества, его развитие и идеи», «Целительные грязи Джалгинского соляного озера», «Местный строительный камень и первый каменный дом в Ставрополе», «Медицина у Кавказских горцев», «Обзор ставропольских скачек на императорские призы», «О сети кавказских железных дорог», «Наши кочевники и их экономическое состояние», «Практические заметки о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях», «Кустарные промыслы в Ставропольской губернии», «Акциз и

---

[4] *Прозрителев Г.Н.* Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908. С. 3.

откуп», «Атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе», «О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск», «Взгляд на культуру калмыков и причины её живучести», «Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории», «Калмыцкие календари на 1870–1875 гг.», «Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и её торговое значение», «О соединении Кубани с Доном» и другие[5]. Такая разбросанность тем не всегда предполагала обстоятельность исследования, но все они были вызваны желанием быстрее и шире охватить насущные проблемы динамично развивавшейся местной жизни. Он собрал и сохранил в своих работах редкие, труднодоступные материалы, сделал их достоянием последующих исследователей.

Статьи И.В. Бентковского были замечены и оценены по достоинству: 1 марта 1860 г. его избирают членом-корреспондентом, а через два года действительным членом Ставропольского статистического комитета; в 1864 г он становится членом-корреспондентом Общества любителей Кавказской археологии и членом-сотрудником Императорского Кавказского медицинского общества, а также Всероссийского общества естествоиспытателей, Кавказского отдела Императорского Русского географического и Вольного экономического обществ, Ставропольского православного Братства Святого Владимира. Своим членом избирают его Нижегородский и Кубанский статистический комитеты. А 16 ноября 1871 г. он становится секретарём Ставропольского губернского статистического комитета. В этой должности И.В. Бентковский успешно трудился до конца своих дней. В 1878 г. приказом Главного управления государственного коннозаводства его назначают «корреспондентом» по всему Кавказу. Ряд работ исследователя отмечается особо. Так, за составление статистико-географической карты-путеводителя Ставропольской губернии Наместник Государя Императора на Кавказе Великий Князь Михаил Николаевич в 1874 г. наградил его «золотою табакеркою в 275 рублей ценою». В 1877 г. за работу «Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Святой Александры» Государыня Императрица пожаловала ему золотой перстень, украшенный изумрудами и бриллиантом. Императорское общество естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете за статью «О первоначальном физическом воспитании у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» присудило ему свою бронзовую медаль[6]. За «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа»: «Заселение Черномории» (1881 г.) и «Заселение Западных предгорий Главного Кавказского хребта» (1883 г.) Кубанский

[5] *Венгеров С.А.* Указ. соч. С 13–16; *Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского* // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883 Т 1. С. 79–86.

[6] *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. 33.

областной статистический комитет «почтил автора званием своего почетного члена»[7].

Большинство работ и статей было написано И.В. Бентковским во время его работы в Ставропольском статистическом комитете, единственном в то время «учёном учреждении» в губернии, деятельность которого была направлена на сбор сведений обо всех сторонах жизни края. Прежде всего, именно за эту усердную службу 24 мая 1885 г. исследователь награждается императором Александром III орденом Святой Анны 3-й степени. Современники справедливо относили Иосифа Викентьевича к числу «наиболее выдающихся секретарей статистических комитетов — скромных, но бесценных работников, трудами которых создаётся трудное дело русского родиноведения»[8].

Значимой оказалась деятельность И.В. Бентковского в качестве редактора (1875—1889 гг.) неофициальной части «Ставропольских губернских ведомостей». Для более оперативного освещения проблем экономического развития южного края он обратился к губернатору с предложением о выделении неофициальной части газеты из ведения официального редактора-чиновника, далёкого от понимания важности поднимаемых вопросов. Предложение было поддержано. Иосиф Викентьевич расширил тематику публикуемых материалов и круг авторов публикаций, что значительно повысило общественный интерес к газете[9]. За годы редакторской работы он опубликовал в «Ведомостях» десятки своих исследовательских материалов. Тем не менее, остались и неопубликованные. Не увидела свет «История колонизации Северного Кавказа», охватившая период с 1722 г. по 1860-е гг.[10] Впрочем, как и своеобразное дополнение к названной работе — «Атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе» из пяти карт, показывающих населенные места в 1778, 1803, 1828, 1853 и 1878 гг.[11]

Умер И.В. Бентковский 15 августа 1890 г. в Ставрополе.

Так сложилась судьба ссыльного польского дворянина, ставшего казаком Кавказского казачьего войска и известным исследователем Северного Кавказа. Он благородно служил обретенной им новой Родине. Созидательные дела И.В. Бентковского сохранили его имя в истории.

---

[7] *КОВ.* 1890. 8 сент.

[8] *Венгеров С.А.* Указ. соч. С. 13.

[9] *Городецкий Б.М.* Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия ОЛИКО. Вып. 6. Екатеринодар, 1913. С. 116—118.

[10] *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. 32.

[11] *Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского...* С. 83.

С. Ю. ДОЛГОДУШЕВ
г. Анапа

ОСНОВАТЕЛЬ АНАПСКОГО КУРОРТА – ВЛАДИМИР АДОЛЬФОВИЧ БУДЗИНСКИЙ

В 1865 г. в станице Зассовской Кубанской области в семье губернского секретаря, отставного полицейского пристава Адольфа Будзинского родился сын – Владимир. Его детство особо не отличалось от детства других дворянских детей. Он обучался в Кубанской войсковой гимназии в Екатеринодаре, а в 1885 г. поступил на медицинский факультет Киевского университета. Уже на первом курсе на него заводится «Дознание при Киевском губернском жандармском управлении», в котором студент Владимир Будзинский обвиняется в политической неблагонадежности. Как и многие молодые люди своего времени Будзинский проявлял интерес к революционному движению. В августе 1885 г. он был руководителем революционного собрания в Темрюке. После чего год спустя был обыскан (безрезультатно) в Киеве по делу Петербургского студента П. Бугкова, у которого было обнаружено письмо от Владимира Будзинского.

После этого В.А. Будзинского исключают из университета и высылают к родителям в Полтавскую губернию в надежде на благотворное влияние семьи, жившей в то время в поместье барона Менгдена. По постановлению Особого совещания от 6 июня 1887 г. молодой Будзинский был подчинён гласному надзору полиции на три года по месту жительства его родителей, с воспрещением проживать в местностях, объявленных на положении усиленной охраны.

Благотворное влияние семьи не замедлило сказаться. В своём «Донесении господину товарищу министра внутренних дел, наведывающему полицию», киевский губернатор упоминает о том, что Владимир Будзинский выразил, вероятно, искреннее раскаяние в своих заблуждениях и что, судя по складу его характера и развитию, он не может представляться опасным в полицейском отношении.

После подчинения гласному надзору и раскаяния Будзинский переезжает

в Темрюк, а затем, с разрешения министра внутренних дел, живёт в селе Хорошки Лубенского уезда Полтавской губернии, где его отец управлял имением.

В декабре 1888 г. В.А. Будзинский ходатайствует перед полтавским губернатором о смягчении участи. По постановлению Особого совещания от 10 февраля 1889 г. он освобожден от гласного надзора с подчинением негласному, также прекращённому по распоряжению Департамента полиции от 26 марта 1892 г. (циркуляр от 13 июля 1892 г.). Теперь можно было возобновить учёбу и начать новую жизнь. Будзинский выехал в Ейск, где и жил с матерью. В 1890 г. он поступил в Харьковский университет, продолжив своё образование. Студенческие годы – это время, когда в будущем специалисте закладывается основа того, чтобы быть воспринятым, реализованным, а значит чувствовать время, в котором живёшь, быть с ним на «ты».

Будзинский оказался последовательным человеком, способным и желающим себя реализовать. Вместе с однокурсником С. Костиным он был награждён золотой медалью за работу «Зависимость состава крови от механизма условий кровообращения и мускульной деятельности». По окончании университета до 1896 г. молодой врач работает внештатным ординатором госпитальной терапевтической клиники, затем окружным врачом в Харьковском земстве, врачом детских приютов, одновременно являясь председателем Харьковского общества распространения грамотности, вольнопрактикующим врачом-психиатром.

В 1899 г. Будзинский переезжает в Анапу уже с семьёй: с ним были двое детей – сын и дочь, и экономка, которая вела его скромное хозяйство. Жена Владимира Адольфовича умерла, когда они жили в Харькове.

Вместе с Будзинским в Анапу переезжает Б.А. Краевский, его друг и соратник. В том же 1899 г. они организовывают бесплатные гимнастические игры для детей. Будзинский впечатлён увиденным и после долгого раздумья о здешних местах и о их возможностях принимает решение остаться в Анапе навсегда, дабы воплотить заветную мечту – создать русский курорт.

В 1899 г. он обратился в городскую управу с просьбой выделить ему участок земли для строительства водо- и грязелечебницы, но получил отказ. Не имея на то собственных средств, он на свой страх и риск берёт ссуду в Харьковском земельном банке. Покупает около 3 десятин земли по цене 25 копеек за одну квадратную сажень и начинает строительство первого в Анапе курортного учреждения. Именовалось это учреждения «Первая береговая санатория» (раньше слово «санаторий» употреблялось в женском роде). Все залы и кабинеты были оснащены по последнему слову техники. По уровню обслуживания лечебница не уступала ни одному из российских и даже лучших западноевропейских курортов. Прекрасное здание санатория было построено в мавританском стиле по проекту известного архитектора, профессора Харьковского технологического института М.И. Ловцова. Фасад здания с красивой открытой верандой был обращен к морю, и с неё

можно было любоваться бескрайними морскими просторами. Водогрязелечебница стала украшением города.

Зимой 1900 г. Будзинский активно рекламирует Анапу, читая лекции в Харькове и Петербурге. В том же 1900 г. в одной из харьковских типографий он издаёт брошюру «Анапа – её прошлое, настоящее и будущее». Это была первая работа, рассматривающая Анапу в качестве лечебной местности-курорта. Брошюру автор открывает отзывом доктора А.И. Песоченского, утверждавшего, что из «всех населённых пунктов Кавказского Черноморского побережья, именно Анапе с большим правом, чем любому иному городу, может и должно быть присвоено название климатической станции».

«Врачебная помощь в Анапе поставлена очень высоко, которой могут позавидовать многие прославленные курорты страны. В городе имеется постоянный медицинский персонал из четырёх врачей: городового и трёх вольнопрактикующих, одного фельдшера и двух акушерок. В сезон из университетских городов приезжают до десяти врачей-специалистов, в том числе и женщина-врач»[1].

Основной темой брошюры стала – богатство целебных ресурсов Анапы, предсказание роста популярности нарождающегося курорта, который в скором времени сможет вступить в конкуренцию с лучшими европейскими курортами.

21 июля 1900 г., впоследствии ставшего днём рождения города как курорта, состоялось официальное открытие водогрязелечебницы, сопровождавшееся богослужением и освящением. Были выпущены рекламные проспекты, помещены заметки в газетах, которые содержали в себе довольно полную информацию о деятельности лечебницы.

Так, например, рекламный проспект содержал в себе следующее: «лечебница состоит из двух водолечебных зал, кабинетов для электризации, рентгеноскопии, врачебной гимнастики и массажа, лаборатории для химических исследований, фотографической комнаты – предназначенной для проявления рентгеноплёнок, трёх врачебных кабинетов, двух ожидален и двух веранд. Все залы и кабинеты снабжены новейшими приспособлениями для пользования гидро-, бальнео- и мехатерапией. Имеются все виды душей, ванны общие, сидящие, нежные, тёплые, морские, паровые, суховоздушные, углекислые, железистые, серные, сосновые и другие приспособления для обтирания, укутывания и другие водолечебные процедуры. Электрокабинеты снабжены необходимыми приспособлениями для фарадизации, гальванизации, дарсонвализации, рентгеноскопии и светолечения.

Специальные аппараты для ингаляции, приспособления для химических и микроскопических исследований.

На этом же участке земли стоит особая кирпичная постройка – грязелечебница, обнесенная высоким забором; дворы грязелечебницы

---

[1] *Будзинский В.А.* Анапа – её прошлое, настоящее и будущее. Харьков, 1900.

настолько велики, что позволяют зараз намазывать до 50 медальонов для грязевых ванн.

В здании грязелечебницы обмываются после грунтовых ванн, принимают разводные грязевые ванны, ртутные, серные, лекарственные ванны и здесь же имеются четыре потельных зала»[2].

В сентябре 1900 г. в Анапе состоялись выборы в городское самоуправление. На этот раз И.Д. Толмазов, 15 лет стоявший во главе города, не прошёл. Владимир Будзинский становится городским головой. В скором времени Толмазов и Будзинский станут в оппозицию друг к другу.

В 1902 г. В.А. Будзинский делает доклад о курортных достоинствах Анапы в Харьковском отделении Общества охранения народного здравия. В сентябре 1903 г. он принимает активное участие в работе II Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии в Пятигорске, где выступил с докладом «Анапа – курорт морских купаний и климатическая станция на кавказском берегу Чёрного моря». Спустя два года этот доклад был издан отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге[3].

4 декабря 1903 г. в Санкт-Петербурге на заседании секции климатологов и бальнеологов Русского общества охранения народного здравия Будзинский делает доклад о семигорской минеральной воде, обращается в Горный департамент с просьбой выдать ссуду или субсидию на благоустройство источника и организацию разлива воды на продажу.

В 1905 г. началась эксплуатация источника: вода разливалась в бутылки, газировалась и реализовывалась в Анапе для лечения. Вода реализовывалась так же и в других местах. Это первая вода, которая стала продаваться в Анапе для лечебных целей.

Спустя три года, 19 декабря 1908 г., на очередном заседании Русского общества охранения народного здравия Будзинский выступил с предложением открыть в Анапе филиал этого общества, поддержанное участниками заседания. В то же время Будзинский хлопочет о создании городского электрического трамвая на концессионных условиях, но безуспешно.

15 июня 1909 г. по инициативе Будзинского, работавшего тогда заместителем председателя городского попечительства о бедных, был открыт противотуберкулезный детский санаторий на песках «Бимлюк» (он функционирует и в наши дни).

Колоссальный труд Будзинского, кардинально изменивший жизнь города, заслуживает уважения. В сентябре 1914 г. Городская дума Анапы единогласно постановила возбудить ходатайство о присвоении звания почетного гражданина города Анапа Владимиру Адольфовичу Будзинскому «во внимание к его благотворной, высокополезной деятельности в деле создания в

---

[2] Мы благодарим Эллу Геннадьевну Плееву, предоставившую материалы из Фонда Анапского археологического музея.

[3] *Будзинский В.А.* Анапа – курорт морских купаний и климатическая станция на кавказском берегу Чёрного моря. СПб., 1905.

названном городе благоустроенного курорта». 27 мая 1915 г. император Николай II утверждает это решение.

В 1915 г. Будзинский публикует в журнале «Целебные силы России» письмо. Стремясь помочь беженцам из западных областей России, он оповещает всех заинтересованных об условиях жизни в Анапе, сообщает о том, что каждый найдёт для себя более или менее подходящие условия жизни. «Город Анапа находится на северо-восточном побережье Чёрного моря, окружен казачьими станицами, является курортом, признанным медицинским советом, имеющим общественное значение, по климату приближается к Ялте, с чудным песчаным золотым пляжем и лучшими сортами лечебного винограда. Жизнь довольно дешёвая, квартира с полной меблировкой в 3—5 комнат от 200 до 400 рублей в год, комната с пансионом 30—50 рублей в месяц, жизненные продукты недороги, имеются классическая и женская гимназии, полное спокойствие и простота городской жизни, есть в настоящее время помещения для двух тысяч семей среднего достатка Городской голова, доктор Будзинский».

В эти годы, получив правительственные субсидии, Будзинский строит ещё одни корпус в санатории «Бимлюк» на 300 мест и спальный корпус «Светлана» в Семигорье на 100 мест.

Созданное Будзинским акционерное общество «Курорты Анапы и Семигорья», в котором Будзинский стал председателем правления и с помощью которого он приобретает серные источники вблизи станицы Ильской для устройства серных ванн, было национализировано в 1918 г. одним из первых в Анапском районе.

Доктор пожелал новой власти сохранить санатории в полном порядке для трудового народа, сам же остался работать в них рядовым врачом. Во время эпидемии сыпного тифа в Анапском районе Будзинский принимает самое активное участие в ликвидации вспышки.

После отзыва Управлением курортов Кубани и Черноморья в Краснодар, в 1920—1921 гг. Будзинский направлен директором Ейского курорта, где на базе военных госпиталей, используя сероводородную воду, грязь из Ханского озера, создал три санатория в общей сложности на 900 мест.

Немало сил приложил В.А. Будзинский и для создания в 1922 г. курорта в Геленджике. А в 1923 г. он получает назначение в Сестрорецк, где взялся за восстановление этого курорта. Однако тяжёлая болезнь — сахарный диабет — подорвала силы врача. Он скончался в Сестрорецке 20 июля 1923 г.

Анапчане не забыли человека, который изменил их город и даже весь Анапский район. В октябре 1992 г. на центральной аллее санатория «Анапа» состоялось торжественное открытие памятника Владимиру Адольфовичу Будзинскому. Памятник, выполненный творческим коллективом Первой Киевской художественной мастерской, был поставлен по инициативе главного врача Б.Н. Рогозина и его сотрудников.

А. П. ТРУХАНОВИЧ
г. Краснодар

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(опыт этносоциологического анализа)

Поляки занимали значительное место в структуре населения Кубани на рубеже XIX–XX вв. Достаточно отметить, что в количественном отношении они находились на пятом месте из всех этнических групп, проживавших в Кубанской области (после русских, украинцев, адыгов, армян)[1]. Создание объективной картины о месте и роли кубанской полонии представляет большой интерес. В данной работе мы попытаемся на основе сведений местной и центральной статистики дать общую сводную характеристику польского населения Кубани.

Появление поляков на Северном Кавказе связано преимущественно с военно-политическими событиями и относится к 30–40-м гг. XIX в. Активизация военных действий России на Кавказе привела к увеличению регулярных войск, на службе в которых были и поляки. Окончание Кавказской войны, проведённые административные и социально-экономические преобразования создали условия для быстрого роста населения Кубанской области В отличие от других этнических групп поляки не основали здесь какого-либо отдельного поселения или компактного расселения в части города, они жили в большей степени рассеяно по области. Причиной этого являлась сфера их жизнедеятельности, характер их занятий. Так, основной областью приложения их сил являлась военно-административная служба, а также государственная и частнопредпринимательская деятельность.

Первые точные статистические сведения о поляках на территории Кубанской области появляются лишь в конце XIX века. Первая Всероссийская

---

[1] Однако надо иметь в виду, что в процентном отношении подавляющее большинство жителей Кубани – до 90% – русские и украинцы.

перепись населения 1897 г. даёт в руки исследователей достаточно надёжные, сопоставимые и относительно подробные объективные данные, позволяющие проследить процесс формирования, расселения, динамику роста, а также целый ряд социально-экономических характеристик польского населения. Рассмотрим их по некоторым аспектам.

Формирование, размещение, динамика. Польское население, как и некоторые другие этнические группы на Кубани, формировалось и росло в результате механического прироста. К концу XIX в., по нашим подсчетам, 84,6%[2] по месту своего рождения были выходцами из Привисленских губерний (в том числе: из Варшавской – 17,3%, Сувалкской – 14,6%, Радомской – 13,6%, Люблинской – 13%, Петроковской – 10% и т.д.). Так что местных уроженцев было немного. Это свидетельствует о том, что и к началу XX в. кубанская полония находилась в стадии формирования.

Рост польского населения продолжался в XX в. довольно быстрыми темпами. К 1912 г. оно увеличилось на 37,5% (с 2719 человек в 1897 г., до 4088 человек в 1912 г.)[3]. Невысокий уровень рождаемости позволяет предположить, что и этот рост во многом был механическим. Более подробные сведения о динамике населения имеются по городу Екатеринодару: 1897 г. – 674 человек (1% от всего городского населения), 1900 г. – 1419 (2,1%), 1905 г. – 1762 (2,3%)[4].

Одной из примечательных особенностей размещения поляков было оседание их в областном и уездных центрах. Так, в 1897 г. 47,8% поляков Кубанской области проживало в городах, к 1912 г. их доля увеличилась до 65,8%; к тому же, 55,2% всех поляков Кубани обосновались в Екатеринодаре[5].

Резюмируя, следует отметить, что в общем балансе населения Кубанской области доля поляков была невелика и составляла 0,142% на 1897 г. (существенно не менялась до Первой мировой войны), в то же время это была пятая по численности этническая община. Основными тенденциями являлись: 1) неуклонный рост численности в пореформенный период и в первое десятилетие XX в., в основном за счет механического прироста; 2) основная масса населения размещалась в городах, а к 1912 г. более половины проживало в Екатеринодаре.

Демографический аспект. Для населения Кубанской области характерной чертой являлось численное преобладание мужчин. В этом отношении

---

[2] *Первая Всеобщая перепись населения Российскои империи 1897 г.* СПб., 1905. Т. 65. Кубанская область, Черноморская губерния С. 30–31.

[3] *Кубанский сборник на 1913 г.* Екатеринодар, 1913. С. 9; *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 60.

[4] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 106; *Извлечения из отчета начальника Кубанской области* // Кубанский календарь на 1902 год. Екатеринодар, 1901; *Кубанский календарь на 1908 год.* Екатеринодар, 1908. С. 18–19.

[5] *Кубанский сборник на 1913 г.* Екатеринодар, 1913. С. 9; *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 60.

польская диаспора шла в русле данной тенденции. Однако у неё дисбаланс полов был более глубоким и ярко выраженным. В конце XIX в. на 1852 мужчины (68,1%) приходилось всего 867 женщин (31,9%)[6]. И, если в целом по области в начале XX в. этот дисбаланс был преодолён, то для поляков он сохранялся. Как следствие, это напрямую порождало (кроме иных факторов) ассимиляционные процессы, межнациональные браки. Низким был и уровень брачности, лишь 42,2% состояли в браке (среди мужчин – 40,9%, среди женщин – 45%); вдовых – 6,8% (мужчины – 4,2%, женщины – 12,6%)[7], более половины были холостыми. Возрастная характеристика представлена следующим динамическим рядом (%):

до 1 года – 2,4;
от 1 года до 9 лет – 11,5;
от 10 до 19 лет – 9;
от 20 до 29 лет – 25,9;
от 30 до 39 лет – 18,7;
от 40 до 49 лет – 13,8;
от 50 до 59 лет – 8;
свыше 60 лет – 10,5[8].

Сопоставление данных по возрастным группам с количеством браков позволяет сделать вывод о преобладании небольших малодетных семей. Детско-юношеский возраст (от 1 года до 19 лет) – 20,5% (559 человек)[9], в этой группе почти равное соотношение полов (мужского пола – 298 человек, женского – 261), что свидетельствует о действии естественных факторов. С большой степенью уверенности можно сказать, что здесь мы имеем местных уроженцев. Иная картина представлена в группе старших возрастов – значительное, почти трехкратное, количественное преобладание мужчин (1520 человек) над женщинами (573 человек). В этом случае мы имеем дело с действием механического фактора, то есть с переселенцами. Как видим, на Кубани изначально оседали холостые мужчины, попадавшие сюда в силу своей военно-административной службы или, в меньшей степени (об этом свидетельствует характер занятий), привлечённые возможностью в новом, экономически быстро развивающемся крае, найти приложение своих сил в частнопредпринимательской деятельности. Ещё одним источником формирования польского населения являлась ссыльно-переселенческая практика. На Кубань под надзор полиции направлялись революционно настроенные поляки.

Анализ возрастных групп показывает преобладание активных работоспособных лиц. 58,4% – это люди от 20 до 50 лет (2093 человек обоего пола)[10].

---

[6] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 60.

[7] Там же. С. 122–123.

[8] Там же. С. 86–89.

[9] Там же. С. 86, 90.

[10] Там же. С. 86–93.

В конфессиональном отношении польское население было практически однородным – 91,5% (2488 человек) исповедовали римско-католическую веру. Среди других отмечены: православные (191 человек), лютеране (31 человек), армяно-католики (5 человек), баптисты (2 человека), кальвинисты (реформаты) (2 человека)[11]. В Екатеринодаре зафиксировано 13 протестантов[12]. Примечательно, что все лица, исповедовавшие протестантизм, были грамотными. Это показывает, что выбор веры был осознанным актом. Иное положение представлено в других конфессиональных группах. Так, среди католиков грамотными были 60,9%, у лютеран аналогичная картина, у православных поляков только треть. В этом случае вероисповедание формировалось под воздействием этнических и семейных традиций. По всей вероятности характер веры зависел от состава семьи. В чисто польских семьях преобладал католицизм, в смешанных межнациональных – иная религиозная принадлежность. Таким образом, прежде всего католическая церковь выступала фактором сплочения, поддерживающим этническую идентификацию.

Высокий уровень образования был отличительной чертой польской диаспоры на Кубани. На общем фоне состояния грамотности в Российской империи, поляки Кубани резко выделялись – 36,8% (682 человека) мужчин и 35,5% (308 человек) женщин могли читать и писать, в том числе среди мужчин были «грамотными на других языках» – 7,3% (136 человек)[13]. Обращает на себя внимание равная степень образованности мужчин и женщин. Более того, в возрастной группе до 19 лет процент образованности у девушек был несколько выше (28,4%), чем у юношей (27,2%). Заметно стремление в польских семьях создать равные возможности в сфере образования. В то же время, сравнивая разные возрастные группы, можно увидеть, что степень образованности в старших возрастах выше: в группе от 20 до 39 лет – 41,9% грамотных (42,8% мужчин и 39,9% женщин); свыше 40 лет – 37% (35,4% мужчин и 42,4% женщин). Всё это показывает, что прибывавшие на Кубань поляки в значительной степени были грамотными и образованными. Показательным является и большая доля лиц, имевших образование выше начального (среднее, среднее специальное, высшее). Таковых было более трети – 39,79% (расклад по возрастным группам: до 19 лет – 10,4%, 20–39 лет – 17,7%, старше 40 лет – 14%).

Сословная принадлежность и занятость. Одна из характерных особенностей кубанских поляков – большая доля лиц привилегированных состояний: дворян потомственных и личных, приравниваемых к ним чиновников и почётных граждан – 24% (335 человек), из которых 18,3% (260 человек) были потомственными дворянами[14]. Ни одна из этнических групп Кубани не имела

[11] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 64–65.

[12] Там же. С. 70–71.

[13] Там же. С. 89

[14] Там же. С. 238.

такого показателя. Примерно столько же было мещан – 23% (327 человек), к крестьянам принадлежало 43%, из коих большая часть проживала в городах – 23%[15]. К сословию войсковых казаков было причислено 37 человек (2,6%). Примечательным фактом является полное отсутствие лиц, принадлежащих к купечеству. Такая сословная структура во многом предопределила не только распределение польского населения по территории Кубанской области (преимущественно в городах), но и повлияла на характер их занятий.

Статистика отмечает в целом высокую общую занятость поляков – 61,8% (1680 человек)[16] служили или работали в разных отраслях экономики. Особенно это касается мужчин – 81,3% (1505 человек). Немалой была и доля работающих женщин – 20,2%. Тем самым все кто был в работоспособном возрасте добывали средства к существованию своим трудом. Лица, живущие с капитала, – рантье, составляли меньшинство.

Основная сфера занятости – военно-административная служба. Доля занятых в администрации, суде, полиции, на общественной и сословной службе, в вооружённых силах составляла 23%. Среди других сфер деятельности следует отметить: земледелие – 14,2%, транспорт – 12,7%, частная служба и поденная работа – 12,4%, врачебно-санитарная – 4,4%, торговля – 4%, изготовление одежды – 4,5%, учебно-воспитательная деятельность – 1,6%. Среди мужчин и женщин были свои, отличные, сферы приложения сил. Так для мужчин приоритетной была военная служба – 20,9%, а также земледельческий труд –14,4%, транспорт – 14%, на частной службе и поденщине были заняты около 10% работающих. Женский труд использовался на частной службе и подённой работе – 33,1%, далее, по мере убывания, в административных органах, суде и т.п. – 13,1%, в земледелии – 12%, учебно-воспитательной работе – 10,9%, изготовлении одежды – 9,7%.

Таким образом, в лице поляков Кубань приобрела наиболее активных, работоспособных людей, внёсших большой вклад в её развитие.

---

[15] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...* С. 239.

[16] Там же. С. 143–145.

О. А. ЛЕУСЯН
г. Краснодар

«ДЕНЬ ПОЛЬШИ» В ЕКАТЕРИНОДАРЕ В НОЯБРЕ 1914 г.

Проблема российско-польских отношений относится к разряду многовековых. За более чем тысячелетнюю историю взаимоотношений двух народов накопилось много обид и претензий с обеих сторон, до сих пор во многом препятствующих развитию дружественных связей между Россией и Польшей. Мы же обратимся к одному из эпизодов Первой мировой войны, когда на первый план вышли не взаимные претензии, а желание оказать помощь братскому народу.

Население Царства Польского первым в России испытало на себе трагические последствия начавшейся в августе 1914 г. мировой войны. Тысячи людей, лишившись крова и куска хлеба, вынуждены были покинуть родные края. Ни в одной из предыдущих войн явление «беженства» не принимало таких грандиозных масштабов. 14 сентября 1914 г. высочайше было утверждено «Положение о Комитете Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий»[1]. С этого времени Татьянинский комитет постепенно становится крупнейшей благотворительной организацией страны по оказанию помощи беженцам, в первую очередь – из западных губерний. Большой вклад в эту работу внесли и другие благотворительные организации. Среди них наиболее активно работали польские общества[2].

Осенью 1914 г. в России развернулась широкая кампания по оказанию помощи пострадавшему населению Польши. И если ещё несколько месяцев назад российская пресса по большей части обращалась к наиболее болезненным аспектам взаимоотношений двух народов (будучи не всегда благожелательна к полякам), то к этому моменту всё большую силу набирает в прессе

---

[1] *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и первая мировая война: Матер. Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 129.

[2] Там же. С. 130.

и в общественном сознании мотив единения двух славянских народов. Например, «Биржевые ведомости» писали: «Все, в ком жив дух человеколюбия и кто может загореться порывом жертвенной любви, кто осознает, как нам необходима неразрывность связи нашей с Польшей, потому что её боль – наша боль, потому что её разорение – наше разорение, потому что её неволя – наша неволя да откликнутся на призыв "Кружка помощи семьям защитников Родины"»[3]. С таким же призывом обратился к общественности и Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам: «Русские не могут остаться равнодушными к участи несчастной Польши. Это – голос русского сердца. Великая сила единения, которая нерушимо связала все народности России .. спаяла святым чувством братства польский народ с Россией»[4]. Конечно, мало кто из авторов и читателей этих воззваний ставил под сомнение тот факт, что Царство Польское останется неизблемой частью Российской империи. Но при этом желание широких слоёв российской общественности помочь пострадавшим жителям Польши было вполне искренним. Это и показали прошедшие во многих городах России «Дни Польши».

Прошёл такой день и в Екатеринодаре. Для его организации в городе был образован Комитет по устройству сбора в пользу пострадавшего населения Царства Польского под почётным попечительством жены начальника Кубанской области С.И. Бабыч. Комитет обратился к населению области с воззванием, в котором говорилось: «Наша священная обязанность в эти страдные дни протянуть польскому народу руку помощи. Не будем же медлить, внесём на это святое дело посильную лепту, ибо нужда велика и время не терпит»[5].

Конечно, самыми активными участниками организации и проведения «Дня Польши» стали представители местного польского общества – его председатель Р.Э. Гулабин, инженер Э.Э. Вакре, товарищ прокурора Шарамович, владелец нескольких механических мастерских, а затем завода «Станиславский» П.В. Буковский, доверенный Волжско-Камского банка в Екатеринодаре Фетер. Заведующим «кружечной комиссией» был избран Э.Э. Вакре. Запись желающих принять деятельное участие в предстоящем событии производилась в первой и второй женской гимназиях, в 1-м Обществе взаимного кредита «у господина Малиновского», на квартирах М.И. Витковского и П.В Буковского.

К этому времени относится появление в местной прессе статей, вновь и вновь подчёркивающих необходимость единства славянских народов. Некто В. П-къ писал: «Мы, далёкие братья польских славян, должны теперь же протянуть руку помощи голодному и родному нам краю. Уделим из житниц своих наш скромный трудовой хлеб за великую стойкость польского народа, за его прекрасную доблесть в борьбе со славянским врагом!»[6]. Подчёркивалось, что все пожертвования будут распределяться среди пострадавших без различия национальности и вероисповедания.

---

[3] *КОВ.* 1914. 24 октября. № 230.

[4] *Кубанский край.* 1914. 8 ноября. № 1446–253.

[5] Там же. 1914. 2 ноября. № 1441–248.

[6] Там же. 1914 9 ноября. № 254.

Кроме многократных обращений к населению города и области, публиковавшихся в местной прессе (особенно широко освещался ход подготовки «Дня Польши» в «Кубанском крае»), было выпущено несколько воззваний с призывом оказать помощь народу братской Польши. Одно из них и сейчас хранится в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике. Это плакат почти метровой длины, иллюстрированный фотографиями беженцев и разрушенных немецкими войсками городов некогда цветущего края. Вверху – символическое изображение немецкого солдата, попирающего ногами тела убитых женщин, детей, стариков с подписью «ВРАГ ЖЕСТОК! Война не щадит ни детей, ни девушек, ни священников, ни мирные сёла, ни богатые города!». Хранятся в музее также благотворительные бумажные значки и флажки, выпущенные ко «Дню Польши» в Екатеринодаре. Значок представляет собой изображение герба Варшавы, флажок – бело-красный, с синей вертикальной полосой по левому краю, с надписью «Екатеринодар–Польше»[7].

«День Польши» в городе на самом деле длился два дня – 21 и 22 ноября 1914 г. 21 ноября газета «Кубанский край» писала о предстоящем событии: «Всех кружек (для сбора пожертвований. – **О.Л.**) 400 ... Город разбит на несколько районов. Специального церемониала не будет. Бывают моменты, когда говорить громко становится неловко. В молчании торжество и серьезность момента ярче и сильнее».

Открылся «День Польши» молебном в Александро-Невском соборе о даровании победы русскому воинству. Затем начался сбор пожертвований для пострадавшего населения Польши. Екатеринодарцы не оказались глухи к чужому горю. Газета так описывала происходившее в эти дни: «Вечером Красная имела праздничный вид, такое скопление публики можно видеть очень редко. Публика окружила продавщицу значков, монеты беспрестанно стучат в кружках, девицы еле успевают накалывать флажки. В какие-нибудь полчаса большинство прохожих были уже со значками и флажками в петлицах. К 9 часам город и окраины, Дубинка и даже далекая Покровка, были во власти продавщиц. Беднота охотно бросала свои гроши, «хорошее, доброе дело» – слышалось отовсюду»[8]. По городу ездил вагон с военным оркестром, некоторые женщины были наряжены в национальные польские костюмы.

22 ноября по городу курсировали на всех линиях украшенные зелёными ветвями специальные трамвайные вагоны, вся выручка от продажи билетов в эти вагоны шла также на благотворительный сбор. Владелец электробиографа «Художественный» Акритас ещё заранее предназначил в пользу пострадавшего населения Польши весь сбор с сеансов 21 и 22 ноября[9]. В итоге благотворительный сбор составил 8341 рублей 70 копеек[10]. Это была скромная, но искренняя лепта кубанцев в дело помощи братскому народу.

---

[7] *КГИАМЗ.* ПМ 6545/3, КМ 11116. См. цветную иллюстрацию к данной книге

[8] Цит. по: *Екатеринодар-Краснодар*: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 359.

[9] *Кубанский край.* 1914. 20, 25, 26 ноября.

[10] Там же. 26 ноября. № 265.

А. Д. ВЕРШИГОРА
г. Краснодар

ОФИЦЕРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЧЕРКЕССКОМ КОННОМ ПОЛКУ (1914–1917 гг.)

Лето 1914 г. в России было жарким и сухим. Газеты сообщали о пожарах в Архангельской и ряде других губерний. Под Нижним Новгородом и Минском выгорали целые деревни.

На Кубани жара сопровождалась необычайно сильными разливами Кубани и её притоков Лабы, Белой, Большого и Малого Зеленчуков. В станице Темиргоевской по улицам текли целые реки, затоплен был почти полностью аул Хатукай, а в Уляпе погибли посевы кукурузы и пшеницы.

Неспокойно было в российской столице, где число бастующих перевалило за сто тысяч, в тишайшем некогда Екатеринодаре бастовали водители трамваев. Тревожно было и в мире. Сараевские выстрелы 15 (28) июня и последовавшие условия ультиматума Австро-Венгрии к Сербии стали поводом для развязывания войны Берлино-Венским блоком против стран Антанты.

В 1914 г. Германия значительно опережала другие страны по темпам роста производства современного оружия и военных кораблей. Россия начала перевооружение, но по данным Генштаба могла сравниться с Германией только через пятнадцать лет.

Германия торопила события. Под её давлением более слабая Австро-Венгрия 12 июля предъявила Сербии невыполнимый ультиматум, а 14 июля объявила войну. Германия 19 июля (1 августа) объявила войну России, рассчитывая расправиться с ней за один год. Через два дня германские войска вторглись в Люксембург, а затем в Бельгию, с намерением ворваться во Францию и вывести её из войны. Чтобы спасти Францию, российское командование начало неподготовленное наступление на Восточную Пруссию, что вынудило немцев перебросить туда с запада один корпус. Велись боевые действия в Силезии, а на юге Юго-Западный фронт громил австро-венгерские части и продвигался к Карпатам. Польша была разделена между тремя странами и каждая из них обещала польскому народу помощь.

В целом Россия к войне была не готова и даже после сараевских событий

работали только высшие штабы. В Германии на «водах» лечились многие высшие военные и гражданские чины, хотя военные приготовления немцами не особенно скрывались.

С началом войны на Кубани формировались казачьи полки второй и третьей очередей, мобилизованные офицеры и солдаты из гражданского населения партиями направлялись в части своей приписки. Патриотический подъём был велик, хотя слёз на прощаньях было много.

Во всех войнах России, начиная с Крымской, в боевых действиях участвовали отдельные сотни (эскадроны) и полки конных горцев, сформированные на добровольческих началах. По опыту прошлых лет на Кавказе была создана Кавказская Туземная конная дивизия (далее: Кавказская конная) трёхбригадного состава. Её Черкесский конный полк формировался штабом Кубанского казачьего войска и атаманами отделов Кубанской области[1]. Только офицеров подбирал штаб Кавказского военного округа, которые утверждались затем «высочайше», то есть царём. Командиром дивизии был назначен брат царя великий князь Михаил Александрович. Среди офицеров было много князей, графов и баронов, были принцы и маркизы.

Офицерский корпус русской армии был многонационален. Это украинцы (малороссы), немцы, татары, грузины, армяне, финны, французы и другие. Не было только иудеев. Западных адыгов (адыгейцев) оказалось совсем немного. Наиболее популярными из них были штабс-ротмистры Султан Крым-Гирей, Султан Клыч-Гирей и черкес по отцу Сергей Улагай.

Поляков в русской армии было много, особенно в кавалерии. К примеру, в уланском Белгородском полку, расквартированном в Проскурове, в котором офицером начинал службу Султан Клыч-Гирей, офицеров из поляков было около половины.

Положение о формировании полков Кавказской конной на время войны было утверждено 16 августа. 23 августа командиром полка был назначен подполковник А.З. Чавчавадзе, до этого занимавший в течение десяти лет должность адъютанта наместника на Кавказе. Местом формирования Черкесского полка стал лагерь на берегу Урупа под Армавиром. Командирами сотен были назначены штабс-ротмистры: 1-й сотни (из горцев Екатеринодарского отдела) — казак С.Д. Лихачёв, 2-й сотни (Майкопского отдела) — Султан Клыч-Гирей, 3-й сотни (Баталпашинского отдела, ныне Карачаево-Черкесия) —

[1] Горцы воинской повинности не несли, уплачивая незначительный налог «с дыма». Но они могли служить добровольно в качестве офицеров армии или в постоянной горской милиции. На время войны с согласия аульных обществ на добровольной основе создавались милиционные сотни (эскадроны) или полки. Как правило, каждого воина, называемого всадником, аульное общество обеспечивало конём, конским снаряжением и холодным оружием. Огнестрельное оружие и зарплату выдавала казна, то есть государство. При этом если в каком-нибудь ауле не хватало добровольцев или их было более установленной нормы, выбор для службы определялся жребием. Как правило, молодёжь охотно шла на войну, где можно было отличиться.

Е.И. Озаровский, уроженец Черниговской губернии, вероятно, польского происхождения, и 4-й сотни (Абхазской) — швед или финн Г.Ф. Бьерквист. Все они имели военное образование и немалый опыт службы в кавалерии. Пост командира сотни был ответственным из-за необходимости самостоятельного решения хозяйственных вопросов, включая обеспечение продуктами и фуражом, ведение своей кассы. Командиры сотен менялись, только Султан Клыч-Гирей до конца войны оставался в этой должности, хотя имел уже чин полковника. В числе младших офицеров были поляки: штабс-ротмистр Б.Д. Цешковский, ранее служивший начальником Кодорского участка в Абхазии, поручик С.В. Максимович из 5-го пластунского батальона и призванные из запаса корнет князь С.А. Радзивилл и прапорщик граф Тышкевич. Таким образом поляки в общем числе офицеров в Черкесском полку на начало формирования составляли четверть — больше чем офицеров из горцев, из которых двое не могли участвовать в боях по причине преклонного возраста[2].

Служба в Кавказской конной считалась почётной, но необычайно трудной для непривычного к Кавказу человека. Это было вызвано тем, что всадники: черкесы, карачаевцы, абхазы, абазины и другие в подавляющем большинстве не знали русского языка и строя и не имели никакого понятия о воинской дисциплине. К старшим они обращались на «ты», к ним нельзя было применять телесные наказания. Особо сложно было на стоянках. Но горцы были прекрасными конниками, отлично владели холодным оружием, были сметливы и необычайно храбры в бою. Они особо ценились как связные, разведчики и дозорные.

Связующим звеном между офицерами и всадниками в Черкесском полку были кубанские казаки: урядники и приказные. Большинство из них имело знакомых адыгов или даже кунаков. Но основным методом обучения и воспитания был принцип «делай как я».

В другом месте я уже подробно писал о формировании и боевых операциях Черкесского полка[3]. Здесь же хотелось бы отметить основные перемещения и бои полка, в которых принимали участие офицеры польского происхождения.

6 октября 1914 г. четырьмя эшелонами Черкесский полк со станции Армавир отправился на запад. Полк только готовился к выступлению, а 5 октября 1914 г. главнокомандующий подписал приказ о формировании запасной сотни Черкесского полка. В городе Проскурове прошли обучение и 17 ноября снова эшелонами отправлены на станцию Заболотце у города Броды. 22 ноября дивизия парадным маршем проследовала главными улицами Львова[4].

---

[2] *РГВИА*. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 3. Л. 154.

[3] *Вершигора А.Д.* Черкесский полк в Первую мировую войну // Литературная Адыгея. Майкоп, 1998. №1–2.

[4] *Толстой И.Л.* Алые башлыки // День печати. М., 1915. 9 февраля.

Только 1 декабря из Самбора дивизия отправилась на фронт, войдя в состав 8-й армии генерала Брусилова. Черкесский полк первым в дивизии.

В верхнем течении реки Сан 2-й дивизион полка в составе 3-й и 4-й сотен проводил двухдневную разведку сил противника у сел Терки, Волковыя, Горжанка, Мичкув. 8 декабря разъезд Цешковского обследовал местность между селениями Полянчик и Мичкув, был обстрелян. Разъезд Тышкевича обследовал местность до села Райское, находившиеся там австрийцы бежали в лес. 10 декабря разъезд Максимовича между селениями Воля Матюшова и Полянчик вызволили из окружения разъезд Ингушского полка.

С 11 по 16 декабря 3-я бригада дивизии в составе Черкесского и Ингушского полков под командованием генерала Н.И. Вадбольского наступала на юг к перевалам через Карпаты. Противниками черкесов были тирольские стрелки. В боях из поляков отличились С.В. Максимович, Б.Д. Цешковский и С.А. Радзивилл.

1 января 1915 г. после некоторого пребывания в резерве Черкесский полк занял позицию на левом берегу Сана у сёл Дверник, Насичне, Царске на пути возможного прорыва противника к окруженному русскими войсками городу-крепости Перемышлю. Вместе с тем сотни вели разведку высот, отделяющих позицию полка от сильно укреплённого селения Береги Горные, поскольку командование не отказалось от намерения пробиться на южную сторону Карпат. В разведке и схватках с противником отличились Б.Д. Цешковский и С.А. Радзивилл. В один из дней окруженный взвод Б.Д. Цешковского выручил приказный черкес Рамазан Шхалахов из Абхазской сотни. Под напором собравшего силы противника полк с боем отошёл на правый берег Сана и у сёл Смольник, Лутовисск, Журавин, Кривка вёл жестокие оборонительные бои. За отличия у Кривки Султан Клыч-Гирей и Цешковский были представлены к награждению Георгиевским оружием, однако высокая награда была заменена. Всё это в суровую зиму, в пешем строю и в окопах, используя лошадей только для переходов. Одно время полк входил в отряд генерала А.И. Деникина. За бои в Карпатах первые ордена получили Цешковский, Радзивилл, Озаровский, Максимович, о чём писала газета «Кубанский край» 8 июля 1915 г. Более подробно действия офицеров и всадников Черкесского полка в Карпатах и других местах описаны в сохранившихся боевых донесениях и представлениях к наградам полка и дивизии[5].

В конце января 1915 г. Тышкевич и Радзивилл были переведены в штаб дивизии, несколько позднее туда последовал и Максимович.

В октябре 1914 г. из Киева в Винницу в распоряжение великого князя Михаила Александровича прибыло много солдат местных команд для зачисления в полки дивизии в качестве обозников и денщиков. Из их числа Григорий

---

[5] *РГВИА*. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 1–2, 11, 13, 16, 18, 21, 68, 75, 91–92, 117, 121, 126, 128, 133, 137, 144 и др.

Илюшко-Яриновский настоял на службе всадником. Так он попал в Черкесский полк. Он оказался грамотным человеком и прекрасно управлялся с лошадью. С удовольствием ходил в разведку, нёс дозорную службу. Неоднократно лично докладывал результаты разведки командиру полка. За отличия был награжден чином урядника и Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней. Представляется, что он был польского происхождения, судьба его неизвестна.

В Кубанском казачьем войске было немало потомков поляков. Среди них назовём старшего урядника станицы Васюринской Степана (Стефана) Швайковского, участника Русско-японской войны. Он отличился в боях в Карпатах, а также под Станиславом (ныне Ивано-Франковск), где геройски погиб.

7 февраля 1915 г. 2-й конный корпус в составе Кавказской конной, получившей в обиходе название «Дикой», и 9-й кавалерийской генерала А.М. Каледина дивизии был снят с фронта и направлен против проявившей активность группировки противника у города Станислава. 15 февраля 3-й бригаде при поддержке 2-го Дагестанского полка было приказано форсировать горную реку Ломница и взять укрепленное селение Цу-Бабин (ныне Бабин Заречный). Первой в конную атаку пошла 2-я сотня. Она была поддержана 1-й и 3-й сотнями, а затем сотнями Ингушского полка. Дагестанцы же были отброшены артиллерийским огнем. Это была первая конная атака Кавказской конной дивизии с начала войны. Она была неожиданной для противника и успешной. Опомнившийся враг ввёл в действие артиллерию, провёл контратаки от Ветлино справа и Бринь с левого фланга, но был отбит спешившимися черкесскими всадниками. Взятие позиции у села Цу-Бабино позволило дивизии А.М. Каледина через Ветлино и другим бригадам Кавказской конной у Бринь перейти в наступление[6]. Вскоре Станислав был взят. За боевой успех Черкесский полк был представлен к награждению Георгиевским штандартом, единственным в дивизии за всю войну. Награждённых было много, среди них штабс-ротмистр Цешковский. Озаровский в то время был отправлен на лечение.

---

[6] Писатель О. Опришко в книге «Кавказская конная дивизия. Возвращение из забвения» (Нальчик, 1999) указал, что Цу-Бабин был взят Ингушским полком, а Черкесский полк выполнял вспомогательную роль. Своё утверждение он основывал на том, что два офицера полка были награждены Георгиевским оружием. Его утверждение неверно. После того как черкесские всадники ворвались в Цу-Бабин, им понадобилось ещё много времени, чтобы выбить засевших солдат в домах. В Цу-Бабине был командный пункт подполковника Чавчавадзе, три сотни полка отбили контратаки противника. По документам архивов 3-я сотня полка взаимодействовала с ингушской сотней между селениями Цу-Бабин и Беднаров. К награждению орденами Святого Георгия Победоносца в Черкесском полку были представлены четыре офицера и ещё другие к награждению Георгиевским оружием. Но представления потерялись, после повторения были заменены. Чавчавадзе смирился с отклонением. Между тем два ингушских офицера получили Георгиевские награды.

С утра 16 февраля мимо Цу-Бабино выдвигались полки дивизии Каледина. Все обращали внимание на неубранные ещё тела вражеских солдат. «Что здесь было?» – спрашивали многие. «Это работа горцев», – отвечали им. Командир полка и три командира атаковавших сотен Черкесского полка были представлены к награждения орденами Святого Георгия Победоносца 4-й степени.

В числе погибших под Станиславом был командир Чеченского полка Александр Сергеевич Святополк-Мирский (1879–1915), польского происхождения. Он отличался неукротимой энергией, хладнокровием и храбростью. Пока не ясно, принадлежал ли он к известному роду князей Святополк-Мирских. Во всяком случае, в современном издании «Дворянские роды Российской империи» он не упомянут.

С апреля 1915 г. по ноябрь 1916 г. и с мая по август 1917 г. Черкесский полк вёл бои в Приднестровье. В исключительно сложном положении полк оказался 29 мая 1915 г. у города Залещики. Ему выпала задача защищать четырёхкилометровый участок левого берега Днестра от Залещики до села Жежава (Зеленый Гай). Между тем на участке Дагестанского полка под утро переправился батальон австрийцев. Одна из его рот начала наступление на позиции черкесов. Правофланговая 2-я сотня Черкесского полка в пешем строю отбила три атаки превосходящих сил противника, сама переходя в контратаки с карабинами за плечами и саблями наголо. Командование считало её полностью уничтоженной. Геройски погиб временно ею командовавший поручик И.Г. Франтц, сын обрусевшего подполковника, серба, чеха или поляка. Но сотню и весь полк от уничтожения спасла конная атака Заамурской бригады. Цена спасения черкесов была немалая: погибли два офицера, нижних чинов убито 33, ранено 58 и 28 пропало без вести. Это больше потерь остальной части Черкесского полка.

В числе отличившихся в Черкесском полку были во 2-й сотне поручик Критский, тяжело раненый, и временно командовавший 4-й сотней штабс-ротмистр Цешковский.

В 1915 г. в полк в числе пополнения офицерами прибыли поляки или потомки польских семей. Первым из них был прапорщик И.И. Верига с высшим образованием. Он занял освободившуюся должность полкового адъютанта. Грамотный и трудолюбивый, он привел в порядок боевой архив полка и отлично содержал его до конца войны. За отличия в боевых действиях был награждён чином поручика и орденами.

С опытом участия в боевых действиях в полк был переведён И.Д. Литвин. 15 октября 1915 г. в полк прибыли для прохождения службы выпускники кавалерийских училищ корнеты П.А. Малаховский, Б.А. Собичевский и К.Ф. Фунгалевич.

25–29 сентября Черкесский полк участвовал в сложных боях на реке Стрыпе севернее города Бучача. Временно командовал полком подполковник Султан Крым-Гирей. Из офицеров-поляков отличились штабс-ротмистр Озаровский, поручик Литвин и корнет Евгений Цешковский, прибывший из запаса.

Черкесский полк успешно сражался в Брусиловском прорыве летом 1916 г. Наиболее памятным остался бой за взятие села Окно с железнодорожной станцией Окняны к юго-востоку от Залещики. В результате серии конных атак был разгромлен батальон пехоты и захвачены богатые трофеи. Из офицеров особо отличились командир 1-й сотни ротмистр Б.Д. Цешковский, командир 3-й сотни поручик Л.В. Марданов (армянин) и командир взвода корнет маркиз Делла Альбицци (итальянец).

С декабря 1916 г. по апрель 1917 г. Черкесский полк находился в Румынии, ведя тяжёлые оборонительные бои, нередко отступая, всё в пешем строю.

Небывалый успех сопутствовал Черкесскому полку в наступлении Юго-Западного фронта летом 1917 г. на города Станислав и Галич, в этот раз с востока от Тернополя. Но, к сожалению, документы о наградах найдены на небольшое число отличившихся. Отметим только старшего унтер-офицера пулемётной команды при Черкесском полку Ельницкого, отличившегося 28 июня у села Блудники и лично награжденного командующим фронтом Георгиевским крестом 4-й степени.

Как следует из газетных публикаций, в том числе со ссылками на заявления полковника Султана Крым-Гирея, являвшегося председателем Комитета дивизии и в 1917 г. назначенного командиром Черкесского полка, личный состав Кавказской конной дивизии не знал о намерении главнокомандующего генерала Корнилова использовать дивизию в свержении Временного правительства и установлении военной диктатуры[7]. Документальных же материалов о действиях офицеров под Петроградом в конце августа 1917 г. нет.

Несмотря на многонациональный состав офицеров и всадников боевая выручка между сотнями и взводами в полку проявлялась постоянно. Точно также отличное взаимодействие было у полка с соседями.

Известный роман Н.Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия», хотя и содержит много вымысла, но в значительной степени передаёт настрой офицеров и всадников дивизии[8]. Более объективно описывали события бывший офицер А. Арсеньев и прикомандированный к дивизии Л. Белов[9].

Черкесский полк в октябре 1917 г. прибыл на Кавказ, сведения о судьбе офицеров полка весьма ограничены. Данные о наградах, ранениях и смерти всех офицеров русской армии публиковались газете «Русский инвалид»

---

[7] *Терские ведомости.* 1917. 5 сентября, 12–13 сентября; *Биржевые ведомости.* 1917. 28 августа, 30 августа; *Новая жизнь.* 1917. 29 августа (11 сентября); *Свободная жизнь.* 1917. 2 сентября (15 сентября).

[8] *Брешко-Брешковский Н.Н.* Дикая Дивизия: Роман. Рига, 1924. Книга переиздана в Майкопе в начале 1990-х гг. Брешко-Брешковский родом из польско-украинской семьи, в 1915–1916 гг. в качестве военного корреспондента бывал в дивизии, включая Черкесский полк, публиковал фотографии.

[9] *Арсеньев А.* Кавказская Туземная конная дивизия // Военно-Исторический вестник. Париж, 1957. №10; Он же. Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку // Военная быль. 1972. май. №116; *Беляев Л.* Три недели в Туземной дивизии // Военная быль. 1956. № 20. С. 22–23.

в 1914–1917 г. Некоторые подробные сведения об офицерах поляках будут приведены ниже.

Большую ценность представляют боевые документы, составленные адъютантом полка И.И. Веригой. Он жил в Варшаве, возможно, у его родственников сохранились записи о Черкесском полку?

Записи воспоминаний могут быть и у потомков Б.Д. Цешковского, храброго и по-военному грамотного офицера.

В заключение отметим, что поляки-офицеры Черкесского полка оставили прекрасный след в истории России как её патриоты, в единении с русскими защищавшими государство от внешнего врага.

Краткие биографические сведения о поляках и потомках польских семей, служащих в Черкесском конном полку

Иван Игнатьевич Верига. Родился 5 декабря 1885 г. в Харьковской губернии, католик. Окончил Петербургский политехнический институт. Военную службу начал в 1912 г. вольноопределяющимся, в апреле 1914 г. получил чин прапорщика запаса. В июле 1914 г. был мобилизован, в Черкесский полк прибыл 20 июля 1915 г., заняв освободившуюся должность адъютанта полка. Числился в 1-й сотне. Награждён орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Приказом командующего Румынским фронтом от 14 апреля 1917 г. награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 9 мая 1917 г. награждён чином поручика за отличие в бою 19 апреля 1916 г. Писатель Брешко-Брешковский называет Веригу – Веригой-Даревским. По его сведениям И.И. Верига в конце жизни жил в Варшаве, служил в банке. Сам писатель в детстве жил на Волыни у своего дяди В.К. Верига.

Михаил Николаевич Критский. Родился 11 июля 1890 г. в Ставропольской губернии. Окончил Ставропольскую Духовную семинарию Елисаветградское кавалерийское училище. За бой 29 мая награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Согласно приказу дивизии от 27 марта 1917 г. награждён орденом Святой Анны 2-й степени.

Иосиф Доминикович Литвин. Родился 18 мая 1887 г. Окончил Либавское коммерческое училище и Тверское кавалерийское. Нижний чин с 1904 г., корнет с 1906 г., поручик с 1909, женат. Во 2-й сотне с августа 1915 г. 29 сентября 1915 г. контужен в голову. В числе боевых наград орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (21 апреля 1916 г.). В январе 1917 г. при возвращении Кавказской дивизии из Румынии И.Д. Литвин, как помощник дивизионного интенданта, проявил энергию и умелую работу в обеспечении дивизии продовольствием и фуражом во время перехода измотанных полков дивизии из Румынии в Бесарабию с 19 января по 2 февраля 1917 г. За это он получил особую благодарность командира дивизии генерал-лейтенанта Д.П. Багратиона. Приказом командующего 4-й армии от 23 января 1917 г. награждён орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

Александр Михайлович Лекторский. Родился в 1895 г. в Ставропольской губернии. Окончил Екатеринодарскую гимназию и Тверское кавалерийское училище, ускоренный курс. За отличие в бою 1 ноября 1916 г. ему был присвоен чин поручика 9 мая 1917 г.

Сергей Васильевич Максимович. Родился 12 февраля 1888 г. в Екатеринославской губернии. Учился в Вольской военной школе и Тифлисском военном училище. Службу начал в 1905 г., некоторое время находился в Персии. В Черкесский полк переведён 1 сентября 1914 г. из 5-го пластунского батальона. Первая боевая награда орден Святой Анны 4-й степени (1 января 1915 г.). Числился в 3-й сотне. 27 июля 1915 г. командирован в штаб дивизии для постоянных занятий. До этого направлялся туда временно. В числе наград — орден Святого Станислава с мечами и бантом (21 апреля 1916 г.). Награждён чином ротмистра 16 мая 1917 г. за отличие в бою 14 октября 1916 г. В октябре 1917 г. был старшим адъютантом у командующего Кавказским туземным конным корпусом генерала Половцева.

Павел Адольфович Малаховский. Родился в 1892 г. в Псковской губернии. Окончил гимназию и Тверское кавалерийское училище, ускоренный выпуск, числился в 3-й сотне. В числе боевых наград ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и анненским оружием с надписью «За храбрость».

Евгений Иванович Озаровский. Родился 24 августа 1879 г. в Черниговской губернии. Окончил Оренбургский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду, женат, в мирное время был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени, служил в казачьих частях в Закавказье. Командиром 3-й сотни назначен 27 августа 1914 г. В январе-феврале 1915 г. Озаровский заболел и был отстранён от командования сотней. После выздоровления весной был зачислен в 1-ю сотню. Отличился в сложном бою 29 сентября 1915 г. у Петляковце Нове. Откомандирован 21 октября 1915 г. на Кубань для занятия должности командира запасной сотни 3-й очереди.

Станислав Антонович Радзивилл. Корнет, зачислен по высочайшему приказу от 3 октября 1914 г. Как указано в книге «Дворянские роды Российской империи» (Т. 2. С. 244—245), ветвь его рода идет от Мартина-Николая Радзивилла, которому он доводится правнуком. О нём указано: «Станислав-Вильгельм Радзивилл, сын Антония-Вильгельма (1880—1920)». Обстоятельства его смерти неизвестны. Согласно приказу от 22 мая 1915 г. Радзивилл был прикомандирован к 9-му уланскому Бугскому полку. Последняя известная автору запись в документах Первой мировой войны гласит: «Увольняется по прошению лейб-гвардии подъесаул князь Радзивилл (Станислав) — 17 сентября 1917 г.».

Борис Алексеевич Собичевский. Родился 22 ноября 1893 г., в семье полковника. Окончил Московский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. В полк прибыл 15 октября 1915 г., был зачислен в 3-ю сотню.

Тышкевич. Младший офицер 3-й сотни Черкесского полка. Сведения о нём отрывочны, по-видимому он был в числе прикомандированных. 27 декабря в селе Хащув прапорщик Тышкевич представил рапорт: «Выздоровел и службу Его Императорского Величества нести могу». Он упоминается как участник боевых действий в декабре 1914 г. и январе 1915 г. Был переведён в штаб дивизии. Согласно приказу по 2-му конному корпусу от 8 апреля граф Тышкевич, барон Бер и ротмистр Стенбок Формор прикомандированы к командиру корпуса для несения ординарческой службы. 31 мая 1915 г. (после тяжелейшего боя) был возвращен в полк. Других материалов о нём не найдено (в том числе информации о его имени).

Константин Феодосьевич Фунгалевич (Фугалевич). Родился 15 апреля 1893 г. в семье чиновника губернского города Ковны. Окончил гимназию и Тверское кавалерийское училище, ускоренный курс, с присвоением чина корнета. Числился в 4-й сотне. 8 июня 1916 г. перевёлся на службу в 9-й авиационный отряд. За отличия был награждён чином поручика.

Борис Дмитриевич Цешковский. Родился 30 декабря 1880 г. в Киевской губернии. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду, нижний чин с 1899 г., корнет с 13 августа 1901 г. Указанное свидетельствует о том, что он учился вместе с командиром 2-й сотни Султан-Гиреем Клычом Шахановичем (Султаном Клыч-Гиреем). До зачисления в полк занимал должность начальника Кодорского участка Сухумского округа. В полк под Армавир прибыл 1 октября 1914 г. В числе наград в 1915 г. боевые ордена Святой Анны 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени. Высочайшим приказом от 19 ноября 1916 г. за отличия в боях произведён в подполковники со старшинством с 26 июля 1916 г.

Евгений Цешковский. Корнет, прибыл из запаса, был зачислен во 2-ю сотню. В числе боевых наград — орден Святого Станислава 2-й степени с мечами и бантом (21 апреля 1916 г.). Высочайшим приказом от 9 ноября 1916 г., прикомандированный к Черкесскому полку Ингушского конного полка, поручик Цешковский произведён в штабс-ротмистры со старшинством с 12 сентября 1916 г.

Краткие биографические сведения о некоторых других офицерах-поляках, участвовавших в Первой мировой войне

Михаил Сарабунович. Поручик, настойчиво добивался зачисления в Черкесский полк. Будучи младшим офицером Ингушского полка зарекомендовал себя как храбрый и грамотный в военном отношении офицер. Назначенный командовать 3-й бригадой Кавказской конной дивизии генерал П.Н. Краснов назначил его старшим адъютантом, возложив на него фактически обязанности начальника своего штаба. Был тяжело ранен, судьба его неизвестна. В числе боевых наград — орден Святого Владимира 4-й степени Упоминается с положительной стороны в книге Брешко-Брешковского.

Вольдемар Константинович Соколовский. Родился в 1884 г. в Витебской губернии. Окончил Полоцкий кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В чине штабс-ротмистра был назначен командиром 4-й сотни Кабардинского конного полка. Особо отличился в бою 17 декабря 1914 г. у села Береги Горные в Карпатах. Был награждён рядом боевых орденов. В бою у села Шупарка на Днестре возглавил конную атаку и был тяжело ранен в живот. Понимая, что ему не жить, нашёл в себе силы доложить командиру полка об обстановке, сдать документы и сотенную сумму преемнику, попрощаться с боевыми товарищами. Только после этого позволил отправить себя в госпиталь и там вскоре скончался.

Игнатий Игнатьевич Чекатовский. В 1904 г. служил в чине поручика в 12-м Белгородском уланском полку. 29 сентября 1915 г. временно командуя полком на реке Стрыпе за отличия был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Его полк взаимодействовал с Черкесским.

Иосиф Цешковский. Прапорщик, на 22 августа 1917 г. числился состоящим на службе в Польском полку.

Нет сомнений в том, что Верига, Литвин, Радзивилл, Сарабунович, Соколовский, Тышкевич, Фунгалевич, Цешковские, Чекатовский, Швайковский — поляки. Польское происхождение Максимовича и Озаровского ещё предстоит проверить. Что касается других упомянутых офицеров — их польское происхождение указано предположительно.

В. И. КОЛЕСОВ
г. Краснодар

ПОЛЬСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Польское население на территории Северо-Западного Кавказа появляется с конца XVIII в., причём под термином «поляки» в документах могли упомянуть как польско-говорящего православного человека, так и вообще всякого католика. Трудно судить о количестве и составе польского населения из-за скудности сохранившихся архивных документов. По ведомости о составе народонаселения Кубанской области «по национальностям» на 1878 г. поляков насчитывалось 2729 душ мужского и женского пола[1]. По данным на 1916 г. в Кубанской области проживало «в абсолютных цифрах» 3949 поляков[2], в 1920 г. в составе городского населения Кубано-Черноморской области 5175, а в 1923 г. – 4435 человек польской «народности»[3]. На 1920 г. имеются также данные общеобластной сводки: поляков 3668 мужчин и 3649 женщин, а всего – 7317 человек[4]. Затруднительным представляется анализ функционирования польской общины Кубано-Черномории в 1920-е гг. Идентичность, реализовывавшаяся до 1917 г. в языке, религии и самосознании, получает возможность существования в системе народного образования. Нами будут приведены факты пересечения образовательной и национальной сфер.

С установлением советской власти на территории бывших Кубанской области и Черноморской губернии стали происходить кардинальные перемены не только в политико-экономической жизни региона, но и в социально-культурной сфере. Национальная политика новой власти включала в себя многие аспекты, в том числе и образование национальных школ. Ещё в апреле 1920 г. вышло постановление Кубчероблревкома о создании школ

[1] *ГАКК*. Ф. 460. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

[2] Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 579. Л. 2.

[3] Там же. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 53.

[4] Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 408. Л. 51.

национальных меньшинств, подписанное Я. Полуяном. Граждане всех национальностей, проживающих в области, получили право организации обучения родному языку в Единой Трудовой Школе (далее – ЕТШ). Школы открывались там, где было не менее 25 учащихся одной национальности (в то же время существовало Положение о том, что 15 человек – минимальное количество учащихся, необходимое для открытия школы)[5]. Следует отметить, что в рамках советской многоукладной школьной системы, именно ЕТШ стала центральным звеном довузовского образования. В ЕТШ обучались дети в возрасте от 8 до17 лет. Существовали школы I и II ступеней (I ступень – дети 8–12 летнего возраста, и II – дети 12–17 лет). Школа II ступени состояла из двух законченных циклов обучения (3 года и 2 года)[6].

В учреждённой Кубано-Черноморской области этими вопросами занимался подотдел национальных меньшинств областного отдела народного образования (см.: ГАКК, фонд № Р-365: Отдел народного образования Кубано-Черноморской области).

Крайне скудные сведения о польских школах не позволяют полностью осветить их деятельность, но мы приведём несколько разрозненных архивных документов, иллюстрирующих жизнь польской общины того периода.

В справке от 9 апреля 1920 г., выданной из Краснодарской I Польской Советской школы I ступени сообщалось, что в школе обучается 125 человек учащихся, работает 5 учителей и 1 техслужащий. Перечислю фамилии этих людей, соблюдая орфографию документа, так как антропонимический материал является важным источником по истории и культуре населения. Учителя: Иван Дионисьевич Карпинский, Чеслава Константиновна Карпинская, Фаустин Станиславович Пясек, Иосиф Севастьянович Слютер (у всех адрес – улица Графская, 14, современная – Советская) и Витольд Константинович Эрслав (адрес – Котляревская, 76г), а техслужащий – Люциан Игнатьевич Давидовский (Графская, 14)[7].

Следующий документ, имеющийся в нашем распоряжении, относится к 9.12.1920 г. Из справки, подписанной И.С. Слютер, видно, что на тот момент I Екатеринодарская Советская Польская школа функционировала, по крайней мере, на бумаге[8].

О периоде 1921–1922 гг. в жизнедеятельности польских школ пока не удалось обнаружить документов. Но в 1922/1923 учебном году в Кубано-Черноморской области польских школ не было.

Что касается следующего 1923/1924 учебного года, то в документах Кубано-Черноморского отдела народного образования (далее – КубЧерОНО) можем увидеть следующее. В таблице под названием «Степень удовлетворения различных национальностей школой на родном языке в 1923–1924 гг.

---

[5] *ГАКК.* Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 408. Л. 31.

[6] *Мирук М.В.* Реформирование системы образования // История Кубани XX век: Очерки / А.М. Авраменко, А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев и др.; Под общей ред. проф. В.Е. Щетнева. Краснодар, 1998. С. 57.

[7] *ГАКК.* Ф. Р-365. Оп.1. Д. 579. Л. 40.

[8] Там же. Д. 430. Л. 3.

в Кубано-Черноморской области» в графе «Количество населения» приводится цифра 2923 человека польской национальности, в графе «Количество детей 8–13 лет» – 321 человек, в графе «Количество детей школьников» – 50. Таким образом, была видна недостаточность вовлечения детей в процесс просвещения. Следующая таблица «Школьная сеть Нацмен Кубчеробласти в 1922/23 и 1923/24 учебных гг.» демонстрировала динамику развития школьной сети. В первой графе данной таблицы сравнивалось количество школ, во второй – количество учащихся детей. Если в 1922–1923 гг. польских школ не было, то в 1923–1924 гг. появилась одна, число школьников – 50[9]. Кроме школы существовала польская библиотека, оба учреждения патронировались общим попечительским советом. О составе последнего органа не известно практически ничего, кроме того, что 11 ноября 1923 г. вместо Ульвера в него был избран Мечислав Карлович Мыслинский. В сентябре того же года попечительский совет информировал подотдел Нацменьшинств КубЧерОНО о состоянии школы. Дети обучались в трёх группах, с ними работала единственная учительница – Ядвига Казимировна Годзевич (кстати, в том же сентябре она стала и библиотекарем, сменив на этой должности К.А. Гриневич). Годзевич одновременно была и директором школы, техником работал Степан Степанович Нацевич.

Приведем список учеников.

1-я группа: Иван Андриевский, Юрий Бальчык, Алексей Григович, Анна Григович, Игнатий Гриневич, Эдуард Головня, Даниил Жиргулевич, Станислав Зинович, Марина Исаева, Исай Исаев, Павел Лендзожек, Ядвига Мыслинская, Ольга Червякова, Сергей Чапский, Стефания Шаль, Генрих Побережко, Сергей Ядгаров.

2-я группа: Анна Андреевская, Александр Авдышев, Павел Авдышев, Юзефа Бобонь, Марцелина Вихавская, Пелагея Грегонис, Виктор Глинский, Эдуард Глинский, Юлия Головня, Елена Григович, Тадеуш Гриневич, Валерия Жергулевич, Варвара Зысковская, Анна Мельничук, Галина Иванова, Лида Рябкова, Евгения Рябкова, Станислав Струмский, Пётр Рыцеж, Александр Исаев, Юрий Агаханов.

3-я группа: Розалия Агаханова, Иосиф Давидов, Александр Мыслинский, Екатерина Казарова, Янина Головня, Генрих Ульвер, Амалия Шаль[10].

Приведённые сведения не позволяют в полной мере судить о процессах, проходивших внутри польской общины в сфере национального образования. Но непостоянное функционирование польской школы может свидетельствовать об аморфности общины, что не говорит о «слабости» группы, а, видимо, иллюстрирует складывание новых отношений в период формирования «национальной», «этнической» основы. Национальная школа по идее должна была стать одним из проявлений этой нарождавшейся идентичности, но встречающиеся армянские (?) фамилии (Агаханов, Давидов, Казарова) позволяют говорить о сохранении прежних религиозных (католических) начал общины.

---

[9] *ГАКК*. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 56–57.

[10] Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 806. Л. 14, 16–16об., 70–72.

О. П. БРИДНЯ
г. Краснодар

ПОЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ: ПОЛЯКИ НА КУБАНИ В XIX–XX ВВ.

Из истории римско-католического костёла в городе Екатеринодаре-Краснодаре. История нашего края всегда была неразрывно связана с судьбами поляков. До революции на Кубани проживало около 2 тысяч представителей данной этнической диаспоры. Предпочтение отдавалось столице Кубанской области – Екатеринодару. В конце XIX в. встал вопрос о необходимости постройки здесь костёла.

В 1880 г. был организован комитет для сбора пожертвований на сооружение Екатеринодарской римско-католической церкви, который разослал письма «всем начальствующим лицам в Кавказском наместничестве» с просьбой оказать содействие в привлечении наибольшего числа сочувствующих святому делу[1]. В декабре по подписным листам от станичных обществ, командиров артиллерийских бригад, где служило много поляков, от частных лиц было собрано более 1400 рублей[2]. В период 1883–1888 гг. на заседаниях Екатеринодарской городской думы неоднократно рассматривались вопросы об отводе участка под постройку католической и лютеранской церквей[3]. Наконец, в сентябре 1893 г. было освящено здание костёла по улице Графской (ныне улица Советская), дом 14 между улицами Рашпилевской (улица Шаумяна) и Посполитакинской (улица Октябрьская)[4].

Летом 1895 г. комитет направил в Министерство внутренних дел ходатайство о выделении пособия из казны в 4 тысячи рублей на постройку причтового дома и приобретение необходимых церковных принадлежностей для

---

[1] *КОВ.* 1880. 12 апр.

[2] Там же. 6, 13 дек.

[3] *ГАКК.* Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 44. Л. 54–55.

[4] *КОВ.* 1893. № 69.

костёла. Приход римско-католической церкви был небогат, так как одну треть его составляли воинские чины. Так, в ноябре 1895 г. в Екатеринодаре проживало 1439 католиков, в том числе 179 нижних чинов Анапского резервного батальона и 145 отставников. Поэтому доход Екатеринодарского римско-католического костёла со времени его открытия 11 декабря 1894 г. по октябрь 1895 г. составил 1427 рублей 25 копеек. Расход же превысил эту сумму на 50 рублей[5].

15 февраля 1896 г. после рассмотрения доклада министра внутренних дел император Николай II подписал разрешение «об ассигновании 3 тысяч рублей на удовлетворение строительных нужд Екатеринодарского римско-католического костёла». В апреле комитет получил указанные средства, которые пошли на возведение служб и причтового дома. До этого за счёт пожертвований прихожан было приобретено плановое место на углу улиц Графской и Посполитакинской за 6 тысяч рублей и выстроено здание церкви, оцененное в 15 тысяч рублей. Кроме того, вдова генерал-майора Н.А. Крюкова пожертвовала одну тысячу рублей на постройку колокольни. Получив необходимые денежные средства, летом 1896 г. комитет приступил к сооружению небольшой каменной колокольни и двух причтовых домов.

Наряду со сложными строительными работами прошли важные изменения в административном подчинении местного римско-католического прихода. К Екатеринодарскому костёлу был назначен викарный священник, что послужило основанием для передачи в его ведение прихода города Новороссийска с окрестными селениями: Мефодиевка, Владимировка, Глебовка, Варваровка, Павловка и другими (до того момента находились в сфере влияния керченского католического священника). В начале сентября 1896 г. Тираспольский римско-католический епархиальный епископ подписал распоряжение по этому перемещению[6].

Весомый вклад в создание и формирование местной римско-католической общины внёс отец Иосиф Канумов, который «пользовался всеобщим уважением» у екатеринодарцев-поляков. При нём были завершены работы по возведению церкви и основана приходская школа на 30 детей. Затем их число превысило сто человек. В декабре 1900 г. ксёндз Канумов подал прошение об отставке «в связи с преклонным возрастом»[7].

Большим почётом среди прихожан, в рядах которых были также армяне-католики, пользовались старосты церкви (синдики) «опытный и энергичный деятель» П.В. Буковский и Г.И. Киор-Оглы. Последний выделил из собственных средств 1317 рублей, необходимых для завершения строительных работ. Постройка кирпичного дома на плановом месте костёла обошлась польскому обществу в приличную сумму – 6 тысяч рублей. Значительная часть

---

[5] *ГАКК.* Ф. 318. Оп. 2. Д. 1998. Л. 1, 5.

[6] *КОВ.* 1896. 14 сент.

[7] Там же. 1900. 12 дек.

израсходованных денег поступила от местного римско-католического благотворительного общества. В декабре 1909 г. поляки, собравшиеся в новом здании церковно-приходской школы при костёле, выразили искреннюю благодарность инженеру И.К. Мальгербу за бескорыстную помощь. Он бесплатно руководил строительными работами[8].

С начала XX в. здание по улице Графской, 14 стало польским культурным центром и местом проведения различных лекций, концертов и благотворительных вечеров. Как сообщали корреспонденты местных газет, с богатством и разнообразием народных гуляний, часто устраиваемых польским обществом в городском саду, не могли конкурировать вечера ни армянской, ни греческой общин[9]. В сентябре 1905 г. при церковно-приходской школе была открыта библиотека с читальным залом, созданная по инициативе Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным.

После революции часть комнат костёльного дома заняли беженцы. В мае 1922 г. прошёл осмотр и изъятие церковных ценностей римско-католического костёла в пользу голодающих[10]. 6 мая 1923 г. общее собрание поляков приняло решение об избрании попечительного совета Краснодарской польской публичной библиотеки и создании школы 1-й ступени. В августе в Краснодаре начинает работать польская школа №30, которой руководила Ядвига Казимировна Годзевич (урождённая Янковская). Она также трудилась в рабочем клубе польской секции городского клуба национальных меньшинств.

В сентябре 1936 г. представители Кагановичского райкома ВКП(б) города Краснодара проверили библиотеку, находившуюся в клубе «Нацмэн» «на предмет изъятия троцкистско-зиновьевской литературы». Из библиотеки польского языка были изъяты книги Мархлевского, Петрих-Сенкевича, Мицкевича и изданные в 1895, 1905, 1912, 1913 гг. в Варшаве и Кракове журналы (всего 677 экземпляров)[11].

Здание же римско-католической церкви, закрытой в первые годы советской власти решением горисполкома, в 1938 г. было передано в распоряжение крайфинотдела для переоборудования под жилые квартиры.

* * *

Общественно-культурная жизнь польского населения на Кубани (конец XIX – начало XX в.). В конце XIX в. на территории Кубанской области проживало более 2,5 тысяч поляков[12]. Основная масса польской диаспоры

---

[8] *Новая заря.* 1909. 12 дек.

[9] *Кубанский край.* 1915. 4 сент.

[10] *ГАКК.* Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 284. Л. 182–187.

[11] Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 593. Л. 133–135об.

[12] *Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года.* Краснодар, 1997. С. 554.

была сконцентрирована в Екатеринодаре. В других городах и станицах области число поляков было менее значительным. Например, по статистическим сведениям за 1902–1904 гг. в Майкопском и Ейском отделах поляков не было. В станице Варениковской Темрюкского отдела их числилось только 5 человек[13]. В 1908 г. в столице Кубанской области проживало 2018 поляков[14], поэтому здесь наиболее активно протекала культурная жизнь польского общества. Основным местом сосредоточения инициативных поляков и проведения собраний прихожан стал римско-католический костёл, возведённый в Екатеринодаре по ул. Графской (ныне ул. Советская) и освящённый 8 сентября 1893 г. При костёле была открыта церковно-приходская школа, в которой бесплатно обучались в разные годы от 100 до 125 детей. Екатеринодарская городская дума оказала материальную поддержку школе, выделив в 1911 г. на её содержание единовременное пособие в 410 рублей[15]. В 1912–1913 гг. эта сумма была увеличена до 500 рублей[16]. Каждый год к празднованию Рождества Христова для бедных учеников школы устраивались ёлки, для чего заранее собирались средства по подписным листам.

Значительный вклад в организацию и проведение различных культурных мероприятий внесло учреждённое в декабре 1904 г. Римско-католическое общество пособия бедным в г. Екатеринодаре. 27 сентября 1905 г. с разрешения Начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Д.А. Одинцова общество открыло библиотеку-читальню. В 1906 г. библиотекой заведовала член правления общества Юстиния Реутт, которая сумела поставить дело на должную высоту, заинтересовать и привлечь публику к чтению[17]. К 1907 г. библиотечные фонды насчитывали 630 томов книг, число которых в дальнейшем неуклонно росло.

На протяжении ряда лет обязанности почётного блюстителя приходской школы исполнял председатель Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным действительный статский советник Яков Александрович Мордмиллович (1839–20.01.1916).

Ежегодно организовывались благотворительные вечера, гулянья, концерты и лекции. Так, 12 февраля 1903 г. прошёл благотворительный бал в пользу Екатеринодарской римско-католической школы, чистый доход от которого составил 1271 рубль 59 копеек. Всего было собрано 1856 рублей 80 копеек[18]. 13 февраля 1911 г. в помещении 2-го общественного собрания был устроен «польский вечер» с концертным отделением, беспроигрышной

---

[13] *ГАКК*. Ф. 454 Оп 1. Д. 188. Л. 21–21об.

[14] *Екатеринодар-Краснодар*: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 307.

[15] *Журналы Екатеринодарской городской Думы за 1911 г.* №36. 30 нояб. С. 11–12.

[16] *ГАКК*. Ф. 498. Оп. 1. Д. 33. Л. 56–56об.

[17] Там же. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3940. Л. 73.

[18] Там же. Д. 5912. Л. 6.

лотереей-аллегри и танцами. В конце вечера четыре пары в национальных костюмах исполнили мазурку. Причём на вечере присутствовало большое число русской публики[19]. 21 февраля 1911 г. в помещении польской школы устраивался вечер, посвящённый памяти польской писательницы Марии Конопницкой[20].

В декабре 1911 г. в помещении Екатеринодарской римско-католической школы собралась молодёжь для обсуждения вопроса об устройстве студенческого вечера[21].

5 февраля 1912 г. во 2-м Екатеринодарском общественном собрании при полном сборе состоялся вечер старинной музыки в исполнении польской пианистки и клавесинистки Ванды Ландовской (1879–1959 гг.)[22].

26 января 1913 г. «с обычным успехом и блеском» прошёл базар в пользу римско-католического начального училища. Этот польский вечер был самым удачным в сезоне не только по организации, но и по финансовой отдаче. При общем сборе в 2059 рублей 2 копейки чистый доход составил 1470 рублей 57 копеек[23]. Польские вечера проводились также в Новороссийске, например 10 января 1910 г.[24].

Местная пресса постоянно освещала культурную жизнь польской диаспоры. Именно дореволюционная периодическая печать служит основным источником по истории поляков на Кубани. Екатеринодарское римско-католическое общество пособия бедным, несмотря на свои финансовые трудности, ежегодно публиковало отчёты о проделанной работе. С 1 января 1909 г. в г. Екатеринодаре открылось отделение выходившей в Санкт-Петербурге ежедневной газеты на польском языке «Дзенник Петерсбурский»[25]. Таким образом, информация о жизни поляков на Кубани доходила и вызывала отклик среди читателей северной столицы.

В годы Первой мировой войны Кубанская область стала вторым домом для значительного числа беженцев из Польши. С октября 1915 г. в Екатеринодаре начало действовать отделение Польского общества вспомоществования жертвам войны (председатель – директор фабрики «Кубаноль» Ян Петрович Червинский). В 1917 г. распределительная комиссия благотворительной организации «Чашка чая» выделила в пользу комитета Польского общества 680 рублей для оплаты за обучение учащихся средних учебных заведений Екатеринодара – детей беженцев[26]. В это же время в городе работал

[19] *КОВ.* 1911. 17 февр.

[20] *Кубанский курьер.* 1911. 12 февр.

[21] *Кубанский край.* 1911. 21 дек.

[22] *Екатеринодар-Краснодар...* С. 338.

[23] *Кубанский курьер.* 1913. 29 янв, 1 марта.

[24] Там же. 1910. 13 янв.

[25] *Новая заря.* 1909. 17 нояб.

[26] *Листок войны.* 1917. 30 дек.

польский клуб «Огниско». Несмотря на сложное время, продолжали устраиваться просветительные лекции. Так, в помещении польской приходской школы в мае–июне 1917 г. прошёл цикл лекций известного польского публициста И.М. Якса-Хамеца из города Сосновец[27].

Таким образом, общественно-культурная деятельность поляков в Кубанской области выразилась и проявилась в различных формах, что позволило им, несмотря на сложные периоды в истории всего польского народа, сохранить основные национальные черты и признаки. Польское население оставило заметный след в прошлом нашего края. В настоящее время поляки являются полноправной составляющей многонациональной кубанской семьи. Они стремятся внести посильный вклад в развитие культуры и искусства Кубани.

* * *

Польское население на Северном Кавказе в XIX–XX вв. (к постановке проблемы). Юг России с древнейших времён привлекал многие племена и народы. Территорию Кубани считают своей родиной представители различных национальностей. В последние годы, когда проявился повышенный интерес к проблеме изучения этнических процессов, был опубликован ряд работ по истории, культуре и быту отдельных национальных общностей в этом районе. Однако изучение вопроса о польском населении на Северном Кавказе и на Кубани, в частности, ещё ждёт своего исследователя.

Поляки появились в данном регионе после 1812–1814 гг.[28]. В воинских частях, расквартированных на Кубани, Ставропольской и Моздокской укреплённых линиях, служило большое число офицеров, унтер-офицеров из поляков. К 1864 г. на Северном Кавказе проживали 10263 человека польской национальности, в том числе в Кубанской области – 8444 (в Екатеринодаре – 2400)[29]. Поляки селились преимущественно в крупных городах и станицах. На протяжении последующего столетия количественный состав польского населения претерпел некоторые изменения. В начале 1902 г. только в Кубанской области числилось 3153 человека польской национальности[30]. По переписи 1959 г. в Краснодарском крае насчитывался 2861 поляк, 1979 г. – 3316 чел. и 1989 г. – более 3400 чел.[31].

В отличие от представителей других этнических групп (немцев, чехов, эстонцев, молдаван и др.), основавших компактные поселения, поляки

---

[27] *Листок войны.* 1917. 30 мая.

[28] *Прозрителев Г.Н.* О поляках на Северном Кавказе. СПб., 1914. С. 3.

[29] *Кавказский календарь на 1884 год.* Тифлис, 1884. С. 184.

[30] *КОВ.* 1902. 6 сент.

[31] *Бондарь Н.И.* Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. Вып. 2. С. 148; *60 лет Краснодарскому краю (1937–1997):* Юбил. стат. сб. Краснодар, 1997. С. 15.

растворились среди местного населения. Однако, являясь приверженцами католицизма и проживая в районах с преобладанием православного населения, поляки стремились сохранить своё вероисповедание и традиционную культуру, поэтому они всегда объединялись вокруг костёлов.

Наибольший интерес представляет изучение истории польского населения Северного Кавказа на протяжении XX в. За этот период данная этническая группа пережила различные этапы своего развития. Так, 1900–1910-е гг. – время активной общественно-культурной жизни польской диаспоры. В этот период были учреждены такие благотворительные организации, как Екатеринодарское (в 1904 г.), Армавирское (в 1912 г.) и Новороссийское (в 1913 г.) римско-католические общества пособия бедным[32], проводились «польские» вечера, балы и концерты. С октября 1915 г. в Екатеринодаре действовало отделение Польского общества вспомоществования жертвам войны[33], поскольку в годы Первой мировой войны на территорию Юга России прибыло большое количество беженцев из Польши.

Кстати, в данный период изменился социальный состав представителеи польской национальности, проживавших в крупных городах Северного Кавказа. Если во второй половине XIX в. большая часть поляков – это воинские чины, ремесленники, то с начала 1900-х гг. идёт процесс формирования слоя служащих и интеллигенции. В ряду наиболее ярких имён следует отметить промышленника П.В. Буковского, товарища председателя екатеринодарского окружного суда Я.А. Мордмилловича, судебного следователя Н.И. Витковского, директора 1-го общества Взаимного кредита В.М. Малиновского, директора фабрики «Кубаноль» Я.П. Червинского и других.

Следующий период в истории польского населения охватывает 20–30-е гг. XX в. Имеются данные о том, что в 1920 г. в Кубано-Черноморской области проживало 2000 поляков и действовали 3 польские школы в Армавире, Новороссийске и Екатеринодаре[34]. В 1921–1922 гг. прошла реэвакуация польских беженцев с Кубани на Родину[35]. Оставшаяся часть польского населения на протяжении следующего десятилетия пыталась не потерять свои этнические корни. В здании польской школы I ступени № 30 г. Краснодара, открытой 16 августа 1923 г. и занимавшей часть помещения римско-католического костёла, проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Здесь же проходили заседания городского клуба «Нацмен»[36]. Были созданы и активно работали драматический, музыкальный и политический кружки. Вместе с учителями школы работники польской секции ставили

---

[32] *ГАКК*. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1057. Л. 15 об., 139; *Кубанский курьер*. 1912. 6 апр.

[33] *ГАКК*. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5854. Л. 44–45об.

[34] Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 402. Л. 7.

[35] Там же. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 103.

[36] Там же. Ф. Р-868. Оп. 1. Д. 3.

спектакли, концерты, устраивали семейные вечера. Кстати, в 1926–1927 гг. и в 1927–1928 гг. насчитывалось соответственно 74 и 19 человек по польской секции краснодарского клуба «Нацмен»[37].

В 1930-е гг. представителей польской национальности затронули массовые репрессии. В это же время перестали действовать костёлы, расположенные на территории Северного Кавказа. Так, только в 1938 г. были закрыты римско-католические костёлы Краснодара и Новороссийска (последний – 23 марта 1938 г.)[38].

Совершенно не исследована тема пребывания поляков на территории Юга России в 1944–1946 гг. Часть проживавшего в данном регионе польского населения представляла собой эвакуированных жителей западных областей Украины и Белоруссии. Но значительное число поляков – это депортированные в 1939 г. в Сибирь и на Север. После 1944 г. данная часть польского населения была амнистирована и получила разрешение переселиться в южные районы СССР. К сентябрю 1944 г. только в Ставропольский край из Сибири прибыли 1500 бывших польских граждан[39]. В декабре 1945 г. в Краснодарском крае находились 4500 поляков, в Ставропольском крае – 1900, в Ростовской области – 1134, Кабардинской АССР – 158, Северо-Осетинской АССР – 120, Дагестанской АССР – 320. С учётом территорий Азербайджана, Грузии и Армении эта цифра составляла порядка 10 тысяч человек[40]. Также действовали 2 польских детских дома в поселке Афипском Краснодарского края и в селе Ипатове Ставропольского края, где воспитывались соответственно 183 и 194 ребёнка.

С 1944 г. было организовано снабжение «принятых в советскую систему» бывших граждан Польши и польских учреждений за счёт поступавших из-за границы благотворительных грузов (из США, от еврейских общин). Только по Краснодарскому краю в 1944 г. было выдано товаров на 258,5 тысяч, в 1945 г. – 361,3 тысяч рублей[41].

В районах с преобладанием польского населения действовали отделения антифашистской организации «Союз польских патриотов» (СПП). В декабре 1944 г. краевое правление СПП (председатель П. Гольдкраут) просило заместителя председателя Краснодарского крайисполкома товарища Макарова помочь в организации концерта польской музыки в Краснодаре[42].

После заключения договора 1945 г. между СССР и Польшей поляки получили возможность вернуться домой. С февраля по март 1946 г. через станции

---

[37] *ГАКК*. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 201. Л. 12.

[38] Там же. Ф. Р-988. Оп. 2. Д. 248. Л. 8; Р-1558. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[39] Там же. Ф. Р-535. Оп. 2. Д. 33. Л. 1а.

[40] Там же. Д. 16. Л. 188.

[41] Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 66.

[42] Там же. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 1346 а. Л. 512.

Кавказскую и Тихорецкую проходила массовая отправка эшелонов отъезжавших на родину репатриируемых польских граждан[43]. В основном остались так называемые «коренные» поляки, не одно поколение предков которых и ранее проживало на Юге России.

С конца 1980—1990-х гг. наступил период этнического самоосознания, возвращения к национальным традициям. 16 марта 1997 г. состоялось открытие католического храма в Краснодаре, который стал духовным и социальным центром для поляков-католиков всего Северного Кавказа. Также были открыты костёлы в городе Сочи, на хуторе Семёновском Усть-Лабинского района, в станице Анапской[44], созданы общества поляков в Краснодаре, Сочи, Анапской.

Таким образом, польская этническая общность на Северном Кавказе, пережив сложные этапы своей истории, смогла не подвергнуться полной ассимиляции в регионе, где переплавлялись различные народы и народности. Главная причина этого — принятие определённых мер к сохранению и поддержке национальной культуры, языковых и религиозных признаков.

(Данный материал был впервые опубликован в сборнике, см.: Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всероссийской научной конференции. Ставрополь, 2001. Ч. 1. С. 211—214).

* * *

К вопросу о проживании поляков на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Проблема пребывания польского населения на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны до последнего времени не была темой исследования историков и краеведов. Однако поляки являются одной из многочисленных этнических групп, населявшей Юг России с начала XIX в. Проанализируем данные по истории польского населения на Кубани и в Ставропольском крае в период с 1944 по 1946 г.

Решением крайисполкома от 5 февраля 1944 г. был создан единственный в Краснодарском крае польский детский дом, который размещался в перестроенных помещениях в посёлке Афипском Северского района[45]. При Краснодарском краевом отделе народного образования 14 сентября 1944 г. была утверждена должность инспектора по обслуживанию детских учреждений для детей поляков. Этот инспектор курировал состояние польского детдома.

К концу 1944 г. в Афипском детском доме воспитывались 160 польских детей в возрасте до 12 лет, а ещё через год их количество увеличилось до 183[46]. В детдоме находились дети-сироты и дети, отцы которых воевали в Войске Польском. Но основная масса воспитанников — это дети, родители

---

[43] *ГАКК.* Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 29. Л. 2об.

[44] *Краснодарские известия.* 1997. 18 марта.

[45] *ГАКК.* Ф. Р-687. Оп.1. Д. 69. Л. 294.

[46] Там же. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 21. Л. 41.

которых пребывали в лагерях УП НКВД в городах Томске, Парабеле, Тогуре, Асине Томской области и Тегулье Якутской ССР. Разлученные с родителями в 1939–1940 гг., они почти не помнили и не знали откуда родом.

Только единицам посчастливилось встретить родных. Так, к Тадеушу и Юрию Шмидт, Регине Тарновской, отцы которых воевали в Войске Польском, в 1945 г. вернулись их матери. Мария Яновна Шмидт и Юзефа Адамовна Тарновская были выпущены из лагерей Томской области по амнистии[47]. Афипский детдом стал «вторым» домом и для них. Вместе с другими 40 сотрудниками этого детдома, среди которых были такие чуткие педагоги и воспитатели, как Эмануеля Яновна Михальчишина, Стефания Францевна Урбанович, Иосиф Павлович Мартыняк (Мариняк), София Вацлавна Каминска, они отдавали всё обездоленным детям.

Завуч польского детдома Галина Давидовна Волосянская, завуч польской школы Галина Петровна Микетюк, учителя Ядвига Антоновна Стоцкая, Ядвига Яновна Гживач были удостоены права участвовать в краевом семинаре учителей, проходившем в конце 1945 г. в Краснодаре[48].

В селе Ипатове Ставропольского края также располагался польский детдом (директор – Софья Эразмовна Зброжек), в котором к концу 1945 г. находилось 194 воспитанника и 54 сотрудника[49].

Огромную помощь Афипскому и Ипатовскому детдомам оказали антифашистская массовая организация «Союз польских патриотов», отделения которой действовали в районах с польских населением, и комиссии при уполномоченном по снабжению эвакуированных поляков Краснодарского края.

Летом 1943 г. в составе Народного комиссариата торговли СССР было создано управление по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы страны. Приказом от 25 ноября 1944 г. учреждались должности уполномоченных Наркомторга в местах расположения базисных складов. В Краснодаре эти обязанности были возложены на Фёдора Михайловича Ситникова, который контролировал распространение благотворительных грузов ЮНРРА по Краснодарскому, Ставропольскому краям, Ростовской области, Кабардинской, Северо-Осетинской, Дагестанской АССР и др. По данным уполномоченного только 5 января 1946 г. было распределено с Краснодарской базы 68042 банки консервов для 8347 бывших польских граждан, проживавших в данных регионах Северного Кавказа[50].

В 1946 г. бывшие польские граждане, находившиеся на территории СССР, получили возможность вернуться на родину. Вместе со своими соотечественниками уезжали домой воспитанники детских домов, его сотрудники

---

[47] *ГАКК*. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 13. Л. 214-215; Д. 22. Л. 372.

[48] Там же.

[49] Там же. Д. 18. Л. 27.

[50] Там же. Д. 7. Л. 15.

с семьями. Работу по подготовке и реэвакуации польских детей из Афипского детдома вёл работник аппарата крайоно И.П. Елфимов. Он же и сопровождал детей в Польшу[51].

Перед отъёздом на родину, 27 февраля 1946 г. сотрудники Афипского польского детдома Галина Микетюк, Феликс Корона и Анеля Смолинская получили от комиссии общественной помощи при Краснодарском краевом правлении Союза польских патриотов продукты, мыло для детей[52]. 28 февраля 1946 г. со станции Тихорецкая Северо-Кавказской железной дороги отправился эшелон с польскими детьми, увозя их на запад[53].

(Данный материал был впервые опубликован в сборнике, см.: Россия в войнах XX века: Материалы докладов и выступлений участников 9–10 октября 2001 года в г. Адлере. Краснодар, 2001. С. 66–68).

* * *

Из истории Афипского польского детского дома. История нашего края всегда была неразрывно связана с судьбами поляков. До революции на Кубани проживало около 2 тысяч представителей данной этнической диаспоры. В годы Великой Отечественной войны кубанская земля стала второй родиной для сотен польских детишек, эвакуированных после 1943 г. из Сибири. Этот интересный факт из прошлого оставался забытым на протяжении нескольких десятилетий.

В 1990 г. в адрес Крайгосархива пришло письмо от гражданина Польши Петра Войцеховского, который просил помочь в поиске сведений о пребывании его в польском детском доме, находившемся, как он писал «в небольшом населённом пункте под городом Краснодаром». Удалось установить, что действительно, на территории нашего края с 1944 по 1946 г. в посёлке Афипском Северского района располагался польский детдом, директором которого была Анна Ивановна Устинова. В стенах детдома воспитывалось около 200 детей польских граждан.

Дело в том, что в годы войны на Кубани проживало значительное число польского населения. Часть проживавших в данном регионе поляков представляла собой эвакуированных жителей западных областей Украины и Белоруссии. Но основная масса – это депортированные в 1939 г. в Сибирь и на Север. После 1944 г. они были амнистированы и получили разрешение переселиться в южные районы СССР. В декабре 1945 г. только в Краснодарском крае находились 4500 поляков.

Сохранилось заявление шестнадцатилетнего Иосифа Баня, проживавшего в хуторе Садовом Отрадно-Кубанского животноводческого совхоза №9 и просившего осенью 1944 г. «Союз польских патриотов» оказать ему

---

[51] *ГАКК*. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 758. Л. 1–2.

[52] Там же. Ф. Р-535. Оп. 2. Д. 32. Л. 64.

[53] Там же. Д. 44. Л. 58.

материальную помощь. Иосиф был эвакуирован в 1941 г. с территории Польши, его мать умерла в 1940 г., а отец ушёл служить в Войско Польское. Мальчик не получал от него никаких известий. Его младшие сестра и брат находились в детском доме. Иосиф работал в совхозе (пас телят), питался в совхозной столовой. «Хожу голый и босый и недоедаю. Америка помогает польскому населению, а нам сиротам не доходит. Вырасту большой и тоже буду помогать стране, а теперь помогите стать на ноги». В ноябре 1944 г. ему были выданы свитер и перчатки.

Одновременно, польские граждане стремились также оказывать финансовую помощь своим соотечественникам. Так, в сентябре 1944 г. поляки, проживавшие в Архангельском районе Краснодарского края (возглавлял районное отделение СПП товарищ Блажевич) организовывали сбор средств для населения Варшавы и освобождённой территории Польши[54].

Воспитанники и сотрудники Афипского польского детского дома также получали необходимые продукты, обувь и одежду. Только в 1945 г. детдом получил промышленных и продовольственных товаров на сумму более трёх тысяч рублей. Но всё же Северскому райисполкому не раз приходилось изыскивать дополнительные возможности, решая вопрос о снабжении.

В Крайгосархиве, Архиве департамента по образованию и науке Краснодарского края, архивном отделе Северского района сохранились списки воспитанников и сотрудников Афипского детдома, что позволило документально подтвердить факт пребывания поляков на Кубани в 1944–1946 гг. (см. Приложения 1 и 2). В 1990-е гг. с подобной просьбой приходили десятки писем от граждан Польши. Были даны положительные ответы Анне Фериной, Леонтине, Мечиславу и Ирине Маркевич, Галине Юхнович.

Но даже полные документальные сведения необходимо пополнить воспоминаниями очевидцев. Для этого в местной районной газете «Зори Октября» в сентябре 1990 г. была помещена статья об Афипском детском доме. После её опубликования в адрес архива пришли отклики жителей посёлка с любопытными фактами из прошлого. Затем 2 марта 1991 г. вышла в эфир радиопередача о воспитанниках польского детдома.

Большую помощь в поиске сведений оказал бывший воспитанник детдома, также сейчас проживающий в Польше, Эдвард Апанель (1928 года рождения). Кстати, у него сохранились уникальные фотографии сотрудников и воспитанников детдома.

Хочется надеяться, что богатый материал по истории поляков на Кубани, как дореволюционной, так и относящейся к 1920-м, 1940-м гг. будет дополнен, обработан и издан.

---

[54] *ГАКК.* Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

Приложение 1

Список польских граждан, проживающих в станице Афипской по состоянию на январь 1945 г.*

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Адрес	Место работы	Кто из членов семьи находится в армии и в какой
1	Пророк Анеля А.	1912	Краснодарский край, станица Афипская	Польский детдом	муж в Польской Армии
2	Смолинская Анеля С.	1912	-//-	-//-	-//-
3	Волосянская Галина Д.	1907	-//-	-//-	-//-
4	Мыкетюк Галина П.	1903	-//-	-//-	-//-
5	Мыкетюк Зенобюш Т.	1926	-//-	-//-	отец в Польской Армии
6	Путостаньская Янина Б.	1916	-//-	-//-	муж в Польской Армии
7	Фальковская Бронислава Ст	1915	-//-	-//-	-//-
8	Скибовская Францшика Ст.	1907	-//-	-//-	-//-
9	Годлевская Станислава С.	1912	-//-	-//-	-//-
10	Ковальчик Мария А.	1912	-//-	-//-	-//-
11	Тарновская Юзефа А.	1910	-//-	-//-	-//-
12	Шатохина Мария И.	1910	-//-	-//-	-//-
13	Шмидт Мария И.	1901	-//-	-//-	-//-
14	Гживач Ядвига И.	1901	-//-	-//-	-//-
15	Стоцка Ядвига И.	1905	-//-	-//-	-//-
16	Маркевич Леонтина Ф.	1911	-//-	-//-	-//-
17	Клепацкая Юзефа И.	1912	-//-	-//-	-//-
18	Шайда Эльжбета А.	1912	-//-	-//-	-//-
19	Юхнович Янина А.	1927	-//-	-//-	брат в Польской Армии
20	Мочульская Евгения А.	1902	-//-	-//-	сын в Польской Армии
21	Тарновская Бронислава В.	1927	-//-	-//-	отец в Польской Армии
22	Томашевский Валерий С.	1892	-//-	-//-	сын в Польской Армии
23	Дятчик Стефания Я.	1889	-//-	-//-	дочка в Польской Армии
24	Михальчишин Емануеля И.	1896	-//-	-//-	дочка в Польской Армии
25	Петрович Янина В.	1896	-//-	-//-	сын в плену в Германии
26	Корона Бейвель И.	1910	-//-	-//-	брат в плену в Германии
27	Корона Феля И.	1912	-//-	-//-	зять в плену в Германий
28	Корона И.Ф.	1944	-//-	-//-	дядя в плену в Германии
29	Миклашевич Эдуард Ф.	1923	-//-	-//-	брат в плену в Германии
30	Адамович Анна А.	1910	-//-	-//-	брат в плену в Германии

*Список заверили представитель Союза польских патриотов в станице Афипской М.В. Пиотрович и директор детдома А.И. Устинова.

Источник: *ГАКК*. Ф. Р–535. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–6об.

Приложение 2

Список воспитанников Афипского польского детского дома*

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Нация	Место рождения	Разное	Где родители
1	Пророк Рычард Михайлович	1941	поляк	Стан... обл.		мать в Томске
2	Смолинский Ян Зигмунтович	1940	поляк	Белосток. обл.		мать в Томске
3	Карнацкая Люцина Людвиговна	1939	полька	тоже		тоже
4	Пушко Наталья Ивановна	1939	полька	Львовская обл.		нет
5	Фальковская Леокадия Феликс.	1940	полька	Гайновка		мать в Томске
6	Тарновская Кристина Викентивна	1939	полька	Брестская обл.		нет
7	Тарновский Иван Анатольевич	1939	поляк	тоже		нет
8	Годлевский Ян Алексеевич	1939	поляк	Гайнов[ка]		мать в Томске
9	Кулеш Ирина Васильевна	1939	украинка	Брестская обл.		мать в Томске
10	Навосад Мария Иосифовна	1938	полька	г. Лада		отец в ...
11	Федина Анна Ивановна	1938	полька	Белостоц. обл.		нет
12	[Х]Картошевич София Ивановна	1938	полька	Ст...		
13	Новак Мария Винцентовна	1938	полька	Мариуполь		мать в Томске
14	Пиевский Зигмунд Казимирович	1938	поляк	Брестская обл.		мать в г. Парабеле Томской обл.
15	Адамович Пётр Станиславович	1928	поляк	Белостоц. обл.		мать в Томске
16	Р[а]оман Иван Степанович	1938	поляк	–		мать в Парабеле
17	Снижай Лида Моисеевна	1938	еврейка	Беловец...		отец в Томске
18	Карнацкий Здислав Людвигович	1938	поляк	Белосток		–
19	Фальковский Эдуард Феликсович	1938	поляк	Гайновка		мать в Томске
20	Шагин Иван Васильевич	1938	поляк	Будо...		мать в Томске
21	Бомирско Здислав Леонович	1938	поляк	–		родителей нет
22	Дисмарик Чеслав	1937	поляк	–		родителей нет
23	Юхнович Галан Антонович	1937	поляк	Белосток. обл.		родителей нет
24	Скибовская Урмилия Чеславовна	1937	полька	Гайновка		мать в Томске
25	Новик Ядвига Адамовна	1937	полька	Мариуполь		мать в Томске
26	Адамович Здислав Станиславович	1937	поляк	Кро...		мать в Томске
27	Мошковцев Борис Андреевич	1937	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
28	Шимчак Ян Станиславович	1937	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
29	Осмульский Пётр Францевич	1937	поляк	–		мать в Томске
30	Кубисяк Идара Станиславовна	1937	полька	Краков		родителей нет
31	Кулеш Кристина Кас...	1937	полька	Брестская обл.		мать в Томске
32	Шанинский ... Алексеев.	1937	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
33	Куринский Юрий Пшелевич	1936	поляк	Виленская обл.	1 класс	родителей нет

* В публикации сохранён способ написания имён, отчеств и фамилий, взятый из источников Тексты документов плохо читаемы, поэтому в квадратных скобках даны варианты прочтения букв, а тремя точками обозначены места не поддающиеся прочтению. Установить точную дату составления списков не удалось.

Источники: *ГАКК.* Ф. Р–1561. Оп. 3-л. Д. 7. Л. 42–43: Списки детских домов края и воспитанников действующих детских домов за 1939–1941 гг.; *Архивный отдел администрации Северского района.* Ф. 81. Оп. 1. Д. 9.

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Нация	Место рождения	Разное	Где родители
34	Казальчик Богдан Станиславович	1936	поляк	Гайновка	1 класс	мать в Томске
35	Шмидт Тадеуш Алексеевич	1936	поляк	Ружан	1 класс	мать в Томске
36	Морищевич Михаил Антонович	1936	поляк	Щека...	1 класс	нет
37	Варцевич Андрей Иванович	1936	поляк	Варшава	1 класс	нет
38	Пророк Ирина Михайловна	1936	полька	Станисл... обл.	1 класс	мать в Томске
39	Радина Галина Адамовна	1936	полька	Пружаны Брестской обл.	дошкол.	нет
40	Шатохин Николай Иванович	1936	русский	Белостоц. обл.	дошкол.	нет
41	Шалина Валентин. Васильев.	1935	украинка	Дубавки	1 класс	мать в Томске
42	Фёдоров Станислав Иванович	1935	поляк	Тексти... обл.	1 класс	мать в Парабеле Томской обл.
43	Гживач Ян Людвигович	1935	поляк	Брестская обл.	1 класс	тоже
44	Шедловский Станислав Микт.	1935	поляк	Берг...	1 класс	мать в г. Тогуре Томской обл.
45	Собчик Франц Францевич	1935	поляк	–		тоже
46	Новик Бронислав Адамович	1935	поляк	–		тоже
47	Мор Мария Абрамовна	1935	еврейка	Варшава		нет
48	Козловский Иван Иосифович	1935	поляк	Брест. обл.		нет
49	Клепацкий Франц Станиславович	1935	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
50	Пяевский Генрик Казимирович	1935	поляк	Брест. обл.		мать в г. Парабеле Томской обл.
51	Ногацкая Мария Дмитриевна	1935	полька	Брест. обл.		мать в Парабеле
52	[Н]Маркун Леонарда Ивановна	1935	полька	Мариуполь		мать в Томске
53	Заугольная Юлия Нест.	1935	полька	Сеньковка...		мать в Парабеле
54	Лютостаньска Ур... Казимировна	1935	полька	Брестская обл.		мать в Томске
55	Шайда Владимир Петрович	1935	поляк	Пясни		мать в Томске
56	Тарновский Мечислав Викент.	1935	поляк	Косов		нет
57	Пророк Аделя Михайловна	1935	полька	Старый		мать в Томске
58	Шумевский Генрик Иосифович	1935	поляк	Гайнови...		нет
59	Фёдорова Тамара Ивановна	1935	полька	Белост...		мать в Парабеле
60	Новик Ян Винц...	1935	поляк	Мариуполь		мать в Томске
61	Тарновская Анна Викент.	1935	полька	Белосток.обл.		нет
62	Энцмай Абрам Моисеевич	1935	поляк	тоже	1 класс	отец в Томске
63	Годлевская Кристина Алекс.	1935	полька	Гайновка...	1 класс	мать в Томске
64	Кубисяк [Т]ерекс Станиславович	1935	поляк	Познань	1 класс	мать в Томске
65	То[ц]винский Здис... Антонов.	1936	поляк	Белостоц. обл.	1 класс	мать в Томске
66	Клепацкий Мечислав Степанович	1934	поляк	Брестская обл.	1 класс	мать в Томске
67	Смолинский Эдмунд Зигмунтович	1934	поляк	[Текст]инск		мать в Томске
68	Новасад Леонид Иосифович	1934	поляк	Брестская обл.		отец в Асине Томской обл.
69	...аидминская София ...	1934	полька	Лодзь	1 класс	мать в Томске
70	Шмидт Юрий Алексеевич	1934	поляк	Лодзь	1 класс	мать в Томске
71	Кубисяк Ирина Станиславовна	1934	полька	г. Дивин Брест. обл.	1 класс	нет

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Нация	Место рождения	Разное	Где родители
72	Чубацкий Франц Людвигович	1934	поляк	Люблинская обл.	1 класс	нет
73	Мошковцев Виктор Андреевич	1934	поляк			мать в Томске
74	Шайда Мария Петровна	1934	полька	Гайновка		мать в Томске
75	Маркевич Ирина Михаиловна	1934	полька	Гайновка		мать в Томске
76	Дулис Георгий Николаевич	1934	поляк	Гайновка		мать в Томске
77	Жезносик Аркадий Иосифович	1933	поляк	Белгород. обл.		мать в Томске
78	Рожневский Андрей Эдуардович	1933	поляк	Варшава		нет
79	Урбаняк Зинобий Март...	1933	поляк	Каменец Якут. обл.	1 класс	нет
80	Курек Люся Чеславовна	1933	полька	Подлесская обл.		мать в Парабеле
81	Волосянская Здислава Петровна	1933	полька	с. Острый		мать в Томске
82	Собчак Станислав Францевич	1933	поляк	Познань		мать в Томске
83	Шидловская Здислава Петровна	1933	полька	Брест. обл.		мать в Тогуре Томской обл.
84	Тарновская Регина Антонов.	1933	полька	тоже		тоже
85	Фёдорова Зинаида Ивановна	1933	полька	тоже		мать в Парабеле Томской обл.
86	Новик Ядвига Викентевна	1933	полька	Мариуполь		мать в Томске
87	Журавская Люцина ...	1933	полька	Вильна		нет
88	Тумашевская Алиция Мал...	1933	полька	Гайновка	3 класс	отец в Томске
89	Дарен... Лю... Леонил.	1933	пол.	Львовская обл.	4 класс	отец в Томске
90	Скибовский Юрий Чеславович	1933	поляк	Гайновка	4 класс	мать в Томске
91	Шатохин Владислав Иванович	1933	русский	Брестская область	1 класс	мать в Томске
92	Цильвик В... ка Эдуардов.	1933	полька	Келец...	1 класс	мать в Парабеле
93	Тольвинский Генрик Ник.	1933	поляк	Келец...	1 класс	мать в Томске
94	Шершневич София Алексеевна	1932	полька	Келец...	1 класс	нет
95	Заугольная Анастасия Н...	1932	полька	Львовская обл.	1 класс	мать в Парабеле
96	Шидловский Чеслав Влад.	1932	поляк	Брест. обл.	1 класс	мать в Парабеле
97	Маркевич Мечислав Михайлович	1932	поляк	Беле...	1 класс	мать в Томске
98	Марчинский Мариан Михайлович	1932	поляк	Брест. обл.	1 класс	нет
99	Маркун Антон Иванович	1932	поляк	...	1 класс	мать в Томске
100	Юхневич Назарий Антонович	1932	поляк	...	1 класс	нет
101	Пе...то Генрих Казамиров.	1932	поляк	Виленская обл.	1 класс	мать в Томске
102	Павняк Иосиф Данилович	1932	поляк	Львовская обл.	1 класс	нет
103	[Б]айнер Михаил Иосифович	1932	еврей	...	1 класс	отец в Томске
104	Мочульская Станислава Брониславовна	1932	полька	Брестская обл.	2 класс	мать в Томске
105	Стоцкая Анела Станиславовна	1932	полька	тоже	1 класс	мать в Томске
106	Воробьёва Мара Владимировна	1932	полька	тоже	1 класс	нет
107	Ро[б]со Давыд Лейбович	1932	еврей	...	1 класс	мать в Томске
108	Михальский Януш Казимирович	1932	поляк	...	4 класс	мать в Томске
109	Дятчик Антон Романович	1932	поляк	Брестская обл.	2 класс	мать в Томске
110	Дулис Лидия Николаевна	1932	полька	Гайновка...	1 класс	мать в Томске
111	Невядомский Ришард Бронеслав.	1932	поляк	Львовская обл.	5 класс	мать в Томске

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Нация	Место рождения	Разное	Где родители
112	Райбо Франц Казимирович	1931	поляк	Белгородская обл.	4 класс	нет
113	Снежицкий Иван Фёдорович	1931	поляк	Белостоц. обл.	4 класс	нет
114	Гживач Богдан Людвигович	1931	поляк	Брестская обл.	5 класс	мать в Томске
115	Козловский Анатолий Иосиф.	1931	поляк	Мариуполь	3 класс	нет
116	Гуральский Генрик Иосифович	1931	поляк	Мариуполь	3 класс	мать в Асине Томской обл.
117	Стоцкий Здислав Степанович	1931	поляк	Белосток	5 класс	мать в Томске
118	Заугольный Ян Несторович	1931	поляк	Львовская обл.	3 класс	мать в Парабеле
119	Чу[щи]ч Мария Ивановна	1931	полька	Львовская обл.	3 класс	нет
120	Скибовская Ядвига Чеславовна	1931	полька	Белостоцкая обл.	4 класс	мать в Томске
121	Ковальчук Сабина Станиславовна	1931	полька	Белостоцкая обл.	4 класс	мать в Томске
122	Кошконцев Анатолий Андреевич	1931	поляк	Белостоцкая обл.	1 класс	нет
123	Боултрис Мечислав М...	1931	поляк	Белостоцкая обл.	1 класс	нет
124	Шайда Евгений Петрович	1931	поляк	Белостоцкая обл.	2 класс	мать в Томске
125	[Бесси]керская Кристина Генрик.	1931	полька	г. Пружаны Брестской обл.	1 класс	нет
126	Доренбуш Самуэль Леонид.	1931	поляк	Львовская обл.	4 класс	отец в Томске
127	Урбанская Тамара Ивановна	1931	полька	Брестская обл.	3 класс	мать в Томске
128	Вильчак Станислав Иосифович	1931	поляк	Варшава	1 класс	мать в Парабеле
129	Рожневский Лешек Эдуардов.	1930	поляк	Варшава	4 класс	нет
130	Юхневич Пётр Антонович	1930	поляк	Белестоц ...	4 класс	нет
131	Наркун Иосиф Иванович	1930	поляк	Мариуполь	2 класс	мать в Томске
132	Везносик Иван Иосифович	1930	поляк	Белостоцкая обл.	3 класс	мать в Томске
133	[С]видшинский Здислав Зим...	1930	поляк	Лодзь	4 класс	мать в Томске
134	Волосянская Ирина Петровна	1930	полька	с. Острый	4 класс	мать в Томске
135	Тарновская Юзефа Викт.	1930	полька	Белосток. обл.	4 класс	нет
136	Кубисяк Вениамин Станиславович	1930	поляк	Гайм ановка	4 класс	нет
137	Боултрис Иосиф Леонидович	1930	поляк	Га...	2 класс	нет
138	Дулис Галина Николаевна	1930	полька	Гайм ановка	4 класс	мать в Томске
139	Ковальчик Станислав Степан.	1930	поляк	Гайм ановка	4 класс	мать в Томске
140	Дятчик Гаймунд Романович	1930	поляк	Белостокская обл.	2 класс	мать в Томске
141	Цильвик Госпелло Эдуардович	1930	поляк	Белостокская обл.	не учится	мать в Парабеле
142	Тараруй Янина Мечиславовна	1929	полька	Брестская обл.		мать неизвестно где
143	Наркун Янина Яновна	1929	полька	Мариуполь		мать в Томске
144	Апанель Эдуард Иосифович	1928	поляк	Виленская обл		нет
145	Шедловская Казимира Владиславовна	1929	полька	Люблинская обл.		нет
146	Гживач Георгий Людвигович	1929	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
147	Курек Мечислав Чеславович	1929	поляк	Полесская обл.	5 класс	мать в Парабеле
148	Юхневич Янина Антоновна	1928	полька	Брестская обл.	5 класс	нет
149	Наумик Мария Петровна	1928	полька	Львовская обл.	3 класс, в детдоме с 6.12. 44 г.	нет

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Нация	Место рождения	Разное	Где родители
150	Полито Ира Казимировна	1928	полька	Виленская обл.	3 класс	нет
151	Урбанович Стефан Францевич	1928	поляк	г. Лада	3 класс	нет
152	Шерешевич Анна Алексеевна	1928	полька	Брестская обл.	3 класс, в детдоме с 6.12.44 г.	нет
153	Микетюк Зинобий Теодорович	1927	поляк	Краковская обл.	3 класс	мать в Томске
154	Могульский Чеслав Брониславович	1927	поляк	Брестская обл.		мать в Томске
155	Ионевский Ян Казимирович	1927	поляк	Брестская обл.		нет
156	Тарновский Бронеслав Викент.	1927	поляк	Брестская обл.		нет
157	Турская Регина Степановна	1929	полька	Брестская обл.		мать в Томске
158	Турская Янина Степановна	1935	полька	Брестская обл.		мать в Томске
159	Турский Леменек	1932	поляк	Брестская обл.	2 класс	мать в Томске
160	Савинский Иоак	1931	поляк	Береза...	4 класс	мать в Томске
161	Савинская Рена	1934	полька	Береза...	3 класс	мать в Томске
162	Додик Люция	1931	полька	Львов	3 класс	нет
163	Додик Аделя	1932	полька	Львов	3 класс	нет
164	Грамацкая Дебута Казимировна	1938	полька	Белосток	2 класс	мать в Томске
165	Грамацкая Галя Казимировна	1933	полька	Белосток	2 класс	мать в Томске
166	Урбанский Богдан	1932	поляк	Белосток	2 класс	мать в Томске
167	Милько София Иосифовна	1939	полька	хутор [Миражум]		отец в армии
168	Милько Тадеуш Иосифович	1937	поляк	хутор [Миражум]		отец в армии
169	Милько Регина Иосифовна	1934	полька	хутор [Миражум]		отец в армии
170	Осип Алёна Фёдоровна	1937	полька	Белосток		мать в Томске
171	Дуцман Георгий Адольфович	1929	поляк	Ленинград		мать в Томске
172	Томашевский Мар.. Валерианович	1937 [1927]	поляк	Варшава		мать в Томске
173	Везносик Зофия	1938	полька	Белостокская обл.		мать в Томске
174	Лещинская Галина	1935	полька	Баранов. обл.	1 класс	мать в Томске
175	Лещинская Тараса	1936	пол.	тоже	1 класс	мать в Томске
176	[Т]Коржевская Капиталина	1940	полька	Ленинград	дошкол.	мать в Томске
177	Гамбель Ядвига Ивановна	1936	полька	Виленская обл.	дошкол.	мать в Томске
178	Гамбель Вильгельм Иванов.	1938	поляк	Виленская обл.	дошкол.	мать в Томске
179	Гамбель Марцеля Ивановна	1939	полька	Виленская обл.	дошкол.	мать в Томске
180	Наврот Раймонт Выш...	1936	поляк	Белостоцкая обл.	дошкол.	мать в Томске
181	Наврот Галина Выш...	1934	полька	Белостоцкая обл.	дошкол.	мать в Томске
182	Нарман Манд... Манр.	1934	еврей	Люблинская обл.		мать в Томске
183	Нарман Лейба Манр.	1939	еврей	Люблинская обл.		мать в Томске
184	Никут Дан... Михайлович	1935	поляк	Гданьск		мать в городе Тегюльте Якутской АССР

В. Н. РАКАЧЁВ
г. Краснодар

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Поляки (самоназвание «поляцы») России представляют собой этническое меньшинство, возникшее в основном в результате миграционных процессов (добровольных и насильственных), происходивших с XVII в. Массовый характер миграции поляков в Россию приобретают в конце XVIII в. после разделов Речи Посполитой и присоединения части её территории к Российской империи.

Начало переселению поляков на юг России, в том числе на Кубань, положило «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным» от 10 марта 1866 г., которым правительство поддержало частную инициативу заселения пустующих земель между Черноморским побережьем и Большим Кавказом. Переселенцам предоставлялись различные льготы, возможности создать личное хозяйство и, как отмечалось в «Положении», использовать «плоды своих трудов на улучшение своего благосостояния». По положению здесь разрешалось селиться следующим категориям переселенцев:

1. Отставным и бессрочно отпускаемым нижним чинам, а также бывшим горнозаводским чинам или рабочим с их семьями.
2. Лицам всех сословий Российской империи, имеющим право по закону вступать в число членов сельских обществ.
3. Иностранцам христианского вероисповедания по разрешению Наместника Кавказского.

На Кубань и в Черноморию вместе с греческими и армянскими выходцами из Турции, немцами из Южной Германии, болгарами, чехами, эстонцами, молдаванами начинают переселяться и поляки

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда совместно с администрацией Краснодарского края, проект № 01–03–38001 а/Ю.*

Можно выделить две категории поляков-переселенцев:

– лица польского происхождения, которые прибывают на территорию Кубани в составе вооруженных сил Российской империи, административных учреждений и т.д.;

– поляки-земледельцы, переезжавшие на новые земли.

При незначительной численности в составе населения Кубани польские переселенцы играли заметную роль в социальной и политической жизни края.

К 1881 г. в Кубанской области и Черноморском округе уже проживало соответственно 2522 и 111 человек польского происхождения. Но отдельных поселений или компактных групп в пределах смешанных поселений на Кубани поляки не образовывали. Они селились в основном в городах и крупных станицах, где «исполняли разные должности» или же занимались ремеслом и мелкой торговлей[1].

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. не содержала графы «национальность» и этническую принадлежность возможно определить только по графе «родной язык». При этом мы учитываем разницу между вопросом о национальности и о родном языке и обусловленную этим возможность некоторой неидентичности (расхождения) ответов.

Однако следует учесть тот факт, что дисперсное расселение по территории отделов Кубанской области и Черноморской губернии привело к тому, что уже к концу XIX – началу XX в. почти половина потомков польских переселенцев в качестве родного языка приняли русский. В этой связи данные переписи не вполне адекватно отражают этническую ситуацию, что определяет некоторую относительность и условность выводов.

Согласно данным переписи 1897 г., польский как родной язык указали 2719 человек в Кубанской области и 731 человек в Черноморской губернии. Соответственно в составе всего населения Кубанской области поляки составляли 0,14% и 1,27% в Черноморской губернии[2].

Характерным явлением в отношении многих этнических групп на Кубани в конце XIX – начале XX в. была существенная диспропорция полов в пользу мужского населения. Основная причиной «традиционного» преобладания здесь мужчин определяется тем, что будучи одной из окраин России, Северный Кавказ, и Кубань в частности, на протяжении указанного периода служили объектом колонизации, а среди переселенцев, особенно на начальном этапе, как правило, преобладают мужчины. Этот факт соответствует общемировой тенденции[3].

Поэтому естественно, что среди населения Кубани, в котором преобладал

---

[1] *Бондарь Н.И.* Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. С. 148.

[2] Рассчитано по: *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* СПб., 1905. Т. 65. Кубанская область, Черноморская губерния. С. 5, 30–31.

[3] *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Основы этнодемографии. М., 1994. С. 113.

переселенческий элемент, долгое время значительной была доля мужчин. Однако с каждым годом росло количество местных уроженцев. Половой состав этой части населения строился по общим законам биологического соотношения полов, и постепенно половая структура населения стала складываться под непосредственным влиянием этого фактора. Но всё же потребовался длительный период, чтобы нейтрализовать воздействие причин, определивших перевес мужской части населения.

Перепись 1897 г. зафиксировала момент, когда основная волна переселенцев уже осела, прочно обосновавшись на новом месте. Половой состав населения стал в большей степени определяться естественным приростом, чем результатом миграций. Но преобладание всё ещё оставалось на стороне мужской части населения. Согласно данным переписи, в Кубанской области мужчины составляли 50,7% населения, в Черноморской губернии – 60,5%. У поляков в Кубанской области и в Черноморской губернии мужчины составляли по 68% (1852 и 498 человек)[4].

Значительный дисбаланс в половой структуре польского населения Кубани в данный период объективно можно объяснить именно этим фактом, то есть недавним переселением сюда.

Специфика хозяйственной деятельности польского населения предопределила соотношение горожан и сельских жителей в составе данной этнической группы. В Кубанской области по данным переписи 1897 г. 48,0% (1300 человек) поляков жили в городе и 52,0% (1419 человек) в селе. В Черноморской губернии соответственно 53,7 и 46,3%[5].

Материалы переписи 1897 г. дают возможность проследить расселение поляков по отделам Кубанской области. 30% (809 человек) поляков проживали в Екатеринодарском отделе, причём большая часть – в самом Екатеринодаре (674 человек или 83,3%). Остальные 70% относительно равномерно распределялись по оставшимся шести отделам: в Баталпашинском – 7%; Ейском – 10,8%; Кавказском – 13,9%; Лабинском – 13,9%; Майкопском – 13,1%; Темрюкском – 11,3%[6].

К 1913 г. абсолютная численность поляков в Кубанской области увеличилась до 4333 человек, но их доля в составе населения области осталась неизменной – 0,14%[7].

Начиная с 1920-х гг. Кубань пережила множество административно-территориальных преобразований. В 1920–1924 гг. территория Кубани входила в состав Кубано-Черноморской области, с 1924 по 1934 гг. включала четыре округа: Армавирский, Кубанский, Майкопский, Черноморский, которые в свою очередь, входили в состав Северо-Кавказского края.

---

[4] *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...*

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Отчёт о состоянии Кубанской области за 1913 г.* с 19 таблицами // Кубанский сборник. 1915. Т. 20. С. 12.

Таким образом, в период проведения переписи 1926 г. население Кубани распределялось по четырём округам. Перепись 1926 г. фиксировала уже не только родной язык, но и национальную принадлежность.

В пределах четырёх округов польское население согласно графе «национальность» составляло на момент проведения переписи 7394 человека. В то же время только 36% самоопределивших себя в качестве поляков назвали родным языком польский. Подавляющее большинство – 54% обозначили родным языком русский и 10% в качестве родного назвали прочие языки.

Причем доля поляков с родным языком польским несколько выше была среди мужчин (36,7%), чем среди женщин (35,4%).

На важность языка как признака этнической общности, как условия существования этой общности и её нормального развития и связанное со всем этим большое значение языка как этнического определителя указывают многие исследователи. Отсюда ясно, что совпадение ответа о национальности с ответом на вопрос о родном языке свидетельствует об этнической устойчивости опрашиваемых. Несовпадение этих показателей, напротив, обычно свидетельствует о том, что опрашиваемый находится в какой-либо стадии процесса этнической трансформации. Сам по себе вопрос о родном языке почти неизбежно соотносится с естественно установившимися от рождения или с раннего детства этноязыковыми связями, невольно ассоциируется с вопросом о национальной принадлежности. Поэтому признание своим родным языком языка другой национальности свидетельствует, как правило, о том, что опрашиваемый утратил свой национальный язык или знает его настолько слабо, что уже не связывает с ним свою национальную принадлежность.

Большая часть поляков концентрировалась в Кубанском (35,3%) и Черноморском округах (27,3%), значительно меньше их проживало в Армавирском (22,1%) и Майкопском (15,3%) округах.

В середине 1920-х гг. среди польского населения Кубани по-прежнему преобладают городские жители. Так, в городе проживало 52,8% поляков, в селе – 47,2%. Вместе с тем больше половины всех городских жителей польской национальности (57,4%) компактно проживали в двух городах – Краснодаре (33,8%) и Новороссийске (23,6%).

Несколько выравнивается соотношение полов у поляков, которое по данным переписи 1926 г. было следующим: 51,3% составляли мужчины и 48,7% – женщины.

Ещё одним показателем, который зафиксировала перепись, является уровень грамотности, в том числе и на языке своей национальности. Доля грамотных среди поляков Кубани составила 72,6%. Уровень грамотности был выше среди мужчин и составил 77,3%, среди женщин – 67,7%. Но число лиц, владеющих грамотой на родном, польском, языке, несколько выше у женщин – 29,7%, тогда как у мужчин тот же показатель равен 27,2%.

Совсем незначительной была численность поляков в пределах Адыгейско-Черкесской АО, их насчитывалось здесь (по данным переписи 1926 г.) 95 человек.

1930–1940-е гг. – время, когда национальная политика советской власти претерпевает серьёзные изменения. От лояльной политики «коренизации», создания национальных районов власть переходит к преследованиям и репрессиям в отношении отдельных этнических групп. Перед войной нарастающая волна репрессий охватила всю страну. К этому времени относится Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол № 54) от 31.01.1938 г., в котором, в частности, предписывается НКВД СССР «...продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев и др.».

Кроме того, такая политика во многом определялась позицией Сталина, который такие народы, как поляки, греки, немцы, болгары, евреи, курды, хемшилы, относил к «текучим национальным группам», в большинстве своём не имеющим определенной классовой структуры и определенной территории. Такой подход открывал широкие возможности использовать различные противоречия, прибегать к антиконституционным манипуляциям в отношении этих народов: у «национальной группы» нет исторической территории, значит, её можно легко переселить.

В результате репрессий, которые носили национальный характер, численность многих этнических групп значительно сократилась. И хотя результаты переписи 1939 г. были искажены, но и они дают возможность наглядно оценить масштабы репрессивных мер.

В 1939 г. польское население Краснодарского края составляло 3841 человек, то есть сократилось за 13 лет вдвое. Даже если принять в расчёт процессы ассимиляции, такое резкое сокращение польского населения Кубани вряд ли было возможно. Кроме того, заметно изменяется соотношение мужчин и женщин. На протяжении всех лет у поляков существенным было преобладание мужского населения. К 1939 г. численность женщин в полтора раза превосходила численность мужчин. Естественно, что репрессивные меры распространялись, прежде всего, на активное мужское население, в результате чего и произошло сокращение его численности.

В то же время усилились процессы урбанизации и доля горожан среди поляков Краснодарского края увеличилась до 60,6%. Несомненно, такие события как коллективизация, голод в начале 1930-х стимулировали этот процесс.

Годы Великой Отечественной войны и послевоенный период тяжело отразились на демографических показателях как всего населения страны, так и отдельных национальных групп. В этот период шло дальнейшее сокращение численности поляков в крае. К 1959 г. – году первой послевоенной переписи, их численность здесь составила 2861 человек. В сравнении с 1939 г. сократилась на 30,5%. В последующие годы численность поляков в крае так и не достигла уровня середины 1920-х гг.

Дальнейшие процессы ассимиляции привели к тому, что в 1959 г. только 12% поляков края назвали родным языком польский язык. Наиболее распространённым, как уже отмечалось, был переход на русский язык как

основной язык межнационального общения. В 1959 г. на втором месте у показавших своим родным язык другой национальности был назван украинский язык. Причём, по всей стране, кроме украинцев, своим родным языком украинский показали ещё 544,3 тысяч человек, в том числе 276,0 тысяч поляков, а 262,9 тысяч поляков назвали родным языком белорусский. В Краснодарском крае 82,3% польского населения в качестве родного языка указали русский, 5,7% – украинский и белорусский.

Остановимся подробнее на половозрастной дифференциации языковой ассимиляции. По материалам переписи 1959 г. в целом по стране мужчины в подавляющем большинстве случаев, особенно в городах, несколько чаще переходили на язык другой национальности, чем женщины. Тот факт, что мужчины в основном несколько сильнее подвержены языковой ассимиляции, чем женщины, объясняется главным образом их большей мобильностью.

Однако ситуацию с поляками в крае можно отнести к числу исключений, поскольку по-прежнему более высокий процент владения родным польским показывают мужчины – 13,3%, чем женщины – 11,7%. Городское польское население чаще называет в качестве родного польский (13% поляков-горожан), чем сельские жители (12%).

Увеличился разрыв у поляков в соотношении мужчин и женщин, что было непосредственным результатом войны и репрессивных мер. В целом по краю у поляков на 1000 женщин приходилось 640 мужчин. Более остро разрыв ощущался в городе (1000 : 550), менее значительным он был на селе (1000 : 860).

В послевоенные годы доля горожан среди поляков в Краснодарском крае составила 65,6%, сельских жителей – 34,4%.

Частичная правовая реабилитация репрессированных народов была осуществлена в марте 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Это позволило некоторой, правда, незначительной части депортированных вернуться в места их прежнего проживания, но большинство же из них было вынуждено оставаться в местах ссылки.

Позже в «интересах дела» была принята и такая куда более значительная мера – Указ Президиума Верховного Совета СССР (№3521-VIII от 3 ноября 1972 г.) «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Он распространялся на большую часть репрессированных народов, которые наравне со всеми получали право избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме. Это в некоторой мере стимулировало возвращение многих семей в места прежнего проживания, в том числе и на территорию края. Последовавший за постановлением период отмечен широкой волной миграций в край многих народов (греков, немцев, турок, поляков и др.). Численность поляков на Кубани за период с 1959 по 1970 г. увеличилась на 24,5%.

Однако в последующем темпы миграционного прироста существенно снижаются и одновременно становится отрицательным естественный

прирост, что обусловило снижение численности польского населения края к моменту проведения следующей переписи 1979 г. (табл. 1 составлена по материалам Всесоюзных переписей за 1959, 1970, 1979 гг.).

Таблица 1

Изменение численности польского населения Кубани за 1959–1979 гг.

Годы	1959	1970	% к 1959	1979	% к 1970
Число человек	2861	3563	+24,5	3316	−6,9

В 1970 г. доля поляков Краснодарского края, указавших при проведении переписи в качестве родного языка польский, повысилась и составила 17,2%. Вероятно это обусловлено тем, что значительная часть польского населения вернулась из депортации, где в иноэтничном, зачастую неславянском окружении традиции сохранения родного польского языка сохранялись в большей степени.

Одновременно несколько повышается доля мужского населения с 38,9% до 43,1%, что также отражает процессы, связанные с возвращением поляков на Кубань.

Уровень урбанизации среди польского населения края был несколько выше среднекраевого показателя и к 1970 г. составил 66,2%. Но в последующее десятилетие проявился обратный процесс, отток, хотя и незначительный, из города в село (табл. 2 составлена по материалам Всесоюзных переписей за 1959, 1970, 1979 гг.).

Таблица 2

Динамика городского населения у поляков Кубани в 1959–1979 гг., %

Показатели	Год		
	1959	1970	1979
Всё население края	39,4	47,7	51,3
Поляки	65,6	66,2	64,4

Тенденция сокращения сельского населения сохранилась и в межпереписной период с 1979 по 1989 гг. К моменту переписи 1989 г. доля горожан среди польского населения Краснодарского края составляла уже 61,75%, то есть снизилась на 2,6%.

В то же время обратное движение наметилось в соотношении полов. Если в течение 1950—1970-х гг. доля мужчин среди поляков возрастала, и по

данным переписи 1979 г. составляла 42,9%, то к 1989 г. она вновь снижается до 39,9%[8].

Некоторые изменения наблюдаются в определении родного языка. В 1979 г. польский в качестве родного указали 15,4% поляков Краснодарского края, что на 1,6% меньше, чем в 1970 г. К 1989 г. этот показатель существенно не изменился и составил 15,2%. Однако наметилась другая тенденция – сокращение доли поляков с родным русским и увеличение числа лиц, указавших в качестве родного украинский или белорусский языки. В 1979 г. доля лиц среди поляков края, указавших в качестве родного украинский или белорусский языки, в совокупности составила 4,8%, а в 1989 г. тот же показатель вырос до 8%. Причём, наибольшее увеличение показавших родным указанные языки произошло у женщин и у сельских жителей. К 1989 г. среди женщин-полек доля лиц с родным украинским/белорусским равнялась 8,2%, а среди сельского населения – 10,4%. Таким образом украинская или белорусская идентичность становится альтернативой русской.

На сегодняшний день численность польского населения Краснодарского края несколько уменьшилась и составляет, по оценкам лидеров польской диаспоры, около 3 тысяч человек. Образованные в 1990-х гг. Польский национально-культурный центр «Едность» («Единство») в Краснодаре и Центр польской культуры «Наш дом» в Анапе видят своей основной задачей возрождение польской культуры, актуализацию этнического самосознания, что в определенной мере может способствовать сохранению на Кубани польской общины как демографической и социально-культурной единицы.

---

[8] Рассчитано по: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.* М., 1963; *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.* М., 1972; *Национальный состав населения Краснодарского края* по данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1979 г. Краснодар, 1981; *Национальный состав населения Краснодарского края* по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990.

Ю. А. СОЛОДОВНИКОВ
г. Краснодар

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА Р.К. ВОЙЦИКА

Личность профессора Ромуальда Казимировича Войцика уже давно стала легендарной. Совмещая должность профессора кафедры теории и истории искусств Краснодарского педагогического института с деятельностью в художественном музее, он в значительной степени определял направление и качество работы одного из ведущих культурных учреждений города в самый сложный период его истории.

Источники, по которым можно восстановить биографию этого человека, мало информативны. Сохранившиеся немногочисленные официальные документы, крайне редкие отметки в инвентарных книгах музея о приобретениях, сделанных самим Войциком, его статьи в периодической печати Кубани воссоздают лишь самые общие представления о деятельности художественного музея и о научных пристрастиях его руководителя. Характеристики «человеческого» плана в таких документах, как правило, отсутствуют. Наиболее полным источником сведений о Р.К. Войцике оказалось следственное дело, хранящееся в архивах Федеральной службы контрразведки по Краснодарскому краю. Изучение этих документов требует осторожности, так как общеизвестная тенденциозность «методологии» следствия тех лет определяла и тенденциозность показаний в деле обвиняемого[1].

Несмотря на известную скудость и малую информативность найденных документов, собранного материала оказалось достаточно для приблизительной реконструкции биографии, которая была впервые опубликована автором в 1966 г. и вызвала достаточно большой резонанс. Исследователи различного направления, зацепившись за известную фамилию, стали «копать» золотоносную и совсем не разработанную жилу, выискивая крупицы сведений,

---

[1] *Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю.* Ссылки на этот источник не оговариваются.

проясняющих белые пятна в опубликованном материале. Была, например, обнаружена выпускная фотография учеников Войцика, и мы впервые взглянули на него как бы в реальности. Сохранившиеся сборники научных сообщений кубанских вузов, в которых работал Р. К. Войцик, дали возможность прочесть его фундаментальные статьи. Совсем недавно отыскались два его письма, проясняющих историю формирования основного собрания музея, в том числе и знаменитую коллекцию русского авангарда. И, наконец, был найден адрес сына Войцика Льва Ромуальдовича, до самой смерти проживавшего в подмосковном селе Ильинское. Удалось не только встретиться с внуком Р.К. Войцика С.Л. Гавриловым и его матерью, но и прояснить некоторые обстоятельства. Оказалось, что, несмотря на полное отбытие им срока ссылки, дело Р.К. Войцика не было прекращено, поэтому сам Лев Ромуальдович сознательно уничтожил почти весь личный архив своего отца. Поступок этот, с точки зрения исторической ситуации, вполне объясним и оправдан. И всё же кое-что сохранилось. Полной неожиданностью было увидеть два живописных портрета Р.К. Войцика, один из которых выполнен в период работы в Краснодарском художественном музее. Несомненной удачей можно считать сохранившийся «Трудовой список», как тогда называли трудовую книжку, и справку с последнего места работы. Интересна также выписка из метрической книги армяно-католической приходской церкви, уточняющей дату рождения. Основательность и фундаментальность полученного образования удостоверяется приложением к диплому. О том, насколько сложна была жизнь опального профессора Войцика, заставляет задуматься небольшое письмо из Самаркандского университета от 1954 г. Многое в этих документах остается неясным. Но даже в таком виде они дают возможность для некоторых обобщений[2].

О семье Войциков известно немного. Отец, Казимир Людвигович Войцик, поляк по происхождению, проходил военную службу в городе Карсе, драматическая судьба которого во многом определила и драматическую судьбу его жителей. Город, бывший ещё в X в. столицей древней Армении, в 1878 г. был присоединён к России. В нём было много армянского населения и вполне вероятно, мать Войцика, Тер-Симонян, была родом из Карса. После окончания военной службы Казимир Людвигович Войцик остался в Карсе, где работал табельщиком на железной дороге, а его молодая жена, Елизавета Григорьевна, дочь портного и прачки, не получившая образования, вела домашнее хозяйство. В этом городе 27 сентября 1888 г. и родился Ромуальд Казимирович Войцик, старший и единственный сын. По свидетельству метрической книги, 20 мая 1902 г. он был

---

2 - *Солодовников Ю.А* «Дело» профессора Р.К. Войцика. Опыт реконструкции биографии // Страницы истории: Сб. сообщений. Краснодар, 1996. Вып. 3. С. 16–36; *Он же*. Новые материалы к биографии Р.К. Войцика // Художественный музей в контексте истории. Сб. сообщений. Краснодар, 2000. Вып. 7. С. 74–88.

крещён в армяно-католической приходской церкви Святого Георгия в присутствии двух свидетелей — Станислава Ивановича и Марии Александровны Кржечковских. После него появились на свет ещё три дочери, что добавило хлопот небогатым родителям. По договору, подписанному 13 октября 1921 г. Арменией, Азербайджаном и Грузией, входивших тогда в состав советской России, город Карс перешёл под юрисдикцию Турции, и многочисленная семья Войциков перебирается в Ленинакан. Там родители и прожили безвыездно до самой смерти.

Сам же Ромуальд Казимирович Войцик прожил в Карсе до 1902 г., откуда уехал учиться в Павлоградскую гимназию. С этого момента началась его самостоятельная жизнь. Учёба была нелёгкой. Жить надо было скромно, приходилось зарабатывать уроками. В следственном деле об этом периоде Войцик ничего не сообщает, но упоминает о том, что в 1906—1907 гг. он входил в состав кружка, где увлекались Каутским и Плехановым. Существовала и подпольная типография, в организации которой Войцик принимал участие. Как «содержатель» этой типографии он был арестован Павлоградской полицией, но через несколько дней освобождён. Гимназию Р.К. Войцик закончил с серебряной медалью и в том же 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Факультеты гуманитарного профиля давали очень обширную профессиональную подготовку. О том, насколько серьёзно и глубоко было поставлено образование, свидетельствует предметная система, принятая на факультетах. С учётом специализации существовали различные комбинации обязательных дисциплин. На историко-филологическом факультете, например, преподавали всеобщую и русскую историю, славянские (в том числе польский) и древние языки, философию и сравнительное языкознание. Чрезвычайно широко велась история искусств. Профессора университета читали специальные курсы и семинары по греческим и римским древностям, по истории христианского искусства, по культуре Кавказа и Грузии в период их сношения с Россией. А в список обязательных экзаменов на право преподавания русской словесности или русской истории входили история русской церкви и история искусств[3].

Учёба в университете требовала большого напряжения сил, времени, профессиональной начитанности. Политическая жизнь студенчества его интересовала мало, но такие события, как смерть Льва Толстого и похороны Муромцева, находили живейший отклик в его душе. Основные усилия Р.К. Войцик сосредоточил на подготовке к академической работе, по-прежнему поддерживая своё существование стипендией и уроками. В 1911 г. для «ознакомления с материалами для медального сочинения» Р.К. Войцик

---

[3] *Иверонов И.А.* Предметная система в Московских высших учебных заведениях. М., 1908; *Московский университет.* Учебные планы историко-филологического факультета. М., 1908.

выехал в Варшаву, где, пробыв около недели, столкнулся с «польской национальной действительностью», что произвело на него отрицательное впечатление. Там же он встретился со своим дядей Ромуальдом Войциком, ксёндзом местной католической общины. Встреча длилась недолго, всего один день, причём, дядя видел в племяннике «москаля», что отнюдь не способствовало развитию каких-либо родственных отношений. Научная работа Р.К. Войцика была успешной. В 1913 г. он получает диплом со званием кандидата филологических наук. Казалось, перед молодым учёным открывались блестящие перспективы. Но, «будучи инородцем», по профилю полученной специальности Р.К. Войцик устроиться не мог. Пришлось зарабатывать переписыванием карточек в научном отделе исторического музея. Будущее было неясным, и, проработав некоторое время в гимназии города Гори Тифлисской губернии, он без колебаний принял предложение директора 2-го реального училища города Екатеринодара, куда и выехал в 1915 г.

Распоряжением Попечителя Кавказского учебного округа Р.К. Войцик был назначен исполняющим обязанности преподавателя русского языка и литературы с 1 августа 1915 г. Работа в реальном училище, открытом для детей всех сословий в 1911 г., во многом была рутинной и мало оплачиваемой. Протоколы педагогических заседаний показывают, что Р.К. Войцику приходилось испрашивать разрешения на дополнительные уроки или писать прошения с просьбой о выдаче денежных пособий. Очевидно молодой преподаватель быстро завоевал определённое уважение учеников и коллег. Он назначается классным наставником, готовит с учениками литературные вечера, совершает экскурсии по реке Кубани.

Работа в реальном училище по времени совпала для Войцика с Первой мировой войной, Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной на Кубани. Судя по показаниям в деле обвиняемого, этот период для Р.К. Войцика был мучительным. Февральскую революцию он встретил «восторженно», как символ освобождения от строя, «гнёт которого испытывал на себе». Последовавшую за ней Октябрьскую воспринял как «революционную стихию бунта». Страх перед революцией Войцик объяснял не тем, что власть перешла к пролетариату, а тем, что «культура подвергается опасности разрушения», взамен которой «не будет создано ничего ценного». Недолгий период первого пребывания «красных» в Екатеринодаре сопровождался не только «радостными приветствиями» толпившихся на улицах горожан. Город был наполнен слухами о беспрецедентных бесчинствах, грабежах и расстрелах[4]. Но и «белые», приход которых воспринимался многими как «освобождение от большевистского гнёта», начали свою деятельность с арестов и репрессий. Как писали исследователи этого

---

[4] *Екатеринодар-Краснодар*: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 408.

периода: «Победившая власть сводила счёты с побеждённой, и эта абсурдная эстафета будет иметь своё продолжение и дальше»[5].

Все эти годы Р.К. Войцик оставался преподавателем реального училища. Сотрудники и учащиеся продолжали работать и учиться. Жизнь всё дорожала, и обучение стало платным. Некоторые из учеников и преподавателей старших классов принимали активное участие в добровольческих отрядах. Чтобы не прерывать учебный процесс, их приходилось замещать. «Белые» ушли из Екатеринодара в марте 1920 г., а уже 30 марта 1920 г. весь педагогический коллектив был созван на специальное совещание, в котором были определены меры, «целесообразные для данного момента». Было отмечено, что с переменой власти и реквизицией части помещений, «весь строй и направление школьной жизни должны сразу резко измениться». Для облегчения условий учёбы и работы был даже поставлен вопрос о необходимости разведения собственных огородов.

Лозунги тех лет призывали «доверять Советской власти». Но её приход Войцик встретил настороженно, так как «опасался террора к себе и интеллигенции». Опасения были не без оснований. Тень «чёрного ворона» замаячила на улицах Краснодара уже в 1920-е гг. Проводились бесконечные «чистки» аппарата и партийных рядов, усиливались гонения на духовенство. Всё это было предвестником грядущих витков массового террора[6]. Пока же речь шла о единичных арестах, в основном лиц польского происхождения. Р.К. Войцик был напуган и «под впечатлением слухов из поляка превратился в литовца». Однако внешне жизнь при Советской власти приобретала устойчивость. Появились новые газеты, культурные учреждения переходили под опеку государства, город получил новое имя.

В 1920 г. Ромуальд Казимирович Войцик перешёл на работу в Институт народного образования, впоследствии реорганизованного в Краснодарский педагогический институт. Преподавательское ядро тогда составляли профессора Г.Г. Григор, Г.Ф. Зайцевский, М.И. Ключков и другие. Все они приехали в Краснодар вслед за Добровольческой армией Деникина, а после её ухода так и остались в городе. В педагогическом институте Р.К. Войцик возглавил кафедру литературоведения и с увлечением читал лекции по отечественной и зарубежной литературе, обширный цикл истории искусств. 13 ноября 1922 г. Государственным учёным советом Войцик был утверждён в звании профессора, что явилось признанием результатов его преподавательской и научной деятельности. Дополнением к лекционным курсам служили ежегодные поездки с группой студентов на экскурсии в музеи Москвы и Ленинграда. В соответствии с духом времени, в экскурсионный план включались «посещения производственных, социально-бытовых и культурных объектов». Обязательными были посещения Историче-

---

[5] *Екатеринодар-Краснодар...* С. 422.

[6] Там же. С. 513.

ского музея и музея Революции, мавзолея и музея В.И. Ленина, ознакомление с деятельностью заводов и фабрик, представленных на промышленных выставках.

В 1930 г. директором Краснодарского педагогического института становится приехавший из Самары Стефан Вацлавович Сохацкий. По-видимому, это была яркая и энергичная личность. Европейская образованность, способность к ораторскому искусству и умение увлечь аудиторию блестящими перспективами сразу привлекли к нему внимание. Р.К. Войцик отметил, что его речь о задачах пединститута произвела большое впечатление. Деятельность на посту директора Сохацкий начал с организации научной библиотеки, учебных кабинетов, открыл кафедру политической экономии, где сам состоял профессором. Большое оживление в научную деятельность института внесла аспирантура, куда было принято сразу 79 человек. В январе 1931 г. С.В. Сохацкий был переведён в Киев на должность директора Польского института и через некоторое время сделал Р.К. Войцику предложение о переезде. По вполне понятным причинам Войцик весьма сдержано говорит об этом периоде своих отношений с Сохацким. Согласия на переезд в Киев он не дал, но под влиянием Сохацкого выезжал туда несколько раз для чтения лекций по истории мировой литературы. Лекции приходилось читать на польском языке, которым, по признанию Войцика, он не особенно владел. Но усиленная работа над содержанием искупала недостаток словарного запаса. Впрочем, сам Сохацкий находил у Войцика определённые языковые успехи. И всё же он вскоре покидает Киев, чтобы никогда уже туда не возвращаться. Однако этот недолгий период сыграет в судьбе Войцика роковую роль.

Работу над чтением лекций по истории искусств в Краснодарском педагогическом институте Р.К. Войцик совмещал с изучением коллекций художественного музея. Газета «Красное Знамя» писала о выставке японской гравюры, организованной Р.К. Войциком совместно с Г.Г. Григором, причём, они сами носили ковры, стеклили и клеили гравюры. Галерея Ф.А. Коваленко в то время была частью Кубано-Черноморского областного музея и значилась как его художественный отдел. Естественно, имя основателя было утрачено и к тому времени, когда Управление по делам музеев выделило Художественный отдел областного музея в самостоятельное учреждение под названием «Кубанский советский художественный музей», оно уже носило имя А.В. Луначарского.

В 1924 г. в этот музей и пришёл работать в качестве научного сотрудника и заведующего профессор Ромуальд Казимирович Войцик. Свою деятельность во вновь образованном музее Р.К. Войцик начал с тщательного изучения фондов. Подчеркнув любовное отношение к галерее жертвователя и учредителя Ф.А. Коваленко, он, вместе с тем писал: «Это обстоятельство не могло, конечно, не сказаться на характере приобретаемых для Галереи произведений. Ни любовное и ревностное отношение учредителя Галереи

к делу, ни громадное количество вещей (по каталогу 1914–1925 гг.) не спасли собрания, которое сложилось в течение пятнадцати лет его непосредственного и единоличного приобретения, от печати невысокого вкуса. Сносные вещи терялись в большинстве ученических и любительских работ, и Галерея представляла типичное для старой провинции собрание «художественных предметов», в котором подавляющее количество материала не оправдывало его художественной несостоятельности»[7].

Основной задачей своей деятельности Р.К. Войцик считал реорганизацию музея в соответствии с принципами «научного музееведения в отношении художественного материала, представленного в музее и в приведении музея в состояние, наиболее отвечающее его заданиям содействовать художественному воспитанию и образованию широких масс»[8]. В связи с этим он принимается за разработку новых экспозиционных планов, консультируясь с целым рядом «лиц, причастных художественной деятельности», так как считал, что «вопрос о развеске в процессе работы представляется наиболее серьезным, даже основным, ибо развеска нагляднее всего свидетельствует о постановке музейного дела. Только на развеске обнаруживаются принципы работы в музее и те необходимые для работников художественного музея данные, как художественный вкус, сознание главной цели, руководящая мысль»[9].

Наряду с этим, Р.К. Войцик считал необходимым пополнение и обновление музейного собрания. В отчёте о деятельности музея за 1925 г. эта задача сформулирована следующим образом: «По мере расширения работы и вовлечения в атмосферу музея рабочих и учащейся массы, становилось всё более необходимым пополнение и обновление Музейного собрания. Расширяющиеся запросы, подчеркнутый интерес к неведомым для большинства населения "новым течениям", просьбы и заявления посетителей познакомить их с ними, побудили Совет Музеев командировать в Москву научного сотрудника Музея профессора Р.К. Войцика с целью просить Главмузей о предоставлении Кубанскому музею художественных произведений из Государственного Музейного фонда. Ходатайство Кубанского музея о снабжении художественным материалом было поддержано Художественным техникумом и союзом РАБИС, который также констатировал большую культурно-просветительную деятельность музея». Усилия Р.К. Войцика в этом направлении увенчались успехом. Встречи и личные контакты с сотрудниками Главмузея Н.Е. Машковцевым и А.М. Эфрос, заведующим Цветковской Государственной Галереей А.В. Бакушинским, научным сотрудником Музея Живописной Культуры П.В. Вильямс и другими, позволили Войцику отобрать первоклассные произведения и составить одну из лучших коллекций

---

[7] *Архив Краснодарского художественного музея.* Ф. 7.

[8] Там же.

[9] Там же.

художественных произведений на Северном Кавказе. Он с гордостью писал, что «собрание бывшей Картинной галереи Коваленко за три последние года пополнилось свыше 450 экспонатами громадной художественной и исторической ценности, дающей возможность в характерных образцах мастерства таких определяющих пути русской живописи художников, как Рокотов, Боровиковский, Перов, Крамской, Репин, Серов, Коровин, Головин, Врубель, Бурлюк, Машков, Кончаловский, Малевич, Кандинский и другие проследить весь путь русской живописной мысли от XV века (школьная живопись) до наших дней»[10]. В одной из статей Р.К. Войцик специально подчеркнул «такое исключительное для провинциальных музеев событие, как передача Кубанскому Художественному музею коллекции картин из собрания Государственного Эрмитажа. Эта коллекция, представляя замечательный подбор характерных образцов европейских школ живописи с 15 по 19 век, является редкой ценности материалом не только для предварительной подготовки к восприятию художественных сокровищ Москвы и Ленинграда, но и для самостоятельного изучения главнейших особенностей европейского искусства»[11]. В фондах сотрудника Музея живописной культуры П.В. Вильямса хранится письмо Кубанского областного управления, направленное на его имя 8 марта 1925 г., в котором сообщалось: «Совет Кубанского Художественного Музея им. А.В. Луначарского, заслушав доклад научного сотрудника Р.К. Войцика о результатах командировки в Москву и Ленинград в целях пополнения собрания музея, постановил выразить т. Вильямс Петру Владимировичу глубокую благодарность за высоко культурное содействие, оказанное Кубанскому Художественному Музею в деле обогащения его художественными произведениями»[12].

Столь значительное пополнение позволило не только качественно улучшить состав музейных фондов, но и значительно изменить внешний облик экспозиционных залов. Как отмечал анонимный корреспондент газеты «Красное Знамя», в галерее теперь были «комнаты» японской живописи, классического стиля, русского и романтического пейзажа, импрессионизма, комнаты портретной живописи, крестьянского и городского быта. И далее он писал: «Новое распределение и развеска картин в Картинной галерее имени т. Луначарского (бывшая им. Ф.А. Коваленко), привлекает массу посетителей, особенно в воскресные и праздничные дни»[13].

Много времени и сил Р.К. Войцик уделял изучению, пропаганде и собранию произведений художников так называемых «левых течений в живописи», более известных как «искусство русского авангарда». Первой

---

[10] *Войцик Р.К.* Октябрь и Кубанский художественный музей им. А.В. Луначарского // Красное Знамя. 1927. 11 нояб.

[11] *Он же.* Художественный музей // Красное Знамя. 1928. 6 окт.

[12] *РГАЛИ.* Ф. 2336. Оп.1. Д. 131.

[13] *Ил. В.* Театр и искусство // Красное Знамя. 1927. 27 нояб.

попыткой музея «расширить границы своей художественно-просветительской деятельности привлечением внимания широких масс к явлениям художественной культуры центра» явилась выставка произведений известного московского художника-конструктивиста Л.С. Поповой. Заканчивая аналитический обзор этой выставки, Р.К. Войцик писал: «Собрание произведений Поповой, дающее представление о характере аналитических направлений и русской и европейской живописи последних 20 лет, является не только крупным событием для Краснодара, но и событием единственным, неповторимым. Можно с уверенностью утверждать, что столь яркого и своеобразного круга художественных явлений, как "Выставка Поповой", Краснодару вряд ли придётся видеть»[14].

Впрочем, это была не единственная выставка подобного рода. Газеты того времени неоднократно отмечали необычайное любопытство, которое проявили краснодарцы к новым направлениям в изобразительном искусстве. И художественный музей того времени пытался удовлетворить этот естественный интерес. Особенно популярными были выставки новых поступлений, в которых Р.К. Войцик стремился дать наиболее полное представление обо всех новейших течениях. Зрителю хорошо были знакомы такие художественные группировки, как «Мир искусства», «Голубая роза», «Золотое руно» и другие. Привычной была и терминология нового искусства — кубизм, супрематизм, конструктивизм, геометрическое искусство, моментализм, по которым почти всегда пояснения давал сам профессор Р.К. Войцик.

Пристально наблюдал Войцик и за творчеством местных художников. В прессе не раз сообщалось о выставках с участием Жильцова, Зеленского, Григорьянца, Дмитриева, семьи художников Шмидт-Рыжовых и других, причём в своих заметках Р.К. Войцик постоянно подчёркивал «разнообразие художественных устремлений и достижений» их участников. В частности, вскоре после открытия выставки произведений С.З. Заденварка, он писал: «На фоне провинциального затишья Краснодарской художественной жизни, когда немногие попытки местных художников обнаружить свою работу дают зрелище невысокого уровня художественной культуры, вкуса и даже уменья, граничащее подчас с любопытством или техническим повторением давным-давно пройденных задов, вещи Заденварка выделяются и талантливостью и уровнем технической и художественной культуры»[15].

Обновляя и пополняя художественный фонд музея, Р.К. Войцик стремился к тому, чтобы наиболее интересные имена, определяющие уровень местной культуры, тоже были представлены в музее. Несколько раз он специально приезжал в Феодосию, чтобы встретиться со знаменитым пейзажистом К.Ф. Богаевским. В письмах своему другу художнику-графику

---

[14] *Войцик Р.К.* Левые течения в живописи // Красное Знамя. 1928. Без даты.

[15] *Он же.* Выставка произведений художника С.З. Заденварка // Красное Знамя. 1928. 8 дек.

К.В. Кандаурову он с удовлетворением сообщает о редких и непродолжительных встречах с Р.К. Войциком. В одном из них, рассказывая о своих последних произведениях, он пишет: «Одна из этих работ, самая большая, "Горный пейзаж" уже принадлежит Кубанскому художественному музею в Краснодаре; эту картину ты пошлёшь по закрытии выставки заведующему музеем Ромуальду Казимировичу Войцику, который специально приезжал в Феодосию, чтобы приобрести у меня что-нибудь для музея из моих новых работ. Конечно, я должен был уступить в цене. Сам Войцик мне очень понравился, это весьма культурный и разбирающийся в живописи человек, одного выпуска с коктебельцами»[16]. Немного позднее К.Ф. Богаевский вновь вспоминает Р.К. Войцика: «Социалистическое соревнование по художественным обществам действительно меня заставит взяться за писание городов будущего – попробуем! Войцик рассказывал мне о Днепрострое, где он был проездом в Феодосию, говорит, что потрясающая, ни с чем не сравнимая по грандиозности картина, и, посмотрев мои эскизы, настаивал, чтобы я непременно ехал туда, пока всё это находится в периоде стройки»[17].

В течение нескольких лет он добивается передачи музею творческого наследия преподавателя Художественного техникума Александра Петровича Мочалова, трагически погибшего в 1921 г. Этот, по выражению Войцика, «большой художник и большой человек» был тесно связан с художественным музеем. Ему, например, принадлежала развеска картин 1920 г. Незадолго до смерти он создал эскиз на трудную тему: «Мы наш, мы новый мир построим».

В одной из статей Р.К. Войцик с возмущением писал: «Шесть лет под спудом, в сундуке лежат его вещи, тухнут, портятся, и два года музей, несмотря на постановление совета, заявления учащихся, неоднократные устные и письменные, частные и официальные обращения и отношения, не может добиться даже ответа, будут ли переданы произведения, отобранные специальной комиссией того же техникума, для музея и чем объясняется эта волокита, недопустимая в особенности в таком деле, как культурно-просветительная работа двух учреждений, к тому же преследующих одни и те же цели – художественное образование широких трудовых масс»[18]. Однако прошло ещё несколько лет, прежде чем усилия Р.К. Войцика увенчались успехом. Лишь в феврале 1933 г. приказом по Художественному техникуму рисунки, эскизы, наброски, этюды А.П. Мочалова были переданы художественному музею. Это было последнее крупное приобретение, сделанное Р.К. Войциком. 11 октября 1933 г. он был арестован.

Трудно сказать, был ли этот арест полной неожиданностью для Войцика или он предчувствовал его, но в прессе того времени стали появляться

---

[16] *РГАЛИ*. Ф. 769 Оп. 1. Д. 26. Л. 294.

[17] Там же. Л. 295–296.

[18] *Войцик Р.К* Недопустимая волокита // Красное Знамя. 1927. 19 февр.

тревожные симптомы. Странной была заметка об обследовании руководящих кадров и научных работников научно-исследовательских учреждений и музеев, в которой сообщалось: «Всего обследованием будет охвачено свыше тысячи человек. Цель — выявить, в какой степени нынешний состав работников обеспечивает проведение линии партии и советской власти, выяснить социальный состав руководящих работников, роль беспартийных, их фактическое влияние и т.д.».

И хотя Р.К. Войцик постоянно ориентировался на широкие массы трудящихся и писал вполне «благонадёжные статьи», деятельность музея с определённого времени стала объектом общественной критики. Вначале были просто небольшие замечания, например, такие: «То ли это ищущий новых путей недюжинный талант, то ли беспомощная мазня бездарности». Это о Заденварке. Потом в адрес музея посыпались критические выпады. Обозреватель художественной культуры на Кубани в одной из статей подчеркнул, что музею «необходимо учесть в дальнейшем некоторое изменение методов работы — уделение меньшего внимания художникам-эстетам и большего художникам-общественникам»[19]. Наконец, появились публикации, уже ясно обозначившие не только изменение всей художественной политики в целом, но и прямое наступление на Художественный музей.

В рубрике «Вопросы культурного строительства» газета «Красное Знамя» поместила статью под весьма примечательным и «многообещающим» названием: «"Живописная неряшливость" сквозь "призму прекрасного"»[20]. Предметом критики автора стало выявление «методологических недостатков в проблеме воспитания и руководства музейным зрителем», которое свелось в музее к «голым формальным определениям технических премудростей элементов художественного произведения». По его мнению, «гораздо более важным и настоятельно необходимым является социологический анализ отдельных работ и целых школ». Он считает «совершенно беспомощной» характеристику импрессионизма только как взаимоотношения предмета и световоздушной среды, или оценку группы «Мир искусства», для которой «основным принципом становится преломление жизни сквозь призму прекрасного». Истоки «методических ошибок» автор видит в оценке передвижников, данную музеем, которую и приводит в своей статье полностью: «с 60-х годов идейный реализм передвижничества утверждает господство обличительного и бытового жанра. Поучая и "бичуя пороки", обличая "язвы действительности", наводняя выставки ординарнейшими сценами из деревенской жизни или анекдотами обывательщины, передвижничество в живописном неряшестве, тёмном, грязно-мутном колорите, вялости рисунка и отсутствии композиции, явило полный упадок техники искусства».

---

[19] *К.Т.* Художественная культура Кубани // Красное Знамя. 1929. 7 нояб.

[20] *Моррисон А.* «Живописная неряшливость» сквозь «призму прекрасного» // Красное Знамя. 1929. 10 июля.

Автор утверждает, что приводимые им оценки содержатся в аннотациях на стенах музея, но не профессора ли Войцика он имеет ввиду, когда пишет: «Как видим, характеристика самая убийственная и в то же время убийственно неверная. За этой характеристикой проступает так хорошо знакомый ценитель чистых форм и любитель эстетических ценностей». Далее следует почти директивное указание: «Музей должен пересмотреть свои оценки, и вместо формально-эстетических... дать определения, вскрывающие любое художественное направление социологическим методом»[21].

Не учитывать эти изменения было нельзя. Приходилось быть осмотрительным в общении с коллегами, а профессиональные беседы заменять бытовыми темами. Об этом Войцик и говорит в своих показаниях. Однако Р.К. Войцик был арестован не за любовь и склонность к «авангарду» или методологические ошибки в деятельности музея. В нём хотели видеть «политического врага» и поэтому в постановлении «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения» говорится: «Войцик Ромуальд Казимирович, достаточно изобличается в том, что: 1) Состоя профессором Краснодарского Пединститута, входил в состав антисоветской группировки научных работников Института; 2) В 1931 г. находился в Киеве и, состоя профессором Польского Пединститута, входил в состав Польской военной организации, проводившей контрреволюционную повстанческую и разведывательную работу по заданиям II отдела Польского генерального штаба».

На момент ареста Р.К. Войцик был женат и имел сына, студента, учившегося в Ленинграде. Тогда же были записаны особые приметы: рост — ниже среднего, волосы — тёмно-русые с большой проседью, голова — лысая. Материалы следствия показывают, что «методика» ведения дела была до крайности проста: необходимо было заставить подследственного признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях. Типичные вопросы, на которые приходилось отвечать, формулировались чётко и определённо: отношение к пятилетнему плану, к марксистской партии, как расценивается саботаж на Кубани, а также политика партии по отношению к интеллигенции. Задавалась масса и других вопросов, столь же тенденциозных и столь же нелепых. Отвечать нужно было в соответствии, и Войцик под давлением следствия признавался в том, что одобрял действия Гитлера, агитировал против Советской власти, создавал нелегальные кружки и разрабатывал контрреволюционные планы. Признавался он и в том, что проводимая паспортизация была необходима для выявления вредителей, а расстрелы — суровой, но единственной мерой в борьбе с врагами.

Однако по некоторым деталям, разбросанным в материалах следствия, можно восстановить и круг интересов Войцика, и его действительное отношение к происходящим событиям. Вряд ли можно не поверить Войцику в том, что, когда он узнал об экспорте художественных ценностей Эрмитажа,

---

[21] *Моррисон А.* Указ. соч.

которое назвал «недопустимым мероприятием, поскольку вывозимые ценности не могут быть восстановлены», это настроило его резко против Советской власти. «Я считал это в высшей степени пренебрежением к культурному наследию». Очевидно искренен был Войцик и тогда, когда писал в показаниях, что «не считал пролетариат созидательной силой», а Ленин представлялся ему демагогом. Признание же Войцика в том, что через знакомство с творчеством Блока, Белого, Гумилёва, Мережковского, Шпенглера он незаметно для студентов втягивал их в нелегальные организации, на самом деле свидетельствовало скорее о его профессиональной эрудиции и умении развернуть перед слушателями широкую панораму идей, чем о «сознательном протягивании упаднических буржуазных настроений».

Р.К. Войцик находился под арестом с октября 1933 г. Следствие затягивалось, так как обвиняемый занял «позицию упорного запирательства». Необходимо было добиться «желания покончить с прошлой контрреволюционной деятельностью». Два раза выносилось постановление о продлении срока содержания под стражей. И только собрав «огромный и достаточно изобличающий материал в полном объёме», следствие сочло возможным прекратить дело.

Усталый и подавленный человек, сферой интересов которого было искусство, в конце следствия выглядел одним из влиятельнейших руководителей краевого филиала контрреволюционной организации «Российская национальная партия», в которой была детально проработана политическая программа, создана разветвлённая структура, налажены широкие связи с заграницей, имелись планы осуществления диверсионных и террористических актов.

Как и следовало ожидать, Р.К. Войцик во всех предъявленных обвинениях по статье 58/10–11 Уголовного Кодекса «признал себя виновным» и был приговорён к пребыванию в исправительно-трудовом лагере сроком на три года. Нахождение в течение пяти месяцев под арестом, бесконечные допросы и очные ставки не прошли даром – увеличилась печень, начался невроз сердца. И всё же по заключению медицинской комиссии было признано, что Р.К. Войцик может проживать во всех местностях СССР, к физическому труду ограниченно годен, препятствий для следования к месту высылки не имеется.

4 апреля 1934 г. он был направлен в исправительно-трудовой лагерь Сиблага НКВД в город Маринск, откуда и был освобождён 2 августа 1936 г. «за отбытием срока».

С момента освобождения Р.К. Войцик около года живёт в Краснодаре, встречается с бывшей женой и сыном, которым постоянно оказывал материальную помощь. Ещё до начала Великой Отечественной войны он уезжает в Среднюю Азию. Сначала работает в высших учебных заведениях городов Алма-Ата и Кзыл-Орда, а с 1944 г. окончательно оседает в Самарканде. В Узбекском государственном университете имени Алишера

Навои Войцик занимает должность заведующего кафедрой русской и всеобщей литературы.

После окончания Великой Отечественной войны Р.К. Войцик начинает хлопотать о снятии с него судимости. В заявлении Начальнику Управления по делам государственной безопасности Самаркандской области он пишет: «Со дня освобождения, 2-го августа 1936 года, до сегодняшнего дня, в течение более 12-ти лет, я непрерывно, со всем напряжением сил, преданно и ревностно служил на благо своей дорогой социалистической Родины, с верой и правдой выполняя высокие обязанности советского гражданина, безупречно ведя большую и ответственную работу по большевистскому образованию и воспитанию нашей советской молодёжи. Полагаю, что моя ничем не запятнанная деятельность даёт мне основание просить Вас, т. Начальник, ходатайствовать о снятии с меня судимости в целях полной гражданской и политической реабилитации»[22].

К заявлению, написанному 20 ноября 1948 г., была приложена характеристика с места работы и автобиография. Дело было принято к рассмотрению, но начавшаяся волна послевоенных репрессий предопределила его исход. Вновь изучались прежние материалы следствия и собирались новые компрометирующие данные. На этот раз к ним отнесли написанную к 20-летию Узбекского государственного университета брошюру Р.К. Войцика «М. Горький в борьбе с реакционными течениями в литературе XX-го века», в которой он «исказил суть взглядов Горького как борца против реакции и фашизма». И вновь звучали в деле знакомые обвинения: склонность к антисоветским высказываниям, связь с нежелательными элементами, симпатии к Гитлеру. Обвинение, составленное по отработанной схеме, слушалось 25 января 1950 г. на заседании Комиссии при Министерстве государственной безопасности, в ходе которого было принято решение: в заявлении о снятии судимости отказать. Очевидно, отказ в прекращении дела вызвал какие-то неприятности среди коллектива и Войцик уехал из Самарканда в Крым. Там он работал в Крымском педагогическом институте им. М.В. Фрунзе в должности профессора кафедры литературы с почасовой оплатой. Справка была действительна до 1 декабря 1957 г. Вскоре профессор Войцик умер.

6 января 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40 и начала 50 годов». На основании этого постановления 3 июля 1990 г. дело профессора Р.К. Войцика было окончательно закрыто за не доказанностью преступления.

Так в самых общих чертах выглядит биография человека, жизнь которого в значительной части была связана с Екатеринодаром-Краснодаром. Однако исследование материалов, связанных с личностью Р.К. Войцика,

---

[22] *Архив Краснодарского художественного музея.* Ф. 7. Копия.

не может считаться завершённым. Необходимо внимательно изучить и прокомментировать архивные материалы по реальному Екатеринодарскому училищу и Педагогическому институту[23]. Особый интерес вызывает малоизученная проблема Польского института в Киеве. Хотелось бы найти хоть какие-то следы переписки Войцика. Документы личностного плана должны быть дополнены и косвенными свидетельствами. Это статьи в прессе тех лет, научные сборники, где публиковались его литературные произведения. Собранные вместе, эти документы станут данью уважения тому, чьё имя навечно записано в истории Краснодарского художественного музея.

Автор статьи благодарит старшего научного сотрудника музея А.А. Забгаеву, подарившую тему исследования, знатока и хранителя фонда Л.И. Пигиду, заведующую отделом перспективных проектов и библиотекаря Е.А. Косопойко, исследователей культуры Кубани В.К. Чумаченко, И.И. Ващенко, О.П. Бридня, поделившихся с автором своими находками, студентов ФИСМО КубГУ А. Бондаренко, В. Алексеева, В. Суздальцева, А. Любецкого, не побоявшихся порыться в архивной пыли. Особую признательность следует выразить заместителю Начальника Федеральной службы контрразведки РФ по Краснодарскому краю В.Е. Малине не только за предоставленное право ознакомиться с делом Р.К. Войцика, но и за переданную в музей копию его рукописной автобиографии. Автор благодарит наследников Р.К. Войцика Е.С. Гаврилову и её сына С.Л. Гаврилова, передавших в архив музея копии всех документов, которые сумело пощадить время.

---

[23] *ГАКК.* Ф. Р-5; Ф. Р-553; Ф. Р-890.

И. Э. ЯСИНСКИЙ
г. Краснодар

КУБАНСКИЙ ЦЕЛИТЕЛЬ – СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ОЧАПОВСКИЙ

«Если вы вернули зрение хоть одному старику – вы совершили своё земное дело».

Восточная мудрость

Однажды известному кубанскому историку Амину Темрезову с группой альпинистов довелось бродить по горам Кавказа. Среди высокогорных лугов они встретили бригаду чабанов. Вечером восьмидесятилетний Рамазан, молясь, достал из-под рубашки треугольный амулет и приложил его к губам. Заметив удивлённые взгляды альпинистов, он развязал мешочек талисмана и аккуратно извлек свернутый пожелтевший газетный листок.

«В ауле Учкулан в семье бедняка Рамазана Джазаева все трое детей – десяти, семи и двух лет от рождения были слепы. Отец обратился к С.В. Очаповскому, который со своим глазным отрядом несколько недель работал в Карачае. Это оказался крайне редкий случай семейной катаракты. Доктор решился на операцию. Родители в тревоге ждали результатов. И что же? К удивлению всего аула, к бесконечной радости родных и близких все три мальчика прозрели».

– Пятьдесят лет у сердца ношу, – неспешно произнес Рамазан, затем спрятал треугольник обратно...

* * *

Беларусь исстари славилась событиями больших исторических масштабов, выдающимися личностями. В белорусских сёлах по сей день можно услышать героические легенды, унаследованные со времён Тадеуша Костюшко. Здесь же хутор Заосье, где родился Адам Мицкевич, тут Кастусь Калиновский поднимал народ, поддерживая национально-освободительное движение против империи. Сюда-то, в город Слуцк, что немного южнее Минска, со своими чадами и домочадцами перебрался из-под Варшавы

на жительство отставной поручик Владимир Станиславович Очаповский – отец будущего учёного. После увольнения из военного ведомства он некоторое время управлял имением в местечке Иодчицах, принадлежавших одному им отпрысков Радзивиллов. Тогда же Владимир Станиславович был избран секретарём съезда мировых судей.

Мировой судья горячо принялся за свои новые обязанности. Минуло два десятилетия со времён манифеста об «освобождении», а споры не утихали. Секретарю при рассмотрении многих дел приходилось сталкиваться с одной стороны с презрением к законам и спесью, с другой – видеть нужду и полное бесправие.

Стась, девятый ребёнок в семье, родился 9 февраля 1878 г. в Иодчицах. Девятый – сулило, по местным поверьям богатство и славу. Впрочем, в тот момент о богатстве не могло быть и речи – семья жила скромно. Покупка книг – единственная роскошь, которую позволял себе мировой судья, с раннего детства прививая детям любовь к знаниям.

Хорошая книга в гимназической читальне попадалась редко. А вот брат Леонид, являвшийся старостой местной библиотеки, мог кое-что достать. В библиотеке были такие книги, как «Хижина дяди Тома», «Слепой музыкант», «Приключения Тома Сойера». Официальные издания выпускались в то время у ведущих издателей Калмыковой и Сытина. Но помимо этого студенты или ученики, проводившие каникулы в Минске, Варшаве или Вильно, привозили редкие полулегальные и запрещенные работы. Были в книгохранилище «Исповедь» Руссо, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Овод» Войнич, Белинский, Добролюбов, Чернышевский. Самые ценные «крамольные книги» надёжно хранились во дворе Очаповских под крышей голубятни. Юные заговорщики разумно рассчитали, что дом секретаря суда – вполне безопасное место. Так Стась впервые прикоснулся к опасному товариществу вольнодумцев. Однако тайна всё же всплыла. Впрочем Леонид в последний момент переправил крамольщину в избушку церковного звонаря. Нагрянувшие надзиратели во главе с инспектором гимназии Пузиновским ничего не нашли, но Леонид провёл вместе с двумя одноклассниками 4 дня в карцере.

В конце 1894 г. «почил в бозе» император Александр III. Эта весть везде, даже в глухомани, вселяла в людей надежду на близость перемен. А перемен страна ожидала. О грандиозных стачках на фабрике Горнтона, Морозовской мануфактуре, Путиловском и Нижнетагильском заводах и Сибирской магистрали обыватели говорили, не таясь. Все видели, как по железным дорогам лихо катят эшелоны с солдатами и казаками на подавление вновь вспыхнувшего восстания в Царстве Польском. Однако «перемены» ознаменовались трагедией на Ходынском поле, когда во время венчания на престол цесаревича Николая погибли и были искалечены тысячи людей.

Примерно в это же время юный Стась знакомится с паном Казимиром Залесским, управляющим небольшим имением, его племянницей Наташей

и её подругой Верой. Общение с этими незаурядными девушками ещё больше укрепили Станислава в отрицании идей и методов управления государством посредством самодержавия.

Однажды сквозь листву Стась увидел пристава Вершинского со стражниками и сразу догадался, что девушкам грозит опасность. И оказался прав, ибо Вера Слуцкая «была объявлена в розыск за создание подпольной типографии, печатавшей прокламации и брошюры социал-демократического толка». К счастью, в последний момент девушек удалось предупредить. Те скрылись, а затем дали весть из Берлина. Однако обыска не избежала и семья Очаповских. Обыск ничего не дал, но сестра Юля не выдержала и сказала жандармам, что холуйские нравы, как видно, не изменились со времён опричнины. Был составлен протокол: оскорбление должностных лиц при исполнении служебных обязанностей. После ухода жандармов отец сделал дочери внушение за несдержанный язык, а сам написал прошение об отставке. В прошении он писал о произволе властей над личностью, имея в виду не только визит полицейских в его дом, а ситуацию в стране вообще. Принимая решение об увольнении без содержания от казны, старик надеялся на детей.

В июне 1896 г. с благословения родителей Стась отсылает в Императорскую военно-медицинскую академию прошение и все необходимые бумаги. Похвальный лист и золотая медаль, подтверждающие его прилежание к наукам, позволяют надеяться на зачисление вне конкурса. Так и случилось, и в начале октября Станислав приступил к учёбе. С этого дня слушатель академии С.В. Очаповский, имея польское происхождение, навсегда свяжет свою судьбу с Россией. А впереди его ждал кропотливый напряжённый труд, ибо перенимать врачебное искусство Станиславу предстояло у таких светил, как И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Н.П. Кравков, А.И. Лебедев, Л.Г. Беллярминов. По условиям того времени Станислав на первом курсе должен был употребить всю энергию на добывание средств к существованию. После уплаты хозяйке за уголок в подвальном этаже на Монетной улице и внесении 40 рублей за слушание лекций в первом семестре денег, зашитых мамой в полу сюртучка, осталось всего ничего, но и они скоро кончились. В качестве репетитора он работу найти не мог — сильна была конкуренция таких же бедных студентов. На родителей рассчитывать не приходилось — отца недавно сразил инсульт. Тогда в минуту крайнего отчаяния юный Станислав воспользовался рекомендательным письмом пани Полонской, родственницы пана Казимира к знаменитой книгоиздательнице Калмыковой. И — удача! Станиславу было поручено сделать перевод с французского о птицах Бретани. Статья была одобрена, опубликована, и вскоре почтальон доставил гонорар — шесть рублей с копейками. А через некоторое время его пригласил в кабинет заведующий зоологической кафедрой Н.А. Холодковский, поинтересовавшись не его ли подпись стоит под статьей о пернатых. Получив утвердительный ответ, профессор подал

слушателю объемистую монографию Гертвига «Клетки ткани» на немецком языке и предложил перевести. А сумму вознаграждения назвал такую, от которой юношу, что называется, бросило в жар. Затем были и другие переводы и денежный вопрос решился.

Военно-медицинская академия издавна славилась не только как выдающееся учебное заведение, но и как рассадник свободомыслия. Ни одно, пожалуй, выступление против царизма не обходилось без того, чтобы в нём не приняли активного участия студенты-медики. Тогда же Станиславу представился случай впервые на практике применить свои медицинские познания. Осенью 1896 г. в студенческой среде распространилась информация, что жандармы в Лахте разгромили подпольную типографию народников. По данному делу была арестована делегатка бестужевских женских курсов Мария Ветрова. Она была помещена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, в котором женщин ещё никогда не бывало. Стойко державшись на допросах, Ветрова не выдержала надругательства охранников и сожгла себя, облившись керосином из лампы. Были приложены все усилия, чтобы данная информации не просочилась наружу, однако крепостные стены не помогли. В помещении курсов отслужили панихиду, переросшую в бурный митинг, на котором было решено каждый год в этот день проводить демонстрацию протеста.

Впервые попав на демонстрацию, Станислав удивился: ему никогда не приходилось видеть такого множества людей. Здесь были представители всех учебных заведений столицы, заводские и фабричные боевые дружины. Начались стычки с конными казаками, которые напирали на демонстрантов. Масса людей прорвалась на Невский проспект. Станислав вместе с толпой студентов и курсисток человек в полтораста, угодил на Казанской улице в «мешок». Кроме увечья, тюрьмы или высылки эта западня ничего доброго не сулила. Солдаты и городовые суетливо замыкали цепь. Сквозные дворы и ворота были блокированы полицейскими и даже дворниками. Плотные ряды конных донцов напирали сзади. Вдруг небольшого роста юркая курсистка в крылатке подошла к распоряжавшемуся оцеплением жандармскому поручику, срывающимся голосом бросив ему в лицо: «Прочь с дороги, палач!» И точным, быстрым жестом влепила тому наотмашь пощечину. Офицер охнул и отпрянул. Его тут же сшибли с ног люди, хлынувшие в прорыв.

Станислав на какое-то время потерял девушку из виду, но за углом, гася инерцию бега, разглядел её в окружении нескольких человек. Бледная, она сидела на парадном крыльце, кожа на её спине была сорвана нагайкой, из раны струилась кровь. Опознав в Станиславе медика по форменной одежде, все перед ним расступились. Во избежание новых стычек он приказал всем разойтись, а сам ударил кулаком в дверь. Выглянувшая горничная, поняв, что случилось, вскрикнула и отпёрла дверь. Пострадавшую уложили на кушетку, и Станислав, вспомнив всё то, что ему довелось познать

по хирургической части, принялся за дело. Владелец особняка, пожилой господин в академической шапочке, его супруга и горничная проявили такую расторопность, что через полчаса кровотечение прекратилось, а лоскут был удачно уложен. Девушке дали опий, а вечером Станислав со своим другом Савваитовым вывезли Нину Неуймину на её квартиру. В дальнейшем молодые люди после того, как рана поджила, перезнакомились с подругами Нины, такими же курсистками-бестужевками. Компания часто посещала публичные лекции профессоров Лесгафта, Фаусека, Костычева, Мушкетова, Венгерова, Палладина, Введенского. На литературных вечерах слушали Горького, Брюсова, актрису Марию Ермолову, пианиста Сергея Рахманинова.

Пришло время и на третьем курсе перед Станиславом встал вопрос: кем быть, какие недуги лечить — заразные, душевные, детские? Какая из наук наиболее перспективна в смысле облегчения человеческих страданий — учение о бактериях, физиология, свойства лекарств? Решение пришло не сразу. В один из дней Станиславу попался в руки проект организации окулистической помощи в империи. Он решил вникнуть в авторские выкладки. Число больных глазами исчислялось в 30 миллионов человек. А окулистов в стране было... чуть больше 200. Если принимать больных непрерывно по 30 человек за смену, то всех удастся ЛИШЬ ОСМОТРЕТЬ не раньше, чем за десятилетие. Решение было принято. Прямым наставником и учителем Станислава сделался в то время ведущий офтальмолог страны профессор Беллярминов...

Станислав на ногах уже в четыре утра. За чаем, при керосиновой лампе переводит статью из анналов французского офтальмологического общества. С шести он уже в глазной клинике у больных. С восьми до четырех по полудни — слушание лекций. Затем — снова несколько часов в клинике. А дальше — до полуночи чтение и конспектирование научной литературы. Перед сном — несколько глотков мировой классики.

Выпускные экзамены Станислав сдал в начале 1901 г., получив звание «лекарь с отличием» и имея в экзаменационном листе 36 пятёрок и одну четвёрку — по богословию. В мае 1901 г. Станислав вступил в должность ординатора и ассистента. На одну из полученных премий заказал в известной берлинской фирме полный набор офтальмологических инструментов и начал использовать их с честью по назначению, успев побывать в 1903—1905 гг. в Уфимской и Ставропольской губерниях во главе глазных отрядов. Кстати, в 1904 г. ему была присвоена степень доктора медицины.

Шёл 1905 год. В маньчжурских степях и порт-артурских укреплениях лилась кровь. Вслед за зверским подавлением стачки бакинских нефтяников и восстания полтавских крестьян, царские власти совершили беспримерный акт надругательства над подданными, расстреляв 9 января 1905 г. мирную демонстрацию рабочих.

По случаю воскресного дня Очаповский в то утро поднялся поздно. Прибежала знакомая Шулятикова, на которой не было лица, и рассказала

об увиденном на Дворцовой площади. Услышав это, взволнованный Станислав поспешил в академию. Там творилось что-то невообразимое. Раненые лежали штабелями, ими были забиты все вестибюли и коридоры. Ходячие ждали на улице, жгли на морозе костры. Госпитали и клиники академии никогда не видели в своих стенах столько разом пролитой крови. Отовсюду слышались проклятья в адрес царя и правительства.

Профессора, студенты, весь дежурный врачебный персонал, служители и нижние чины, даже швейцары принимали участие в спасении. День, ночь и следующее утро Станислав с друзьями и коллегами работал без отдыха, все валились с ног в полном изнеможении. Их сменили прибывшие из университета медики и сёстры милосердия из ближайших отделений Красного Креста.

В связи с изложенными событиями доктор медицинских наук Станислав Владимирович Очаповский письменно (на имя начальника Военно-медицинской академии) отрекается от присяги, однако продолжает оставаться военнообязанным. Очаповского направляют в Тифлис и с этого момента жизнь медика почти навечно будет связана с Кавказом.

После Тифлиса был Батум, затем — Баталпашинская. У камышей над речкой, у окраины станицы догнивал турлучный сарай, крытый соломой. Его-то и облюбовал доктор. Строение привели в порядок. Однако по станице поползли слухи, что доктор подослан. Он смотрит через стеклышко в глазу, читает крамольные мысли и передаёт их кому надо. Лучик зеркала, которым он светит, портит кровь, а лекарства сделаны из слюны бешеной собаки. Долго никто не шёл к доктору. Одного, однако, удалось уговорить. Им оказался Матвей Красноталов, семидесятидвухлетний старик.

— Всё одно помирать, — вздохнул он, когда его подсаживали на шаткий стол, — так хоть на последок полюбуюсь Матушкой-Кубанью...

Удаление двусторонней крыловидной плевы — операция пустячная, и доктор выполнил её виртуозно. Последние восемь лет дед Матвей жил в полной тьме, а тут в базарный день сельчане увидели его разгуливающим между рядами. Усмехаясь, он на глазах изумленной публики пересчитал галок на церкви, затем повернулся в сторону реки и перечислил, кому из владельцев какая мельница принадлежит.

Теперь докторская амбулатория стала местом паломничества сотен людей. Доктор появлялся в амбулатории ровно в шесть. Сначала он направлялся к «черни», с помощью толмача опрашивал больных и вносил в список ровно сорок пять имён, затем подходил к знати и добавлял ещё пятнадцать. В неотложных случаях больные принимались вне очереди. Доктору помогали сестра, няня и регистратор. Оперированных укладывали на полу, устланному камышовыми матами.

В один из дней в окружении свиты джигитов на горячих конях прибыл кабардинский князь, до этого служивший в царском конвое. На охоте на полном скаку он напоролся на древесный сук и вышиб глаз. Дело не требовало отлагательства...

Вознаграждение, которое отвалил знатный пациент, с лихвой хватило и на бесплатное питание для больных, и на железные кровати с постельными принадлежностями.

Однажды на ярмарке доктора заинтересовала группа калмыцких актеров, игравшая сценки из жизни и состязавшаяся в исполнении стихов героического эпоса. Пожилой певец Шангхор был слепым. Доктор осмотрел его и предложил операцию.

– Я беден, и, кроме домбры с песнями, ничего не имею, – уклонился тот. Певцу, однако, с помощью толмача объяснили, что с бедных доктор платы не берёт. Экстракция катаракты дала превосходный результат. Певец сложил хвалебную песнь в честь «дохтура», радостно исполнил её перед дожидавшимися очереди и уехал. Чуть меньше месяца спустя, у амбулатории остановилась кибитка, из которой вышел стройный бедно одетый юноша. Под ноги ему вывалилась девочка лет 14.

– Мой отец Шангхор дарит тебе свою дочь, – ломая язык, пояснил брат. – Имя ей – Джаргал, что значит наслажденье. Бери, она тебе будет еду готовить, ноги мыть, ублажать...

Сначала доктор оторопел, но лишь на мгновение, потом сокрушенно развёл руками и без тени улыбки пожаловался:

– Конечно, я бы с огромным удовольствием, да вот, понимаешь, деньги на калым пока не наскрёб... Передай отцу: как наживу сорок верблюдов, так и приеду сватать. (Надо сказать, что цена в сорок верблюдов для бедняцкой девочки была явно завышена. Иными словами, доктор ещё раз дал понять, что никакой платы не надо, тем более таким товаром. Кстати, это был не последний случай, когда благодарные горцы пытались одаривать его прекрасными смуглянками).

Затем было заведование Пятигорским глазным лазаретом, а января 1908 г., отклонив предложение Беллярминова занять должность ассистента в академии или ординатора в кронштадтском военно-морском госпитале, Очаповский выехал в Екатеринодар для принятия заведования глазным отделением Кубанской казачьей войсковой больницы.

У Станислава Владимировича уже было своё имя. В разное время он публиковался в «Вестнике офтальмологии», «Русском враче», ряде зарубежных изданий, где поднимал вопросы о лепрозных поражениях глаз, о дефектах зрения при деформациях черепа, о теории зрения в свете современной физики, о возрастной патологии зрения. Его труды отличались актуальностью исследуемых проблем и смелостью экспериментаторской мысли. Своими знаниями, добытыми ценой бессонных ночей, он торопится поделиться с коллегами. При введении в практику новых препаратов, он испытывает их посредством тонко продуманных опытов. Результаты излагает в работах «Сальварсан и глаз», «Тиозинамин при атрофии зрительного нерва», ищет средства лечения и меры профилактики защиты органов зрения от пагубного влияния проказы, туберкулёза, оспы. Массовым тиражом

для широкого круга читателей издаёт книжки «О тайнах глаза», «Как слепые становятся зрячими», «В чём вред знахарства» и другие. Известный парижский окулист Эдмунд Ландольт тепло приветствовал его по случаю предложенного очень эффективного способа устранения заворота век.

Большое внимание доктор уделял борьбе с катарактой, принесённой на восток Европы солдатами Наполеона, которые, в свою очередь, приобрели её во время египетского похода. Коварство болезни проявлялось в том, что заболевший начинал её чувствовать уже после того, как в органах зрения произошли необратимые процессы. Вопросы, связанные с этой болезнью, он глубоко и всесторонне изучал, находясь за границей в научном путешествии в июне—сентябре 1913 г. Но помимо научных разговоров его французские и немецкие коллеги сетовали на скудость средств, выделяемых правительствами на нужды здравоохранения.

— На охрану народного здоровья, — сокрушался кёнигсбергский профессор Гиршфельд, — отпускаются мизерные средства. Труд и разум нации обращены на лихорадочную заготовку пороха и свинца, на строительство дредноутов и пушек. Мир сошёл с ума.

...Во время ведения боевых действий палаты, коридоры, даже коморки для хозяйственных нужд были заполнены ранеными. В восьми брезентовых шатрах, установленных рядам с корпусом, тоже разместили нары ещё на двести мест. Порой уже не держали ноги и операционный день приходилась заканчивать у «станка» совершенно уставшим. Когда стали поступать первые жертвы газовых атак, персонал вообще неделями не выходил за больничную ограду.

Во время событий 1917—1918 гг. доктор оказывал помощь нуждающимся, не деля их на красных и белых. Английский полковник, которому Очаповский на квартире начальника станции Тоннельная сделал энуклеацию глазного яблока, убеждал врача покинуть «эту варварскую страну». Однако Станислав Владимирович решил остаться на полюбившемся ему Кавказе.

Пожалуй, с первых дней пребывания на Кубани, доктор Очаповский вынашивал мысль о создании университета с медицинским факультетом. Этот вопрос обсуждался при царе, Деникине, последний раз он поднимался осенью 1919 г., но, как выразился один врач, «похоронен навек, зато по первому разряду». Однако стараниями кубанских профессоров 5 сентября 1920 г. университет распахнул свои двери. Ещё громыхала Гражданская война, а заведующий кафедрой глазных болезней Станислав Владимирович Очаповский читал студентам свою лекцию «Учение о зрачке».

Случались неудачи, порой серьёзные. Примерно в это же время доктор делал операции слепорожденному Толе Урванцеву. Операция прошла, как в подобных случаях шутил доктор, «в добром согласии и любви между мучителями и их жертвой», и никто не сомневался, что мальчик, наконец, познает счастье увидеть мир. Пока же тот отлёживался забинтованный под присмотром матери и медперсонала. Этот торжественный день все ждали

с величайшим нетерпением. Решили сообща, что первым своим взглядам малыш должен увидеть что-то необычное, эстетически прекрасное. Ягодами клубники доверху наполнили хрустальную вазу и принесли ребёнку в постель. Повязку сняли. Ребёнок с минуту с ужасом рассматривал диковинку, затем вскрикнул и без сознания упал, а когда пришёл себя, консилиум врачей вынес вердикт, что, обретя зрение, он лишился рассудка...

Эта неудача тяжёлой болью отозвалась в душе. Такое стряслось впервые. Надолго пришедшая депрессия усугублялась не только сознанием вины. Неудача возвращала к старым размышлениям о взаимосвязях глаза и мозга.

«Человеческий мозг... Розово-серое холодное вещество, округлый, в глубоких извилинах предмет, размерами не более двух сложенных кулаков, вместилище жизненного духа, чрезвычайно сложная совокупность нервных клеток, сгусток разума. Даже в довольно сложном механизме зрительного аппарата можно многое понять, усовершенствовать, наконец, но мозг... Неужели всё-таки правы египетские жрецы, понимавшие границы возможного и начертавшие на камнях Карнакского храма предсказание, что "когда человек познает тайну мозга, сфинкс засмеётся и жизнь на земле иссякнет"??!».

* * *

В истории отечественного здравоохранения практика глазных отрядов впервые была применена Станиславом Владимировичем Очаповским. С группой сотрудников он всевозможными способами с «аптечным грузом 120 пудов» добирается до пункта назначения. В солнечный августовский день над крыльцом первой карачаевской амбулатории взвился белый флаг с красным крестом. Однако несмотря на оповещение о бесплатности лечения, ни один из 22 тысяч жителей близлежащих селений в течение трёх дней не шёл на приём. Но на четвёртые сутки, как когда-то, первым рискнул худощавый седобородый старик в рваной одежде. Операция — успех. И началась настоящая работа. От входной двери до палат, где укладывали на полу пациентов со сложными операциями, по конвейеру в иные дни проходило до двухсот больных. Во время отбора дневной нормы пациентов доктор утром вручал каждому этикетку от спичечной коробки, которые отбирались после осмотра. Из-за них нередко случались свалки. Третьего дня доктор обратил внимание на женщину в чёрных одеждах, которая всякий раз в последний момент шарахалась от него и пряталась за спины, когда оставалось протянуть руку, чтоб завладеть заветным пропуском. Якуб Коркмазов, слушатель владикавказских педагогических курсов и одновременно переводчик, пояснил, что у горянки трое слепорождённых детей, но она боится довериться иноверцу.

Вечером доктор сам отправился к пастуху Рамазану Джазаеву. На пороге сакли его с переводчиком настороженно встретил сам хозяин. Была торжественно переведена просьба доктора напиться айрана из рук хозяйки. Отказ означал бы тяжкое оскорбление гостя. Тотчас навстречу вышла хозяйка, ритуально держа на кончиках пальцев деревянную миску с напитком.

Её лица, наглухо закутанного платком, доктор не видел, но, заглянув в тёмные, влажные глаза, подёрнутые печалью, понял, что своими десятью пальцами прикоснулся к её исстрадавшемуся сердцу...

Трёх сыновей Рамазана, у которых была врожденная катаракта – двухлетнего Ахмата, семилетнего Юсуфа и девятилетнего Хасана – оперировали в один и тот же день. Горец никогда не плачет, но отец трёх детей-слепцов в слезах ушёл в горы. Родня насильно увезла мать в соседний аул Джазлык.

В этот день весь аул собрался на каменистой площади, где слиянием двух ручьёв начинается река Кубань.

– Ах, Аллах! – единым вздохом пронеслось над толпой, когда трое весёлых мальчуганов, держась за руки, спустились по ступеням высокого крыльца и побежали на голос уже вернувшейся матери.

Шестьдесят семь дней без отдыха Очаповский и его помощники работали в горах. Было принято 773 больных (всего около четырёх тысяч посещений). Больших операций выполнено 194, в том числе извлечений катаракты – 89. Проводы отряда вылились в празднество, какого давно не было. Кавалькада всадников во главе со старейшинами тянулась по извилистым горным тропам, молодёжь лихо пела походную «Орайда». Следует добавить, что в Краснодар с доктором ехал на учёбу, чтоб получить профессию врача, Асхат Биджиев, один из лучших воспитанников... учкуланского эфенди, поначалу очень настороженно встретившего «гяура» и которому чуть позже доктор удачно удалил меланому конъюктивы, значительно поправив зрение. А на знаменитой карте маршрутов глазных отрядов, которая со временем стала напоминать боевую – там были указаны пути движения, дислокации и места генеральных сражений (массовый приём больных и проведение операций), – появился первый кружок «Учкулан».

В течение ряда лет работа отрядов, возглавляемых не только Очаповским, но и более мелких, вспомогательных, ведомых его верными соратниками и учениками, охватил практически весь Северный Кавказ. Карачаево-Черкессия, Майкопский район, Предгорье, Осетия, Тамань... Скупые сводки. Лечебная помощь оказана 3 тыс. человек, проведено 123 большие операции... Тебердинское ущелье, Горная Ингушетия, прооперированно 623 больных. Горячеключевской, Армянские районы, Дагестан – там вовсю шла битва с трахомой. Чечня. Здесь через амбулаторию прошло 1813 человек, сделавших до пяти тысяч посещений. Семь недель принимал профессор в узком закутке, огороженном байковыми одеялами. Перед отъездом на «Генеральной карте» были взяты в кружки Урусмартан, Шатой, Шали, Шарой, Ведено, Ножайюрт и другие сёла.

Между выездными экспедициями, доктор продолжает трудиться в институте, клинике, исполняет обязанности главного окулиста IX армии, руководит Кубанским обществом глазных врачей, предпринимаем ряд поездок по области, где использует всякую возможность для обучения

участковых врачей, фельдшеров, сестёр, фармацевтов, санитаров лучшим приёмам помощи при болезнях и травмах глаз. Он выступает на сельских сходках, собраниях перед учащимися и верующими в дни церковной службы. В Москве ему пришлось выслушать немало голосов, осуждающих практику летучих глазных отрядов. «Не врач должен искать больного, — говорили оппоненты, — а наоборот». Очаповский в ответ приводил данные, и по ним выходило, что за время отрядной работы он принимал больных и делал операций в два с лишним раза больше, чем в клинике.

Однажды осенней ночью в двух шагах от дома грабители под ножом отняли у профессора пальто с бумажником, часы и шапку. Звонить в милицию он не стал, дабы не отвлекать угрозыск от более серьёзных дел. Узнав, сотрудники посоветовали рассказать о происшествии больному Мельникову, однако доктор лишь отмахнулся. Тем не менее, после обхода его задержал в коридоре больной Мельников по прозвищу «Кувалда» и попросил посвятить в подробности. А в тот же вечер, выйдя на требовательный звонок у парадного, профессор нашёл под дверью узел со своими вещами. Даже из денег не было истрачена ни рубля. «Кувалда», в прошлом конский барышник, а ныне «завязавший» успешно воспользовался прошлым авторитетом.

Во взглядах профессора было много такого, что шло вразрез с общепринятым мнением и могло быть расценено как приверженность «старорежимным порядкам». Переплавку бронзовых царей работы знаменитого М.О. Микешина в своей речи на сессии горсовета он назвал «чудовищным варварством». Его возмутила выходка рьяных сотрудников историко-краеведческого музея, выбросивших на свалку портрет основателя музея, Е.Д. Фелицына из-за есаульского звания. Много сил пришлось употребить, чтоб добиться реставрации самого древнего строения — дома атамана Бурсака.

Имел профессор и своё мнение по поводу сладкой лжи и горькой правды. Он всегда, даже в безнадёжных случаях, старался укрепить надежду. В душе даже обречённого на вечную ночь слепца зажечь если не яркую звезду, то хотя бы тёплое мерцание свечи. «Сегодня мы бессильны, — убеждал он больного, — но, может быть, буквально завтра наука найдёт способ облегчить и вашу участь. Так что не отчаивайтесь, не теряйте веры».

Во время научной командировки в Чехословакию, Германию и Австрию, на медицинском факультете в Берлине профессор Гамбургер предложил Очаповскому прооперировать больную с флегмоной глазницы. Операция по Крейнлейну обеспечивала бы успех, но заболевание распространилось бы на придаточные полости носа. Отказавшись от услуг ассистентов, гость выполнил её один по способу Головина, комбинированные приёмы которого более просты, относительно безопасны и позволяют лучше достичь содержимое орбиты. Герр профессор удалился, не дождавшись конца. Студенты и персонал клиники, облепившие стеклянный купол операционной, встретили Очаповского в коридоре аплодисментами. В гостинице один немецкий коллега рассказал ему, что Гамбургер с помощью хирурга

и ринолога делал подобную операцию раза в три дольше, да и то не всегда с оптимальным исходом. С этой поры слава о виртуозном мастерстве «кремлёвского» (?!) окулиста, превзошедшего «самого Крейнлейна», повсюду опережала его...

Коварная тропическая малярия надолго приковала профессора к постели. Консилиум коллег, кроме лечебных мер, предписал продолжительный отдых. Отдыхая в Теберде, почувствовав себя во время прогулки несколько лучше, профессор заглянул в местную амбулаторию к своему ученику В. Просолупову. Теперь профессора видели в санатории рано утром и поздно вечером. За два месяца «отдыха» он принял более тысячи пациентов, сделав 218 операций. Кажется, от малярии он избавился, но в дневнике, накануне отъезда домой, категорически приказал себе: «Довольно отрядов, гражданин Очаповский, летом надо отдыхать, а не работать до упаду». Решив следовать своему завету, он летом 1936 г. отправляется в Гудауту. Однажды, возвращаясь с пляжа, он завернул в поликлинику, тоже на минутку, тоже к своему ученику А. Шехтману, и.... запрягся в работу до начала учебного года в институте. Два с лишним месяца стекались из горных абхазских селений в прибрежный черноморский городок больные. Много пациентов прибывало из Грузии и Армении: молва о чудо-профессоре донеслась и туда. Это были последние несколько сотен человек, принятых Очаповским вне стен краснодарской глазной клиники...

В начале 1941 г., когда на полях Европы вовсю громыхала война, Станислав Владимирович избирается депутатом Верховного Совета. Вообще, как вспоминает сын профессора Владимир, с которым автор статьи был прекрасно знаком (с дочерью Татьяной — тоже), его отец очень скованно чувствовал себя во время всевозможных официозов.

С первых дней войны профессор Очаповский и его жена Надежда Васильевна считали себя мобилизованными. Профессор практически всё время разделял между эвакогоспиталями и глазной кафедрой. Институт провёл большой набор студентов, занятия с будущими медиками начались на месяц раньше обычного. Уже в сентябре состоялся выпуск 68 врачей. Полтора месяца спустя получили дипломы ещё 367 студентов пятого курса. Почти все они направлялись в действующую армию. С весенним выпуском 1942 г. их число достигло 847 человек.

В начале августа 1942 г. пришлось покинуть Краснодар — враг овладел Ростовом. Но затем были Сталинград и Курск, после которых институт почти сразу возвращается из эвакуации на Кубань. Здесь всё пришлось начинать на голом месте: сгорел главный корпус института, фашисты разграбили имущество клиники, в том числе вывезли гигантский электромагнит, щелевую лампу Комберга, богатейший набор стекол, микротом, цейсовские микроскопы, лабораторное оборудование. Квартира с четырьмя тысячами томов научной литературы была разгромлена. Но работа продолжалась. Ни одна из коек глазной клиники не пустовала, раскладушками были

заставлены коридор и вестибюль. Травмы, ожоги глаз, болезни, сопряжённые с нервными потрясениями...

Одна из встреч профессора стала в некотором роде символичной... Както, возвращаясь с сессии Верховного Совета, под Воронежем он услышал надрывный голос под баян. Молодая женщина вела под руку инвалида, на чёрном от порохового ожога лице которого застыли рубцовыми бельмами глаза. Профессор пригласил пару в купе. Ударило крепким запахом сивухи и чеснока. К великой досаде, беседы не получилось. В месте с трёшницей, он вручил Фёдору Русанову, так звали слепца, листок со своим адресом, посоветовав разыскать его в Краснодаре. Потом он очень сожалел, что не предложил им ехать этим же поездом и стал забывать о дорожном эпизоде. Но вдруг Русанов появился в клинике – холодным январским утром, затемно придя на работу, доктор увидел пригревшихся у калорифера мужчину и женщину. Профессор с радостью отметил, что оба отменно трезвы.

Русанов до войны был трактористом, двадцати лет попал на фронт в танковые войска, под Тулой был контужен, горел, но смог выбраться. Что с ним произошло и что ожидает, понял значительно позже в госпитале. Матери, сёстрам и невесте ничего о себе не сообщал, а выписавшись и убежав от провожатого пошёл колесить по стране. Насобирать побольше медяков, сложиться с собутыльниками, залить горе – к этому сводился смысл существования. Собрал деньжонок на баян, подружился с Тоней, которой доверился с первой же встречи средь базарной толчеи. После встречи с профессором больной продолжал не верить в свое выздоровление, но вот Тоня со временем настояла на поездке.

После предварительного осмотра в «тёмной комнате» состоялся разговор.

– Очень рад, Русанов, что доверились мне, – сказал профессор. – В жизни вас ждёт много прекрасного, но успех операции в значительной мере будет зависеть от вас. От воли, выдержки, желания победить. Не скрою – предстоит долгая и нелёгкая борьба. Будут и физическая боль, и душевная, большие разочарования, может быть...

– Профессор, скажите, а что у меня?

– На языке науки это называется нарушением функции глаза в результате тяжёлого термического ожога и образования рубцовых помутнений роговицы. Кроме того, у вас катаракта со смещением хрусталика в стекловидное тело. Бельмо не пропускает свет. В нём против зрачка мы вырежем окошечко и приживим чужую роговицу. Сначала на одном глазу, через полгода – на другом. И если сетчатка не повреждена, вы будете видеть...

Операция шла более двух часов. По окончании профессор оставил больного на попечительство супруги Надежды Васильевны и персонала, а сам направился в кабинет. Не дойдя несколько шагов, остановился в коридоре и стал оседать вдоль стены. Позднее консилиум определил спазм мозговых сосудов с последующим кровоизлиянием. Это вызвало паралич правой половины тела и потери речи. Но к осени 1944 г. он стал поправляться, заново научился читать

и писать, стал снова работать в клинике. Но повторную операцию Русанову он проводил уже не сам, а лишь наблюдал и консультировал.

Осталось восемь суток до снятия повязки. А была середина апреля сорок пятого — страна и всё человечество со дня на день ожидала капитуляции Германии. Как раз в эти весенние солнечные, полные надежд дни, вызванные телеграммой профессора, в клинику приехали мать и сестра Русанова, до этого ничего не знавшие о судьбе близкого человека. Ни на минуту не отлучалась от оперированного Тоня. Весь персонал, включая профессора, соседи по палате, все ждали снятия повязок. Это верная Тоня запомнила фразу Станислава Владимировича в их последнюю встречу: «Крепись, солдат, лихая душа. Ещё одно, последнее усилие — и ты победитель вдвойне: над мраком и над фашизмом». Профессор ЗНАЛ, каков будет результат. Но бинты снимать ему не пришлось. Не дожил он до победы над слепотой солдата восемь дней, и до Великой Победы — двадцать два дня... А Русанов прозрел. И он впоследствии увидел своего Спасителя. Но уже в скульптуре...

Первопроходцы, разведчики, пионеры — будь то в области географических открытий, науке, других деяниях — навсегда останутся первыми. Потому, что именно они изначально проложили тропу в неведомое, в будущее. По их следу пошли и ещё пойдут многие, но они будут лишь достойными последователями. На стыке 2002—2003 гг. одна из ведущих газет Кубани «Краснодарские известия» проводила экспресс-опрос и анкетирование на тему «Кто из краснодарцев внёс и вносит наибольший вклад в развитие нашего города?» В отделе «Целительство» с большим отрывом от остальных было названо имя профессора Очаповского. И хоть прошло уже больше полувека, как нет с нами этого незаурядного человека, в памяти благодарных потомков навсегда останется профессор, чьё имя сейчас носит Краснодарская краевая клиническая больница, сын великого польского народа, великий сын России, Станислав Владимирович Очаповский.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Август II Фридрих Сильный 50
Август III Саксонский 116
Авдышев А. 259
Авдышев П. 259
Авейде О. 64
Агаханов Ю. 259
Агаханова Р 259
Адамович А.А. 272
Адамович З.С. 273
Адамович П.С. 273
Азанчеевы-Азанчевские 82
Акбаев Т. 225
Акритас А.Х. 245
Александер Тунисский Х. 155
Александр I 51, 111
Александр II 119, 123, 229
Александр III 126, 232, 302
Александр Ягеллончик 87
Алексей Михайлович 16, 38, 79, 80, 88
Алексий, святой 38
Алисанов 63
Альберт Фредерик 8
Альбицци Д. 252
Амурат (Мурад IV) 17
Андерс В. 148–158
Андреевская А. 259
Андриевский И 259
Анна Ваза 11
Антоний (Храповицкий) 85
Антонович М. 61
Апанель Э.И. 271, 276
Аракчеев А.А. 90
Арапов В.П. 203
Аргунов И.П 34, 35
Аржанов И.М. 50
Аристотель 12
Арсеньев А. 252
Арцимович 49
Аснык А. 187
Атаназевич В. 197
Ахматова А.А. 187

Б

Бабчинская С. 176
Бабыч С.И. 244
Багратион Д.П. 253
Байкишев Н. 51, 52
[Б]айнер М.И. 275
Бакланов Я.П. 207, 216, 217
Бакушинский А.В. 292
Бальчык Ю. 259
Балю 13
Бантыш-Каменский Д.Н. 19
Банюкевич А.И. 171
Банюкевич Теофилия 171
Банюкевич Тереса 171
Банюкевич Ч. 171
Банюкевич Я. 171
Баня И. 270, 271
Баратынские 82, 84
Барятинский А.И. 215, 217, 218
Баторий С., *см. Стефан Баторий*
Батюшков К.Н. 130, 137
Батюшков П.Н. 137
Баултрис И.Л. 276
Баховские 97
Башуцкие 98
Баязет 38
Бежинские 97
Безак А.П. 123
Безкровный К.А. 143
Безушкин В.Г. 50
Безушкин И.И. 50
Безушкин И.Ф. 50
Белановский И.О. 50
Белинский В.Г. 302
Беллярминов Л.Г. 303, 305, 307
Белов Л. 252
Бельский М. 11
Белый А. 298
Белый С.И. 191
Беляев В. 174, 181, 182, 185
Бенецкий С. 103
Бентковский И.В. 228–232
Беньковские 97

Беня Е.Ф. 166, 167
Бер 255
Берг Ф.Ф. 44, 45, 49, 52
Бердяев С. 80
Бердяевы 74, 82
Берлинг З. 157, 158
Берс Л.А. 139
Берс С.А., *см. Толстая С.А.*
Берут Б. 158
[Бесси]керская К.Г. 276
Бестужев Н.А. 129
Бехтерев В.М. 303
Бибиков Д.Г. 116
Бигдай А.Д. 205, 207, 215
Биджиев А. 310
Биняковский А. 197
Бирюков 205, 206
Благовещенский П 89
Блажевич 271
Блок А.А. 298
Блудов Д.Н. 58
Бобонь Ю. 259
Боборыкин Н. 88
Бобровский П.О. 119, 120
Богаевский К.Ф. 294, 295
Богославский Е.Г. 159
Богун И. 24, 28, 29, 31, 32
Бомиреко З.Л. 273
Бондар П.С. 170
Бондарев А.Н. 201, 204, 206
Бонецкие 82
Бонфини А. 96
Борис Годунов 10, 75
Боричевский А.И. 226
Борн К.Г. 166
Боровиковский В.Л. 139, 293
Борша С. 13
Ботовцы 97
Боултрис М.М. 276
Бочковские 97
Бочурко З. 174
Брезгуны 82
Брешко-Брешковский Н.Н. 252, 253, 255
Броневский М. 70
Броницкие 97
Брусилов А.А. 249
Брюкнер А. 11
Брюллов К.П. 133
Брюс Дж. 23
Брюсов В.Я. 305
Буганов А.В 212
Бутков П. 233
Будзилло Ю. 13
Будзинский А. 233
Будзинский В.А. 233–237
Бузек Е. 156
Буйде Ю. 187
Буквецкие (Бутвецкие) 82
Буковский П.В. 244, 261, 266
Булатова Ж.Ф. 199
Буле Я.Т. 72
Буниковский Ш 187
Бунин И.А. 187
Бунины 187
Бурлюк 293
Бурнос Е.К. 189
Бурнос К.К. 189
Бурнос Корнилий Петрович 189
Бурнос Ксения Петровна 189
Бурнос М.А. 189
Бурнос П. 189
Бурнос П.Г. 189–191
Бурнос П.К. 189, 190
Бурнос У П. 189
Бурсак Ф.Я. 311
Бутурлин М.Д. 132, 138
Бутурлины 98
Бьерквист Г.Ф. 248

В

Вадбольский Н.И. 249
Вадковская Е.А. 135
Вадковская Е.И.
(урожд. Чернышёва) 129, 131–133, 135–139
Вадковская Е.И.
(в замужестве Дохтурова) 135
Вадковская Е.Ф. 135, 137
Вадковская С.Ф. 137
Вадковские 129, 130, 132, 135, 136, 139

Валковский А.Ф., декабрист 133–135
Вадковский А.Ф., подпоручик 135
Вадковский В.Ф. 135
Вадковский И. 130
Вадковский И.Ф 135
Вадковский И.Ф., полковник 135
Вадковский М 130
Вадковский П.Ф. 135
Вадковский Ф.И. 135
Вадковский Ф.И., сенатор, генерал-аншеф 130
Вадковский Ф.Ф. 129, 130, 133, 135–137, 139
Вадковский Ф.Ф., декабрист 133, 134, 135, 139
Ваза (Вазы) 10
Вайда А. 175
Ваинштейх Н.В. 171
Вакре Э.Э. 244
Валерии Корвины 96, 97
Валерий Мессала Корвин Марк, консул 312 и 289 гг. до н.э. 96
Валерий Мессала Корвин Марк, консул 31 г. до н.э. 96
Валерий Мессала Корвин Марк, консул 58 г. н.э. 96
Валерий Мессала Корвин Марк, наместник Паннонии 96
Валерий Мессала Корвин Марк, оратор 96
Валерий Публикола (Корв / Корвин) Марк 95, 96
Валицкий А. 72
Варавва И.Ф. 202
Варцевич А.И. 274
Василевская В.Л. 158
Василий IV Шуйский 11, 14, 34
Василовские 97
Васильев Г.И. 203, 204, 206
Васильков В.В. 203
Введенский А.И. 305
Везносик З. 277
Везносик И.И. 276
Вейгер Л. 19
Велёпольские 108
Вельяминов А.А. 194, 195
Венгеров С.А. 228, 305
Венеровский, майор 196
Венеровский С.А., генерал от кавалерии 208, 209
Вержховский А. 74
Верига В.К. 253
Верига (Верига-Даревский) И.И. 251, 253, 256
Верховская Л.А. 85
Верховские 74
Верховский, *см. Зосима*
Вершинский 303
Ветлицкие 82
Ветрова М. 304
Взлерские 97
Виельгорский М. 63
Виже-Лебрен Э. 136
Викулин С.А. 135
Викулина Н.С. 135
Вильчак С.И. 276
Вильчиньская Е. 197
Вильчиньский П. 197
Вильямс П.В. 292, 293
Виммер Я. 20, 29–31
Винкельманн И.И. 70
Висковатов П.А. 216
Виткевич Я.В. 50
Витковский М.И. 244
Витковский Н.И. 266
Вихавская М. 259
Вишневецкий И. 27, 28, 30
Владислав I Локетек 104
Владислав II Ягелло 102
Владислав IV Ваза 7, 15, 16, 35, 75, 78, 79, 82, 85, 103
Владыка А. 87
Владыка Ф. 87
Воеводские 82
Войнич Э.Л. 302
Войцеховский П. 270
Войцик К.Л. 287
Войцик Л.Р. 287
Войцик Р. 289
Войцик Р.К 286–300
Волк М. 74

Волконские 133
Волконский Н.А. 213, 214, 218
Волосянская Г.Д. 269, 272
Волосянская З.П. 275
Волосянская И.П. 276
Волпянский Ф. 198
Вольмеры 97
Вольф Ю. 87
Вонляр (фон Ляр) Якуб 77
Вонляр-Лярские 77, 81, 82
Воробьёва М.В. 275
Вороновы 98
Воронцов М.С. 198, 218
Воронцы 82
Востриков П. 214
Врубель М.А. 293
Вуйцик З. 20, 22
Вулич 209
Высочин 40, 41
Вышинский А.Я. 151
Вяземский П.А. 133, 136
Вяземский Ф.А. 82

Г

Габсбурги 14
Гаврилов С.Л. 287
Гавронская М. 197, 198
Гагарины 133
Гакилер В. 170
Гакилер Д.Ф. 170
Гакилер Ц. 170
Гакилер Я 170
Галафеев А.В. 196
Галкович Б.Г. 32
Галяс С.М. 169
Гамбель В.И. 277
Гамбель М.И. 277
Гамбель Я.И. 277
Гамбургер 311
Гамзад Бек 56
Гацкие (Гонцкие) 97
Гедимин 68, 109
Гедройц Г. 193
Гедройцы 82
Гейшторн В. 62
Генрих Валуа 14
Гепперт Э. 63
Герлинг-Грудзинский Г. 154
Геродот 73
Гертвиг 304
Геруля М. 159
Гёте И.В. 70
Гживач Б.Л. 276
Гживач Г.Л. 276
Гживач Я.И., *см. Гживач Я.Я.*
Гживач Я.Л. 274
Гживач Я.Я. 269, 272
Гиллер А. 67
Гинвилы 97
Гириничи 82
Гиршфельд 308
Гитлер А. 157, 297, 299
Глебович С. 87
Глинка М.И. 84
Глинки 82
Глинские-Лиходейские 82
Глинский В. 259
Глинский Э. 259
Глогер З. 100
Гоголь Н.В. 130
Годзевич Я.К. 259, 262
Годлевская К.А. 274
Годлевская С.С. 272
Годлевский Я.А. 273
Годунов, *см. Борис Годунов*
Голимонт П. 79
Голимонты 82
Голицын В.В. 81
Голицын Д.В. 132
Голицына Н.П., *см. Чернышёва Н.П.*
Голицыны 133
Головатый А.А. 40, 189, 191
Головин А.Я. 293
Головин С.С. 311
Головня Э. 259
Головня Ю. 259
Головня Я. 259
Голуховский 13
Гольдкраут П. 267

Гонсьоровские 97
Гончаров Д.Н. 137, 138
Гончарова Н.Н. 130, 137, 138
Гончаровы 131, 137
Гораций Флакк 12, 13
Горбатик Ю.Н. 166
Горбачев М.С. 162
Гордин Я. 195, 196
Горнтон 302
Горский 62
Горький А.М. 299, 305
Госевские 97
Гошкевич Б. 72
Гощиньский С. 69
Грабов В. 202, 214
Грабовецкий В.В 21, 23, 24, 26, 28
Гралевский М. 193
Грамацкая Г.К. 277
Грамацкая Д.К 277
Грегонис П. 259
Гречкин Г.И. 203
Грибоедов А.С. 84
Грибоедов Т.И. 82
Григович Алексей 259
Григович Анна 259
Григович Е. 259
Григор Г.Г. 290, 291
Григорьянц 294
Гризельда Батори 8
Гриневич 73
Гриневич И 259
Гриневич К.А. 259
Гриневич Т. 259
Гришин М.И. 159
Гродек (Гроддек) Г. 71
Гулабин Р.Э. 244
Гумилёв Н.С. 298
Гуральский Г.И. 276
Гурко 82
Гурский К. 19
Гусева Ю 177

Д

Давидов И. 259
Давидовский Л.И. 258
Даллабел Г. 34
Дарен... Л.Л. 275
Дашкевич Я. 23
Двораковские 97
Дединские 82
Дельвиг О.М., *см. Салтыкова О.М.*
Деникин А.И. 144, 249, 290, 308
Денисов 42
Дерновский С.Ф. 50
Дерфельден 42, 43
Джазаев А. 310
Джазаев Р. 301, 309, 310
Джазаев Х. 310
Джазаев Ю. 310
Джалалий Ф. 29, 31
Джегутанов Х. 225
Дзбанские 97
Дзержек Г. 193
Диаментовский В. 12
Дилецкий (Дылецкий) Н.П. 36
Димитрий Иванович, *см. Лжедмитрий I*
Дисмарик Ч. 273
Дложевский 73
Длугош Я. 101, 102
Дмитриев 294
Дмитриева Е. 177
Дмитрии, *см. Лжедмитрий I и Лжедмитрий II*
Дмитрий I Самозванец, *см. Лжедмитрий I*
Дмоховские 97
Добролюбов Н.А. 302
Доброскок Г.В. 141
Додик А. 277
Додик Л. 277
Долгоруков Г.А. 138
Долгорукова Н.Г., *см. Чернышёва Надежда Григорьевна*
Домарадзкий 13
Домбковский К. 62
Домбровский С. 74
Дондуков-Корсаков А.М. 213
Донон Т. 62
Доренбуш С.Л. 276
Дорохов Р.И. 137, 211, 212
Дорошенко П.Д. 131

Драверт И 65
Драшковский К. 50
Дроздов И. 213
Дрозинские 97
Друцкие-Соколинские 81, 82
Друцкий-Соколинский 79
Дугинов 205
Дудниченко М.П. 159
Дукмасов П.Г. 221, 223–225
Дукшты 82
Дулис Галина Н. 276
Дулис Георгий Н. 275
Дулис Л.Н. 275
Дунины 82
Дунчевский С.Ю. 98
Дуцман Г.А. 277
Дьякова Е. 175
Дюпюи Р.Э. 23
Дюпюи Т.Н 23
Дятчик А.Р. 275
Дятчик Г.Р. 276
Дятчик С.Я. 272

Е

Евфросиния Полоцкая, святая 90
Екатерина II 35, 39, 83, 110, 111, 130, 132
Елфимов И.П. 270
Ельницкий 252
Ельцин Б.Н. 162, 164
Емануель Г.А. 55
Ермолова М.Н. 305
Ефимьевы 82

Ж

Жарновецкие 97
Жевуские 70
Жевуский В.С. (Эмир Жевуский, Абу Ассад, Арсиан Эмир, Тач Эль Фер) 69, 70
Жезносик А.И. 275
Желтоножкин С.И. 226
Жергулевич В. 259
Жеромский С. 121
Жибковская З.Б 159
Жильцов 294
Жиргулевич Д. 259
Жоравские 97
Жуков Г.С. 152
Жулкевский С. 9, 10, 13–15
Журавская Л. 275

З

Заболоцкие 82
Завадовская В.Н 139
Завадовская С.П., *см. Козловская С.П.*
Завадынский С. 63
Завистовские 97
Заводовский Н С 198
Заглоба-Мазуркевич Я. 144
Заленварк С.З. 294, 296
Задзик Я. 17
Зайцевский Г.Ф 290
Залеский Б. 69
Залесский К. 302, 303
Замойские 108
Замойский Я. 8, 9, 14, 16, 17, 34
Засс Г.Х. 207
Заутольная А.Н. 275
Заутольная Ю.Н. 274
Заутольный Я.Н. 276
Зафаропулло 224
Захаревич К. 60
Захарченко В.Г 216
Збаражская М.В 87
Зброжек С.Э. 269
Зведре В.А. 201, 218
Зебжидовский Н. 9, 14
Зеленский 294
Зелинский Н. 120
Зелинский Т. 73
Зинович С. 259
Зосима (Верховский), святой 74
Зубов В.А. 111
Зубов П.А 39, 40
Зысковская В. 259

И

Иван III Васильевич 87, 130
Иван IV Грозный 7, 130
Иванов В. 133
Иванов Н.А. 226
Иванова Г 259
Ивановский Е. 71

Иеоф Галаатский 38
Илюшко-Яриновский Г. 249, 250
Ингильдеевы 82
Иоанн Павел II 175
Иоасаф, митрополит 32
Ионевский Я.К. 277
Иосиф, митрополит 146
Исаев А. 259
Исаев И. 259
Исаева М. 259
Иславины 139
Ислам-Гирей III 24, 26, 28
Исленьев А.М. 139
Исленьева А.А., *см. Чернышёва А.А.*
Исленьевы 139
Ишбулатов Ф.А. 164
Иштван I Святой 96

К

Казальчик Б.С 274
Казарова Е. 259
Кази Мулла 56
Казимеров Г.В. 50
Казимир IV Ягеллончик 86
Каледин А.М. 250, 251
Календа 37
Калиновские 97
Калиновский К. 301
Калиновский М. 27, 28, 30, 31
Калмберг 120
Калмыкова А.М. 302, 303
Каманин И.М. 19
Камеженков Е.Д. 129
Каменский 73
Каминска С.В. 269
Камьоновские 97
Камю А 187
Кандауров К.В 295
Кандинский В.В 293
Канук 205, 206
Канумов И. 261
Капельгородский Ф. 141
Каппачио 65
Карабышев И. 225
Карамзин Н.М. 130
Карачинские 98
Карнацкая Л.Л. 273
Карнацкий З.Л. 273
Карпинская Ч.К. 258
Карпинский И.Д. 258
Карпинский П.К. 221
Карпов 56
Картошевич С.И. 273
Кассобона И. 15
Каутский К. 288
Кафка Ф. 187
Каховские (Коховские) 82, 83
Каховский 83
Квасьневский А. 187
Квашнина-Самарина Е.П., *см. Чернышёва Е.П.*
Кжишиха М. 156
Киор-Оглы Г.И. 261
Киркор А.Г. 72
Клемент X 16
Клепацкая Ю.И. 272
Клепацкий М.С. 274
Клепацкий Ф.С. 274
Клосинские 97
Клочков М.И. 290
Клыкова А.И 159
Книпович Т.Н. 73
Кобониславский В. 88
Ковалёва Н. 175
Коваленко Ф.А. 291, 293
Ковальчик М.А. 272
Ковальчик С.С. 276
Ковальчук С.С. 276
Ковнацкий Г. 63
Козлов Н.И. 203
Козловская С.П. 139
Козловский А.И. 276
Козловский И.И. 274
Козловский Ю. 37
Коленовы 82
Колодеев 224
Комберг 312
Конецпольский А. 17, 27
Коновалов Г.Е. 160

Конок, *см. Канук*
Конопницкая М. 179, 264
Конрад Мазовецкий 97
Кончаловский П.П. 293
Корвин, рыцарь 97
Корвин Вавжента 97
Корвин Вартислав 97
Корвин-Круковские, *см. Круковские*
Корвины 96–98
Корвины Петровские, *см. Петровские*
Коренев И.Т. 36
Коржевская К. 277
Коркмазов Я. 309
Корнилов Л.Г. 252
Коровин К.А. 293
Короленко П.П. 40
Корона Б.И. 272
Корона И.Ф. 272
Корона Ф.И. 270, 272
Короткевичи 97
Корсуновская Н.М. 159
Корсунский И.А. 159
Корыцкий А. 62
Косинский А.Х. 160
Косолап А. 226
Косолап Г.С. 226
Косолап П.С. 226
Косолап С.А. 226
Коссаковские 97
Коссенды 97
Костин С. 234
Костомаров Н.И. 19, 24, 26
Костычев 305
Костюшко (в замужестве – Траугутт, затем – Мицкевич) 72
Костюшко Т. 41, 121, 301
Котарский Г. 22, 26–29, 31
Котерский (Котарский) В. 35
Кохановские 97
Кохановский Я. 98
Коховский А. 80
Кошелёв А.И. 49
Кошконцев А.А. 276
Кравков Н.П. 303
Кравцов О.Т. 160
Краевские 82
Краевский Б.А 234
Крамской И.Н. 293
Красиньские 108
Краско А.В. 86
Краснов П.Н. 217
Краснов П.Н., генерал 255
Красноталов М. 306
Крачевский И. 50
Крачевский П.И. 50
Крашевский Ю.И. 70
Крашенинников П. 53, 54
Крашенинникова Т.П. 53, 54
Крейнлейн 311, 312
Кренчувы 97
Кржечковская М.А. 288
Кржечковский С.И. 288
Кривцов Н.И. 137
Кривцов С.И. 135, 137
Кривцова Е.Ф., *см. Вадковская Е.Ф.*
Кривцова С.Н. 137
Крипьякевич И.П. 20, 26
Критский М.Н 251, 253
Крохмалюк Ю., *см. Тыс-Крохмалюк Ю.*
Круки 97
Круковские 97, 98, 209
Круковский Ф.А. 99, 200–219
Кручковские 97
Крымшамхалов А. 225
Крюков Н.А. 261
Крюкова 261
Крюковский, *см. Круковский Ф.А.*
Кубанов А. 223, 224
Кубисяк В.С. 276
Кубисяк Идара С. 273
Кубисяк Ирина С. 274
Кубисяк [Т].С. 274
Кузовлев Ф.А. 226
Кузьминская А.В. 57
Кукель М. 20, 22
Кулеш И.В. 273
Кулеш К.К. 273
Кульчинская Б.Ю. 170

Кульчинская В.Ю. 170
Кульчинская И.Ю 170
Кульчинская Я.Ю. 170
Кульчинский Р.Ю. 170
Кульчинский Ю.А 170
Купецкий Я. 34
Кургоков Тау-Султан 224
Курек Л.Ч. 275
Курек М.Ч. 276
Куринский Ю.П. 273
Курицын Ф 87
Кучеров Г.Н 204
Кшижановский Ю 15
Кюхельбекер В.К. 134

Л

Лавинский А.С. 58
Лавренькова Н. 175
Ламонов А.Д. 205
Ландовская В. 264
Ландольт Э. 308
Лаппо И.И 90
Лаппо М. 90
Ласси, де 42
Лафишев Г. 225
Лебедев А.И. 303
Леви Р.М. 171
Левитский А. 141
Левицкий Т. 42
Лекторский А.М. 254
Лендзожек П. 259
Ленин В.И. 298
Лермонтов М.Ю. 209, 211, 216
Лесгафт П.Ф. 305
Лесли 84
Лещинская Г. 277
Лещинская Т. 277
Лжедмитрий I 9, 10–14, 35
Лжедмитрий II («Тушинский вор») 10, 12
Ливий Тит 16
Липович Я.М. 171
Липчинские 97
Лисовские 97
Литвин И.Д. 251, 253, 256
Лихачёв С.Д. 247
Ловейко 82
Ловцов М.И. 234
Лопатины 82
Лосьневские 97
Луганский А.С. 160
Лукашевский Г. 72
Лукиенко И.Н. 159
Луначарский А.В. 291
Лыкошины 82
Лысенко М.В. 140, 141
Лысова Е.Д. 55
Любомирский Ю. 27
Люна Х. 187
Лютостанские 97
Лютостаньска У.К. 274
Лянцкоронский С. 27, 28, 30–32
Лясота И. 64
Лях 190
Ляшенко 190

М

Мадалиньский А.Ю. 39
Маевская Э.С. 150
Мазан З 42
Майский И.М. 149
Макаров 267
Македонский 225
Маковецкая М.И. 90
Максимович С.В. 248, 249, 254, 256
Максимовский П. 50
Максимовский П.С. 50
Малама Я.Д. 221
Малаховский П.А. 251, 254
Малачевские (Малачинские) 97
Малевич К.С. 293
Малиновский В.М. 244, 266
Малиновский В.Т. 159, 160
Малой 40
Мальгерб И.К. 262
Манько 175
Маньяни 138
Марданов Л.В. 252
Маренбург З.А. 171
Маркевич И.М. 271, 275
Маркевич Л.Ф. 271, 272

Маркевич М.М. 271, 275
Маркун А.И. 275
Маркун И.И. 276
Маркун Л.И. 274
Маркун Я.Я. 276
Мартыняк (Мариняк) И.П. 269
Мархлевский Ю. 262
Мархоцкий М.С. 12
Марчинский М.М. 275
Маскевич С. 9, 10
Мастыки 82
Матвей I, см. *Матьяш Корвин Великий*
Матейко Я. 174
Матешак С. 171
Матьяш Корвин Великий 87, 96, 97
Машков И.И. 293
Машковцев Н.Е. 292
Маяцкий В. 174
Мекешин М.О. 311
Мельников 311
Мельничук А. 259
Мельчевский М. 36
Менгден 233
Менне, де-ла 143
Мережковский Д.С. 298
Метельские 97
Микетюк Г.П. 269, 270, 272
Микетюк З.Т. 272, 277
Микешин М.О. 311
Миклашевич Э.Ф. 272
Микулины 82
Милковский З. (Т.Т. Еж) 69
Милько Р.И. 277
Милько С.И. 277
Милько Т.И. 277
Минаков А. 90
Мир-Хейдар-хан 52
Михаил Александрович, великий князь 247, 249
Михаил Николаевич, великий князь 225, 231
Михайлова Е. 177
Михайлова О.С. 176
Михальские 97
Михальский Я.К. 275
Михальчишин Е.И., *см. Михальчишина Э.Я.*
Михальчишина Э.Я. 269, 272
Михельсон 19
Мицкевич А. 71–73, 114, 121, 175, 187, 262, 301
Мицкевич Ф. 72
Мицкевич Ю.А. 71, 72
Млодницкие 97
Мнишек Е. 12, 13
Мнишек М. 10, 12, 35
Мнишеки 14, 35
Можковские 97
Молотов В.М. 151, 152, 164, 165
Молчанов Д.А. 135
Монне Ж. 188
Мор М.А. 274
Мордмиллович Я.А. 263, 266
Морищевич М.А. 274
Мочалов А.П. 295
Мочульская Е.А. 272
Мочульская С.Б. 275
Мочульские 97
Мочульский Ч.Б. 277
Мошковцев Б.А. 273
Мошковцев В.А. 275
Мультановская И. 174
Муравьёв, генерал 65
Муравьёв М.Н. 122
Муравьёв Н.М. 132, 135
Муравьёв-Карский Н.Н. 138
Муравьёва-Карская Н.Г., *см. Чернышёва Наталья Григорьевна*
Муравьёва А.Г., *см. Чернышёва А.Г.*
Муромцев С.А. 288
Муха И.А. 163
Мушкетов И.В. 305
Мыкетюк Г.П., *см. Микетюк Г.П.*
Мыкетюк З.Т., *см. Микетюк З.Т.*
Мыслинская Я. 259
Мыслинский А. 259
Мыслинский М.К. 259
Мыцык Ю.А. 23
Мышчиньски Я. 156
Мясковский А. 23

Н

Набоков Д.Н. 49
Навосад М.И., *см. Новасад М.И.*
Наврот Г В 277
Наврот Р.В. 277
Найка Л.М. 159
Наполеон Бонапарт 84, 145, 308
Нарбуты 82
Наркун И.И., *см. Маркун И.И.*
Наркун Л.И., *см. Маркун Л.И.*
Наркун Я.Я., *см. Маркун Я.Я.*
Нарман Л.М. 277
Нарман М.М. 277
Нарушевич А. 101
Нарышкина Н.К. 38
Наседкин 152
Наумик М.П. 276
Нацевич С.С. 259
Невская В.П. 222–224
Невядомский Р Б. 275
Негри А.Ф. 51
Неклюдовы 98
Немоевский С. 11
Несецкий К. 88, 98, 100
Неуймина Н 305
Николаев С.С. 229, 230
Николай, священник 204
Николай I 44, 45, 54, 115, 118, 196
Николай II 126, 261, 302
Николай Михайлович, великий князь 139
Никон 36
Никут Д.М. 277
Новак М.В. 273
Новасад Л.И. 274
Новасад М.И. 273
Новик Б.А. 274
Новик Я.А. 273
Новик Ядвига В. 275
Новик Ян В. 274
Новиков А.А 226
Новински Ф. 66, 67
Ногацкая М.Д. 274
Норденстам 199

О

Оболенские 133
Оболенский Е.П. 134
Обухович Ф. 79
Овидий 69
Овчарский С. 160
Огинский М.К. 37
Огородный М. 141
Одинцов Д.А. 263
Одоевский А.И. 134
Одольские 97
Озаровский Е.И. 248–251, 254, 256
Озеровы 82
Олендер Э.Ю. 169
Олизар Г. 72
Ольшевская А.М. 199
Ольшевские 97
Ольшевский А.М. 199
Ольшевский М.М. 192–199
Ольшевский М.Я. 193, 211
Опришко О. 250
Оргельбранд С. 98
Орлов 205
Орловская Ванда 171
Орловская Виктория 171
Орловский С.Л. 171
Осецкая Ю.С. 170
Осецкий А.Ю. 170
Осецкий Ю.М. 170
Осип А.Ф. 277
Осмульский П.Ф. 273
Оссолиньский Е. 16
Островский 80
Островский К. 61
Острожские 17
Очаповская Н.В. 312, 313
Очаповская Т.С. 312
Очаповская Ю.В. 303
Очаповские 302, 303
Очаповский В.С.,
отец С.В. Очаповского 302
Очаповский В.С.,
сын С.В. Очаповского 312
Очаповский Л.В. 302
Очаповский С.В. 301–314

П

Павел I 111
Павлов И.П. 303
Павловские 97
Павняк И.Д. 275
Падурра Т. 69
Пален В.Г., *см. Чернышёва В.Г.*
Пален Ф.П. 138
Палладин В.И. 305
Палька Ф.А. (Пономарев В.А.) 156
Пальчовский П. 11
Панасенко Л.П. 160
Панкратьев 56
Паракецов К.И. 225, 226
Парсаданова В.С. 148
Пасек Я. 10, 12
Пасеки (Пассеки) 82, 83
Паскевич И.Ф. 44, 45, 49, 56, 203
Пассек 83
Пастухов Д.Б. 50
Пац 33
Пашковский М. 9
Пе...то Г К 275
Пелевин В. 187
Пелыгжымовский Э. 10
Пенские 82
Пентюхов А.Г. 221, 223, 226
Пентюхов Г.Г 226
Пенчул 221
Перваков 204
Передельский Е. 205
Перов В.Г. 293
Перовский В.А. 52–54
Песоченский А.И. 235
Петлюра С.В. 140–144
Пётр I Великий 34, 37, 38, 80, 81, 130
Петрих-Сенкевич 262
Петрицы Себастьян из Пльзеня 12, 13
Петров 153
Петрович Я.В. 272
Петровские (Пиотровские) 95, 97
Петровский 98
Петрусевич Н.Г. 220–227
Петрушко Ч. 162
Петченко-Андрейченко 214
Пиевский З.К. 273
Пилсудский Ю. 69, 144
Пиотрович М.В. 272
Пичета И.Х. 141
Плеева Э.Г. 236
Плеханов Г.В. 288
Плещеев Александр Александрович 135
Плещеев Александр Алексеевич 135, 136
Плещеев Алексей Александрович 135
Плещеева А.И. 135, 136
Плещеева М.А 137
Плишинская-Немирская Я. 73
Плятер Э. 159
Побережко Г. 259
Полито И К. 277
Половцев П.А. 254
Полозов 211, 213
Полонская 303
Полуян Я. 258
Поляков 190
Поляков В. 89
Понинские 109
Понятовские 109
Попка И.Д. 200–202, 205, 209, 210, 215, 217, 218
Попова Л.С. 294
Поправка Р. 171
Поправка С.Я. 171
Попюк Д 170
Попюк Э. 170
Потёмкин Г.А. 83
Потёмкины 81–83
Потоцкие 14, 27, 70, 108
Потоцкии Н. 27, 28, 31
Потоцкий Павел 16
Потоцкий Пётр 17
Потоцкий Прот 69
Потоцкий С. 27
Потоцкий Северин 72
Потоцкий Северин Щенсный 70
Потоцкий Стефан 16
Потоцкий Ян 72
Прендковские 97

Претфич Я. 68
Продан Н 174
Пророк А.А. 272
Пророк А.М. 274
Пророк И.М. 274
Пророк Р.М. 273
Просолупов В. 312
Протопопов А.И. 50
Прус Б. 121
Пузиновский 302
Пукан В.А. 171
Путин В.В. 163, 187
Путостаньская Я.Б. 272
Путята 82
Пушкин А.С. 130, 132, 136–138, 187
Пушкина Н.Н., *см. Гончарова Н.Н*
Пушкины 131, 137
Пушко Н.И. 273
Пущин И.И. 132, 134
Пущин М.И. 137
Пшевуский Э. 71
Пшездзецкий А. 71
Пяевский Г.К. 274
Пясек Ф.С. 258
Пясецкий П. 70
Пясты 158

Р

Раабы 97
Радзивилл 34
Радзивилл А.-В. 254
Радзивилл Б. 26
Радзивилл М.-Н 254
Радзивилл С.-В.А. 248, 249, 254, 256
Радзивиллы 10, 108, 302
Радина Г.А. 274
Раевский 143
Раевский Н.Н. 195
Разин Е.А. 21
Разин С. 81
Райбо Ф.К. 276
Р[а]оман И.С. 273
Рарог В. 74
Ратушняк В.Н 189
Рахманинов С.В. 305
Рачинские 82
Рашетт Ж.-Д. 131
Рашпиль Г.А. 221
Рейхарт 121
Репин И.Е. 293
Репнин Н.В. 41, 42
Реутт Ю. 263
Решетняк 207, 215
Ржевская А.И. 131
Ржевские 137
Ржеусский И.Ф. 159
Риббентроп И. 164, 165
Ро[б]со Д.Л. 275
Рогозин Б.Н. 237
Родзевич К. 198
Рожичко 209
Рожневский А.Э. 275
Рожневский Л.Э. 276
Рожнятовский А. 13, 14
Розен Г.В. 56, 194
Розенбург Г.Е. 171
Рокасовская Е.П. 57
Рокасовский И.П. 57
Рокасовский П.И. 50, 55–57
Рокоссовский К.К. 158
Рокотов Ф.С. 293
Роля-Жимерский М. 158
Романова Х.Б. 156, 162
Роммель Э. 154
Ротарь И.Т. 141
Рудзки-Скарбек Ф. 72
Рудницкая М., *см. Гавронская М.*
Рукосуев С. 175
Русанов Ф. 313, 314
Руссо Ж.-Ж. 302
Рыковы 82
Рыцеж П. 259
Рюрик 109
Рябкова Е. 259
Рябкова Л. 259

С

Савваитов 305
Савинская Р. 277
Савинский И. 277

Саковичи 97
Салпогоров Б.К. 225
Салпогоров К. 225
Салтыков И.П. 132
Салтыков М.Г 75
Салтыкова О.М. 137
Салтыкова Э. 16
Сальмонович К. 88
Самарцева М. 152
Сапега 27
Сапега К. 17
Сапега Л. 10
Сапега Я.П. 12
Сапеги 33, 109
Сарабунович М 255, 256
Сарницкие 97
Свентховская 209, 210
Свентховские 210
Свентховский 209, 210
Сверчевский К. 158
Свешников И.К. 21–32
[С]вилшинский З.З. 276
Святополк-Мирские 251
Святополк-Мирский А.С. 251
Семёнов И.Н. 216
Семёнов П. 203, 212, 215, 217
Сементовский К.М. 19
Сенкевич Г. 175
Сербинович К. 72
Серединские 97
Серов В.А. 293
Серпинский П.В. 226
Сигизмунд I Старый 7, 68, 87
Сигизмунд II Август 7, 8, 11, 109
Сигизмунд III Ваза 7–11, 14–17, 74, 75, 78, 82, 85, 88
Сикора В.Р. 170
Сикора Р.Р. 170
Сикора Р.Т. 170
Сикора Ф.Р. 170
Сикорская Б.С. 168, 169
Сикорская С.И. 169
Сикорский Б.И. 169
Сикорский В. 149, 151–153, 157
Сикорский И К. 168, 169
Сикорский К.И. 169
Сикорский Ф И. 169
Сикульская И.А. 170
Ситников Ф.М. 269
Скибовская У.Ч. 273
Скибовская Ф.С. 272
Скибовская Я.Ч 276
Скибовский Ю.Ч. 275
Скидан В.В. 141
Склинский 13
Скобелев М.Д. 94, 227
Скоковские (Скаковские) 102 -104
Скоковский Мартин 103
Скоковский Матис Куйкевич 103
Скоковский Н 103
Скоковский Я. 103
Скоропадский П.П 144
Слепцов Н.П. 207
Словацкий Ю 73, 187
Слуцкая В 303
Слютер И.С. 258
Смолинская А.С. 270, 272
Смолинский Э.З. 274
Смолинский Я.З. 273
Снежицкий И.Ф. 276
Снижай Л.М. 273
Соберайские 97
Собеские 16
Собеский М. 15
Собеский Якуб Старший 15–16
Собеский Якуб Младший 15
Собичевский Б.А. 251, 254
Соболевский Л. 73
Собчак С.Ф 275
Собчик Ф.Ф. 274
Созанские 97
Соколовский В.К. 256
Солковские 97
Солтык К. 75
Софья Алексеевна, царевна 130
Сохацкий С.В. 291
Сребрный С. 73
Стадиус Я. 13

Стажинские 97
Сталин И.В. 151–153, 158, 161, 163, 165, 172
Станислав Август (Понятовский) 19, 116
Станкевичи 82
Станьковичи 82
Станюкович К.М. 84
Станюковичи 82
Старовольский Ш. 16, 17
Стефан Баторий 7, 8, 10, 11, 14, 87
Стжежовский 13
Стопоренко К. 226
Стороженко И.С. 22, 24–31
Стоцкая А.С. 275
Стоцкая Я.А. 269, 272
Стоцкая Я.И., *см. Стоцкая Я.А.*
Стоцкий З.С. 276
Стребейко 102
Стришинский С. 141
Строгановы 133
Строков А.А. 21
Струмский С. 259
Стрыйковский М. 8
Стэмпковский 72
Суботович Х., *см. Романова Х.Б.*
Суворов А.В. 37, 40–43, 203
Судник А. 62
Султан Клыч-Гирей 247–249, 255
Султан Крым-Гирей 247, 251, 252
Султан Хан-Гирей 226
Сумароков 220
Сумароков-Эльстон Ф.Н. 220, 223, 225, 226
Сутгоф А.Н. 134
Сухтелен П.П. 52
Сыкало В. 171
Сыкало Е.К. 171
Сыкало З. 171
Сыкало П.А. 171
Сыкало С. 171
Сытин И.Д. 227, 302

Т

Тамерлан 38
Тараруй Я.М. 276
Тарновская А.В. 274
Тарновская Б.В. 272
Тарновская К.В. 273
Тарновская Р.А. 269, 275
Тарновская Ю.А. 269, 272
Тарновская Ю.В. 276
Тарновский А. 8, 11
Тарновский Б.В. 277
Тарновский И.А. 273
Тарновский М.В. 274
Татарин Ф. 94
Татьяна Николаевна, великая княжна 243
Таубе 143
Тацит К. 10
Темрезов А. 301
Теплова Е.А., *см. Чернышёва Е.А.*
Терайовичи 97
Тер-Симонян Е.Г. 287
Тиберий К.Н. 96
Тизенгаузен Н.А. 90
Тиктор И. 20
Тимашев А.Е. 64
Тимирязев И.С. 137
Тимирязев К.А. 130, 137
Тимирязев Ф.И. 137
Тимирязева С.Ф., *см. Вадковская С.Ф.*
Титов В. 36
Ткаченко Г.Е. 142
Токарев 205
Токарская 65
Толмазов И.Д. 236
Толоцкая Н.П. 90
Толпыго 82, 84
Толстая С.А. 130, 139
Толстая Т. 187
Толстая-Сухотина Т.Л. 133
Толстов В.Г. 203–206
Толстов С. 218
Толстой Л.Н. 130, 133, 137, 139, 288
Толчаинов С. 212, 213, 215
Тольвинский Г.Н. 275
Томашевский В.С. 272
Томашевский М.В. 277
Томтосов А. 162

Торелли С. 139
Торжевская К., *см. Коржевская К.*
Торчевские 97
То[ц]винский З.А. 274
Трамбицкие 84
Трамов К. 227
Траутутт Р. 72
Трепка В.Н. 106
Трепов 49
Трёхбратов Б.А. 190, 220
Трифон (Туркестанов) 85
Трубецкие 79, 133
Трубецкой Ю.Н. 75
Трусколяские 97
Трушин В. 177
Трушков С.А. 61
Тугай-бей 28
Тумашевская А.М. 275
Тургенев И.С. 130
Туркестанов Т., *см. Трифон*
Турская Р.С. 277
Турская Я.С. 277
Турский Л. 277
Тыминьский Ф. 198
Тыс-Крохмалюк Ю. 20, 29, 31, 32
Тышкевич 248, 249, 255, 256
Тютчевы 82

У

Углецкий А.П. 50
Улагай С.Г. 247
Ульвер 259
Ульвер Г. 259
Умала Бей 56
Унбегаун Б.О. 86
Урбанович С.Ф. 269, 277
Урбанская Т.И. 276
Урбанский Б. 277
Урбаняк З.М. 275
Урванцев А. 308
Устинова А.И. 270, 272
Ушаков А.С. 82

Ф

Фальковская Б.С 272
Фальковская Л.Ф. 273
Фальковский Э.Ф. 273
Фармаковский Б.В. 73
Фаусек 305
Фелина А.И. 273
Фёдоров С.И. 274
Фёдорова З.И. 275
Фёдорова Т.И. 274
Фелицын Е.Д. 201, 207, 311
Ферина А. 271
Фетер 244
Филипсон Г.И. 194, 195
Фолкнер У. 187
Фомин А.Д. 166
Фомина М.А. 166
Формор С. 255
Франтц И.Г. 251
Фридрих-Вильгельм IV 196
Фружинская В.П. 168
Фружинская Я.Л 168
Фружинский Л.В. 168
Фружинский Э.Л. 168
Фружинский Ю.Л. 168
Фунгалевич (Фугалевич) К.Ф. 251, 255, 256

Х

Халютины-Колечицкие 75, 82
Харазинские 97
Харботл Т. 23
Харитонов М.М. 50
Харитонов Я.И. 50
Хартошевич С.И., *см. Картошевич С.И.*
Хейденштейн Р. 8, 9
Хмельницкий Б. 18, 20, 21, 23–32, 79, 80
Ходзькевич В 70
Ходкевич А. 71
Ходкевич Я.К. 13, 17
Ходкевичи 71, 109
Холодковский Н.А. 303
Хондиус В. 35
Хотунцов П.С. 221
Хоцевич 199
Храповицкие 82, 83
Храповицкий А., *см. Антоний*

Хрипуновы-Дубенские 75
Хромецкие 97
Хрулев А.В. 153
Хубиев М. 225
Хуньяди Янош Корвин 96, 97
Хутов М. 227
Хшановские 97
Хшонщевский А. 70
Хычевские 97

Ц

Цабан В. 192
Цапов А.П. 202
Цезарь Г.Ю. 15
Цеслинский И. 62
Цетнерские 97
Цешковские 256
Цешковский Б.Д. 248–253, 255
Цешковский Е 251, 255
Цешковский И. 256
Цильвик В.Э. 275
Цильвик Г.Э. 276
Циолковская А.С. 54
Циолковская Л.С. 54
Циолковская М.С. 54
Циолковский В.С. 54
Циолковский Н.И. 54, 55
Циолковский Н С. 54
Циолковский С.Т. 50–55
Циолковский Ф.С. 54
Циолковский Я 50
Цыганок Л. 174

Ч

Чавчавадзе А.З. 247, 250
Чайковский 116
Чайковский М. (Садык Паша) 69
Чапиньский 155
Чаплинский В. 9
Чапский С. 259
Чапский Ю. 152
Чарнецкий С. 27, 34
Чарторыские (Чарторииские) 108
Чарторыский А.Е. 143
Чацкий А. 146
Чебанов В.Д. 90
Чебанов Д. 90
Чебанов С.В. 90
Чебанова А. 90
Чекатовский И.И. 256
Чепега З.А. 39–43, 189, 191
Червинский Я.П. 264, 266
Червякова О. 259
Черёмушникова Т. 175
Чернецкие 130
Черницкий (Чернецкий) М. 130
Чернов И.В. 53, 54
Черновский К. 59
Чернышёв Г.И. 131–134, 136, 137
Чернышёв Г.П. 130–132
Чернышёв Захар Григорьевич 109, 131, 132
Чернышёв Захар Григорьевич, декабрист 132–135, 138, 139
Чернышёв И.В. 130
Чернышёв И.Г. 131, 132, 139
Чернышёв (Черницкий) И.М. 130
Чернышёв П.Г. 131, 132, 136
Чернышёв П.З. 130
Чернышёва А.А. 131, 139
Чернышёва А.Г. 132, 133, 135
Чернышёва А.И., *см Плещеева А.И.*
Чернышёва В.Г. 132, 138
Чернышёва Е.А. 133
Чернышёва Е.Г. 132, 133, 138
Чернышёва Е.И., *см. Вадковская Е.И.*
Чернышёва Е.П. 132, 136
Чернышёва Надежда Григорьевна 132, 137, 138
Чернышёва Наталья Григорьевна 132, 138
Чернышёва Н.П. 132, 136
Чернышёва С.Г. 132, 134
Чернышёва-Кругликова С.Г., *см. Чернышёва С.Г.*
Чернышевский Н.Г. 302
Чернышёвы 129–133, 136, 138, 139
Чернышов А.И. 220
Чертков А.Д. 138
Черткова Е.Г., *см. Чернышёва Е.Г.*
Чертковы 133
Черчилль У. 154

Чубацкий Ф.Л. 275
Чу[щи]ч М.И. 276

Ш

Шавровские 97
Шавронские 97
Шагин И.В. 273
Шайда В.П. 274
Шайда Е.П. 276
Шайда М.П. 275
Шайда Э.А. 272
Шайнер Г.М. 171
Шалина В.В. 274
Шаль А. 259
Шаль С. 259
Шамиль 192, 193, 196, 212, 215–217
Шангхор 307
Шанинский 273
Шарамович 244
Шариуш Флориан 104
Шатохин В.И. 275
Шатохин Н.И. 274
Шатохина М.И. 272
Шафиров Б.П. 80
Шафиров П. 80
Швайковский С. 250, 256
Шварцбард С. 144
Швейковские 82
Шедловская К.В. 276
Шедловский С.М. 274
Шеин М.Б. 79
Шекспир У. 138
Шелковников 224
Шервуд И. 134
Шереметев Б.П. 34, 35
Шереметевы 133
Шерешевич А.А. 277
Шершневич С.А. 275
Шеховцов В.В. 174, 177, 178
Шехтман А. 312
Шидловская З.П. 275
Шидловский Ч.В. 275
Шимановские 97
Шимчак Я.С. 273
Шкуро В.И. 94
Шмидт М.И., *см. Шмидт М.Я.*
Шмидт М.Я. 269, 272
Шмидт Т.А. 269, 274
Шмидт Ю.А. 269, 274
Шмидт-Рыжовы 294
Шопен Ф. 175, 187
Шостакович Б.С. 66
Шпаковский П.И. 159, 160
Шпенглер О. 298
Шпиляревич И.Ф. 169
Шпиляревич Ф.К. 169
Шпиляревич Ю.А. 169
Штригель 224
Шуйский В., *см. Василий IV Шуйский*
Шуйский П. 8
Шулятикова 305
Шумевский Г.И. 274
Шхалахов Р. 249

Щ

Щвидеркувна А. 73
Щербина Ф.А. 143, 200–202, 207, 213
Щетиловский И.В. 50

Э

Эверсман Э.А. 51, 52
Эллениус, *см. Ивановский Е.*
Эльстоны 220
Энгельгардт 84
Энгельгардты 82, 83
Энцмай А.М. 274
Эразм Роттердамский 302
Эрастов С.И. 141
Эрслав В.К. 258
Эсмонты 82
Эссен (1-й) П.К. 51–53
Эфрос А.М. 292

Ю

Юргин В.И. 159
Юрковский М. 71
Юсуповы 133
Юхневич Н.А. 275
Юхневич П.А. 276
Юхневич Я.А. 276
Юхнович Г. 271
Юхнович Г.А. 273

Юхнович Я.А. 272
Юшневский А.П. 134

Я

Ягеллоны 7
Ягникова М.А. 159
Ягодзинские (Ягодынские) 97
Ядгаров С. 259
Яковлев А.Н. 162
Якс-Хамец И.М. 265
Ян II Казимир 16, 19, 23–25, 27, 29–31, 79, 82, 85, 103, 116
Ян III Собеский 15, 201
Ян из Живца 13
Ян из Замостья, *см. Замойский Я.*
Яник М. 66
Янковская Я.К., *см. Годзевич Я.К.*
Янковский К. 197
Яновские 82
Янц А. 87
Янц И. 87
Янц И. Яцкевич 87
Янц К. Гоздава 87
Янц (оф) С. 87
Янц Ф. Яцковский 87
Ярузельский В. 159
Ясижский 199
Яскевич Н.Е. 90
Ястшембскис 97
Яхолковские 97
Яцкевич Агата 88
Яцкевич Авксентий И. 90
Яцкевич Александр С. 90, 91
Яцкевич Андрей 88
Яцкевич Андрей Васильевич 94
Яцкевич Антон 88
Яцкевич В.А. 91, 94
Яцкевич В.В. 94
Яцкевич В.И. 90
Яцкевич В.М. 94
Яцкевич В.Н. 90
Яцкевич В.С. 88, 90
Яцкевич Г.В. 94
Яцкевич Г.М. 94
Яцкевич Г.Н. 90
Яцкевич Г.С. 88
Яцкевич Д.Ф. 94
Яцкевич Е.Г. 90
Яцкевич Е.Н. 90
Яцкевич Е.С. 88
Яцкевич Иван, сын И. Яцкевича Янца 87
Яцкевич Иван, сын Олехно 87
Яцкевич Иван Васильевич 88
Яцкевич Иван Викторович 90
Яцкевич Иван Владыка 86, 87
Яцкевич Иван Владычко 87
Яцкевич Иван Иванович 88, 89
Яцкевич Иван Иванович, внук В.М. Яцкевича 94
Яцкевич Иван Павлович 94
Яцкевич Иосиф Иванович 90
Яцкевич Иосиф Иосифович 90
Яцкевич Иосиф Сильвестрович 88, 90
Яцкевич К. 88
Яцкевич К.С. 88
Яцкевич Л. 88
Яцкевич М. 88
Яцкевич М.В. 90
Яцкевич М.И. 90
Яцкевич М.С. 88, 94
Яцкевич Н.В. 94
Яцкевич Н.И. 90
Яцкевич Н.П. 94
Яцкевич Н.С. 91
Яцкевич О. Борзобогатый 87
Яцкевич О.М. 94
Яцкевич П.М. 94
Яцкевич Савостьян 88
Яцкевич Семён, сын Олехно 87
Яцкевич Семён Авксентьсвич 90
Яцкевич Сильвестр Стефанович 88, 94
Яцкевич Стефан 88, 92
Яцкевич У. 88
Яцкевич Ф.И. 88, 89
Яцкевич Я. герба Гоздава 88
Яцкевичи 86
Яцковская В. 198

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук.
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет.
г. – год, город.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ГАКО – Государственный архив Кировской области.
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
ГАОрлО – *Государственный архив Орловской области.*
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
ГИАБ – Государственный исторический архив Белоруссии.
ГИМ – Государственный Исторический музей.
ГПУ – Главное политическое управление.
Д. – дело.
КГБ – Комитет государственной безопасности.
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына.
КОВ – Кубанские областные ведомости.
Л. – лист.
МВД – Министерство внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет.
НКВД – Народный Комиссариат внутренних дел.
ОблОНО – областной отдел народного образования.
ОГПУ – Объединённое Главное политическое управление.
ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области.
Оп. – опись.
ПМ КФЭЭ – Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции
ПНР – Польская Народная Республика
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РАН – Российская Академия наук.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РФ – Российская Федерация.
С. – страница.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
УВД – Управление внутренних дел.
УНКВД – Управление НКВД.
УП НКВД – Управление поселений НКВД.
Ф. – фонд.
ФИСМО – факультет истории, социологии и международных отношений.
ФСБ – Федеральная Служба Безопасности.
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).
ЮНРРА – Организация ООН по делам помощи и восстановления (англ. UNRRA – *United Nations Relief and Rehabilitation Administration*).

СПИСОК АВТОРОВ

Авраменко Анатолий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского госуниверситета.

Боголюбов Александр Александрович – член Союза поляков на Кавказских Минеральных Водах, аспирант кафедры истории стран Восточной Европы Института истории Гуманитарного факультета Университета им. Марии Склодовской-Кюри (г. Люблин).

Бридня Ольга Петровна – заместитель директора Филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в Краснодаре.

Вершигора Анатолий Дмитриевич – историк-краевед, г. Краснодар.

Гембура Кшиштоф – адъюнкт Института истории Академии Подляской в Седльцах (*Krzysztof Gębura – dr, adiunkt, Instytut Historii Akademii Podlaskiej w Siedlcach*).

Глушко Ольга Николаевна – выпускница Волгоградской академии государственной службы, член Волгоградской городской общественной организации Ассоциация польской культуры «Новая Кропля».

Долгодушев Сергей Юрьевич – заместитель председателя Правления Центра польской культуры «Наш Дом», г. Анапа.

Думин Станислав Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея, президент Российской генеалогической федерации, председатель Историко-Родословного Общества в Москве, герольдмейстер, управляющий Герольдией при Канцелярии Главы Российского Императорского Дома.

Жадан Виктор Андреевич – кандидат исторических наук, преподаватель Краснодарского музыкального училища им. Н.А. Римского-Корсакова.

Колесов Владимир Игоревич – старший научный сотрудник отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Кубанского госуниверситета.

Кукульский Ежи – профессор, доктор исторических наук, проректор Филиала Свентокжыской Академии в Пётркове Трыбунальском (*Jerzy Kukulski – prof. dr. hab., Filia Akademii Świętokrzyskiej w Piotrkowie Trybunalskim*).

Леусян Ольга Алексеевна – старший научный сотрудник отдела истории Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Масловская Анастасия Анатольевна – член Красноярской региональной национально-культурной автономии «Дом Польский», студентка исторического факультета Красноярского педагогического университета.

Матвеев Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского госуниверситета, старший научный сотрудник отдела фольклора и этнографии КГНТУ «Кубанский казачий хор».

Межва Эдвард Альфред – профессор, доктор исторических наук, директор Института истории Филиала Свентокжыской Академии в Пётркове Трыбунальском (*Edward Alfred Mierzwa – prof. dr. hab., Filia Akademii Świętokrzyskiej w Piotrkowie Trybunalskim*).

Петровский Александр Леонович – член Польского национально-культурного центра «Единство», редактор газеты «Польские ведомости» (г. Краснодар).

Подлевских Леонтий Геннадьевич – аспирант кафедры истории и краеведения Вятского государственного педагогического университета, старший инспектор учебного отдела Кировского филиала Академии Минюста России

Попова-Яцкевич Елена Гдальевна – член Русского генеалогического общества в Санкт-Петербурге, внештатный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга, заведующая библиотекой Дома мастеров спорта Санкт-Петербурга.

Радишевский Бронислав Иосифович – кандидат географических наук, член Правления «Полонии Дона», г. Ростов-на-Дону.

Ракачёв Вадим Николаевич – преподаватель кафедры новейшей истории Кубанского госуниверситета.

Селивановская Ванда Яковлевна – председатель Правления Оренбургского культурно-просветительского центра «Червонэ маки», учитель истории высшей категории.

Селицкий Александр Игоревич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Кубанского госуниверситета, председатель Правления Польского национально-культурного центра «Единство» в Краснодаре.

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Скаковский Ромуальд Францевич – кандидат технических наук, действительный член Дворянского собрания Кубани, почётный член Польского национально-культурного центра «Единство» в Краснодаре.

Солодовников Юрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, искусствовед, заместитель директора по научной работе Краснодарского краевого художественного музея им. А.Ф. Коваленко, доцент кафедры общественных дисциплин ККИДППО.

Софьина Вера Петровна – главный специалист департамента культуры Администрации Краснодарского края.

Телепень Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин Мозырьского государственного педагогического института.

Труханович Александр Павлович – старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского госуниверситета.

Фролов Борис Ефимович – заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Чумаченко Виктор Кириллович – кандидат филологических наук, доцент, директор научно-исследовательского центра, заведующий кафедрой литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

Шеховцов Виктор Викторович – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобиле- и тракторостроения Волгоградского государственного технического университета, председатель Правления Волгоградской городской общественной организации Ассоциация польской культуры «Новая Кропля».

Шкуро Владимир Ильич – главный специалист Государственного архива Краснодарского края, историограф Дворянского собрания Кубани.

Ясинский Игорь Эдуардович – писатель, журналист, член Союза российских писателей, член Польского национально-культурного центра «Единство» в Краснодаре.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, РУССКИЕ И ПОЛЬША

Эдвард Альфред Межва *(г. Пётркув Трыбунальский).*
Россия и российские дела в польской историографии второй половины XVI – первой половины XVII в. 7

Анатолий Авраменко *(г. Краснодар).*
Битва при Берестечко (1651 г.): проблемы картографирования 18

Анастасия Масловская *(г. Красноярск).*
Диалог искусств России и Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. 33

Борис Фролов *(г. Краснодар).*
Черноморские казаки в Польском походе 1794–1795 гг. 39

Ежи Кукульский *(г. Пётркув Трыбунальский).*
Распределение майоратных имений в Царстве Польском как элемент антипольской политики царизма 44

Владимир Семёнов *(г. Оренбург).*
Генералы-поляки С.Т. Циолковский и П.И. Рокасовский на службе в российской армии и Оренбуржье 50

Леонтий Подлевских *(г. Киров).*
Польская политическая ссылка 30-х и 60–70-х гг. XIX в. в Вятской губернии: сравнительный анализ 58

Кшиштоф Гембура *(г. Люблин).*
Вклад поляков в России в исследование античной культуры (до 1914 г.) ... 68

Станислав Думин *(г. Москва).*
Смоленская шляхта и её судьбы 74

Елена Попова-Яцкевич *(г. Санкт-Петербург).*
Польская шляхта в России: род Яцкевичей герба Гоздава 86

Александр Петровский *(г. Краснодар).*
Герб Корвин: легенда и история 95

Ромуальд Скаковский *(г. Краснодар).*
Польская топонимика и шляхетские фамилии 100

Александр Селицкий *(г. Краснодар).*
Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи 105

Вера Софьина *(г. Краснодар).*
Портреты и судьбы (из семейной истории Вадковских и Чернышёвых) .. 129

Виктор Чумаченко *(г. Краснодар).*
Польская тема в публицистике Симона Петлюры кубанского периода ... 140

Сергей Телепень *(г. Гомель – г. Мозырь).*
Поляки в белорусской культуре: культуртрегерство или антирусская интрига? 145

Ванда Селивановская *(г. Оренбург).*
Белые пятна истории. Польская армия Владислава Андерса: от Бузулука до Монте-Кассино 148

Бронислав Радишевский *(г. Ростов-на-Дону).*
Славный путь Войска Польского 157

Ванда Селивановская *(г. Оренбург).*
Польские граждане – жертвы сталинских репрессий (к проблеме реабилитации польского национального меньшинства в России) 161

Виктор Шеховцов *(г. Волгоград).*
Полония Волгограда 173

Ольга Глушко *(г. Волгоград).*
О взаимодействии русской и польской культуры в XX в. 186

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Владимир Шкуро *(г. Краснодар).*
Сын шляхтича Пётр Григорьевич Бурнос – третий в ряду кубанских георгиевских кавалеров 189

Александр Боголюбов *(г. Пятигорск – г. Люблин).*
Марцелин Матвеевич Ольшевский – гражданский губернатор Кавказской области в 1844–1846 гг. 192

Олег Матвеев *(г. Краснодар).*
«Рыцарь в полном смысле этого слова...»: Ф.А. Круковский в исторической памяти кубанского казачества 200

Анатолий Вершигора *(г. Краснодар).*
Генерал-майор Н.Г. Петрусевич – начальник Эльбрусского военно-народного округа (1865–1870 гг.) 220

Виктор Жадан *(г. Краснодар).*
Иосиф Викентьевич Бентковский – исследователь Северного Кавказа 228

Сергей Долгодушев *(г. Анапа).*
Основатель анапского курорта – Владимир Адольфович Будзинский ... 233

Александр Труханович *(г. Краснодар).*
Поляки на Кубани в конце XIX – начале XX в. (опыт этносоциологического анализа) 238

Ольга Леусян *(г. Краснодар).*
«День Польши» в Екатеринодаре в ноябре 1914 г. 243

Анатолий Вершигора *(г. Краснодар).*
Офицеры польского происхождения в Черкесском конном полку (1914–1917 гг.) 246

Владимир Колесов *(г. Краснодар).*
Польские национальные школы в Кубано-Черноморской области: образование и идентичность 257

Ольга Бридня *(г. Краснодар).*
Польские этюды: поляки на Кубани в XIX–XX вв. 260

Вадим Ракачёв *(г. Краснодар).*
Поляки на Кубани: демографический аспект 278

Юрий Солодовников *(г. Краснодар).*
К проблеме изучения биографии профессора Р.К. Войцика 286

Игорь Ясинский *(г. Краснодар).*
Кубанский целитель – Станислав Владимирович Очаповский 301

Именной указатель 315

Список сокращений 334

Список авторов 335

Научное издание

ПОЛЯКИ В РОССИИ: XVII–XX ВВ.

Редактор Т. В. Шилова

ЛР № 020378 от 21.01.97 г.

Сдано в набор 27.08.03. Подписано в печать 8.09.03.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 26,2. Усл. печ. л. 21,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 38/2003.
Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

ПЛД № 47–52
Типография ГУП «Кубанькино»
350000 г. Краснодар, ул. Ленина, 89.

Воспитанники Афипского детского дома (снимок 1944 г.).

На 4-й стр. обложки

Плакат «Екатеринодар – Польше» (1914 г.).

Из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Фелицина.

Выручкѣ Польшѣ.

21 и 22 ноября 1914 г.

Г. Екатеринодаръ.

ВРАГЪ ЖЕСТОКЪ! Война не щадитъ ни дѣтей, ни дѣвушекъ, ни священниковъ, ни мирныхъ селъ, ни богатыхъ городъ!

21 и 22 ноября 1914 г.

Г. Екатеринодаръ.

Екатеринодаръ—Польшѣ.

Почти четыре мѣсяца идетъ невиданная великая война между народами, борьба поглощающая сотни тысячъ человѣческихъ жизней, опустошающая цѣлыя страны и области, разрушающая цвѣтущіе города и селенія!

Живущіе въ дали отъ военныхъ дѣйствій мы не знаемъ всѣхъ ужасовъ войны, мы не видимъ ихъ своими глазами и не воспринимаемъ ихъ всей душой, не переживаемъ ихъ.

Не то въ Польшѣ, въ томъ краю Великой Россіи, гдѣ теперь рѣшаются судьбы народовъ Европы, гдѣ славные русскіе полки—дѣти всѣхъ народностей Россіи—мужественно бороться съ жестокимъ и сильнымъ врагомъ.

Польскій Край, какъ наша Малороссія, красивый, зеленый край. Онъ весь въ лѣсахъ и рощахъ, тамъ масса красивыхъ и богатыхъ усадьбъ, хуторовъ и селъ. Польскій Край, промышленный и энергичный. Въ его городахъ гудятъ фабричные свистки и идутъ на работу сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ; въ его городахъ безчисленны мастерскія и съ ранняго утра и до поздней ночи въ нихъ работаютъ не разгибаясь и не ропща. Польскій Край—дѣятельный и работящій!

Но пришли нѣмецкіе солдаты, пришла война и подъ грохотъ пушекъ загорѣлись красивые и богатые села и хутора, лежатъ въ развалинахъ богатые промышленные города, остановилась вся кипучая жизнь земледѣльцевъ и рабочаго люда и все населеніе Польскаго Края или бѣжало вглубь Россіи или скитается по разрушеннымъ и опустошеннымъ селамъ и лѣсамъ.

Огромное количество жилищъ сожжено, во многихъ селеніяхъ не уцѣлѣло ни домовъ, ни хозяйственныхъ построекъ, ни хлѣба, ни кормовъ, ни соломы. Всюду потоптанныя неубранныя поля, почти у всѣхъ отобранъ весь скотъ, разграблено все имущество...

Бѣгущіе изъ разрушенныхъ нѣмцами мѣстечекъ и съ ними все, что у нихъ осталось отъ ихъ хозяйства и имущества.

Тамъ тысячи убитыхъ, тамъ семьи безъ отцовъ, тамъ дѣти безъ родителей!

Поймите все это!

Была семья, былъ домъ, была работа, былъ кусокъ хлѣба, была спокойная рабочая жизнь!

Но пришли нѣмецкіе солдаты, и ужасъ вражескаго нашествія и разоренія царитъ во всемъ краѣ, тамъ голодаютъ бѣжавшіе изъ розоренныхъ гнѣздъ, тамъ суровая, холодная зима и морозъ косятъ свои слабыя жертвы.

Улица цвѣтущаго города, разрушеннаго нѣмецкими войсками.

Возродить изъ пепла сожженныя деревни и города—это долгъ русскаго государства, долгъ всей страны.

Нашъ долгъ подѣлиться хлѣбомъ, укрыть отъ зимней стужи и спасти для будущей обновленной Польши ея дѣтей, ея честныхъ работниковъ и работницъ.

Это нашъ долгъ, это голосъ нашей совѣсти.

21 и 22 го ноября 1914 г. въ г. Екатеринодарѣ будетъ по примѣру другихъ городовъ устроенъ сборъ въ помощь пострадавшему населенію Польши.

Граждане! Щедрой рукой помогите тѣмъ, кто принялъ на себя ударъ враговъ, помогите разореннымъ семьямъ трудящагося населенія Польши.

Дѣти! Скажите это своимъ отцамъ и матерямъ и о васъ со слезами и съ благодарностью будутъ вспоминать дѣти крестьянъ и рабочихъ Польши.

Развалины церкви, разрушенной нѣмецкой артиллеріей.

Кругомъ опустѣвшихъ улицъ—только голыя стѣны да трубы!
Разрушенный богатый городъ обнаруженъ нѣмцами. Тысячи семьямъ съ большими выгнаны, одѣтыми обнаружены съ пулеметами.